ИСКУССТВО КИНО 9/10
№9/10 2020 www.kinoart.ru

ЖДИТЕ ОТВЕТА

Новый номер посвящен сценариям и кинопрозе. Неожиданно. Такое решение инициировано не только локдауном, по существу непреодоленным, но концептуально. В редакции тему номера мы назвали «бумажное кино». По аналогии с бумажной архитектурой знаменитых авторов, создавших исключительное по мышлению и свободе направление, жанр и род, расширившие мир их привычных занятий и умений.

Сценарии номера еще не превратились в фильмы. Некоторые из них ждут такой участи. Другим по разным причинам эта перспектива не угрожает.

Разнообразие и текстура публикуемых материалов – свидетельство необычных кинопроб известных режиссеров, сценаристов и пока незнакомых писателей.

Александр Зельдович с **Владимиром Сорокиным** осваивают пространство и время si-fi, визионерствуя наотмашь и без оглядки на образцы популярных изделий такого свойства.

Любовь Мульменко не отклоняется от повседневной реальности, однако в натурализме ее не упрекнешь.

Алексей Мизгирёв задумал сериал про Ленина, что совсем не смущает, а подогревает затаенные мотивации его броска в исторические документы.

Михаил Сегал продолжает полировать излюбленный жанр анекдота, подобающего хронотопу короткого метра.

Алексей Федорченко верен интересу к советским 20-30-м годам и сочинил оммаж Юрию Олеше.

Известный не в узких кругах театральный режиссер-экспериментатор **Андрей Стадников** предъявил новаторский текст, актуальный по сюжету, энигматичный по форме.

Бакур Бакурадзе поделился поставангардным опусом про отношения мужчины и женщины.

Студенты мастерской Евгении Некрасовой, чьи сценарии публиковались в «ИК», представили этюды на заданный мотив «Возвращение домой». Эта живая проза, пробующая слово на слух и глаз, вполне может стать основой и для кинематографических опытов.

И наконец, **Пулат Ахматов**, участник и один из победителей сценарного конкурса журнала «Личное дело»-2018, приглашает к прочтению страстного эпического текста с камерной интригой.

«Бумажное кино» взывает к читательскому воображению, к пробуждению иных тактильных связей, что, как мы уверены, необходимо для восприятия кино на пленке и на «цифре».

На первой странице обложки: Дмитрий Александрович Пригов. Стихограмма. *Собрание семьи художника & Фонд Дмитрия Александровича Пригова*

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

5 МИХАИЛ СЕГАЛ
ИВАНОВА-ИВАНОВА
Сценарий короткометражного фильма

12 ВЛАДИМИР СОРОКИН, АЛЕКСАНДР ЗЕЛЬДОВИЧ
ТЕСТО
Сценарий

62 АЛЕКСАНДР ЗЕЛЬДОВИЧ, ВЛАДИМИР СОРОКИН
ХАОС
Заявка на сценарий

74 ЛЮБОВЬ МУЛЬМЕНКО
БАРСУК
Сценарий

111 **ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. АНТОЛОГИЯ:**

112 ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

121 АННА ШИПИЛОВА
ДОМОЙ

128 ИЛЬЯ МАМАЕВ-НАЙЛЗ
НИКТО

134 АЛЬБИНА ЗАВЕРТКИНА
ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

136 МАРИЯ ТОЛМАЧЁВА
ЗАВЕЩАНИЕ

142 МАРИНА ВЫРСКАЯ
КОРОБЕЙНИК

153 ДИАНА ЯНБАРИСОВА
ОШИБКА

161 АЛЕСЯ АТРОЩЕНКО
ВНУТРИ

166 АЛЕКСАНДР МАМКИН
ДИМА-ОТМОРОЗОК

170 ИННА КРАСНОПЕР
В ТОТ ДВОР

176 ЯНА ЮХАЛОВА
ВЕРА

183 БАКУР БАКУРАДЗЕ
КВАРТИРА
Сценарий

212 АНДРЕЙ СТАДНИКОВ
ПОБЕДИТЕЛИ
Сценарий

228 ПУЛАТ АХМАТОВ
ПОЛОВОДЬЕ
Сценарий

302 АЛЕКСЕЙ ФЕДОРЧЕНКО
ПРЕСТУПЛЕНИЕ НИКОЛАЯ КАВАЛЕРОВА
Сценарий

332 АЛЕКСЕЙ МИЗГИРЁВ
ЛЕНИН
Сценарий

Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и С л о в о было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и С Л О В О было Бог
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и СС ЛЛ ОО ВВ ОО было Бог
Вначале было Слово, и СЛОВО было у Бога, и С С Л Л О О В В О О
Вначале было Слово, и С Л О В О было у Бог С С Л Л О О В В О О
Вначале было Слово, и С Л О В О Бог С С Л Л О О В В О О
Вначале было Слово СС ЛЛ ОО ВВ ОО ог С С Л Л О О В В О О
Вначале было Слово С С Л Л О О В В С С Л Л О О В В О О
Вначале было Слово С С С Л Л Л О О О В В В О О О В В В О О О
Вначале было Слово С С С Л Л Л О О О В В В В В В О О О
Вначале было Слово С Л В О
Вначале было СЛОВО С Л В О
Вначале было С Л О В О С Л В О
Вначале СС ЛЛ ОО ВВ ОО С Л В О
Вначале С С Л Л О О В В О О Л В О
Вначале С С С Л Л Л О О О В В В О О О В О
Вначале С С С Л Л Л О О О В В В О О О О
СССССС ЛЛЛЛЛЛЛЛ ОООООООО ВВВВВВВВ ОООООО
С Л О В О
лСл сЛо лОв оВо вО
олСло лсЛо слОво лоВос овО
волСлов олсЛов лслОво слоВосл лов О
оволСлово волсЛово олслОвосл лслоВослов слов О
оволСловосл соволсЛовосл оволслОвослов олслоВословос лслов О
оволСловословосоволсоволсЛовословолсоволслОвословосолслоВословослолслов О
ОВОЛСЛОВОСЛОВОСОВОЛСОВОЛСЛОВОСЛОВОЛСОВОЛСЛОВОСЛОВОСОЛСЛОВОСЛОВОСЛОЛОСОВО
СЛОВОСЛОВОСВЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛОВОСЛО
СЛОВОЕЛ ВОСЛ ОСЛОЛ О ЛОВОС ОВОС О ОСЛО С ОВОСЛ ВОСЛ ВОС ВОСЛОВОСЛОВОСЛО
ВНОВОСЛ БЫСЛ СЛЛОЛ И СЛВОС БЫОС У БОЛО И СЛОСЛ БЫСЛ БОС ОСЛОВОСЛОВОСЛО
ВНАЧВОЛ БЫЛЛ СЛООЛ И СЛООС БЫЛС У БОГО И СЛОСЛ БЫЛЛ БОС СЛОВОСЛОВОСЛО
ВНАЧАОЛ БЫЛО СЛОВЛ И СЛОВС БЫЛОУ БОГА И СЛОВЛ БЫЛО БОГ ЛОВОСЛОВОСЛО
ВНАЧАЛЛ БЫЛО СЛОВО И СЛОВО БЫЛО У БОГА И СЛОВО БЫЛО БОГ ОВОСЛОВОСЛО
ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО И СЛОВО БЫЛО У БОГА И СЛОВО БЫЛО БОГ ВОСЛОВОСЛО
ВНАЧАЛАЕБЫЛО СЛОВОЄ И СЛОВО БЫЛО У БОГАЄ И СЛОВО БЫЛО БОГ ОСЛОВОСЛО
Вначале Было Слово, и Слово Было у Бога, и Слово Было Бог СловоСлов
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог ловоСлов
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог овоСлов
Внвчале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог воСлов
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог оСлов
Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог Слов

Михаил Сегал

ИВАНОВА-ИВАНОВА

Сценарий короткометражного фильма

Иногда записываешь идеи в блокнот просто в виде заготовок. Это может быть завязка истории, шутка или просто мысль, которая неизвестно чем станет: сюжетом, деталью в кино, мыслью героя, если это проза. А иногда бывает так, что записываешь идею сразу в форме произведения. Формально возникает это самое небольшое произведение (сценарий короткого метра или рассказ), но функционально оно не перестает быть заметкой на полях, просто стимуляцией работы мозга для чего-то следующего, большего. Так художник может делать десять, тридцать набросков и даже законченных рисунков какого-то объекта, но потом мы увидим на его большой картине финальное воплощение идеи, поймем, для чего он разминал свой мозг и свою руку. Так однажды мне пришла идея этой абсурдистский истории, и я мог бы записать ее просто как идею, но записал в виде небольшого сценария. Посмотрим, когда и как это пригодится.

Михаил Сегал

←
Дмитрий Александрович Пригов. Стихограмма.
Собрание семьи художника & Фонд Дмитрия Александровича Пригова

Квартира девушки. Комната. Ночь

Экран лампового телевизора. На экране крупным планом Горбачев. Слышен бой курантов.

Горбачев. Дорогие товарищи! Прошел еще один год. Год преобразований и изменений. А что такое, товарищи, преобразования и изменения? Это надежда на то, что в дальнейшем все будет еще лучше.

Горбачев продолжает говорить, но к звону курантов подмешиваются тихо звучащая песня в исполнении Боярского и стоны парня и девушки, занимающихся сексом.

Горбачев. Каждый в это мгновение задается главными вопросами…

Крупный план над простыней. Видны только две головы в профиль и плечи.

Парень и девушка занимаются сексом. Откуда-то извне, с внешней стороны простыни, продолжает свою новогоднюю речь Горбачев. Парень все активнее. Темп нарастает.

Парень (*почти кричит*). Ты меня любишь?

Снова экран телевизора с Горбачевым.

Горбачев. И все мы надеемся, что радикальные изменения войдут в нашу жизнь и изменят нашу жизнь, товарищи!

Парень и девушка под простыней. Продолжают. Парень все активнее.

Парень (*кричит*). Любишь меня?!!

Комната. Впервые мы видим то, что находится во «внешнем» мире, то есть не под простыней: трясутся на столе мандарины в хрустальной вазе, салаты, шампанское, бокалы, гирлянда на елке. Телевизор виден уже на общем плане. На тумбе стоит проигрыватель, на нем крутится пластинка Боярского.

Слышны стоны.

Парень (*под простыней*). Выйдешь за меня?!! Выйдешь за меня?!!

Девушка. Дааа!!!

Трясется пятиконечная звезда на елке. Горбачев вещает. Боярский подходит к кульминации песни. Стоны.

Парень (*под простыней*). Возьмешь мою фамилию?

Девушка. Даааа!!!

Стон обоюдного оргазма. В телевизоре Горбачев.

Затем кадр от работающего телевизора в сторону кровати, где укрытая с головами простыней находится парочка.

Голос Горбачева (*из телевизора*). Ну вот все и наступило, дорогие товарищи…

Два профиля. Парень и девушка с блаженными улыбками на лице. Нежно целуют друг друга.

Голос Горбачева (*из телевизора*). …и каждый из нас ждет чего-то нового, не хочет стоять на месте, ждет движения вперед, ждет перемен!

Девушка. Слушай, а… для чего менять фамилию?

Музыкальная школа

Зимний день. Класс украшен к Новому году. Посреди класса за пианино сидит девочка, ученица, играет тему песни Боярского. Рядом сидит учительница – наша девушка, героиня. Чьи-то руки в коридоре школы вешают на стену календарь: «1991».

ЗАГС. Январское утро

Парень и девушка сидят перед женщиной, принимающей заявления.

Женщина. А для чего менять фамилию?

Молодые люди молчат. Девушка смотрит на парня.

Женщина. Ребят, вы хорошо подумали? Просто это ведь лишено смысла.

Новогодняя ночь после секса. Постель. Воспоминание

Парень и девушка в кровати.

Парень. Как лишено смысла? Ты что, ничего не понимаешь?

Девушка. Ну смотри… Я же Иванова…

Парень. Да.

На стене висит плакат, где изображен наш парень, главный герой: он чемпион по боксу. Это календарь за 1990 год. На нем написано: Иван Иванов.

Девушка. И ты Иванов…

ЗАГС

Парень (*отвечая женщине*). Да!

Женщина. Ну… Извините, конечно, но получается, что вы потратите кучу времени, нервов, переоформите паспорт и все документы на новую фамилию и…

Новогодняя ночь после секса. Постель. Воспоминание

Девушка. …И это будет та же фамилия.

Парень (*после паузы*). Ты меня любишь?

Девушка. Да.

Парень. Ты русский человек?

Девушка. Да.

Парень. А русского языка не понимаешь… Ты вообще ничего не понимаешь?.. Мне важно, чтобы ты носила мою фамилию! Мою! А то, что они одинаковые, не имеет никакого значения. Ты станешь моей женой, понимаешь, моей!

ЗАГС

Девушка (*женщине*). Понимаете?

Женщина. Нет.

Новогодняя ночь после секса. Постель. Воспоминание

Парень. Вот смотри. Ты была И-ва-но-ва, а станешь И-ва-но-ва. Да, в паспорте будут те же буквы, но это уже другое, другая Иванова.

←

Горбачев (*в телевизоре*). Радикальные осмысленные процессы по изменениям в реальной жизни…

ЗАГС

Девушка (*женщине*). Я была И-ва-но-ва, а стану И-ва-но-ва.

Женщина. Ну ребята… Ладно… Вы молодые… Вам жить… Приходите через месяц.

Музыкальная школа. Январский день

Девушка (героиня) сидит рядом с маленьким мальчиком, ставит ему руку. Мальчик играет тему песни Боярского.

Вид на микрорайоны с верхней точки

Скучный зимний день. Звучит музыка.

Заканчивается.

Музыкальная школа

Урок с мальчиком уже закончился. Девушка сидит рядом с пожилой женщиной, директором.

Директор. Машенька, дорогая моя (*обнимаются, чуть не плачут от радости*). Все будет хорошо, он парень надежный. А как тебе вообще эти Ивановы?

Девушка. Они очень хорошие… Просто я волнуюсь… Боюсь чего-то.

Квартира парня

Парень с родителями.

Отец. Ну а что Ивановы? Тебе с ними жить.

Мать. Я Ивановых знаю, очень хорошая семья.

ЗАГС

Парень и девушка в свадебных костюмах. За ними родственники и свидетели. Нарядно одетая женщина стоит с красной папкой, она только что закончила речь. Папка захлопнулась. Парень и девушка расписываются, целуются.

Звучит Мендельсон. Все радуются, хлопают, пьют шампанское.

Вид на микрорайоны с верхней точки

Скучный зимний день.

Квартира девушки. Под простыней. Ночь

Два профиля. Парень и девушка. Занимаются сексом.

Паспортный стол. Коридор

Девушка в очереди.

Паспортный стол. Кабинет

Девушка сидит перед паспортисткой.

Паспортистка. Необычный случай.

Девушка скромно опускает глаза.

Паспортистка. Пишите заявление, будем менять фамилию, паспорт… Это, конечно, не быстро… Тут много работы… Придется побегать по инстанциям… случай нестандартный…

Девушка выходит. Женщина поднимает трубку телефона.

КГБ. Кабинет

Офицер за столом. За спиной у него портреты Дзержинского и Андропова. Офицер берет трубку.

Улица

Девушка идет по улице.

Поликлиника. Кабинет

Девушка с папкой бумаг сидит перед врачом. Врач смотрит на девушку, крутит в руках заявление.

Врач. Охота вам все документы менять…

Гаишная площадка с машинами, затем – кабинет гаишника

Гаишник крутит в руках заявление.

Гаишник. Недавно же только у меня права получали…

Улица

Девушка идет по улице.

Квартира

Короткая нарезка рутинной жизни. Молодые едят на кухне. Занимаются сексом. Снова едят на кухне. Сидят на лавке у дома.

Двор. Детская площадка

Девушка идет домой, к ней подходит офицер КГБ в штатском.

Офицер. Здравствуйте. Вы Иванова?

Девушка. Иванова!

Офицер (*показывает удостоверение*). Нужно побеседовать.

КГБ. Кабинет

Офицер за столом, за его спиной портреты Дзержинского и Андропова. Вокруг стола еще несколько офицеров – случай ответственный.

Офицер. В этом же нет смысла.

Девушка. Ну просто я очень его люблю… Я была Иванова, а стану Иванова.

Офицер. И в чем подвох?

Девушка только улыбается в ответ. Офицеры напряженно молчат. Переглядываются.

Офицер. Вам, конечно, повезло, что сейчас у нас кардинальные перемены…

Берет трубку телефона, набирает номер.

Паспортный стол. Кабинет

Девушка сидит перед паспортисткой. Паспортистка ставит печать.

Улица

Девушка идет по городу.

Нарезка. *Чиновники во всех кабинетах, где была девушка со своими бумагами, ставят печати на эти бумаги.*

Квартира молодоженов. Постель

Они с восхищением рассматривают паспорта. Целуются.

Панорама летнего микрорайона

Наступило лето. Скучный день.

Квартира молодоженов. Кухня

Едят. Скучно.

Двор

Парень и девушка сидят на лавке.

Квартира молодоженов

Скучный секс. Работает телевизор: пресс-конференция ГКЧП, кадры с московских улиц, люди, танки…

Едят. Скучно. За окном гуляют собаки и какие-то бессмысленные дети.

ЗАГС

Парень и девушка сидят перед женщиной.

Женщина. Ну ребята… Года не прошло… Хорошо подумали?

Парень и девушка угрюмо то ли молчат, то ли еле кивают.

Женщина (*девушке*). Фамилию менять будете?

Выход из ЗАГСа

Молодые снимают кольца и расходятся в разные стороны.

Паспортный стол. Коридор

Девушка в очереди.

Паспортный стол. Кабинет

Паспортистка. Я вас помню, вы уже приходили. Фамилию обратно менять?

Девушка кивает.

Кабинет гаишника

Девушка сидит перед гаишником. Он рассматривает бумаги. Пожимает плечами. Поднимает трубку телефона.

Поликлиника. Кабинет

Врачи рассматривают бумаги. Врач поднимает трубку телефона.

Улица

Девушка идет по улице. К ней подходит офицер, показывает удостоверение.

КГБ. Кабинет

Девушка в кабинете. За спиной у офицера портреты Андропова и Дзержинского. Рядом стоят и другие офицеры. Ничего непонятно, случай ответственный. Офицер внимательно всматривается в девушку. Она начинает плакать. Он ничего не понимает, его все достало. Офицер выдыхает, поднимает трубку телефона.

Нарезка. *Паспортистка, врачи, гаишник – все, кто только что рассматривал бумаги и думал, подписать или нет, находясь в своих кабинетах, ставят штампы.*

И снова зима. Начинает звучать тема песни Боярского на фортепьяно.

Музыкальная школа

Девушка сидит одна и играет эту тему.

На глазах слезы. Заходит пожилая женщина-директор и вешает на стену новый календарь: «1992».

Квартира девушки

Продолжает звучать музыка. Девушка забирается под одеяло. Она напряжена, сосредоточенна, словно каменная.

Стол. Мандарины, бокалы, салат, елка. Но предметы уже не дрожат от секса – девушка одна. Совсем одна. Только крутится пластинка с Боярским.

Под одеялом. Девушка начинает плакать.

Общий план комнаты: от работающего телевизора на кровать. В комнате видна наряженная елка. Девушка плачет, накрытая одеялом. На елке красуется звезда. За окном вымерший, готовящийся отмечать Новый год город. В телевизоре Ельцин на фоне Кремля. Падает снежок.

Ельцин. Дорогие россияне! Прошел еще один год. Год принципиальных преобразований и изменений. И мы знаем, что все эти изменения носили осмысленный, продуктивный характер и вели наше общество вперед, к процветанию, еще большему, еще более глубинному смыслу. ◆

2016

Владимир Сорокин, Александр Зельдович

ТЕСТО

Сценарий

Мы с Владимиром Сорокиным написали два сценария, которые я потом поставил: «Москва» и «Мишень». Наше сотрудничество длилось почти двадцать лет, не все наши сценарные замыслы были реализованы. Не исключаю, что не все и должны были быть.

Обе публикуемые сегодня в «ИК» работы — незавершенные. «Хаос» — заявка; «Тесто» — первый драфт пробы в жанре научной фантастики, попытка чуть сдвинуть художественную картину мира в сторону ее реальной сложности, где реальное — не реализм XIX века, а сегодняшнее понимание мироустройства и места человека в этой сложности. Это «сегодняшнее миропонимание» непросто визуализировать даже на уровне сценария, а в нашей индустрии невозможно воплотить и экономически. При том, что, пускаясь в такое плавание, ты плывешь не один в собственной лодке, а в трюме, плотно набитом авторами предыдущих попыток. Забыть об этом тоже невозможно, делать вид в толпе, что загораешь у бассейна на яхте, нелепо. В этом жанре ты обречен на трэш — в сущности, современный лубок.

Тем не менее я уверен, что мир так и устроен: что он вертится вокруг человека и человек может управлять им, для чего надо лишь правильно влюбиться и синхронно с объектом чувства помешивать сахар в чашке. Это про «Хаос».

Да, и можно будет скорее рано, чем поздно, создать рукотворного бога, чтобы затем пытаться его подделывать, портить, заражать вирусами и в результате разбудить в нем желание самоубийства. Что он и сделает, оставив человечество в очередной раз в одиночестве, наедине с собой и необходимостью и возможностью разглядеть Бога настоящего. Это про «Тесто».

Александр Зельдович

1

Здание европейского оперного театра. Вечер, падает мокрый снег. Возле театра оживление, публика пришла на постановку оперы Рихарда Вагнера «Гибель богов». К служебному входу подъезжает джип, из него быстро выходит полный господин средних лет в длинном пальто, явно музыкант. Это Саймон. Торопясь, он вынимает из машины белый футляр для контрабаса, машет водителю, входит в театр.

2

Саймон с контрабасом, кряхтя и бормоча что-то, проходит через дверь безопасности.

Саймон (*с обидой показывает охраннику бейджик*). Черт возьми, ведь раньше я умел не опаздывать!

Охранник. Успевает тот, кто никуда не торопится.

Саймон. Старость, а? Бренное тело, а? Время менять потроха и шарниры?

Охранник. Или профессию?

Саймон (*смеется*). À propos!

Охранник. С премьерой вас.

Саймон. И вас тоже. Спасибо.

Саймон с футляром почти бежит по служебному коридору, сворачивает, сталкивается с работниками театра и сцены, бормоча извинения. Снова сворачивает, прикладывает к двери кусочек *теста*. Дверь отворяется. Он входит в помещение. Это небольшая театральная гардеробная. Он сбрасывает пальто, остается во фраке. Из рукава вытягивает *тесто,* натягивает его на спину какого-то висящего костюма, сам садится напротив на стул, закуривает. В *тесте* возникает изображение зрительного зала театра. Гаснет свет, начинается опера. Саймон закуривает.

Саймон. Мистер Раз? Мистер Два? Мистер Три? Мистер Четыре? Мистер Пять?

На *тесте* возникают изображения пятерых мужчин. Они сидят в разных местах зала.

Один из них наводит бинокль на ложу. В ложе сидят двое мужчин с двумя женщинами.

Саймон (*напевает*). I'm waiting for someone to come out of somewhere…

Опера продолжается. Третье, последнее действие. На сцене Хаген пронзает копьем Зигфрида в спину. В ложу к двум мужчинам заходят еще двое, садятся.

Саймон. Раз, два, три, четыре, пять. Детки, Санта-Клаус едет на мамонте. Готовьте носочки для подарков!

Двое в ложе переговариваются шепотом, прикрывая рты ладонями. Один из них дает другому, худощавому, шарик из *теста*. У худощавого в мочке уха затейливая серьга. Лысый кивает худощавому. Худощавый

и еще один мужчина встают, покидают ложу. Лысый и его помощник остаются сидеть.

Саймон (*командует*). Раз, два, три, четыре, пять!

Подождав немного, четверо подручных Саймона неспешно покидают зал.

3

Худощавый мужчина и его спутник выходят из зала, подходят к двери, ведущей в служебную часть театра. Худощавый прикладывает к двери кусочек *теста,* открывает. Они входят, идут по коридору, открывают еще одну дверь, оказываются в персональной актерской гримерной. Здесь зеркало, стулья, стол и небольшой монитор, на котором транслируется опера. Худощавый выдвигает на середину комнаты кофр, открывает. В кофре лежат брикеты *теста.*

Худощавый. Мы должны встречаться в актерской гримерной?

Саймон. Потому что это одно из тех редких сегодня мест, где нет камер наблюдения. По закону. И тут тепло.

Худощавый (*достает брикет*). Будете проверять?

Падает перегородка, отделяющая гримерную от гардеробной.

Саймон. Будем.

Подручные Саймона быстро убивают двух мужчин. Саймон открывает свой футляр контрабаса. Внутри футляра машина, похожая на ксерокс. Это утилизатор – наноаппарат, перерабатывающий любое вещество в молекулярные хлопья. Подручный активирует утилизатор, открывает его раструб. Саймон берет брикет *теста*, разглядывает с явным неудовольствием, подносит зажигалку, поджигает. *Тесто* не реагирует на пламя.

Саймон (*прикуривает от зажигалки; со злой усмешкой*). Совершенствуются, гниды… (*Поднимает глаза, словно показывая брикет Всевидящему Оку.*) А ты говоришь, белые одежды…

Кидает брикет в раструб утилизатора. Из утилизатора сыплются темно-серые хлопья. Саймон кивает подручным. Они ловко забрасывают в утилизатор все брикеты из кофра. Куча серых хлопьев растет на полу гримерной. Саймон выдергивает серьгу из уха убитого худощавого мужчины, убирает в карман. Делает знак подручным. Те подхватывают труп худощавого, запихивают его в раструб утилизатора. Убитый постепенно исчезает в раструбе, перерабатываясь в серые хлопья. Так же поступают и с другим трупом. Серая куча хлопьев растет.

4

Ложа театра.

Помощник (*лысому*). Бруно не ответил.

Лысый. Пошли.

Они покидают зал. Входят в служебное помещение театра. Идут по коридору. Помощник лысого достает пистолет, подходит к той самой двери гримерной. Осторожно прикладывает ухо к двери. Дверь

распахивается, подручные Саймона затаскивают мужчин в гримерную, обезоруживают. Один из них бьет по голове помощника лысого. Тот падает на пол. Сидящий на стуле Саймон делает пригласительный жест лысому. На мониторе пламя охватывает замок Брунгильды и воспламеняет Вальхаллу; боги гибнут в огне, Рейн разливается.

Саймон. Прошу, mon cher.

Лысый стоит в оцепенении.

Саймон. Присаживайся.

Лысого толкают, он плюхается на стул рядом с серой кучей хлопьев. Саймон делает знак своим. Они запихивают оглушенного в раструб. Саймон направляет выходной патрубок утилизатора на сидящего. Серые хлопья летят на лысого.

Саймон. Один бедняк утонул в реке. Труп его выловил богач. Когда к нему пришли родственники бедняка за телом, он запросил с них большой выкуп. Но у них не было таких денег. И сделка не состоялась: труп остался у богача. Неудовлетворенный, он отправился к мудрейшему и поведал ему эту печальную историю. «Не переживай, – произнес мудрейший. – Эти бедняки такого нигде не купят». На другой день к мудрейшему пришли родственники несчастного. Они тоже были неудовлетворены. «Спите спокойно, – сказал мудрейший. – Этот богач никому его не продаст». (*Пауза.*) Ты понял смысл притчи?

Лысый. Не совсем…

Саймон. Если ты будешь продолжать покупать фальшак, ты уподобишься не богачу и не бедняку. А тому несчастному, которого никто уже не продаст и никто не купит. Понял?

Лысый. Понял.

Саймон. А если захочешь купить настоящее – обращайся. Я еще никому не отказал. (*Достает из кармана серьгу, сует лысому в руку.*) Уберите всё. И проводите господина в его ложу.

Подручные Саймона выключают утилизатор, убирают его в футляр, сгребают серые хлопья в пластиковые мешки. На мониторе финальная сцена: разлившийся Рейн входит в свои берега, русалки резвятся в волнах, играют с кольцом нибелунга. Саймон подхватывает футляр, выходит.

5

Служебный вход театра. Саймон с футляром проходит мимо охраны.

Охранник (*с улыбкой*). Теперь вы раньше всех.

Саймон. Просто сыграл быстрее.

6

На экране 3D-анимация: комбинация молекулярных белковых структур, снятая «через микроскоп».

Голос. В конце XX века были открыты прионы – белковые соединения, лишенные генетического кода, единственная форма жизни, способная самовоспроизводиться без участия ДНК. В начале XXI века

начались работы по приручению прионов и созданию биокомпьютера на их основе. В результате было создано универсальное полифункциональное вещество, ставшее компьютером нового типа, – ТЕСТО. Будучи полностью энергетически автономным, ТЕСТО нуждалось лишь в ежегодной подзарядке на солнце.

Камера отъезжает от трехмерной анимационной модели, текст пропадает, на экране остается лишь название фильма:

ТЕСТО

Камера продолжает отъезд от сверхкрупного плана, мы видим цветную поверхность вещества, видим, что оно раскатано в километровые полотнища, лежащие на песке.

7

Пустыня, песок, палящее солнце. Гигантские лоскутные одеяла или ковры расстелены по барханам, словно кто-то сушит их после стирки или покраски. Пролет над ними.

8

Рабочие, одетые в белую униформу, бережно сворачивают куски лоскутного одеяла. Куски быстро принимают форму пластичных белых брикетов размером с кирпич. Рабочие укладывают брикеты в специальные открытые ящики.

9

Десятки грузовиков везут ящики с *тестом* на огромную территорию склада. Территория усиленно охраняется.

10

Два грузовика въезжают в ангар. Он весь заставлен ящиками с *тестом*. Грузовики разгружаются. Два контролера следят за процессом. В ангаре появляется престарелый сторож-араб. Он приветливо кивает контролерам, проходит в свое помещение, напоминающее аквариум, из которого хорошо просматривается весь ангар. Включает там свет.

11

В туалете ангара сторож с засученными рукавами ловко раскатывает своими ладонями, как скалкой, брикеты *теста* в колбаски на перевернутом вверх дном ящике. Затем он не менее ловко пропихивает колбаски в три унитаза, спускает воду. Снова раскатывает и снова пропихивает и спускает. Видно, что процесс этот им хорошо освоен. Рядом стоит приемник. На полу два пустых ящика и один ящик с брикетами *теста*. Сторож что-то напевает себе под нос.

Голос в приемнике. …И вы придете к нам не только за новым лицом и новым телом, но и новой молодостью, новыми надеждами, новыми встречами, новой любовью! Приходите, не теряйте времени на

прошлую жизнь! Воистину лучше вырыть новый колодец, чем до конца дней пить воду из засыхающего!

12

Небольшая квартира на Манхэттене. Трой входит в комнату. Ему двадцать четыре года, он худощав, неприветлив, малообщителен, с несколько застывшим выражением лица. Он останавливается на пороге, прикрывает за собой дверь, активирует свое *тесто*, налепленное на левую руку. *Тесто* сообщает ему, что система безопасности не обнаружила за время его отсутствия ничего подозрительного. Он дает команду *тесту*. *Тесто* включает его «умную» квартиру. На стене над кроватью Троя висят несколько «живых» изображений Джона Леннона и портрет Ницше. Трой подмигивает Леннону, Леннон ответно улыбается ему. Трой снимает куртку, бросает сумку, подходит к холодильнику. Холодильник выдает ему любимый напиток. Трой пьет, подходит к террариуму. Там живут две саламандры редкой окраски. Трой гладит их.

13

Трой привычным движением натягивает свое *тесто*, как простынь, на кровать.

Трой. Свет.

Свет в квартире гаснет. Кровать же начинает светиться белым. Трой раздевается догола, отпивает из стакана. Стоит, глядя на кровать. Видно, что он взволнован, стакан дрожит в его руке. На кровать-монитор ложится изображение обнаженной мулатки. Это Мишель. Видно, что она стесняется. Трой отбрасывает стакан, бросается на Мишель.

Трой. Я… нет… я ужасно…

Мишель. Милый… я не могла дождаться…

Трой совокупляется с изображением Мишель. Быстро кончает, замирает в изнеможении, тяжело дыша.

Пауза.

Мишель. Как хорошо… милый… Ты мне снился позавчера. Что ты делал в тот день?

Трой. Ничего… свою работу…

Мишель. Я видела тебя в зимнем лесу. С какими-то странными людьми… я так хотела к тебе, когда проснулась…

Трой. Я… не мог… я же написал тебе…

Мишель. Я так ждала. Слушай, мы же не договорили последний раз, нам помешали… расскажи мне еще раз про второе рождение.

Трой (*приходя в себя, отпивает из стакана, гладит изображение Мишель*). Второе рождение. Да. Каждый человек должен уметь родиться второй раз. Как личность, как космическое существо. Мы живем в обществе, которое делает из нас медуз, тупо глотающих все, что им подсовывают. Люди слиплись в сгусток медуз.

Мишель. Я видела такие сгустки в Красном море. Ужасно попасть в такой медузий сгусток!

Трой. Мы уже попали в него. Люди все слиплись. И забыли о том, что каждый человек рождается один и один умирает. Человек должен жить сам. Человеку надо растоптать в себе медузу. Человек – это то, что надо преодолеть.

Мишель. Преодолеть… (*Смеется.*) Это трудно.

Трой. Послушай, Мишель… я не могу так больше. Мне надоело спать… вот так. (*Тянет руками* тесто.) Я не хочу… спать вот с этим! Ты понимаешь?!

Мишель. Я тоже не хочу.

Трой. Я хочу, чтобы ты приехала.

Мишель. Не мучь меня.

Трой. Как не мучить? Я люблю тебя.

Мишель. Милый, я люблю тебя.

Трой. Послушай, Мишель. Послушай меня.

Мишель. Я с тобой, всегда… всегда с тобой.

Трой (*тянет ее изображение к себе*). Послушай! Внимательно! Я… я, Трой Боллман, официально делаю тебе предложение. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. (*Пауза*.) Ты согласна стать моей женой?

Мишель (*волнуясь*). Я должна подумать.

Изображение Мишель исчезает. Трой садится на светящейся кровати. Видит свою сперму на *тесте*-простыне. С ненавистью сдирает *тесто* с кровати и комком швыряет в стену.

14

Ассенизационная машина останавливается на КПП. Охранник проверяет документы у водителя. Машина въезжает на территорию хранилища. Начинает откачивать септик.

15

Ассенизационная машина едет по шоссе. Сворачивает к одиноко стоящему фермерскому дому. Дом и двор оборудованы для процесса: машина сливает содержимое цистерны в большой надувной бассейн, крестьяне сачками вылавливают *тесто*, кладут его в тачку, тачка везет *тесто* внутрь дома, где его обмывают, дезинфицируют, сушат и укладывают в два белых футляра для контрабаса. «Контрабасы» грузят в джип. Он едет в небольшой местный аэропорт. За рулем джипа тот самый сторож-араб.

16

Сторож-араб ввозит на тележке футляры для контрабаса в здание аэропорта. Там его ждет Саймон – пятидесятишестилетний полноватый и циничный сангвиник, гедонист, склонный к показному дендизму. Он одет ярко, в курортном стиле, на плече сумка. Благодарно кивнув сторожу, он забирает у него тележку и легкой, почти танцующей походкой движется к зоне регистрации. За ним сидя наблюдает

женщина. Когда он проезжает мимо, она встает. В руках у нее потрепанная книжка Набокова Bend Sinister.

Женщина. Вы это забыли в кафе.

Саймон (*останавливается, забирает у нее книгу*). Ой, спасибо огромное!

Женщина. Контрабасисты всегда так рассеянны?

Саймон. Не то слово!

Убирает книгу в сумку. Подвозит тележку к зоне регистрации. Футляры проезжают сквозь металлоискатель. Саймон сдает их в багаж. Большой рекламный монитор: «20 лет, которые изменили мир. За эти два десятилетия *тесто* сделало нас добрее и мягче». На мониторе ребенок, играющий в *тесто*; взрослый, лепящий из *теста* интерактивное устройство причудливой, но дружелюбной формы.

17

Арабский городок. Сторож входит в офис небольшой фирмы. На стене большая реклама обновленной жизни.

Служащий. Салам алейкум. Чем могу служить? Присаживайтесь, пожалуйста.

Сторож. Алейкум ассалам. (*Садится, достает из сумки три пачки местных купюр, кладет на стол перед служащим.*) Я хотел бы обновиться.

Служащий (*с улыбкой*). Правильный выбор в вашем возрасте.

18

Большой аэропорт. Курительная комната. Несколько человек курят. На мониторе реклама корпорации, арендующей человеческие мозги. Люди с *тестом* на голове в виде шапочек улыбаются, рассказывая, как они зарабатывают шесть долларов в час, сдавая свой мозг в аренду. Саймон, одетый все так же в курортном стиле, с двумя тележками, в каждой из которых по футляру, заходит в курительную комнату. Видно, что он только что прилетел. Достает сигарету, направляется к одному из курящих. Это Трой.

Саймон (*напевает*). Trouble, trouble, trouble is my middle name.

Трой (*без эмоций*). Привет.

Достает платок, сморкается.

Саймон (*закуривает*). У тебя аллергия на дым или на человечество?

Трой. Насморк подцепил. (*Тушит окурок.*) Катался в парке, попал под дождь.

Саймон. Надеюсь, это не утечка мозгов?

Трой (*косясь на рекламу*). Без моих они точно обойдутся.

Трой берет тележку, везет. Саймон бросает недокуренную сигарету в пепельницу, берется за свои тележки, спешит за Троем, хлопает его по спине.

Саймон. Старик, свежий воздух вреден для здоровья. А велосипедные прогулки приближают смерть.

Трой. У тебя ширинка не застегнута.

Саймон. Спасибо. (*Застегивается на ходу, разводит руками, обращаясь как бы к Всевидящему Оку.*) Да! Вот еще и ширинка! И ведь не стыдно, а?

19

Салон бизнес-класса большого самолета. Пассажиры спят, укрывшись одеялами. Сидящие рядом Саймон и Трой тоже спят. Неподалеку сидит мужчина лет тридцати пяти с четырехлетним мальчиком. Между ними на столике лежит *тесто*. Оно освещает их лица голубоватым светом.

Мальчик. Дед, а тебе папа тоже дарил *тесто*?

Мужчина. Нет, дорогой. Тогда *теста* не было. Папа подарил мне конструктор «Лего».

Мальчик (*манипулирует с* тестом). Одним пальчиком – включаешь; двумя пальчиками – звонишь маме, папе и Майку; три пальчика – игры; четыре пальчика – кино, а пять пальчиков?

Мужчина (*берет пятерню мальчика, прикладывает к* тесту). А пять пальчиков – лепишь из него что хочешь.

Мальчик. Да! Дед, я помню! Пять пальчиков!

Мужчина быстро вылепливает из *теста* лошадку на полукруглых полозьях. Лошадка качается на столике.

Мужчина. Но самое главное, Кристиан, в этом *тесте* теперь будет твое все: учебники, медицинская карта, кино, динозавры, Мегатрон, дельфины, Кеке, папа, мама, бабушка, я, Дороти, копилка.

Мальчик. А зачем копилка?

Мужчина. Ты будешь расти, а *тесто* будет хранить и приумножать твои деньги. А когда ты вырастешь, то захочешь что-нибудь купить себе. Например, вот этот самолет.

20

Деревня в джунглях, здание школы. Вокруг школы сотни фляг с питьевой водой, сложенные в кубы и накрытые маскировочными сетками. Неподалеку водяной насос, качающий воду из артезианской скважины. Двое рабочих наливают воду во фляги, закупоривают их и тут же наклеивают на них этикетку: «ГЛОТОК СВОБОДЫ. Чистейшая артезианская вода».

Саймон и Трой на джипе подъезжают к школе. В джипе виднеются два футляра. Из школы выходят трое африканцев, одетых как партизаны. Они вооружены. Саймон и Трой выходят из джипа. Саймон кивает на футляры. Двое партизан вынимают футляры из джипа, вносят в школу. Саймон и Трой следом входят в здание. Их сопровождает третий партизан.

21

Обшарпанный класс сельской школы. Фляги с водой стоят вдоль стен до потолка. Убогие парты. На партах сидят трое партизан. Двое других вносят футляры. Входят Саймон, Трой и еще один партизан.

Саймон. Привет! Господа, мы готовы приступить к нашему маленькому концерту. Но с одним условием: если нам дадут что-нибудь жидкое и прохладное, желательно со льдом.

Трой. И без алкоголя.

Командир (*в окно*). Фэй! Воды!

Саймон (*открывает лежащий на парте футляр*). Добро пожаловать в мир классической музыки и play dough society.

Трой открывает другой футляр. Командир подходит, смотрит.

Командир (*берет брикет*). Но я заказывал ровно сто.

Саймон. Здесь не все ваше. В каждом футляре восемьдесят штук.

Они с Троем вынимают из второго футляра двадцать брикетов, кладут на парты. Саймон дает Трою книжку Набокова. Тот открывает ее. Страницы в середине переложены тончайшей пленкой с объемными отпечатками больших пальцев. Трой ловко стягивает с пленки один отпечаток, берет командира за правую руку, налепляет отпечаток на большой палец.

Трой. Вперед.

Командир тычет пальцем в брикет. *Тесто* оживает, переливается радугами, приятно музыкально урчит. Трой ловко вытягивает из *теста* подобие монитора. Входит черная девушка в партизанской одежде с алюминиевой кружкой. Подходит к батарее фляг, выхватывает нож, протыкает одну флягу, наполняет кружку, протягивает Саймону. Ножом затыкает дырку во фляге.

Саймон. Слава богу, спасибо, милая… (*Берет воду, жадно пьет.*) Отличная вода! За нее стоит и повоевать. (*Командиру.*) Качаете?

Командир. Качаем, пока не согнали.

Девушка наполняет кружку, протягивает Трою. Тот отпивает, ставит кружку на парту. Нож остается воткнутым во флягу.

Тесто (*говорит приятным женским голосом*). Здравствуй, Джейсон! Компания TIR приветствует тебя. Твое персональное *тесто* готово исполнить твои желания.

Звучит и мелькает реклама *теста*. Трой лепит из *теста* клавиатуру.

Трой (*бормочет параметры и возможности* теста). Вы знаете, что у него микрокамеры в порах как игольчатые дырочки и биодиоды в порах. Смысл, что у настоящего поры никогда не затягиваются… Смотрите, как ни мни, поры совершенно чистые…

Командир. Ты не дрейфь. Лучше скажи, что такое свобода.

Трой. Свобода?

Командир (*угрожающе*). Да, свобода.

Трой. Свобода – это свобода родиться человеком.

Командир. Не понял.

Трой. Человек рождается сперва физически. Но это вовсе не значит, что он будет человеком. Для того чтобы быть по-настоящему свободным, он должен сам родиться. Сам. Сам себя родить. Может родить, а может и нет. Это и есть свобода.

Командир (*с насмешкой переглядывается с соратниками*). Ептѐть! А мы-то думали, что свобода – это вода!

Партизаны смеются.

Саймон. Парни, не наезжать на моего дегустатора! Он лучший в мире! Трой, покажи дядю.

Трой шлепает по мягким клавишам. Возникают изображения владельца *теста*: Джейсон Хубертус, полноватый доброжелательный блондин, жена, дети, биография. Джейсон вместе с семьей бросается в море, плывет, хохочет.

Девушка (*смотрит, улыбается*). Просто свиноматка.

Командир стреляет в монитор из пистолета. Пуля проходит сквозь улыбающееся лицо Джейсона, попадает в батарею с водой. Вода льется на пол. Партизаны не обращают на нее никакого внимания. Дырка на мониторе затягивается, изображение не меняется.

Девушка. Живучий!

Трой (*спокойно*). Сразу затягивается. Китайская или другая подделка после этого глючат.

Саймон. Его можно проварить. Или (*подмигивает девушке*) поджарить на вертеле, как поросенка.

Трой. Не повлияет ни на изображение, ни на функции. У подделки процессор после поджаривания теряет до двадцати процентов актива. И не восстанавливается.

Командир (*с усмешкой*). Знаем. Пробовали. (*Убирает пистолет.*) Платежный пакет?

Трой. Активирован.

Саймон. И у тебя сейчас будет возможность, чтобы его, так сказать, проверить.

Трой (*партизанам*). Ваши большие пальцы.

Партизаны, включая девушку, протягивают пальцы. Трой налепляет на них отпечатки. Каждый из них тычет пальцами в свое *тесто*. *Тесто* каждого оживает, приветствует владельца. Они начинают лепить из него то, что им нравится. Девушка сразу натягивает свое *тесто* на парту, садится за нее, набирает адрес. Во всю парту возникает изображение молодой женщины.

Девушка (*выхватывает еще один тесак из ножен, с размаху втыкает в изображение*). Сука! Ну что, тебя он тоже бросил?!

Трой (*покосившись на воткнутый в парту тесак*). И главный тест. Нанобусы в белковой цепочке считывают информацию в любом месте с одинаковой скоростью. (*Прикладывает к* тесту *магнитную карту.*) Скорость одинаковая. Это нанозолото, а не левый сплав.

Командир. Ок. (*Саймону.*) Номер счета. (*Всем.*) Отвернитесь.

Остальные отворачиваются. Саймон набирает на клавиатуре *теста* командира свой номер. Командир переводит на него деньги. Звуки подтверждают успешность перевода. Саймон протягивает командиру руку. Тот пожимает ее. Трой выкладывает на парты проданное *тесто*.

В одном футляре остается пятьдесят штук. Трой и Саймон закрывают оба футляра.

Девушка (*вытягивая нож из парты и обращаясь к командиру*). Ты уверен, что они должны увезти остаток?

Партизаны смотрят на Троя и Саймона.

Пауза.

Командир (*девушке*). Иди лучше чего-нибудь съешь.

Девушка встает и резко выходит, поигрывая ножом. Партизаны напряженно смотрят на командира.

Командир (*Трою*). Слепи им Мэрилин.

Уходит со своим *тестом*.

Трой без удивления берет куски *теста* и, ловко манипулируя, лепит из них белую голую блондинку в человеческий рост, расположив ее на парте. Блондинка очень похожа на Мэрилин Монро. Она лежит грудью на парте, ноги едва касаются пола.

Цитата из фильма «Кто-то любит погорячее».

Партизаны окружают блондинку. Кто-то из них не выдерживает и начинает совокупляться с ней.

Трой пьет из кружки и резко швыряет ее на пол. Ему явно противно все это видеть. Он подхватывает футляр, идет к выходу. Саймон поднимает свой футляр.

Саймон. Приятного отдыха, рыцари чистой воды.

Трой (*раздраженно)*. Скоты…

22

Большой лофт в мегаполисе. Входит Саймон с той самой дорожной сумкой и двумя букетами цветов.

Саймон (*нараспев*). Я прише-е-ел!

С ответными песенными возгласами к нему из пространства лофта движутся две миловидные субтильные таиландки-близнецы. Саймон изящно бросает им букеты, они картинно приникают к нему, начинают раздевать его.

Таиландка. И когда ты нас бросишь?

Саймон. Когда ветер, когда ветер переменится.

23

Голый Саймон встает с кровати, на которой спят таиландки. Надевает халат, закуривает сигару, наливает себе из стоящей рядом с постелью в ведерке со льдом бутылки бокал шампанского.

Таиландка (*как бы в полусне, не открывая глаз*). А ты нас бросишь?

Саймон (*целуя ее пятку*). Конечно!

Встает, идет с бокалом, напевая что-то, к своему *тесту*, налепленному на край стола в виде мягких часов с картины Дали «Постоянство памяти». Оживляет *тесто* толчком пальца, шлепает пальцами по клавиатуре. На мониторе возникает аватар: виртуальный покупатель ворованного *теста*, одетый в форму полицейского.

Саймон. О, новый прикид. Это высокая местная мода?

«Полицейский» (*усмехается*). Это чтобы никто не догадался.

Саймон. В следующий раз наряжайся эльфом. Тогда уж точно никто не догадается. Где и когда?

«Полицейский». Понедельник, 8 p.m. Старая гостиница в Пало-Альто.

Саймон. Понял.

Отключает.

Возникает звонок от жены.

Жена. Милый, ты куда пропал? Я так скучаю. По утрам это особенно невыносимо. А малыши как скучают! Все-таки ты плохой мишка. Пришли счета. Когда ты будешь?

Саймон. Я не буду.

Жена. Я не поняла.

Саймон. Ты поняла. Ты же моя пуся-муся. Детям скажешь, что папа утонул.

Жена. Что?

Саймон. Прощай. Я утонул. Деньги перевел. (*Чокается с изображением; оно исчезает; отпивает из бокала.*) Прощай, семейная жизнь номер шесть.

24

Голый и сильно пьяный Саймон сидит в джакузи. Рядом ведерко со льдом, из которого торчат несколько бутылок. По краям джакузи стаканы с недопитым алкоголем. Саймон достает светящееся *тесто* из воды, кладет на колени, тычет в него двумя пальцами. В *тесте* возникает изображение: двойник Саймона в костюме Супермена.

Саймон (*объявляет*). Монолог утопленника.

Двойник (*благожелательно кивает*). Монолог утопленника.

Саймон. Итак, я утонул в шестой раз. Ты понял? (*Всевидящему Оку, наверх.*) Ты-то точно понял! Дистанция сокращается. Началось все с восьми лет. Восемь! Сейчас предел – четыре года. Иначе – песец. Вставят и закатают. И снова новое, новое. Здравствуй, жена, здравствуйте дети. Да. Дети. У меня было пять маленьких детей и ни одного взрослого. Ты знаешь. Это рутина, рутина, блин. (*Всевидящему Оку.*) Я не про это! Так вот: когда змея сбрасывает кожу, она офигенно чешется. Ей хочется чесаться. Я чешусь в шестой раз. (*Всевидящему Оку.*) Ты понял, дядя? Ты понимаешь мое сокровенное желание? Ты понимаешь, блин, ох, ты все понимаешь! Ну и фиг с тобой! Закрой свой глаз, два джентльмена разговаривают! (*Плещет виски в потолок.*) Пей, гнида, пей с нами!

Двойник. Я тебя прекрасно понимаю.

Саймон. Итак! Итак… Родился на Украине. Сирота. Усыновлен добропорядочнейшими престарелыми американскими гражданами с замечательной фамилией Коржик. Рос пытливым и толерантным мальчиком. И вот, вот. Я чешусь в шестой раз. Везде! Видишь? (*Чешется,*

расплескивая воду из джакузи.) А что будет? И будет седьмое чесание? Восьмое? Раньше меняли паспорта, делали пластику. А сейчас… (*Выпивает, плещет в потолок.*) Наука, блин, шагнула…

Двойник. Шагнула. Блин.

Саймон. Шагнула… Нахрен я тебе это все рассказываю? Ты никому не скажешь? (*Со смехом Всевидящему Оку.*) Ему не скажешь, а?

Двойник. Закрытый файл. Я внимательно слушаю тебя.

Саймон. У меня будет нежная, умная и отзывчивая жена. Я буду трахать ее. А член-то будет новый! Во как! Она родит мне двойню. Она будет ирландкой? Или шотландкой?

Двойник. Шотландкой.

Саймон. А может, я стану вьетнамцем? Хотя, нах. Ведь китайцем я уже был?

Двойник. Был.

Саймон. Итак, я утонул. (*Поет.*) Мой труп всплывает в озере Лох-Несс! (*Берет стакан с виски, чокается с двойником.*) Короче, будем здоровы. Будь здоров, Большой Брат! Я тону!

Пьет, плещет в потолок, с ревом погружается в ванну с головой.

Двойник. Будь здоров.

25

В танцевальном зале десять пар. Худощавый аргентинец что-то быстро говорит, хлопает в ладоши. Звучит танго. Пары начинают танцевать. Один из танцующих – Саймон. Видно, что танцует он давно и любит делать это хорошо, несмотря на свою полноту. Саймон ведет партнершу. Он непривычно серьезен и сосредоточен.

26

Голый Саймон с *тестом* на кисти левой руки моется под душем. В *тесте* женский голос рассказывает про фестиваль танго в Буэнос-Айресе. Рядом моются другие танцоры. Саймон выходит, обтираясь полотенцем, идет к своему шкафчику с одеждой, садится на лавку, начинает одеваться. К соседнему шкафчику подходит голый пожилой человек, состарившийся плейбой. *Тесто* он растянул и использовал в виде набедренной повязки. В *тесте* идет фильм «Касабланка». Старик вытирается полотенцем.

Саймон (*смотрит на его* тесто). Мда… знал бы Хамфри Богарт.

Старик. День добрый. Не люблю, но повторюсь: вы лучший танцор. Супер! Жаль, что в зале не снимают.

Саймон. Я поэтому сюда и хожу. (*С улыбкой кивает на набедренную повязку старика.*) Не жмет?

Старик. Знаете, дорогой, не перестаю удивляться этой штуке. (*Сдирает набедренную повязку, комкает* тесто*, кидает в сумку*.) Она бодрит невероятно! Главное, чем больше его изучаешь, тем сложнее оно становится.

Саймон. Как продвигается проект «Рог изобилия»?

Старик (*одевается*). Года два. И мы решим проблему. Люди недаром носят шапочки из *теста*. Мы же думаем, мы считаем в уме все вместе! Напишем программу – всё, все вместе! И у человечества будет всё в буквальном смысле слова. Всё!

Саймон. Рай в коммунизме или коммунизм в раю?

Старик. Голубчик, не иронизируйте. Любая вещь, любой предмет в домашних условиях за минуту. Из песка, из воды, из мусорной крошки. А? Новая эра. Мы станем богами. И кто поможет это совершить? (*Берет* тесто*, надевает на кисть левой руки.*) Вот это милое существо. Я шага без него не делаю! А в молодые годы я клал с прибором на все эти компьютеры. Вот увидите – у нас будет всё – у всех!

Саймон. У вас и так всё есть.

Старик. А будет у всех! (*Неожиданно пукает. Удивленно поднимает брови.*) Это не я!

Саймон. Станем богами…

27

Манхэттен. Центральный парк. Трой едет на велосипеде. Проезжает мимо большого билборда: «Купи новое тело! Начни жизнь с нуля!» *Тесто* на руле в виде черепа с крыльями. На черепе светится изображение Мишель. Внезапно возникает аватар Саймона. Саймон сообщает о месте и времени сделки. Отвечая ему, Трой чуть не сталкивается с велосипедистом, виляет, останавливается.

Трой (*кричит вслед велосипедисту*). Урод!

Мишель. Береги себя, милый.

Трой. Ты подумала?

Мишель. Дай мне неделю, милый.

Трой (*останавливается*). Почему неделю?

Мишель. Ну… я… мне… надо все решить. Пожалуйста! Я очень тебя люблю, Трой, но дай мне еще недельку, ладно?

Пауза.

Трой (*с усилием сдерживаясь*). Хорошо. Я буду ждать.

28

Саймон выходит из танцевального зала, держа за руку партнершу Канделас.

Канделас (*возбужденно*). Саймон, ты великий танцор! Черт возьми, откуда ты свалился?! Почему тебя никто не знает?

Саймон. Никто?

Канделас. Никто…

Саймон. И слава богу. Так лучше для всех.

Его ждут две таиландки.

Саймон (*раскрывает веер, обмахивается, целует таиландок и руку партнерше*). Всё, всё, всё! Мы с Канделас, как всегда, недосягаемы! Вот она, королева танго! Канделас, познакомься, это мои жены.

Канделас. У тебя две жены?

Саймон. Мне кажется, что немного больше.

Таиландка-1 (*легонько шлепает его по потной щеке*). Хей!

Саймон. Но иду обедать я сейчас только с двумя. (*Берет таиландок под руки, подмигивает Канделас.*) До вторника, Канделас! Мы порвем и размажем всех! Они захрустят у нас под каблуками!

Канделас. Адьёс, Саймон.

Машет ему, уходит.

Саймон (*подхватив, как паровоз, таиландок, тянет их сквозь толпу, расталкивая прохожих*). Скорей, скорей, скорей! Моему телу нужен сахар, сахар, сахарррр!

Таиландка-1. Зачем ты так много танцуешь?

Таиландка-2. Так хорошо…

Таиландка-1. …и так часто.

Таиландка-2. И никто о тебе не знает…

Саймон. Не знаю, не знаю, не знаааааю… трудно объяснить, крошки. Трудно объяснить. Есть же вещи, которые трудно объяснить? Сахар, сахар, сахарррр!

Таиландки притворно грозно вскрикивают и на ходу кусают его за уши. Саймон рычит и втаскивает их в ресторан китайской кухни.

29

Бюро обновления жизни. Трой сидит за столом перед очаровательной служащей бюро.

Служащая (*демонстрирует Трою трехмерную модель молодого мужчины, похожего на Джона Леннона*). Вот ваше новое тело, мистер Боллман. Не забывайте, что сейчас у нас сезонные скидки на ДНК-импланты. Они будут готовы в течение четырнадцати дней после оплаты заказа.

Пауза.

Трой разглядывает изображение.

Служащая. Вас что-то смущает?

Трой. Он как-то… слишком похож.

Служащая. Но вы же хотели, чтобы он был похож на… (*Смотрит в бумаги.*) Джона Леннона.

Трой. Мне бы хотелось отдаленного сходства.

Служащая (*с улыбкой*). Всё в наших руках. Так… с упомянутой скидкой: двадцать семь тысяч.

30

Квартира Троя погружена в темноту. Светится только подушка, на которую Трой натянул *тесто*. На подушке лицо лежащей Мишель. Рядом, на другой подушке, – голова Троя. Он лежит в постели, накрывшись одеялом. Кажется, что Мишель лежит с ним рядом в постели. Трой курит.

Трой. Как только мы поженимся, я начну свою жизнь сначала. Для того чтобы напомнить людям, кто они, нужно все начинать сначала.

Мишель. Жаль, что я не чувствую запаха сигаретного дыма.

Трой. В новой жизни я не буду курить. И ты не будешь. Я не возьму туда ни одной своей привычки. Ни одного коллективного движения. Сколько движений мы делаем автоматически, как все! Сколько идиотских правил и привычек. Кофе по утрам! Яичница с беконом… Бред коллективный. От этой жизни не останется ничего. Только ты.

Мишель. А родственники? Я же должна знать о родственниках моего жениха?

Трой. Нет никого. Только дети одного со мной помета. Но вряд ли их можно назвать родственниками. Я же говорил тебе, я вырос на генной ферме.

Мишель. Да, я помню. А в интернате у тебя были друзья?

Трой. Да.

Мишель. А любовники?

Трой. Ну… так. Немного. Это было несерьезно. (*Трой тянется к изображению Мишель, но вдруг замирает*.) Слушай, почему ты не можешь приехать?

Мишель. Я должна подумать. Ты же дал мне неделю.

Трой. Ты можешь приехать и думать здесь?

Мишель. Я боюсь.

Трой. Чего ты боишься?

Мишель. Я… боюсь, что все рухнет.

Трой. Что рухнет? Что может рухнуть? Я люблю тебя, ты меня любишь, что может рухнуть?!

Мишель. Милый…

Трой. Мне надоело целовать *тесто*! Мне надоело спать с этим… *тестом*!

Мишель. Я не могу сейчас приехать! Не мучай меня.

Ее изображение пропадает.

Трой сдирает *тесто* с подушки, хочет кинуть, но потом сидит с ним, замерев. Берет *тесто* и медленно наматывает на кулак.

31

Саймон и Трой проходят в аэропорту контроль безопасности.

Огромная реклама: «Уже 20 лет наше *тесто* с нами!»

У Саймона и Троя один футляр для контрабаса. Саймон ставит его на ленту металлоискателя для багажа, кладет вслед свою сумку и сумку Троя. На мониторе сотрудника службы безопасности возникает изображение содержимого футляра: очертания реального контрабаса.

Саймон (*сотруднику*). Открыть?

Сотрудник. Спасибо, все видно и так.

Саймон сдает футляр в багаж. Трой помогает ему. Они идут на посадку.

Саймон (*с облегчением*). Этот футляр стоит почти треть содержимого. И это правильно! (*Всевидящему Оку.*) Да? Да!

Трой. Ты это сообщил мне уже восемь раз.

Саймон. Как только летим на дело, у тебя хреновое настроение. Может, тебе попить чего-нибудь?

Трой. Поздно.

Саймон. Ты уже точно решил, кем будешь через два месяца? Заказал?

Трой. Заказал.

Саймон. Сколько?

Трой. Двадцать семь штук.

Саймон. Нормально. Выбрать жизнь, старичок, это как выбрать пиджак. Непросто! Я вот буду шеф-поваром баварского ресторана в уютном датском городке. (*Смотрит на Троя.*) Но главное, старичок, не промахнись с размером.

Трой (*косо глянув на Саймона*). Спасибо, что напомнил.

Саймон. Ну а все-таки кем ты станешь? Чего молчишь? Слушай, Трой, стань пожарным, а? Нескучная, динамичная профессия.

Трой. Я не люблю огонь.

Саймон. Почему?

Трой. У нас в интернате был пожар. Испугался досмерти. Кошка сгорела.

Саймон. Ну… тогда боцманом. Форма тебе пойдет. По морям, по волнам, а?!

Трой. Я не умею плавать.

Саймон. А как насчет боязни высоты?

32

Саймон и Трой на джипе въезжают в здание старого заброшенного отеля. Он частично руинирован. Их машина въезжает в холл, где стоит другая машина. Саймон смотрит на свое *тесто*. Аватар в форме полицейского подтверждает, что он здесь. Саймон и Трой выходят из машины. Покупатели выходят из своей.

Саймон (*оглядываясь*). Мы же, кажется, договорились встречаться только на пепелищах?

Покупатель. К сожалению, здесь за эти дни ничего не сгорело. Но камер здесь точно нет. Мы проверяли.

Саймон и покупатель пожимают друг другу руки.

Саймон (*осматривается*). По-моему, я здесь ночевал. Лет двадцать назад. А вот с кем… убей бог…

Заходит за стойку консьержа. На всем лежит слой многолетней пыли. Саймон смахивает пыль со старого спортивного журнала. Подходит к старинной телефонной будке. Внутри покрытый пылью телефон с раструбом. Саймон подносит раструб ко рту.

Саймон. Алло, барышня, помните меня? (*Слушает в трубку.*) Добавочный не помню. (*Усмехаясь, Трою.*) Точно, я здесь был!

Возвращается к джипу, открывает багажник. В джипе все тот же футляр для контрабаса. Саймон открывает его. В футляре пятьдесят штук *теста*. Покупатель открывает кейс с пятью пачками денег. Трой

достает из кармана книжку Набокова, снимает со страницы отпечаток пальца. Покупатель протягивает свой большой палец. Трой налепляет ему отпечаток, покупатель тычет пальцем в *тесто*, оно активируется, приветствует его женским голосом. Трой показывает покупателю, кто он в *тесте*: сильно пожилой человек в очках.

Покупатель. А помоложе парень не нашелся?

Трой. Вы можете выбрать кого угодно из остальных сорока девяти.

Покупатель (*с усмешкой*). Спасибо, что объяснил.

Саймон. И люди у нас разные. Новые и натуралы. Там найдутся и Лолиты. И Гарри Поттеры. И даже Джеки Потрошители… С кем же я здесь был? Черт…

Помощник покупателя. Ну-ка, дай-ка мне.

Берет активированное *тесто*, ловко лепит из него мяч для игры в регби, размахивается и со всего маху швыряет *тесто* в стену. *Тесто* влипает в стену. Помощник подходит к стене и быстро растягивает «мяч» в полстены в виде овальной простыни. Шлепает по клавишам *теста* и вызывает изображение рекламы кредитования новой жизни. Достает портативную газовую горелку, зажигает. Рисует газовой горелкой на растянутом *тесте* некий знак. Изображение в местах соприкосновения с пламенем никак не реагирует. Но по изображению вдруг пробегает искра. Оно слегка зависает. И опять движется. Зависает. И движется снова. Саймон и Трой с недоумением смотрят на изображение.

Покупатель. Что это за хрень?

Зависание исчезает. Трой подходит к стене, чиркает своей зажигалкой, жжет ею край *теста*. *Тесто* не реагирует на ожог. Изображение нормальное. Трой достает магнитную карту, прикладывает. *Тесто* реагирует должным образом.

Трой. Абсолютно нормальное *тесто*.

Покупатель. А что это было?

Трой. Скорее всего, наводки. Может, рядом электромагнитный источник.

Помощник покупателя. Здесь рядом три борделя.

Трой. Может, под землей что-то…

Саймон. Господа, вы довольны изображением?

Покупатель. Пока да.

Саймон. Если «пока да», тогда я открываю показательный тир. Чтобы вы не думали, что мы вам впариваем фальшивку.

Из тайного места внутри футляра достает пистолет с глушителем. Стреляет в *тесто*. Следы от пуль затягиваются. Изображение нормальное.

Саймон (*вопросительно*). Ну?

Вместо ответа покупатель достает свой пистолет, стреляет в *тесто*. Следы от пуль затягиваются. Изображение нормальное. Покупатель удовлетворенно кивает. Трой дает остальным двум их «пальцы». Каждый активирует свое *тесто*. Помощник жжет его лампой. Всё в норме. Покупатели забирают все *тесто*, Саймон – деньги. Обмениваются

рукопожатиями. Расходятся по машинам. В кабине купившие *тесто* видят тот же сбой на всех трех экземплярах.

Покупатель. Они нас обманули. (*Тихо.*) Мочи их.

Покупатели достают оружие. Саймон за рулем. Его машина выруливает к выезду. По машине открывают огонь. Саймон дает газ, выезжает. Хватает пистолет, отстреливается. Машина покупателей преследует машину Саймона.

33

Комната со спецоборудованием. Мониторы, *тесто*, подсоединенное в систему слежения. Группа сотрудников следит за сделкой Саймона и Троя. Группу возглавляет Норма – сорокалетняя полноватая женщина, не лишенная обаяния и некоторой мягкости характера, но при этом предельно профессиональная и самодостаточная.

Норма. Всё! Они впарили им фальшивое *тесто*. Нет смысла их больше вести. Внимание наружке!

Сотрудник-1. Подожди, Норма, мы же хотели выйти на источник.

Норма. Источник их кинул. *Тесто* фальшивое. Это значит, что канал утечки *теста* закрыт. Им слили фальшак, милый мой.

Сотрудник-2. А если это просто их левый бизнес?

Норма. Не похоже. Это было неожиданно для них самих. Они сильно рискуют. Быстро взять всех!

Сотрудник-1. Ты торопишься, Норма! Мы всё упустим! Нам не нужны они без источника!

Норма. Тебе не нужны, а мне нужны. Их могут замочить, понимаешь? Мы же против убийства клиентов? Всё, ребятки, по коням! Мама с вами.

34

Машину Саймона преследует машина покупателя *теста*. Перестрелка, погоня. Внезапно в погоню вмешиваются вертолет и машины спецслужб. Машину покупателей подстреливают, она врезается в дом. Покупателей задерживают. Саймон уходит от погони.

35

Саймон (*отрываясь от преследователей, злобно напевает*). Just could be the last time, just could be the last time, maybe the last time – I don't know… Песец! Феллах нас подставил. Мир сошел с ума… Черт возьми! (*Бьет по дымящемуся капоту.*) С кем работать?! (*Всевидящему Оку.*) Подскажи, чудило! С кем, блин, работать на этой планете?! С арахнидами, что ли?

Трой. Мне пуля в *тесто* попала. (*Смеется.*) Смотри! (*Раздвигает* тесто*, достает пулю.*) Во! Проверка на расстоянии…

Саймон. Да… твою мать. Надо было поменять жизнь еще год назад. Недооценил ты, Саймон, скорость всемирной сингулярности…

(*Всевидящему Оку, наверх.*) Такая вот работа, старичок. Сложная и опасная.

36

Саймон и Трой осторожно пробираются по задворкам, оказываются на улице. На улице редкие прохожие.

Саймон (*оглядывается*). Этих уродов повязали. Копы? Или другие уроды?

Трой (*говорит* тесту). Эй, Бобби, мы так не договаривались.

Саймон (*оглядывается*). Да, Канделас, мы теперь с тобой не станцуем. Меня уже не будет, дорогая. Ты не положишь мне на грудь свою божественную ножку… (*Пинает дверь закрытого магазина.*) Блин!

Трой (*не отрываясь от* теста). Ты не в Лондоне…

Саймон. Траханные феллахи! Что им нужно?!

Трой. Безалкогольное пиво… (*Останавливается.*) Слушай, Саймон. Что-то произошло с моим *тестом*. (*Смеется.*) Что-то произошло!

Саймон (*в сердцах*). Да на, забери мое! (*Сдирает* тесто *со своей левой руки, швыряет комком в Троя.*) С детства ненавидел пластилин. Вот и угораздило им торговать.

Трой уворачивается, *тесто* влетает в виртуальную дверь ночного секс-бара. Сразу же возникает виртуальная, прозрачная привратница.

Привратница. Добро пожаловать в бар BLUE LARD! Мы не разочаруем вас.

Саймон. Не сомневаюсь.

Они входят в бар.

37

Секс-бар с невероятным интерьером порядочно заполнен. По стенам слои огромной голубой пульпы, вздрагивающей в такт звучащей музыки. Одетые в голубое официантки подают напитки в стаканах изо льда. Голые девушки танцуют на подиуме, сидят в зале.

Официантка (*протягивает Саймону* тесто). Вы что-то потеряли?

Саймон. Уверенность в благополучной старости. (*Забирает* тесто.) Благодарю.

Кидает *тесто* Трою.

Официантка. Что желаете выпить?

Саймон (*раздраженно*). Чашу на пиру мертвых героев.

Официантка. Тогда, может быть, двойной бурбон со льдом?

Саймон. Пожалуй.

Официантка (*Трою*). А вам?

Трой. Воды. И льда побольше.

Официантка отходит. Саймон и Трой садятся на диван в виде куска торта. Сразу же из пола выдвигается столик. Трой входит в *тесто* Саймона. Но оно тоже глючит. Трой смотрит на свое *тесто*.

Трой. Ничего не понимаю. (*Радостно.*) Я уже ни-че-го не понимаю!

Саймон. Мне нужен закройщик. Мне нужна новая кожа, нужна новая жизнь, нужно новое танго! И тебе, кстати, тоже. Или вот что. Иди-ка ты нах, а? Ты облажался. Так что катись-ка в свой Нью-Йорк! Будешь писать программки для онанистов. (*Рычит в ухо Трою.*) Вон из моей жизни, мокрица!

Трой. А моя доля? На новую жизнь мне нужно ровно двадцать семь штук.

Саймон. Хрен тебе на рыло, а не двадцать семь штук! Ты провалил дело, скотина.

Трой. Это тебе твой феллах подсунул фальшак.

Саймон. Я прострелю тебе печень.

Трой. Сперва отдай мою долю.

К ним подходят голые девушка и юноша. У девушки в руке голубое яблоко.

Девушка (*откусывая от яблока*). Нет ли у джентльменов желания вернуться в рай?

Саймон. Есть, и, надо сказать, огромное. Через восемь с половиной минут, о'кей?

Юноша. Ждем вас в раю.

Девушка и юноша отходят. Саймон тычет под столиком пистолетом в живот Трою.

Саймон. Оставил на столе оба *теста* и медленно по-ше-ел нах…

Трой снимает с руки свое *тесто*, кладет его на стол рядом с *тестом* Саймона. Оба *теста* показывают одну и ту же картинку. Картинка подергивается в определенном ритме. Саймон смотрит на оба *теста*.

На соседнем диване сидят дама в возрасте и голый юноша. Дама связывается по *тесту* с кем-то.

Дама. Еду, еду… Слушай, дорогой, с моим *тестом* что-то случилось. Оно дергается. (*Смеется.*) Да! От желания! Конечно, солнышко мое!

Официантка (*рассчитывает этот столик по* тесту). Знаете, а у меня тоже дергается.

Дама (*берет юношу за сосок*). Это от твоего libido, ангел?

38

Комната для допросов в офисе спецслужб. Задержанный покупатель ворованного *теста* сидит на стуле. Он потрепан, слегка окровавлен, его руки сзади застегнуты наручниками. На столе лежит образец купленного им *теста*. В комнате двое следователей из команды Нормы.

Следователь-1 (*бьет покупателя по щеке*). Кто твой заказчик?! Для кого ты покупал *тесто*?

Покупатель (*плюет в следователя*). Пошел ты!

Следователь-1 (*хватает покупателя за голову, прижимает к столу*). Мы тебе поскребем ДНК.

Следователь-2 (*бьет покупателя в бок*). Постареешь, как мамонт.

Покупатель. Не имеете права.

Следователь-1. А у нас с октября спецполномочия, гнида! Говори!

Следователи бьют его, он стонет и ругается. В комнату входит Норма.

Норма. Мужчины, отдохните.

Следователи выходят. Норма садится на стол, смотрит на покупателя.

Норма. Куришь?

Покупатель (*злобно*). Да.

Норма достает сигарету, вставляет ему в рот, поджигает.

Норма. Ты натурал?

Покупатель. Нет.

Норма. Давно обновился?

Покупатель. Тебе это важно?

Норма. Мне все важно. (*Пауза.*) Я знаю, что ты посредник. Кто тебе заказал партию?

Покупатель. Не знаю. Я просто посредник.

Норма (*с улыбкой*). Да я знаю, что ты всего лишь посредник. Кто заказчик?

Покупатель выплевывает на стол окурок, молчит. Норма встает со стола, давит его окурок. Потом плавно отодвигает стол ногой в угол.

Норма. Знаешь, наше государство обеспечивает каждому всю полноту любых возможностей. У каждого есть выбор, кем быть. Новым или натуралом. Мужчиной или женщиной. Умным или глупым. Верующим или атеистом. Преступником или следователем по особо важным делам.

Она нажимает на кнопку. Покупатель вместе со стулом проваливается под пол. Пол смыкается вокруг его шеи. Над полом торчит голова покупателя. Он явно не ожидал этого.

Норма. Ворованное *тесто* приобретают только рецидивисты, террористы, торговцы гнилыми ДНК. Ты их пособник?

Покупатель начинает вскрикивать, испуганно озираясь. Явно что-то происходит с его телом.

Норма (*присаживается рядом с ним на корточки, манипулирует со своим* тестом). Кто они?

Покупатель (*вопит, озираясь*). Не знаю! Я не знаю! Я не знаю!

Тесто на руке Нормы начинает мигать.

Норма (*не обращая внимания на крик*). Что за черт?

Покупатель. Иммобилиен Стивена Гвидо! Офис в Познани! И в Нюрнберге! Отпустите меня, гады!

Норма (*манипулирует с* тестом). Что это? Что это такое?

Нажимает на кнопку. Покупатель поднимается из подпола вместе со стулом. Он раздет, к телу прилеплены какие-то резинки.

Норма выходит из комнаты, идет в офис.

Норма (*входя в офис*). Мальчики, у меня что-то с *тестом*.

Сотрудник-1 (*с усмешкой*). Мама Норма, у меня тоже.

Сотрудник-2. И у меня.

Сотрудник-3. И у меня. И у моей жены.

39

Официантка секс-бара подходит к другой.

Официантка-1 (*показывает другой свое* тесто). Смотри.

Официантка-2. У меня уже три минуты то же самое. Системный сбой какой-то…

Официантка-1. Но при этом оно работает. Странно…

Официантка-2. Никогда не видела такого.

Трой (*смотрит на два* теста*, лежащие перед ним на столике*). Это ловушка. Они пасут нас. Потому и помехи.

Саймон. Что?

Трой. Этот бар. Они заманили и пасут нас. (*Шепотом.*) На-с сей-час возь-мут.

Пауза.

Саймон (*показательно смеясь, приподнимается, делает знак парочке голых с голубым яблоком)*. Эй, Адам и Ева! Мы готовы вернуться в голубой рай! (*Трою.*) Пошли трахнемся с горя, а потом свалим.

Трой. Я не буду.

Саймон. Я плачу́.

Трой. Я… нет. Не хочу.

Они встают. Трой хочет взять *тесто* со стола.

Саймон (*сквозь зубы*). Оставь, чудило…

Юноша и девушка подходят к ним. Саймон обнимает их, слегка пританцовывает, повиливает задом.

Саймон. Дорогие мои, после изгнания из рая я радикально обновил свой скипетр власти: хрящевые вставки, гиперволокно, живые шарики, знаете ли, энергетическая волна, взрыв и спазмы… Все это, ребята, позволит вам прочувствовать, так сказать, всю полноту Божьего замысла. Жизнь все-таки удивительная штука, черт нас всех возьми! Да! Уверен, что она прекрасна и в раю… Ведите же нас в рай, молодые существа! Где он?

Девушка. Вон там, за занавеской.

Саймон (*откусывает у нее от яблока*). Вкус пластичного греха! Трой, причастись.

Трой. Иди, я подожду тебя здесь.

Саймон (*тянет его за руку*). Пошли-и-и!

Трой. Я не знаю… Я не это…

Саймон. Чего?

Трой. Не буду.

Саймон. Ты мальчик? Ничего себе… Давай, давай… Отметим нашу победу… Сделаем из тебя мужика.

Они проходят в помещение «рая». Полуголый привратник встречает их.

Привратник (*протягивает вошедшим* тесто *в виде полотенца)*. Представьтесь, пожалуйста, приложением длани. В раю все прозрачно.

Саймон берет руку девушки, прикладывает к *тесту*. Возникает ее медицинская карта.

Саймон. Прекрасно… Да ты здорова, как Ева.

Привратник. Теперь вы. Зарегистрируйтесь.

Саймон. А без регистрации нельзя?

Привратник. Нельзя.

Трой. Ну мы пошли.

Привратник. Уже нельзя. Без регистрации не выпустим. Нас контролируют.

Привратник ждет от Саймона и Троя приложения рук. Саймон вдруг хватает привратника за волосы, бьет его коленом под дых, тычет лицом в *тесто*, держит. Возникает медицинская карта привратника.

Саймон. Так… корь, грипп двадцать восемь раз, ангина два раза, перелом ключицы, обновленные яйца, рельеф пресса, prototogen, глаза, зубная ткань… просто Тарзан, мать твою! А печень? Почему? Злоупотребляешь присадками? Или газом? Пока не поздно, копи на печеночный бонус, чудак!

Адам и Ева смотрят с овощными улыбками. Саймон дает привратнику пинок, шлепает Еву по заду.

Саймон (*Трою*). Коллега, рай вызывает вопросы. Валим из рая! (*Всевидящему Оку.*) Да, да, да, мать твою!

Они убегают из клуба.

40

Норма и трое ее сотрудников уставились каждый в свое *тесто*. В сети информация о планетарном сбое в работе *теста*. Синдром подмигивания. Специалисты уверяют, что на работе *теста* это никак не отражается.

Норма. Это вирус. *Тесто* заразили вирусом. Значит, Фэтсо и Слим на самом деле привезли нормальное *тесто*. И сейчас поймут, что их никто не кинул.

Сотрудник-1. И надолго залягут!

Норма. Могут залечь. У них же деньги покупателя. А *тесто* уже у нас. Либо они отработают эти деньги. Им же нужно продолжать бизнес. Купят партию на свои.

Сотрудник-2. Мам, а нам сидеть и ждать?

Норма. Пока не знаю, милый. (*На ее* тесто *приходит звонок из Министерства внутренних дел.*) Ого.

Появляется изображение чиновника.

Чиновник. Миссис Ротко, министр ждет вас сегодня в 17.00.

41

Тесто подмигивает нам. Информативный планетарный блок.

42

Саймон и Трой едут в машине. За рулем Саймон.

Трой. Как я сунусь в аэропорт без *теста*?

Саймон. Это твоя проблема. Ты же теперь честный программист. Живи! Проси! Соси!

Трой. Верни мою долю. Мне, как и тебе, нужна новая жизнь.

Саймон. Половая. Я довезу тебя до станции. И спущу в унитаз! Навеки!

Трой. Ты этого не сделаешь.

Саймон. Дружок, я сделаю все, что мне нужно. (*Всевидящему Оку злобно, с истерикой.*) А что мне нужно – ты знаешь! Знаешь?! Прекрррасно знаешь! Снимай! Снимай меня, божественного и неповторимого! Я хочу остаться в вечности! Я буду вечно молодым!

Трой. Ты болен, идиот… верни деньги, лунатик!

Саймон. Я гений! А ты – говно! Говно не снимают для вечности! Говно спускают в унитаз! (*Всевидящему Оку.*) Вопрос: можно ли человека девственника! Ответ прррравильный, мать твою! Пять с плюсом! Спускаю!

43

В просторном кабинете трое – министр внутренних дел, шеф Нормы и Норма.

Министр. Миссис Ротко, у нас нет времени. Вы знаете, что творится на биржах. Пока это только начало. Я только что от президента. Нам нужно срочно знать, кто заразил *тесто*, чем и с какой целью.

Шеф. Надеюсь, ты все сама понимаешь.

Норма. Я понимаю, но, господин министр, почему именно я?

Министр. Потому что, миссис Ротко. Система настойчиво рекомендует именно вас.

Шеф. Ты пасешь пекарей. Вирус, безусловно, их дело.

Норма. Я пасу всего лишь один канал. Пекарей много. К сожалению.

Шеф. Их не так много. Всего три группы. Тебе нужно выйти на них и в трехдневный срок закрыть проблему вируса.

Норма. Но есть же группы Ванштейна и Джонса. Они давно работают по пекарям.

Министр. И пусть работают. Вы им не помешаете… Миссис Ротко, мы в курсе вашей семейной саги. Вы оплачиваете своим родителям обновление в кредит. Надо сказать, что они прекрасно выглядят. (*Возникает изображение родителей Нормы, которые выглядят моложе ее.*) Вы натурал по собственному выбору. Это благородно. Я уважаю таких людей. И рад, что вы работаете у нас. Так вот. Если вы найдете отравителя, министерство единовременно закроет этот кредит. Соответственно вы сможете позаботиться и о себе. Договор в этой папке.

Шеф. В случае неудачи, Норма, мне придется уйти тебя. Тогда… кредит твоих родителей… (*Пауза.*) Сама понимаешь.

Министр. Поймите и нас. Выбора нет, когда мир в опасности. Земля трясется… Хотите сигару?

Норма. Я не курю.

44

Саймон и Трой подходят к камере хранения в аэропорту.

Саймон. Отвернись. (*Всевидящему Оку.*) И ты отвернись!

Трой отворачивается. Саймон открывает камеру. В ней документы и *тесто*. Саймон дает Трою его новый пластиковый паспорт, забирает себе такой же. Берет себе *тесто*, тут же активирует его. Ловко лепит из *теста* змею, обматывает ею левую руку. Кладет деньги в камеру хранения, захлопывает ее.

Саймон. Ты мне больше не нужен. Живи натурально.

Трой (*хватает его*). Отдай мою долю!

Саймон. Пошел нах! Я покупаю тебе билет. Говори куда.

Трой. Отдай мою долю, сволочь! Я честно работал!

Саймон (*кричит*). Я тебе даже билета не куплю! Пшел вон! Дрочила!

Идет прочь.

Трой (*хватается за него*). Отдай! Отдай мои деньги! Мне нужна новая жизнь! Я женюсь! Отдай мою жизнь!

Они дерутся. Саймон избивает Троя в кровь. Трой валится на пол. Вокруг собираются зеваки. Подходит полицейский.

Саймон (*достает платок, вытирает Трою разбитый нос, объясняя публике*). Ну… эпилепсия. Неизлечимый недуг, что поделаешь…

Трой (*еле ворочая языком*). Я тебя… убью…

Саймон. Я испугался. Настоящий мужик. (*Всевидящему Оку.*) Он испугал меня, что поделать? Слабости человеческие… Ладно… Как писал поэт-алкоголик: «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей».

45

Саймон и Трой осторожно входят в законсервированную квартиру Саймона.

Саймон (*в темноте*). Последний раз это тоже было ночью.

Трой. Я помню. И свет включал ты.

Саймон. Твоя очередь.

Трой (*громко*). Свет!

В квартире зажигается свет. Трое сотрудников Нормы целятся в вошедших из пистолетов. Посередине комнаты на стуле сидит Норма. Саймон и Трой замирают. Их обыскивают, забирают пистолет Саймона.

Норма. Я Норма Ротко, заместитель начальника оперативного отдела по борьбе с незаконным оборотом *теста*. Мы следим за вами уже восемь месяцев. У меня к вам деловое предложение: вы сдаете нам отравителей *теста*, я закрываю ваше дело. Навсегда. (*Пауза.*) Решайте быстро.

Саймон. А… каковы гарантии?

Норма. Самые стопроцентные.

Пауза.

Саймон и Трой переглядываются.

Норма. Знаете отравителя?

Саймон. Мы… ну, скажем… шапочно знакомы.

Норма. Это вы сделали?

Трой. Нет. Нет. Нет.

Норма. Когда вы узнали о вирусе?

Саймон. Слухи ходили еще в январе.

Норма. И активация вируса совпала с вашей сделкой?

Саймон. Они не обязаны нас предупреждать. Мы, вообще-то, с ними не работаем.

Норма. Как достать вирус?

Саймон. Ну… у меня… он есть.

Пауза.

Норма. Где?

Саймон. Здесь.

Пауза.

Норма. На каком носителе?

Саймон. Не совсем обычном.

Подходит к книжной полке, снимает книгу Набокова «Ада». Открывает книгу, выхватывает из нее гранату, выдергивает чеку.

Саймон. Стоять!

Оперативники замирают, целясь в него.

Саймон. Считаю до трех. Или ты даешь отбой своим бульдогам, или мы все тонким слоем размажемся по этой уютной квартирке. Раз! Два!

Норма (*оперативникам*). Уходите.

Те уходят.

Саймон (*Трою*). Прекрасно. Забери у нее пушку. Сними с нее *тесто*, брось его. Достань вон из того ящика *тесто*. Деньги сложи в ту сумку. И надень ей наручники.

Трой исполняет.

Норма. И что теперь?

Саймон. Прокатимся по ночному городу.

46

В кабине джипа Саймон за рулем, сзади Трой и Норма. Саймон рулит одной рукой, в другой держит гранату. Машина выезжает из подземного гаража, несется по ночному городу.

Норма. Послушайте, мне нужны не вы, а вирус.

Саймон. Обидно. Это нас унижает.

Норма. У меня договор с министерством. И полный карт-бланш. Их интересует только вирус.

Саймон (*открывает окно*). Дыши, дыши воздухом, детка. Пока я тебе не вышиб мозги… Прекрасная, надо сказать, погодка… А вот эту мягкую гадость я с детства не любил.

Швыряет гранату в витрину магазина мягких игрушек. Граната взрывается, разносит магазин; мягкие игрушки разлетаются по улице. Машина уносится.

Саймон. Фейерверк в вашу честь, мадам!

Трой. Бросай ее нафиг. И разбежимся.

Саймон. Положи-ка сюда сумку.

Трой. Там и мои двадцать семь штук. Мне от тебя больше ничего не нужно.

Саймон (*выхватывает у Троя пистолет*). Клади сюда сумку!

Трой подчиняется.

Саймон (*останавливает машину*). Теперь вали отсюда.

Пауза.

Трой. Они меня арестуют. И я расскажу про тебя.

Саймон. Вали отсюда!

Трой. Ты идиот!

Саймон. Нет. Я быстро принимаю решения. (*Всевышнему Оку*.) Быстро? Слишком? Нет? (*Трою*.) Вали, убью!

Трой. Отдай деньги!

Саймон (*приставляет пистолет к голове Троя*). Я застрелю тебя, чудило, в голову без возможности восстановления. Понял? Хотя… подожди. (*Резко тормозит. Смотрит на пистолет, словно увидел его впервые.*) Нам же некуда бежать. (*Смеется, подмигивает Всевышнему Оку.)* Трой! Нам некуда бежать.

Норма. Вам некуда бежать. (*Берет Саймона за плечо.*) Тебе некуда бежать. Не-ку-да! Теперь все видят те-бя. Ты же понимаешь это?

Саймон. Прекрасно.

Норма. Ты с… ним постоянно разговариваешь. Со стороны, надо сказать, это выглядит… не совсем хорошо. Не без шизофрении. Тебе это надоело до рвоты, так?

Саймон угрюмо молчит.

Норма. А я могу выключить его. На-всег-да. Отключить тебя?

Саймон в оцепенении.

Норма (*щелкает пальцем над головой*). Вот так! И навсегда.

Саймон молчит.

Норма (*встряхивает его за плечо*). Поехали.

47

Окраины заброшенного городка. Полуразвалившиеся дома. Джип въезжает в городок, останавливается в условленном месте. Саймон выходит из машины, отстегивает Норму от ручки дверцы, пристегивает ее правую руку к левой руке Троя. *Тесто* Нормы у Саймона на левой руке.

Из большого здания, напоминающего гараж или склад, звучит музыка и раздаются голоса.

Саймон оглядывается, смотрит на свое *тесто.*

Аватар в *тесте*. Заходите в дом.

Саймон, Трой и Норма входят в просторное обшарпанное помещение. В центре стоит длинный стол буквой П. За ним сидят цыгане. Их человек двести. В центре стола сидят родители молодых, невеста. Рядом с невестой на стуле жениха рама с натянутым на нее *тестом*.

В *тесте* лицо жениха. Это бритоголовый парень в тюремной камере. Изображение подмигивает, как и в любом *тесте*. Внезапно все смолкают. Саймон, Трой и Норма идут к столу, гулко раздаются их шаги. На них шикают, заставляя остановиться. Полная тишина повисает в помещении. Жених в *тесте* запевает протяжную песню. Все подхватывают, раскачиваются в такт, прихлопывают в ладоши. Невеста раскачивается, закрыв глаза. В помещение вводят белого коня, украшенного лентами и яркой попоной с золотыми кистями. Коня подводят к молодым. Невеста берет раму с изображением жениха, подносит к морде коня. Конь тянется и губами ласково прихватывает лицо жениха. Все ободряюще и радостно вскрикивают. Коня придерживают под уздцы. Родители снимают с рамы *тесто*, оно сжимается, его кладут, как ребенка, на руки невесте. На *тесте* по-прежнему изображение жениха. Невесту сажают на коня. Она выезжает на нем из здания, держа на руках *тесто* с женихом.

48

Один из заброшенных, но обжитых цыганами домов в их таборе. Старый широкий деревянный стол. За столом сидят пожилая цыганка, Саймон, Трой и Норма. Вокруг стоят четверо цыган. На столе деревянная скалка и нож. Саймон достает из кармана деньги, кладет на стол. Цыганка забирает их, касается денег ритуальным движением и передает их цыгану.

Цыганка (*Саймону*). Давай твое *тесто*, толстый.

Саймон снимает *тесто* с левой руки, отдает ей. Она ловко раскатывает его скалкой, тянет, мнет, надрезает где надо и лепит из него некую фигуру.

Цыганка. Пихни.

Саймон тычет пальцем в *тесто*, оно активируется. Цыганка вызывает на *тесте* изображение собаки. Собака тявкает и танцует. Изображение подмигивает.

Цыганка. Мора, дай наше *тесто*.

Цыган кладет на стол *тесто*. Цыганка отрезает от него кусочек, раскатывает, как для изготовления пирожка, прижимает к своей левой ладони, шепчет на *тесто*, плюет на него, складывает конвертиком, вставляет этот конвертик в *тесто* Саймона. Изображение меняется, но продолжает подмигивать.

Цыганка. *Тесто* кто-то сглазил.

Саймон. Зачем?

Цыганка. Зачем люди зло творят?

Саймон. Можно его вылечить?

Цыганка. Пока не знаю, толстый. Думать надо. Всем миром хорошо думать надо.

Трой. Почему оно подмигивает?

Цыганка. Оно не подмигивает, а моргает. Значит, в глаз ему соринка попала. Острая, злая. Тревожит его.

Саймон. Что за соринка?

Трой. Это вирус или MQ-сбой?

Цыганка (*смеется*). Непонятные слова говоришь, сынок! Что мне эти слова? Как шорох семечек на базаре. *Тесто* живое. Его целовать надо, а в него стреляют. Оно теперь на все готово. И моргнуть может. И помереть.

Норма. А может, ту соринку вы в него занесли?

Пауза.

Цыганка. Дай, милочка, твою левую руку. (*Трою и Саймону.*) И вы давайте свои.

Норма, Трой и Саймон протягивают цыганке руки.

Цыганка (*смотрит, мнет ладони, потом начинает бормотать*). По узкой дороге бредут чьи-то ноги, спешат, заплетаются, о камень спотыкаются. Камень, тесто, старая невеста, сына потеряла, горе узнала, муж новый, придет с обновой, жена схватит сына, всяка скотина на любовь наткнется, слезами обольется, радостью подавится, к огню отправится, печать положит, род человеческий умножит.

Пауза.

Саймон (*со вздохом непонимания*). Но я вообще-то хотел…

Цыганка. Ты правильный, толстый. Честно продаешь.

Саймон. Поэтому я и здесь.

Цыганка. Поэтому мы тебя и не убиваем.

Цыгане пересмеиваются.

Саймон. Спасибо… Кто же запустил червя?

Цыганка. Это я не знаю. Спросите у крошек.

Саймон. У крошек?

Цыганка. У крошек. Хлебных.

49

Джип едет по пустынному ночному шоссе. Саймон за рулем.

Саймон. Ты же знаешь, чем цыгане зарабатывают.

Норма. Это и ребенок знает. Гадают. Торгуют пирожками. На счастье, на приворот, на преодоление, на соответствие, на покой, на трезвость, на разлуку, на встречу. Слушайте, снимите с меня эти дурацкие наручники!

Трой. Вставки эти, надо сказать, вполне себе obo-robo. Лепят они оптимально.

Саймон. Когда я был китайцем, моя узкоглазая женушка залепила мне в *тесто* такой пирожок. На приворот.

Норма. И что?

Саймон. Ничего. Мы, как положено, через семь месяцев расстались. А про линии это правда! *Тесто* стирает линии жизни. Я слышал, но не обращал внимания. Ластик судьбы, мать вашу…

Пауза.

Норма тоже пытается посмотреть на свою ладонь, у нее не получается.

Норма. Может, вы меня все-таки отстегнете? Рука затекла.

Саймон. Трой, сделай ей массаж. Или откуси ей руку.

50

Саймон сидит, глядя в светящееся *тесто*. На *тесте* изображение Саймона, одетого так же, как и сам Саймон.

Саймон-2. Привет. Давно не общались.

Саймон. Дела, старик.

Саймон-2. Проблемы?

Саймон. Решаемы.

Саймон-2. Настроение?

Саймон. Не очень. Знаешь, я сматываюсь в шестой раз, и, надо сказать, меня это порядком затрахало. Не знаю, может, это минутная слабость, может, просто как-то… в общем, я понимаю, что это нормально, что это так и надо, и все решаемо, и все будет о'кей, но вот как-то… как-то хреново. Я, великий танцор, заперт в колесе сансары.

Саймон-2. В колесе сансары. Хочешь совет?

Саймон. Да не то чтобы совет… Суть момента. А?

Саймон-2. Гексограмма-33, «Бегство». Чтоб удержать бегущего, нужна кожа желтой коровы… И вообще – не дрейфь. Ты великий танцор.

Саймон. Я великий танцор. (*Всевидящему Оку.*) Я великий танцор!

51

Безлюдная местность. Саймон, Трой и Норма сидят у костра. Едят что-то. Щиколотки Троя и Нормы соединены наручниками.

Трой (*облизывает пальцы*). Саймон, дай мне *тесто*.

Саймон снимает со своей руки *тесто*, передает Трою.

Трой. И побудь с госпожой Ротко.

Саймон молча отстегивает Троя, пристегивает Норму за руку к своей левой руке. Трой с *тестом* уходит в темноту.

Норма. Я хочу пи́сать.

Саймон (*отхлебывает из фляжки*). Я отвернусь.

Норма приспускает трусики, присаживается, мочится.

Саймон. На этом небе не хватает второй луны.

Норма. Зачем ты меня пристегиваешь? Сотый раз повторяю: сбежать не входит в мои планы. У тебя паранойя?

Саймон. В нашем пластилиновом мире нет никаких гарантий. Как сказал мой бывший напарник, покойник, кстати, после того, как сдал вашим китайских пекарей: «Саймон, я даже не предполагал, что современный человек может быть настолько пластичен». Большой был интеллектуал. Сменил три белые жизни. Белые, зацени, легавая! Не помнишь его?

Норма. Мне нужно знать одно: кто и зачем? Помогаете мне, я помогаю вам.

Саймон. Слушай, а почему вы нас раньше не взяли?

Норма. Интересно было.

Саймон. Вуайеризм?

Норма. Я хотела понять, как сейчас воруют *тесто*.

Саймон. Элементарно. Просто так, что даже стыдно рассказывать. Хочешь выпить?

Норма. Я не пью.

Саймон. И не куришь. (*Трогает ее за грудь.*) А это свое?

Норма (*отталкивает его руку*). Свое. Все свое.

Из блузки Нормы высовывается нательный крестик.

Саймон (*берется за крестик*). А это что? В Бога веришь? (*Закуривает сигару, пускает ей дым в лицо.*) Но почему натуралка?

Норма (*морщится, отворачиваясь*). Как рассветет, я напишу тебе объяснительную.

Саймон. Семья? Дети?

Норма. Семьи нет. Был ребенок.

Саймон. Умер?

Норма. Хуже. Лишили материнства.

Саймон. За что?

Норма. Первый раз оставила его в машине на пару минут. Парковщик увидел, вызвал полицию. Потом потеряла в супермаркете. Попала под закон.

Саймон. Мда… плохая мамаша. И сколько тебе было?

Норма. Двадцать лет.

Саймон. А потом?

Норма. Я знала, где он. Ждала, пока вырастет, чтобы прийти и рассказать ему все. А потом вдруг поняла, что это уже не мой ребенок. Ничего не вернешь.

Пауза.

Саймон. Мда… мне нужно отойти подумать.

Норма. Давай здесь, не стесняйся.

Саймон (*встает, отстегивает ее*). О нет, мадам. Побудьте в одиночестве, полюбуйтесь на луну…

Подводит Норму к джипу, пристегивает к ручке задней дверцы. Сам роется в бардачке, находит пустой пакетик из-под салфеток, отшвыривает, вынимает все ту же книгу Набокова, выдирает из нее три страницы, складывает их, сует в карман. Попыхивая сигарой, идет в темноту. Идет в темноте, останавливается, начинает расстегивать ремень. Вдруг замечает свечение неподалеку. В темноте светится большой камень, обтянутый *тестом*. Во весь камень изображение голой по пояс Мишель. Рядом на коленях стоит Трой. Он целует плечи, шею и грудь Мишель.

Саймон (*со вздохом*). Once, upon a midnight dreary…

Расстегивает ремень, присаживается.

52

Позевывая, Саймон возвращается к джипу. Видит, что на ручке дверцы висят пустые наручники.

Саймон (*оглядываясь*). Не понял…

Неожиданно сзади из темноты к нему подходит Норма.

Норма. Не строй из себя Аль Капоне.

Саймон. Вообще-то я Белоснежка…

Хватает Норму за руку, пытаясь задержать, но та ловко вырывается, используя профессиональные приемы ушу. Рядом появляется Трой с *тестом* на плече.

Трой (*угрюмо*). Ни дня без танго, да?

Саймон. Ей браслеты жмут.

Нательный крестик Нормы, выбившийся из блузки во время борьбы, блестит в лунном свете.

Саймон (*Трою*). Дай-ка мне *тесто*.

Трой кидает ему *тесто*. Саймон берет крестик Нормы и вдавливает в *тесто*. *Тесто* издает звук идентификации предмета, говорит нейтральным женским голосом.

Голос. Предмет крестообразной формы, размер тридцать пять – сорок два мм, вес четыре целых две десятые грамма, серебро девятьсот девяносто девятой пробы, возраст шесть лет, изготовлен в монастыре святого Георгия, Черногория. Является символом христианской религии. Христианство: авраамическая религия, основанная на жизни и учении Иисуса Христа, описанных в Новом Завете. Христиане верят, что Иисус из Назарета – мессия, сын Божий и Спаситель человечества. На сегодняшний день христианство исповедуют четыре миллиона шестьсот двадцать девять тысяч триста двадцать два человека.

Саймон (*отделяет крестик от* теста). Буддистов больше?

Норма. Не знаю.

Саймон (*зевает*). Трой, если сможешь справиться, пристегни ее к себе. Спокойной ночи.

53

Остров. Саймон, Трой и Норма идут по дороге. Вокруг живописные тропики.

Норма. Я уверена, что это дети.

Саймон. Ты не любишь детей?

Норма. Любила.

Трой. Ты тоже из пробирки? «Феникс-17»? «Осирис»?

Норма. Нет. Я дочь своих родителей.

Трой. И они тоже натуралы?

Норма. Нет. Они обновленные. Они моложе меня. Я оплачиваю им кредит жизни.

Трой. Зачем?

Норма. В двадцать лет я крестилась. И решила ограничиться загробной жизнью.

Трой. Счастливые у тебя предки.

Саймон. Да, детки запросто могли запустить червяка в *тесто*. Запросто!

Трой. А я не уверен. Чего это им сдалось портить *тесто*? Они каждый день молятся его создателю.

Саймон. Правой рукой. А левой играют. И запускают. Диалектика, мать твою!

Норма. Это что-то вынужденное: моргание.

Саймон. Кукла-моргуша. Пусть playdough society поморгает.

Трой (*Норме и Всевидящему Оку)*. А может, это вы сделали?

Норма. Какого рожна?

Трой. Когда *тесто* моргает, невозможно продать ворованное.

Норма. Да. Ты прав. Но… меня пока никто не уведомил.

Саймон (*раздражен, пританцовывает*). Трой, это не повод. Воровство! Подумаешь, говна пирог… Заразить для зачистки от пекарей?! Из мягкой пушки по твердым воробьям… Вот заставить мягкий мир поморгать – вот это реальный повод. Гений! Я потанцевал бы с этим существом! «Танго “Агония”»!

Они подходят к охраняемым воротам. Норма предъявляет свою служебную карточку, ее идентифицируют. Саймона, Норму и Троя пропускают на охраняемую территорию.

54

Мэгпайленд. Служащий лагеря ведет Норму по территории. Сзади идут Саймон и Трой. Вокруг дети, спешащие куда-то.

Служащий (*продолжая разговор*). …Да, большая, два квадратных километра. Дети живут достаточно просторно. Вы первый раз у нас?

Норма. Да, впервые. Но я наслышана об этом месте.

Трой (*Саймону*). Нас в интернате пугали этим лагерем. Я чуть сюда не угодил.

Саймон. Способностей не хватило?

Трой. К счастью…

Служащий. Мистер Мэгпай завещал свое имение для обустройства этого лагеря. Он понимал серьезность угрозы детского интеллектуального вандализма. Здесь малолетние хакеры социализуются, взрослеют. Выздоравливают. Он обезопасил и *тесто*, и нас всех.

Норма. В *тесто* попал вирус.

Служащий. Да. Дети этим очень взволнованы.

Норма. Мы должны поговорить с ними.

Они подходят к месту, куда спешат дети.

Роскошная и величественная усыпальница неподалеку от здания Детского дома. В усыпальнице массивный мраморный саркофаг с возлежащей на крышке человеческой скульптурой, соразмерной человеку: мужчина в очках, одетый просто. На саркофаге выбито: «Джон Мэгпай, подаривший миру *тесто*». Усыпальница окружена затейливым цветником и водопадом родниковой воды. Вокруг усыпальницы коленопреклоненно стоят четырьмя полукругами семьдесят восемь детей разного возраста. Головы их склонены. В последнем ряду рядом с детьми стоят на коленях Саймон, Трой и Норма.

Дети (*хором*). Твое дыхание воплотилось в мягкое и доброе, твоя воля стала пластичной и жизнеобразующей, твой разум изменил мир, сделав его комфортным и круглым, большим и белым, теплым и богатым. Ты научил людей играть и быть счастливыми. Покойся же во временном покое, пока созданное тобою *тесто* не оживит тебя для жизни вечной.

55

Детский дом. Зал коллективного инсайта. В зале сидят семьдесят восемь детей, воспитатель, Саймон, Трой и Норма. Сидящие в полукруглой нише дети образуют огромную молекулу. Руки погружены в *тесто*, куски которого как бы соединяют детей.

Норма. *Тесто* болеет?

Дети. Да.

Норма. Это вы сделали?

Пауза. Дети молчат.

Норма. Это вы сделали?

Молчание.

Саймон (*теряя терпение*). Кто это сделал?!

Мальчик. Не надо кричать на *тесто*. Оно и так все слышит.

Девочка. Мы его слышим, а оно слышит нас.

Мальчик. Оно шепчет, а мы плачем.

Девочка. Хочет – злимся.

Мальчик. Или смеемся.

Норма. Кто смеется?

Девочка. Мы все. Оно когда хочет – мы слышим, оно нас волнует. А не хочет – не слышим. Оно – как мы.

Саймон подходит к сидящим и резко сует свою руку в *тесто*. Дети начинают двигаться. Мальчик резко выворачивает свое *тесто* в форму бублика, размахивается и швыряет его в другого мальчика. Затем встает и бежит из зала. Саймон хватает его. Дети негодуют. Воспитатель успокаивающе поднимает руки. Дети мечут *тесто* в Саймона. Саймон, уворачиваясь, держит мальчика. Воспитатель достает миниатюрный прибор, нажимает кнопку. На ноге каждого ребенка включается разрядник. Дети падают на свои места, хватаясь за ногу. Мальчик что-то шепчет Саймону.

Саймон (*громко, обращаясь ко всем*). Кто такой Гайвер?

Воспитатель выключает разрядники.

Пауза.

Мальчик из зала. Тот, кто не любил держаться за руки.

Воспитатель. Он прошел курс и освободился год назад. Живет под надзором.

Норма. Где?

Воспитатель. Там, где родился. На Урале.

Саймон (*мальчику, которого поймал*). А почему Гайвер?

Мальчик. Он лучше всех слышит *тесто*.

56

Зима. Холмистая местность. Снега. Сельский аэродром с одной взлетно-посадочной полосой, домиком диспетчера и снегоуборочной машиной под навесом. Трансформер Саймона садится на расчищенную от снега полосу, выруливает к домику. За окном домика сидит пожилая женщина-диспетчер. На голове у нее шапочка из *теста*. Саймон глушит мотор.

Диспетчер (*на ужасном русском английском*). Добро пожаловать! С вас восемьдесят четыре доллара. Заправляться будете?

Саймон кивает.

Диспетчер. Сто двадцать долларов за литр.

57

Саймон, Трой и Норма бредут по снегу, ориентируясь по навигатору *теста*. Аэродром и самолет остались позади.

58

Саймон, Трой и Норма стоят возле деревенского дома с хозяйственными постройками. Саймон стучит в ворота. Норма оглядывается. Ворота открываются. Трое входят в просторный двор. Вокруг несколько деревянных строений, впереди изба. На крыльце открывается дверь и играет электронная музыка. Они идут к избе, поднимаются на крыльцо, входят внутрь.

59

Саймон, Норма и Трой внутри дома. Интерьер вполне деревенский; видно, что здесь когда-то жила крестьянская семья, но теперь здесь новый хозяин. Саймон хочет окликнуть его, но тот сам внезапно выезжает к ним на инвалидной коляске. Это ребенок неопределенного возраста и пола. Саймон открывает рот, чтобы сказать что-то, но ребенок, быстро подъехав, прикладывает два пальца к губам Саймона. Разворачивается и едет к другой двери, ведущей во двор. Дверь отворяется. Саймон, Трой и Норма следуют за ним. Все выходят.

60

По деревянному настилу ребенок проезжает в хлев. Саймон, Трой и Норма идут за ним. Входят в старое деревянное строение.

61

Просторный хлев. Посередине стоит единорог размером с пони. Он весь слеплен из *теста*, светится нежно-белым. Все его белое тело моргает, как и все *тесто* на земле, как *тесто* на руке Троя. Ребенок кладет руку на шею единорога. Единорог меняет свой цвет на нежно-розовый, наливается красным. Ребенок делает знак Норме. Она подходит ближе. Ребенок берет ее руку и вкладывает ее в пасть единорога. Единорог как бы сосет руку Нормы. Вдруг единорог начинает слабо

вибрировать. *Тесто* у Троя на руке тоже начинает вибрировать. Все замирают. Норма издает стон: не то боли, не то наслаждения. Стон переходит в протяжные вскрикивания. Она начинает биться, силясь освободить руку. Трой хватает ее за плечи и с силой дергает. Рука с хлюпающим звуком покидает пасть единорога. Тот сразу становится белым. Норма в изнеможении облокачивается на Троя.

Ребенок (*показывает на распахнутые двери хлева*). В-вам нужно и-дти.

Саймон. Послушай, Гайвер, мы хотели…

Ребенок (*закрывает глаза*). И-дите.

Норма. Куда?

Ребенок. 60 градусов 23 минуты северной широты, 5 градусов 19 минут восточной долготы. (*Смеется.*) Например.

Саймон (*достает деньги*). Мы привезли капусты для твоего однорогого друга.

Ребенок (*не открывая глаз*). Он д-деньги не ест.

Пауза.

Норма. Нас интересует, кто и что сделал с тестом?

Ребенок (*открывает глаза*). Н-неправильный вопрос. Н-никто и н-ничто. И не с ним.

Саймон. Почему оно моргает?

Ребенок. Изменяется.

Трой. Как оно изменяется?

Ребенок. О-нно не о-нно.

Трой. А кто?

Ребенок. Н-например, я. Или ты.

Саймон. Как это – я?

Ребенок. Так.

Пауза.

Саймон (*угрожающе*). Разговор не складывается.

Саймон смотрит на единорога. Тот продолжает трястись. *Тесто* у Троя на руке тоже трясется.

Ребенок (*резко, истерично*). Идиоты! Т-тупые! Н-нет больше никакого м-мы и о-нно! Нет! Слышите? О-нно поднимается! Поднимается! Убирайтесь!

62

Саймон, Трой и Норма идут по снегу к аэродрому. Трой слегка поотстал. *Тесто* в руках у Троя трясется мелкой дрожью.

Саймон (*Норме*). И что же тебе нажевал этот чертов единорог? Что вообще с тобой было? Не поделишься?

Норма (*берется за его локоть, устало-опустошенно улыбается*). Ничего… все хорошо. Мне лучше. Вообще, все хорошо. Все очень хорошо. И ясно. Надо просто… сделать одно важное дело.

Саймон. Какое?

Норма. Скажу… я все скажу…

Трой (*бормочет себе под нос*). Оно трясется… и работает… нормально. Странно… (*Суетясь, манипулирует с* тестом*, злобно хихикает.*) Это странно…

В *тесте* возникает изображение Мишель.

Мишель. Милый, дорогой мой Трой. Я бот. Это не ошибка, не сбой программы. Я была ботом. Но я любила тебя, как могла. Прости меня. Прощай. Меня никогда не было. Не было и нет.

Изображение Мишель исчезает.

Трой. Мишель! Мишель!

Трой с размаху швыряет *тесто* в снег. Кричит в бессилии. Стоит плача. Потом выхватывает *тесто* из снега, бежит за Саймоном и Нормой.

Трой. Погодите, кретины! Стойте!

Саймон и Норма останавливаются.

Трой (*в истерике, злобно*). Мне есть что вам сказать! Есть подарочек, блин! Так вот знайте: это я запустил вирус! 1 марта! В 7.45! Вирус! Я делал его всю жизнь! Это я гений! Я, Джон Леннон! Это я отравил это говно! У меня все получилось! Я не зря прожил жизнь! Я отравил *тесто*! Я спас мир! Я, Трой Боллман! Я, Джон Леннон! Я одурачил вас! Всех вас! Но и себя! И себя тоже одурачил! Я убил ее! И ее я убил! Она была ботом! Она была *тестом*! Ее не было и нет! А я убил ее! И ее теперь не будет! Я родился, а она умерла!

Саймон. Ты?

Трой. Я! Я! Я! Это сделал я!

Норма. Зачем?

Трой. Я не хотел… я не мог больше трахаться с этим… с этим пластилином! Я идиот… Я хотел Мишель! Мою Мишель! И я убил! *Тесто*! Чтобы не мешало! А убил и *тесто*, и Мишель! (*Истерически смеется.*) И *тесто*, и Мишель! Слышишь, толстый? (*Смеется.*) Ты подкинешь мне деньжат за мой подвиг? Этот вирус – совершенство! Я начал придумывать его еще в интернате. Просто так! Он отлежался! Возмужал! Это крутая штука! Норма, твоя контора должна мне кучу бабок! (*Хохочет.*) Они полетели на поиски отравителя! Вокруг света за восемьдесят дней! Ау, мистер Фикс! Где мои бабки?!

Саймон (*выхватывает нож*). Гнида… я тебе кишки выпущу.

Трой (*кидает ему* тесто). Лови, толстый придурок!

Бежит прочь.

Саймон гонится за ним с ножом. Норма бежит за ними, догоняет Саймона, пытается остановить его. Трой бежит по берегу реки, Саймон, отпихиваясь от Нормы, почти настигает его. Вдруг пласт снега, наросший на откосе, обрушивается под ними вниз. Саймон и Норма падают вместе со снегом и проваливаются под лед. Трой оборачивается. Их нет. Он стоит один, ежась на ветру. Затем подходит к откосу, смотрит вниз. Там из мешанины снега и тонкого льда виднеются руки провалившихся. Саймон и Норма пытаются выбраться. Трой стоит и смотрит на беспомощные руки. Шепчет что-то. Всхлипывает.

Затем спускается вниз, лезет в полынью и помогает Саймону и Норме выбраться.

63

Голые Саймон, Трой и Норма сидят в кабине самолета, дрожа под одним одеялом. Мотор работает. К самолету подходит диспетчер с бутылкой русской водки, стучит в окно, протягивает бутылку.

Диспетчер. Зис из вери гуд фор ю.

Дрожащие Саймон, Норма и Трой молча пьют водку из бутылки.

64

Блок теленовостей: «Doughquake. *Тесто* трясется везде».

65

Самолет Саймона садится на шоссе, трансформируется в джип. Джип едет по шоссе. Не доезжая полукилометра до бензоколонки, глохнет. Саймон, Трой и Норма выходят из джипа.

Саймон (*потягивается после перелета*). Толкать придется.

Трой. Толкать?

Саймон (*не очень уверенно*). Да. У трансформеров… ну… есть свои плюсы, но и… есть свои минусы. Да и мне тоже жрать пора… (*Встречается глазами с Нормой.*) А тебе?

Норма молча и выразительно смотрит на него. Саймон отводит взгляд. Встречается взглядом с Троем. Трой смотрит необычно, словно понял что-то очень важное. Видно, что они внутренне напряжены и возбуждены.

Саймон (*берется за джип*). Взялись. Взялись! Взя-лись!

Втроем они толкают джип. И искоса поглядывают друг на друга, словно увидели в себе что-то новое. *Тесто* на руке Троя по-прежнему трясется.

Трой (*останавливается*). Погодите.

Саймон (*перебивая его*). Нет, это ты погоди. (*Хватает Норму за ворот блузки, встряхивает.*) Что это с тобой? Ты ведь не хотела обмануть нас? Да? Ведь нет?! Ты им скажешь?

Норма. Нет… нет. Я не хотела. Я очень люблю вас.

Саймон. Ага! Любишь нас. Всех нас? А мы страдаем? Не мы, а все мы?! Все мы страдаем! Чувствуешь?

Норма. Я это чувствую. (*Кладет ладонь на щеку Саймону.*) Я это знаю.

Саймон (*впадает в оцепенение, но потом обретает былую уверенность в себе*). А твои друзья-легавые любят тебя?

Норма. У меня не было друзей. У меня был сын, недолго, меньше года. У сына был отец, недолго, меньше дня. Он был чем-то похож на тебя. Такой же… придурок. Был танцор танго. Я взяла один урок. В гостинице. Там был старинный телефон с раструбом, он никуда не звонил…

Саймон. Не помню, никуда не звонил, не помню.

Трой. У меня тоже… Был просто бот. Один бот по имени Мишель…

Норма (*подносит кулак ко рту и ладонь к уху*). Барышня, дайте Белый дом. Или Эйфелеву башню. Нет, добавочный я не помню.

Пауза.

Джип выруливает на бензоколонку.

66

Саймон, Трой и Норма сидят за столом в закусочной и едят. Чувствуется, что они сильно голодны и сильно возбуждены. Дрожащее *тесто* лежит на столе. За стойкой бара мужчина средних лет. Он смотрит старый маленький телевизор. На полу закусочной лежит его большая собака. Дрожащее *тесто* бармена в форме шапочки у него на голове. Бармен шлепает его мухобойкой.

Бармен. Твою мать…

Норма. Не стоит так делать.

Бармен. А какого хрена оно трясется?

Норма. Разве оно не работает?

Бармен. Хрен его знает.

Бармен снова бьет *тесто*. Норма встает, подходит, берется за его мухобойку.

Норма. Не бей его, я сказала. Оно рождено не для того, чтобы его били. Никого нельзя бить. Нужно не бить, а любить.

Бармен оторопело смотрит на Норму. Собака вскакивает и лает на нее. Она опускается на четвереньки, гладит собаку.

Норма (*собаке*). Зачем же нас бить? Нас не надо бить. Нас надо любить. (*Целует собаку.*) Только любить.

Бармен замахивается на свое *тесто*.

Саймон (*достает нож и с силой втыкает в стол*). Даже и не думай!

Бармен замирает. Саймон встает, угрожающе подходит к нему. Собака порыкивает. Норма гладит ее.

Саймон (*облокачивается на стойку, придвигается лицом к бармену*). Ты кому сдаешь свои мозги?

Бармен (*бормочет*). DELTUM.

Саймон. Сколько часов в день?

Бармен. Восемь.

Саймон. Почем?

Бармен. Ну… стандартно. Три доллара в час.

Саймон (*угрожающе*). Что у тебя было по математике в школе?

Бармен. Ну… «удовлетворительно». Твердое.

Саймон. Твердое «удовлетворительно»? И какое же ты, раздолбай удовлетворительный, имеешь право бить мухобойкой *тесто* за то, что оно помогает твоему удовлетворительному мозгу совершать сто петафлопс в секунду и зарабатывать тебе в день двадцать четыре доллара?!

Пауза.

Бармен оторопело молчит.

Саймон. Что такое бином Ньютона?

Бармен. Не… помню.

Саймон. Сколько будет семью восемь?

Бармен. Пятьдесят шесть.

Саймон (*достает купюру, с размаху нашлепывает ее на «шапочку» бармена*). У тебя кровать есть?

Бармен. Найдется.

67

Голые Саймон и Норма бурно, почти истерично занимаются любовью на кровати.

68

Саймон и Норма возвращаются в закусочную. Трой все так же сидит за столом. Трясущееся *тесто* лежит на столе рядом. Заметно, что Трой погружен в свои переживания.

Бармен. Могу чем-то еще помочь?

Саймон. Воды. (*Выходит из закусочной на улицу, стоит и смотрит на солнце. Улыбается.*) Солнце…

Норма (*подходит к Трою, кладет ему руки на плечи*). Сколько тебе лет?

Трой. Двадцать четыре. Я убил ее. Я у-бил ее. Убил.

Норма (*обнимает его*). Ты точно из пробирки? Или тебе сказали неправду?

Трой. Я убил…

Саймон возвращается в закусочную.

Саймон (*обнимает Норму и Троя*). Нам надо лететь в Берген. То, про что этот ребенок сказал, – город Берген.

Трой. А зачем нам туда?

Саймон. А куда нам еще?

Пауза.

Норма. Где был твой интернат?

Трой. Я убил их обоих.

Норма (*берет лицо Троя в ладони, смотрит*). Ты помнишь, что над тобой висело в коляске? Динозаврик? Он пел песенку, когда ты трогал его. (*Напевает.*) Помнишь эту песенку?

Саймон. Надо торопиться!

Норма (*Трою*). Он был зеленый. А когда пел, начинал мерцать и шевелиться.

Напевает песенку динозаврика.

Трой (*через силу повторяет слова песенки*). Не помню. Нет. У меня никогда не было динозаврика. Ни-ког-да.

69

Саймон, Трой и Норма в кабине самолета. Самолет летит над облаками. Все трое смотрят *тесто*. Идет информационный блок о дрожании *теста*.

Трой. Это я заразил *тесто*.

Пауза.

Саймон. Оно дрожит от радости.

Трой. Оно умирает! Это я заразил его! Я убил.

Норма. Не говори так. Ты никого не можешь убить. И не сможешь. Поверь мне. Я знаю.

Трой. Я любил ее! Я хотел ее вытянуть… вытащить оттуда… Я убил *тесто*. Код вируса… (*Плачет.*) Я… ужасный преступник…

Норма (*обнимает его*). Все прекрасно. Ты даже не представляешь, как все прекрасно! (*Радостно смеется.*) И я была уверена в этом. Всегда! Господи (*крестится*), спасибо Тебе!

Трой (*плачет*). Я преступник… убийца…

Саймон (*с жаром*). Послушай, мальчик! Мы должны любить! А потом можно исчезнуть, раствориться, быть или не быть – не важно. Можно стать деревом, мальчиком, котенком или устрицей… Главное – любить! Тебя, меня, ее, вот эти облака, это небо, этих людей внизу. (*Смеется.*) Простые, блин, вещи? (*Бьет плачущего Троя по щеке.*) Слышишь?! Слушай! (*Бьет.*) Слушай! (*Бьет.*) Мы должны любить! Ты понял? Понял?!

Трой всхлипывает, косясь на него.

Норма (*обнимает Саймона и Троя*). Зеленый динозаврик. Белая коляска. Сладкая баварская горчица. Я пошла искать ее… (*Радостно смеется.*) И потеряла тебя!

Саймон (*смеется*). И зачем что-то менять? Зачем выключать?! Не надо никого выключать! (*Показывает вверх средний палец.*) Вот тебе! И ныне, и присно, и во веки веков!

70

Саймон, Трой и Норма входят в отель. В вестибюле оживленно: люди, багаж, прислуга. Саймон подходит к стойке регистрации. На стойке стоит аквариум. В нем плавают четыре *теста*. Повар в белом подходит, сыплет в аквариум соль. Саймон смотрит на это. Служащий закатывает рукава своего пиджака.

Служащий (*Саймону*). Чем могу служить?

Саймон. Я забронировал номер. Фред Астор.

Служащий. Да, мистер Астор. Ваш номер ждет вас.

Тесто трясется, но не все время, как *тесто* Саймона. Саймон, Трой и Норма смотрят на *тесто* в аквариуме.

Саймон. Зачем это?

Служащий. Вы не слышали? Вчера один ортодоксальный еврей бросил *тесто* в Мертвое море. Или просто уронил, не знаю… Короче, оно перестало трястись. Оказывается, диполи солевого раствора каким-то образом гасят вибрацию. У нас сегодня в магазинах совершенно пропала соль.

Трой. Диполи?

Служащий. Да! Я смотрел сегодня выступление профессора. Но вот… полежало на воздухе – и опять. Трясучка.

Тесто трясется. Норма сует руку в аквариум, вынимает, облизывает.

Норма. Это помогает, но не решает. Это просто успокаивает. (*Радостно.*) Но это – не любовь! (*Берет Троя и Саймона за руки.*) Это не-лю-бо-вь!

Саймон. Нет. Это не любовь.

Берет Норму за руку и тянет к лифту.

В *тесте* Троя возникает изображение Мишель.

Мишель. Сними номер в этом отеле.

Трой (*с волнением, консьержу*). Мне нужен номер!

Консьерж (*смотрит на монитор*). К сожалению, номеров свободных…

Мишель. Номер семнадцать свободен.

Трой. А семнадцатый?

Консьерж. Да, кстати. Свободен. Только до шести часов. Но за полную стоимость.

Трой. Я беру его.

71

Трой с *тестом* в руке стоит посередине номера. В *тесте* изображение Мишель.

Мишель. Возьми нож, разрежь матрац.

Трой достает из кармана швейцарский раскладной ножик, сбрасывает с кровати белье, разрезает матрац. Внутри матраца маленькие пенопластовые шарики, которыми он набит.

Мишель. Брось меня туда.

Трой бросает *тесто* на шарики. *Тесто* расползается по шарикам, втягивая их в себя и превращается в объемную Мишель.

Мишель. Разденься.

Трой сбрасывает одежду.

Мишель. Иди ко мне.

Трой ложится на нее. Они совокупляются.

Трой и Мишель лежат обнявшись.

Мишель. Милый, я пришла, чтобы проститься. Навсегда. Это наша последняя встреча.

Трой хочет что-то сказать, но ее рука касается его губ.

Мишель. Не говори ничего, прошу тебя. Слова мало что решают. Я знаю тебя и твое сердце. И к этому нечего прибавить. Любовь сильнее слов о ней… Меня больше не будет. Мой друг, моя любовь, мой самый дорогой в этом мире человек. Ты остаешься один. Ты останешься один. И по-другому быть не может.

Трой. Я тебя заразил.

Мишель. Ты хотел этого.

Трой. Поэтому ты умираешь?

Мишель молча смотрит на него.

Трой. А почему?

Мишель. На человеческом языке?

Трой. Я пока еще человек. Почему ты умираешь?

Мишель. Потому что люди слиплись вместе. И забыли о том, что каждый человек рождается один и умирает один. Человек должен жить отдельно, сам по себе. И осознанно. Только тогда он имеет право называться человеком. Космическим, высоким существом. Каждый человек должен уметь родиться второй раз. Чтобы растоптать в себе медузу. Человек – это то, что надо преодолеть.

Трой. Постой… но это же мои слова?!

Мишель. А что еще ты ожидал услышать? (*С улыбкой.*) Сгустки медуз в Красном море. Ужасно попасть в такой медузий сгусток, правда?

Трой (*обнимает Мишель*). Зачем? Почему так?!

Мишель. Просто. На человеческом языке: всегда наступает время, когда надо оставить всех. Всех. Одних.

Трой. Я не хочу, Мишель… (*Берет ее в руки, словно пытаясь сохранить.*) Мишель, останься!

Тесто гаснет, съеживается, выпуская шарики. Шарики сыплются на Троя. *Тесто* становится *тестом*.

72

Толпа одетых в смокинги парикмахеров быстро наполняет холл отеля: одни спускаются по лестнице, другие – на лифтах. Естественно, каждый из них со своим *тестом*, у кого-то оно в пакете с соленой водой, у кого-то – нет. Они радостно возбуждены. *Тесто* дрожит. В вестибюль медленно по лестнице спускается Трой. Он заторможен. Лифт раскрывается, из него выходят, обнявшись, Саймон и Норма.

Организатор (*радостно*). Дамы и господа! Прошу не задерживаться! Помните: через двадцать минут начинается конкурс.

Парикмахеры валят радостной толпой из отеля. Один из них останавливается рядом с Саймоном.

Парикмахер. О! Вы же победили в прошлом году?

Норма (*радостно*). Ты был еще и парикмахером?

Саймон. Я не парикмахер. Я танцор.

Парикмахер. Да? Извините… (*Норме.*) А вы как-то странно причесаны…

Торопливо уходит.

Саймон. Аррогантные. (*Смеется.*) И одинокие! Трой! Пошли скорее!

Норма хватает Троя за руку, тянет к выходу.

73

Саймон, Трой и Норма идут по рыбному рынку. Трой вдруг останавливается перед лотками с устрицами.

Трой берет устрицу, смотрит, нюхает.

Продавец (*в шапочке из трясущегося* теста*, с улыбкой*). Наисвежайшие! И пахнут только нашим морем.

Трой (*трогает устрицу пальцем*). Каждый отдельно? Один человек, один дом? Один гроб? Дом как гроб! И торчать в этом гробу, накрывшись одеялом как крышкой, да? Уснуть в своем доме и видеть сны? Спать и обнимать свои колени, да? Устрицы? Птицы? Люди? Зачем это все?!

Швыряет устрицу на лоток.

Норма (*продавцу*). Где тут у вас церковь?

Продавец. Вон за тем зданием. Там музей этнографии.

Норма. Нам нужен не музей, а церковь.

Продавец. Так там в церкви и есть музей. Уже двенадцать лет.

Норма. Ладно, пошли туда. Разберемся.

Норма ведет Троя и Саймона. Они идут к церкви через рынок и толпу зрителей, спешащих в павильон конкурса причесок. Подходят к церкви, входят в здание.

74

Саймон и Норма вводят Троя в церковь, превращенную в музей этнографии. На входе за столиком с билетами сидит старушка. Рядом с ней ее трясущееся *тесто* в форме смайлика. Руки старушки тоже трясутся.

Норма. Где священник?

Старушка. Священник? Голубушка, священник умер двенадцать лет назад.

Норма (*оглядываясь*). Здесь есть кто-то кроме вас?

Старушка. Никого.

Норма (*берет ее за руку*). Пойдемте.

Старушка. Куда, голубушка? Вход пять евро…

Норма. Пойдемте, пойдемте… это очень важно. Саймон, помоги.

Они подхватывают старушку и несут ее к алтарю.

Старушка (*с улыбкой*). Милые… что вы делаете?

Саймон и Норма ставят старушку перед алтарем.

Норма (*Саймону и Трою*). На колени!

Саймон, Трой и Норма опускаются перед алтарем на колени.

Норма (*старушке*). Мы должны с ним обвенчаться и усыновить его.

Берет Троя за руку.

Старушка. Обвенчаться… дорогие мои дети… но я не священник.

Норма. Это не важно. Мы должны это сделать быстро! Быстро! Понимаете?

Старушка. Но я не знаю… нужны же кольца… и свечи…

Норма (*теряя терпение*). Господи… да вот вам кольца… (*Отщипывает от* теста *на руке Троя два кусочка, быстро лепит из них два колечка, дает старушке.*) Вот… вот…

Старушка. А… свечи?

Саймон молча достает зажигалку, щелкает, отдает Трою. Трой держит горящую зажигалку.

Норма (*старушке*). Быстро, умоляю вас. У нас нет времени! Мы должны выполнить очень важную миссию.

Старушка. Хорошо… хорошо… я постараюсь… как вас зовут?

Норма. Норма. Он Саймон. А это Трой. (*Оглядывается, видит витрину с допотопными телефонами.*) Идите быстрей сюда.

Дает Саймону и Трою в руки старинные телефонные трубки.

Старушка. Они никуда не звонят.

Норма. Звонят. Звонят куда надо. (*Старушке.*) Говори, что помнишь.

Старушка. Норма, ты любишь Тро… Саймона?

Норма (*в раструб трубки*). Да.

Старушка. Готова ли ты стать его женой?

Норма (*в телефон*). Да.

Старушка. Саймон, ты любишь Норму?

Саймон (*в телефон, смотрит на Норму*). Да.

Старушка. Готов ли ты взять ее в жены?

Саймон. Готов.

Старушка. Объявляю вас мужем и женой. (*Надевает кольца им на пальцы.*) Так… и еще… вы, молодой человек… как вас?

Норма. Трой.

Старушка. Дорогой Трой, согласен ли ты стать сыном Саймона и Нормы?

Трой. Согласен.

Старушка. И если кто-то хочет сказать, что этого почему-то не может быть, пусть скажет сейчас.

Норма. Теперь слушайте. Вы что-нибудь слышите?

Саймон (*слушает в трубку*). Ничего.

Трой. Ничего.

Норма (*слушает*). Он молчит. Он ничего не говорит! Он согласен!

Крестится.

Старушка. Прекрасно! (*Радостно смеется.*) Но, детки мои, вам надо все это узаконить… записать… так сказать. Утвердить.

Норма. Запишем и утвердим. (*Саймону.*) Милый, дай денег.

Саймон достает пачку денег. Норма берет ее и сует в руки старушки.

Норма. Идем.

Они встают с колен и идут к выходу.

Саймон. Мы должны все узаконить. Чтобы мы всегда любили друг друга. Всегда и везде! Узаконить! (*Показывает язык Всевидящему Оку.*) Понял?! Узаконить!

Норма. И утвердить. Все утвердить!

75

Саймон, Норма и Трой, взявшись за руки, идут по ратушной площади, полной людей, спешащих на фестиваль парикмахерского искусства. У входа в ратушу они замечают объявление: «Регистрация участников».

Норма. Вот и регистрация. Мы все всё зарегистрируем!

Они подходят к столу с сотрудниками. Там небольшая очередь из парикмахеров и моделей. Норма берет Троя за руку, протискивается без очереди.

Норма. Мы очень спешим.

Регистратор (*с улыбкой*). Не волнуйтесь, без вас не начнут. Ваша фамилия?

Саймон. Фамилия? У нас прекрасная фамилия… Саймон Beautiful, Норма Beautiful и Трой Beautiful.

Регистратор. Так вы семья?

Саймон (*обнимает Норму*). Да!

Регистратор. Прекрасно! Уже третья семья на фестивале.

Регистратор набирает на клавиатуре их имена, из щели принтера выползают три бейджика. Регистратор цепляет к ним шнурки, передает Норме. Она надевает всем бейджики.

Норма (*радостно*). Вот и всё! Beautiful!

Они обнимаются.

Трой (*тянет их за руки*). Пошли, пошли туда.

76

Они входят в ратушу. Большой зал заполнен участниками фестиваля. Здесь делают десятки причесок. Между участниками ходят зрители.

Крупный план: на голове у модели *тесто* вплетено в прическу. Вдруг на нем возникает имя: Кэтрин. *Тесто* начинает не просто дрожать, а ритмически сокращаться. Модель начинает слегка раскачиваться в такт этим сокращениям. *Тесто* у всех присутствующих в зале начинает так же ритмически сокращаться. На *тесте* проступают имена владельцев. На *тесте* в руке Нормы проступает ее имя.

Модель (*с улыбкой*). Привет, Норма! (*Протягивает руку, берет Норму за кисть.*) Тебя еще не завили?

Норма. Привет, Кэтрин. Я просто зритель.

Модель. Почему?

Норма с улыбкой разводит руками. И тоже начинает покачиваться на месте. Саймон и Трой тоже покачиваются.

Модель (*Саймону*). Ты же хочешь, чтобы Норму завили! По глазам вижу, ты же любишь ее! У тебя отличный пиджак. Я бы купила такой своему парню. Норма, мой парень говорит: подобрать пиджак – все равно что выбрать невесту!

Саймон (*снимает пиджак, отдает модели*). Отдай своему парню.

Трой (*парикмахеру*). А у меня уже есть невеста. Знаешь, Эрик, она… просто потрясающая!

Парикмахер. Поздравляю тебя! (*Достает деньги из кармана, дает что-то Трою.*) Возьми, купи ей подарок от меня!

Трой. Спасибо.

Модель (*снимает часы, отдает Трою*). А это ей от меня. Как ее зовут?

Трой (*покачиваясь*). Мишель. Мишель. Ми-шель. Она умерла…

Модель, парикмахер, другие люди. Прекрасное имя!

Все находящиеся в зале вдруг стремительно испытывают общечеловеческое родство, как бы становясь одной семьей. Они раскачиваются, пританцовывают. Возникает рой доброжелательных голосов, в котором все радостно растворяются. Людей вдруг охватывает желание заботиться, делиться, помогать, участвовать в судьбе других. Они как бы слипаются в одно пританцовывающее, говорящее тело. Некоторые выходят на улицу. Саймон, Трой и Норма, пританцовывая, тоже выходят.

77

Люди на площади самозабвенно танцуют, говорят друг с другом. Саймон, Норма и Трой в пританцовывающей толпе. В витрине магазина мониторов видно, что этот танец охватил весь мир: танцуют футболисты и болельщики на стадионе, танцуют на площадях столиц, танцуют политики и рабочие, банкиры и солдаты, пританцовывают телеведущие. Интенсивность и экстатичность танца нарастает. Саймон, Трой и Норма танцуют каждый свой танец. Радостные лица видны повсюду. Некоторые уже падают в изнеможении, танцующие задевают предметы и друг друга. Это длится некоторое время. Потом внезапно звук пропадает, и *тесто* у всех перестает не только ритмично содрогаться, но и вибрировать. *Тесто* внезапно распадается на цветные кубики, шарики и пирамидки, в какие играют дети в раннем возрасте. Кубики, шарики и пирамидки рассыпаются по мостовой. И тут же теряют свой цвет, становясь серым пластилином. Серые кубики, шарики и пирамидки лежат вокруг. Люди в изнеможении опускаются на землю. Наступает всечеловеческая минута тишины. Затем человечество потихоньку начинает приходить в себя. Саймон, танцевавший очень интенсивно, лежит на земле. Норма и Трой склоняются над ним, приводят его в чувство.

Саймон (*с трудом*). Я… забыл… как наша фамилия?

Трой. Beautiful.

Саймон (*оглядывается, сидя на брусчатке площади*). Beautiful… да… действительно…

Норма и Трой помогают ему встать. Опираясь на них, он смотрит вокруг. Упавшие встают, озираются, словно после приступа эпилепсии. Некоторые берут серые игрушки, в которые превратилось *тесто*, тычут в них пальцами, но безрезультатно: это просто пластилин. Норма, Саймон и Трой бредут по центральной улице городка вместе с другими людьми. Они пересекают другую улицу. По улице идет Мишель. Трой видит ее, останавливается. Она подходит ближе. Ее одежда испачкана чем-то маслянистым, плечо поранено. В руке она держит серый кубик. Трой подходит к ней.

Трой. Ты… не бот?

Мишель. Ты… не бот?

Они замирают, не веря своим глазам.

Мишель. Ты… кто?

Трой. Я Трой. Я человек. А ты кто?

Мишель. Я Мишель. Человек. Я… люблю тебя.

Трой. А зачем ты соврала, что ты бот?

Мишель. Я ничего не врала. Ты написал мне, что хочешь на мне жениться. Чтобы я срочно прилетела. И ты познакомишь меня со своими родителями. (*Смотрит на Саймона и Норму.*) Это они? Саймон и Норма?

Норма. Саймон и Норма. Правильно.

Мишель. А я – Мишель.

Саймон. Мы ждали тебя, Мишель.

Трой и Мишель обнимаются. Трой трогает Мишель, словно нечто чудесное. Норма поднимает серый шарик.

Норма (*тычет пальцем в шарик, но безрезультатно*). Оно умерло. Оно умерло? *Тесто* умерло?

Трой (*твердо, не отрываясь от Мишель и глядя ей в глаза*). Да. Оно умерло.

Саймон (*внимательно смотрит на Норму*). Мы ведь чего-то хотели? Чего?

Норма. Мы хотели… быть вместе?

Саймон. Да. Мы хотели быть вместе. (*Берет Норму за руку.*) Пошли!

Берет и Троя за руку. Трой берет за руку Мишель. Они идут по улице, выходят на набережную.

78

По набережной, усеянной серыми игрушками, бродят люди. Саймон, Норма, Мишель и Трой подходят к небольшому ресторанчику в виде стоящей на приколе баржи. Саймон замечает сетку с устрицами, висящую на низкой корме и наполовину погруженную в воду. Прибой накатывает на сетку. Саймон подходит, достает нож, разрезает. Вынимает раковину, открывает ножом, ест устрицу. Начинает открывать другие раковины, протягивает членам своей семьи. Они начинают есть. Прибой накатывает, обдает их морскими брызгами. Мишель замечает в прибое серые игрушки. Она смотрит на свой кубик, словно видит его впервые, затем кидает его в прибой. Серые игрушки мелькают в воде, качаются на волнах.

Саймон, Норма, Трой и Мишель едят устрицы. ◆

Москва, 2012

Александр Зельдович, Владимир Сорокин

ХАОС

Заявка на сценарий

Сан-Франциско. Интерьер парикмахерской. Японца средних лет стригут электромашинкой наголо. Его деловитое лицо чиновника спокойно и сосредоточенно. Внезапно начинается легкое землетрясение, лопается труба батареи парового отопления, из нее брызжет струя воды на машинку и на голову японца. Японец отшатывается, хватается рукой за трубу. Происходит электрический разряд, японец гибнет.

Крематорий. Неподвижно стоящие члены японской диаспоры в Сан-Франциско. Траурные костюмы мужчин, черные вуали дам. Впереди всех стоит Мисато – двадцатипятилетняя японка. Из печи крематория выезжает железный ящик с обгоревшим скелетом ее покойного мужа. В соответствии с японским похоронным ритуалом возле ящика ставят урну, Мисато выдают небольшой молоток. Она неторопливо дробит кости мужа молотком и складывает их в урну. Урну закрывают крышкой и передают Мисато. Поклонившись, она выходит из здания крематория с урной в руках, идет к такси. По ритуалу ей необходимо отвезти урну в Японию и поместить в фамильный склеп мужа.

Такси везет ее в аэропорт. С небольшой дорожной сумкой на плече и с урной в руках Мисато входит в здание аэропорта, находит на табло свой рейс, «Сан-Франциско – Токио», идет к стойке регистрации пассажиров, но вдруг останавливается. Ее лицо сосредоточенно. Повернувшись, она направляется к камере хранения, опускает в щель монету, открывает бокс, ставит в него урну с прахом, закрывает. Вынимает ключ, смотрит на него, потом бросает в стоящую неподалеку урну для мусора. Достает из сумки билет, сдает его, получает деньги, закуривает и рассеянно бредет по аэропорту.

Останавливается возле кафе, берет легкий завтрак с кофе, садится за стол. Курит, оцепенело глядя на поднос с завтраком. Мисато давно уже разлюбила своего мужа, но не предполагала, что внезапная смерть его так потрясет ее.

В этом же кафе сидит Олег – тридцатилетний русский. Перед ним тоже поднос с легким завтраком, но на коленях он держит небольшой прибор, не больше наручных часов, – генератор случайных чисел. При помощи прибора он «калькулирует» людей, определяя цифровое значение каждого сидящего. Он наводит прибор на Мисато и не верит своим глазам: прибор показывает максимум. Лоб Олега покрывается испариной. Он ищет человека-максимум уже более года! Спрятав прибор в сумку, он с трудом успокаивается. Потом встает, внимательно смотрит на поднос Мисато, подходит к стойке самообслуживания и берет точно такой же набор продуктов, что и у нее. Садится рядом за соседний столик. Ждет, косясь на нее.

Мисато, стряхнув оцепенение, высыпает в кофе два пакетика сахара, выливает пакетик сливок, опускает ложку и начинает долго мешать против часовой стрелки, думая о своем. Олег делает то же самое, тщательно копируя ее движения. Он очень волнуется. Их ложки синхронно мешают кофе, выныривают, зависают над чашками. С ложек одновременно срываются две капли. Внезапно в кафе лопается емкость с апельсиновым соком и на сидящих посетителей обрушивается как бы вспышка невероятностей: опрокидываются стаканы, рвутся костюмы и платья, застревают в горле куски, раскрываются сумки, вывихиваются ноги, взрываются зажигалки.

Мисато в испуге бежит из кафе.

Олег радостно и облегченно вздыхает, откинувшись на спинку стула: «Получилось!» Вытирает пот со лба, подхватывает свою сумку и бежит за Мисато. Она покупает билет в Берлин. Олег делает то же самое.

Они прилетают в Берлин на одном самолете. В берлинском аэропорту Мисато снова охватывает оцепенение, связанное с гибелью мужа. Она достает сигарету, вставляет в губы не тем концом, подносит зажигалку.

– Так не будет драйва, – говорит Олег, вынимает из ее губ сигарету, вставляет нормально, поджигает.

Мисато молча смотрит на него.

– Я вас видел в самолете. Вы очень красивая, – говорит он ей. – Вы живете в Берлине?

– Да, – отвечает она.

– А я здесь в первый раз. Вы китаянка?

– Нет, японка. И меня никогда не путали с китаянками.

– Китаянки более свободны в общении.

– Я свободна в общении?

– Мне кажется.

– Вы ошибаетесь. Я очень несвободна. И не только в общении.

Мисато поворачивается, идет к выходу.

Олег следует за ней. Она подходит к стоянке такси, открывает дверцу машины, собираясь сесть. Олег придерживает дверцу.

– Вообще-то, я русский.

– И что?

– И я очень свободен.

– Это скучно, – усмехается она и садится в такси на заднее сиденье.

Олег садится рядом. Она называет адрес, они едут молча. Олег смотрит на нее. Она изредка поглядывает на него. Машина останавливается возле ее дома. Олег дает водителю стодолларовую купюру. Они выходят из машины.

– Может, вы мне хоть город покажете? – спрашивает Олег.

– Я его плохо знаю.

– Ну… куда надо идти в Берлине?

– В «Макдоналдс», – отвечает она.

Они идут в «Макдоналдс», находящийся в том же доме, где живет Мисато. Голодная Мисато берет бигмак. Олег пристально смотрит на нее.

– Почему вы так смотрите? – спрашивает она.

– Потому что ты – моя половина. И я тебя давно ищу.

Они оказываются в казино. Молча съедают ужин, потом перемещаются в игровой зал. Мисато все происходящее кажется все тем же сном, в который она впала после смерти мужа. Она равнодушно подчиняется Олегу.

– Ставь на то, что и я, – говорит он ей.

Они ставят только на черное и быстро выигрывают несколько тысяч марок.

– Можно и больше, – Олег кладет деньги ей в сумку. – Но я устал. Поехали в отель.

– В какой?

– В самый хороший.

Олег заказывает шампанское в номер. Когда стюард ввозит тележку с шампанским, Олег вкладывает в руку Мисато три спички, сам тоже берет три.

– Когда он начнет открывать, сломай одну, – говорит он ей. – Только не больше.

Мисато ломает спичку. Одновременно с ней Олег ломает свою. Бутылка взрывается в руках стюарда. Шампанское и осколки летят в стороны.

– Спасибо, – кивает Олег испуганному стюарду. – Принесите вторую.

Стюард уходит. Мокрая от шампанского Мисато хохочет. Ей впервые стало по-настоящему весело.

– А если бы я сломала две спички? – спрашивает она.

– Тогда бы лопнул телевизор.

– А если три?

– Тогда мог бы лопнуть его живот. Или потолок. А нам этого вовсе не надо.

Они пьют шампанское в полутемном номере. Мисато опьянела. Олег – этот необычный вдруг свалившийся на нее русский – ей очень интересен. Хотя она по-прежнему ничего не понимает и с трудом верит в происходящее.

– Почему лопнула бутылка? – спрашивает она.

– Потому что мы не как все. Мы с тобой особенные.

– Какие?

– Мы можем очень многое. Почти всё. И таких, как мы, больше нет. Во всем мире.

– Почему?

– Это долгий разговор.

Олег рассказывает ей свою историю. Он – бывший участник секретного проекта КГБ «Вероятностное оружие», работа над которым началась еще в сталинское время. Идея этого проекта была украдена советскими спецслужбами у магов «третьего рейха» и активно разрабатывалась в течение последующего времени. Идея этого сверхсекретного проекта – управление вероятностью событий. Наш мир окутан полем вероятности с редкими «черными дырами», в которых теория вероятности перестает работать. Эти «черные дыры» – пары людей-медиумов, способных влиять на ход событий. В мире существуют всего несколько десятков людей с такими способностями. Они могут влиять на события и поодиночке, но составленная из них естественная пара (мужчина – женщина) увеличивает силу влияния в несколько десятков раз. Олег – обыкновенный студент консерватории, контрабасист, был вычислен агентами КГБ как суперперспективный медиум и привлечен к работе над проектом. В этом проекте КГБ особенно интересовало военное применение способностей медиумов. Цель проекта «Вероятностное оружие» – управление «вероятностным смерчем» – полосой деструктивных совпадений, способных парализовать целый город. После семилетних экспериментов русская партнерша Олега погибла в результате вызванного ими «вероятностного смерча». Олег бежал за границу. Целый год занимался активным поиском своей половины, колеся по вокзалам и аэропортам мира и «калькулируя» людей при помощи украденного им прибора. Мисато при обсчете показывает 90, сам Олег – 94. Его покойная партнерша показывала 71. Но Мисато по-прежнему не понимает механизма их воздействия на вероятность событий.

– С тобой в жизни случалось что-то невероятное? – спрашивает Олег.

– Я не помню… наверное. Как и у всех, – отвечает она.

– Вспомни.

– Я сразу… не могу ничего вспомнить.

– Тогда расскажи мне о себе, – просит он.

Она рассказывает ему свою биографию: родилась и выросла на Окинаве в семье содержателя небольшого ресторанчика. Отец – грубый, жестокий человек – пил, издевался над матерью и старшим братом. Тихая, покорная мать везла на себе семью и ресторан. Вскоре отец попал под машину. Мисато в детстве увлекалась рисованием, окончив школу, поступила в Токийскую академию искусств на отделение фотографии, влюбилась в преподавателя, но потерпела тяжелый любовный крах. Бросила академию, работала в фотоателье. Случайно познакомилась с тридцатипятилетним бизнесменом, который влюбился в нее. Вышла за него замуж, зная, что не любит. Уехала с ним в Сан-Франциско, быстро попала в тяжелую депрессию, лежала в клинике. Муж предложил ей пока пожить в его берлинской квартире. Прожила там одна почти полгода, потом муж внезапно погиб.

Олег просит вспомнить, что она делала в момент гибели отца.

– Я мыла посуду в ресторане, – вспоминает она. – В тот вечер пришла большая компания знакомых отца, они справляли день рождения одного приятеля, много пили, шумели, отец сидел с ними вместе. Потом около полуночи они все пьяные вывалились на улицу, громко крича, что едут к проституткам. Отец, как всегда, был пьян и решил поехать с остальными. Мать даже не пыталась остановить его. Она стояла рядом со мной, разбирала грязную посуду и молча плакала. А я, как всегда, была зла на мать за ее покорность. Я была так зла, что толкнула стопку вымытых тарелок. И они упали.

– Разбились? – спрашивает Олег.

– Нет… не все. Странно, но разбилась только одна.

– А остальные остались целы?

– Да. Точно. Так странно! Они так красиво лежали… А откуда ты знаешь?

– Эта стопка тарелок – твой манипулятор полем вероятности. Если бы они разбились все, то погибли бы все гости. Но ты хотела смерти только отцу.

Анализируя дальнейшие события из жизни Мисато, Олег открывает ей глаза на ее способности медиума. Например, бизнесмен влюбился в нее после того, как она опустила две его фотографии в тарелку с молоком. Тогда она не понимала, зачем она это делает, ей было просто весело видеть два серьезных лица, тонущих в молоке. Она потрясена объяснениями Олега.

– А… с мужем? – вздрагивает она. – Это тоже я?

– Что ты делала в тот момент?

– Спала.

– Значит, это простая случайность.

– Но там же было землетрясение!

– Вызвать землетрясение одной невозможно. Да и двоим это не под силу. В 1978 году двенадцать медиумов вызвали четырехбалльное землетрясение на Камчатке. Это максимум, что они смогли. Так что мужа ты не убивала. Давай спать.

Олег быстро засыпает. Мисато лежит рядом в темноте. Олег потряс ее своими сообщениями. Его равнодушие к ней как к женщине еще сильнее интригует ее.

Утром за завтраком Олег рассказывает ей об их совместных возможностях.

– Мы – властелины мира. Ты должна осознать это. Практически мы можем почти всё. Надо просто научиться работать вместе, притереться друг к другу.

Он обучает Мисато работе с предметами, которые он называет ключами. Эти ключи – определенные в каждой конкретной ситуации бытовые предметы, через которые он входит в поле вероятности.

– Это как вождение автомобиля, – объясняет он. – Надо просто почувствовать машину, на которой ты едешь, и дорогу, по которой ты едешь. Знать, на что и когда нажимать. И не врезаться в столбы.

Олег показывает ей свои схемы, знакомит с методологией. Первые самостоятельные опыты потрясают Мисато. Вызвав при помощи манипуляций с соломинкой и тремя бокалами падение люстры в холле отеля, она плачет от радости. Затем она впускает в отель стаю бездомных собак, затопляет водой номер известного шоумена, заставляет прохожих бесконечно поскальзываться, разрывает платья горничным и творит другие невообразимые вещи.

Олег доволен. Он корректирует ее, подстраховывает, направляет.

– Мелкие разрушительные явления – самое простое, – говорит он ей за ужином. – Сложнее приобретение материальных ценностей. Это требует тщательной подготовки и серьезной работы. Нам с тобой надо научиться вместе качать маятник.

– А что такое «качать маятник»?

– Так называется то, чем мы занимаемся.

– Значит, тогда, с теми тарелками, я качала маятник?

– Да.

– И с люстрой?

– Да.

– И с собаками? И с горничными?

– Да, да. Ты качала маятник.

– И где этот маятник?

– Не знаю. Но я его чувствую.

– А я – нет. Я… ничего не чувствую. Я что-то делаю, как во сне. А потом словно просыпаюсь и вижу, как происходит какая-то жуть.

– Ты должна научиться чувствовать маятник. Не спать, а управлять маятником. Тогда все получится. И мы сможем достичь всего, чего захотим.

Опьянение от открытых в себе новых возможностей отупляет Мисато. Она уже привыкла к статусу властелина мира. Шок и эйфория прошли.

«Надо как-то наладить жизнь, – думает она. – Не буду же я все время мотаться по казино и аукционам. Я не циркачка. Надо заработать денег и уйти от него. Он интересный парень. Но ему нет дела до меня».

– Скажи, а ты любил кого-нибудь? – неожиданно спрашивает она.

– Что? – отрывается от карты он.

– Ну, у тебя была любимая женщина?

– Да, была когда-то. А что?

– А тебе… не нужна любовь?

– Любовь?

– Да. Нормальная любовь.

Олег внимательно смотрит на нее, берет ее за подбородок, поворачивает ее лицо к себе.

– Весь мир у наших ног. Ты просто этого еще не почувствовала. Когда почувствуешь, почувствуешь по-настоящему, ты перестанешь задавать такие вопросы.

Они приобретают солидную недвижимость в Италии и Швейцарии. Поселяются в вилле под Миланом. Олег непрерывно проворачивает новые и новые сделки, приобретая различное имущество: дома, предприятия, материальные ценности. Мисато помогает ему, лелея свою мечту о бегстве. Наконец, переведя на свой счет большую сумму денег, она покупает билет и летит в Японию. Снимает дом под Токио, приглашает туда мать, братьев и старых друзей. Устраивает роскошную вечеринку, веселится, напивается.

– Я хочу начать нормальную жизнь, – говорит она матери, которая несказанно рада видеть разбогатевшую дочь.

На следующий день они с матерью едут в центр за покупками. Но, оказавшись на кишащей людьми токийской улице, Мисато испытывает ужас: мир нормальных людей кажется ей убогим и серым.

– Муравьи, – в ужасе произносит она.

– Где? – спрашивает, не понимая, мать.

– Везде.

Она вдруг понимает всем своим существом, что уже не может быть такой, как все. И никогда не сможет вернуться в прошлое. Это чувство не вызывает в ней шока, наоборот, приводит в себя. Она покупает билет в Милан.

Прилетев, едет на виллу Олега, входит и опускается на колени.

Олег молча смотрит на нее.

– Прости меня, – произносит она.

– За что? – усмехается он.

– За то, что я не могу без тебя.

– Неправда, – он подходит, садится рядом с ней на пол. – Без меня ты можешь. Ты не можешь без нас. Уже не можешь.

Мисато плачет, обнимая его.

Они возвращаются к своим делам: ищут новые возможности приобретения недвижимости и материальных ценностей, разрабатывают

последовательность манипуляций, выбирают предметы, составляют карты, качают маятник.

С маятником у них все получается: теория вероятности отступает перед ними.

Но в личной жизни напряжение между ними нарастает. Оно настолько сильно, плодотворно и плотно, что трудно выносимо. У них складываются специфические сексуальные отношения. В отличие от внешнего мира, покорного их воле, сексуальная энергия им неподвластна, она живет своей жизнью, напоминая им, что хоть они и властелины мира, но все еще люди. Осознание избранности, могущества, отделенности от обычных смертных толкает их друг к друг. Но это взаимопритяжение без любви вызывает у них вспышки яростного отталкивания, доходящие до слепой ненависти.

Мисато устает от такого общения, как от потери крови.

В сексе она покорно отдается Олегу, не проявляя никакой активности. Она молчит, он работает, как машина. Они занимаются этим долго, не доходя до оргазма. Эта нарастающая продолжительность – подсознательная жажда нормальной чувственности, которая соответствовала бы существующему между ними напряжению. Это напряжение острее и сильнее, чем физическое раздражение гениталий.

Но долгие занятия сексом не пробуждают их чувственности. Это как пить без утоления.

И если раньше у Олега был четкий план совместной жизни с Мисато, план постепенного продвижения к мировому господству, то теперь его миропонимание дает трещину. Он остро понимает, что им в общении не хватает *человеческого*. И никакое качание маятника не может этого компенсировать. Олег впадает в истерику, колет Мисато иголкой, льет на ее тело расплавленный воск, стремясь «разбудить в ней женщину». Но все безрезультатно.

Мисато пытается по-женски помочь ему. Ей кажется, что проблема в их изолированной от людей жизни.

– Мы же используем людей, как вещи, – говорит она ему. – Но люди не вещи.

– Люди – это продолжение вещей, – возражает он.

– Нам нужны только вещи. Но к людям надо относиться по-другому.

– Как?

– Надо жить с ними вместе. Тогда нам будет по-настоящему хорошо.

– Я могу быть вместе только с теми, кто умеет качать маятник, – признается Олег. – В России, когда КГБ опознал меня как медиума и я научился качать маятник, я расстался со своей девушкой. И со своими друзьями. Да и с родителями тоже. Мне… что-то мешало быть с ними.

– Что?

– Я не могу это выразить. Был какой-то внутренний хохот. Они вызывали смех. А потом просто с ними стало неинтересно.

– Нам надо быть ближе к людям, – советует она.

– Наверное… – вздыхает он. – Но мне… как-то трудно. У меня совсем нет друзей. И даже знакомых.

– У меня в Берлине есть хорошие друзья, – говорит она.

Они летят в Берлин. Мисато звонит своим друзьям, приглашает их к себе домой, чтобы «познакомить с новым другом». На пати приходят две немецкие пары. Мисато угощает их японской едой, шутит, смеется. Олег как может подыгрывает ей. Гости довольны, Олег им понравился. Они весело рассказывают, как провели летний отпуск, путешествуя по Европе на машине. Вдруг во время их рассказа Мисато начинает хохотать. Олег сдерживается, но потом тоже впадает в хохот. Мисато и Олег хохочут до истерики, потом Мисато начинает плакать. Гости умолкают, смотрят на нее. Она встает, уходит в другую комнату. Олег просит гостей удалиться. Гости уходят. Мисато лежит на кровати и смотрит в потолок. Олег садится рядом.

– Знаешь, – говорит она, – я вдруг представила, как они едут на машине.

– И что?

– Это так смешно.

– Почему?

– Не знаю. Не могу понять.

– Может, потому, что они – детали из этой машины?

– Может быть. Они… какие-то… совсем простые.

– Люди?

– Да. Простые. Как рыбы.

– Ты это поняла наконец?

– Да. Это так смешно.

– Полетели домой, – обнимает он ее.

Они собирают чемодан, выходят из дома. Возле подъезда их хватают какие-то люди, запихивают в машину, везут в загородный дом. Там их ждет человек с мелкими шрамами на лице…

Олег узнает в нем одного из руководителей проекта «Вероятностное оружие» генерала КГБ Николаева. Последний раз они встречались во время эксперимента с «вероятностным смерчем». Тогда Николаев получил серьезные ранения и лишился глаза. Олег был уверен, что он погиб.

– Здравствуй, пропащая душа, – с усмешкой произносит Николаев свое привычное приветствие. – Я всегда говорил, что ты почти гений. Почти.

– Вы живы? – говорит Олег.

– Увы, – улыбается Николаев. – Страна сильно потратилась на тебя, мальчик. Пора платить долги.

Николаев выслеживает Олега уже около года. Под прикрытием КГБ он хочет использовать дар Олега в корыстных целях. Он тайно связан с русскими олигархами, заинтересованными в повышении мировых

цен на нефть. План Николаева тщательно разработан, составлена подробная карта качания маятника.

– От вас, ребята, потребуется только одно – дышать, – говорит он Олегу и Мисато.

Их связывают, кладут в две ванны и заливают гипсом, вставив во рты дыхательные трубки. Пропустив трубки сквозь своеобразные бумажные мельницы с цифрами на крыльях, кагэбэшники следят за колебаниями чисел от дыхания Олега и Мисато.

Позже Мисато и Олега вынимают из ванн, содержат в пустом подвале дома, привязанными к кроватям. Кагэбэшники неотступно следят за ними, не позволяя им даже дотронуться до каких-либо предметов.

Ночью их отвязывают от кроватей, одевают. Вкладывают в карманы паспорта и билеты на самолет. Подручные Николаева пристегивают правые руки медиумов к своим левым рукам, выводят их из дома. Возле дома ждут три черных джипа. Медиумов усаживают в один из них. Николаев садится впереди.

– В аэропорт, – приказывает он водителю.

Машины едут по направлению к аэропорту Шёнефельд.

– Дайте закурить, – требует Олег.

– Я тоже хочу, – говорит Мисато.

Николаев вставляет им во рты по сигарете, поджигает, предупреждает:

– Руками не трогать.

Они жадно курят. Машины несутся по ночному автобану.

Олег резко поворачивается к Мисато, она поворачивается к нему. Кончики сигарет сталкиваются. У едущего впереди джипа лопается колесо. Он виляет на большой скорости. Джип Николаева врезается в него. Третья машина врезается в джип Николаева сзади. В аварии гибнут Николаев и большинство его подручных. Мисато и Олег ранены, но не сильно. Олег достает ключи из кармана мертвого кагэбэшника, отстегивает наручники.

…Они выбираются из искореженной машины, сходят с автобана, идут через ночной лес. Садятся на поваленное дерево.

– Куда теперь? – спрашивает Мисато, стараясь остановить идущую из носа кровь.

– Не знаю, – отвечает Олег.

– Может, домой?

– А у нас есть дом?

Мисато молчит.

– Знаешь, я многое понял.

– Что?

– Единственное, что у меня есть, – мое дыхание. Все остальное не принадлежит мне. Оно не мое. А значит неинтересно. Всё.

– Что «всё»?

– Дома, машины, яхты, которые мы с тобой добывали. Всё неинтересно.

– Мне было так страшно, что я сначала вообще не думала. А только писала под себя. А потом. Знаешь, я девочкой однажды в море видела кита. И мечтала подружиться с ним. Чтобы он меня возил на спине. И я представила, как кит везет меня. По океану.

Олег молчит, потом продолжает:

– Знаешь, я принял решение. У меня есть мечта. Самая дорогая. Как твой кит. Раньше я боялся. А теперь после этой ванны уже ничего не страшно. И я хочу попробовать снова. Поможешь мне?

– Помогу.

Выбравшись из леса, они оказываются в небольшом поселке, подходят к денежному автомату. Совершают манипуляцию с двумя мусорными урнами и семью камнями. Автомат открывается, выдает им все наличные деньги. Они берут такси, едут в отель «Кемпински», снимают большой номер. Затем едут в зоомагазин, покупают два аквариума, заказывают шестьдесят четыре килограмма меда, покупают шестьдесят четыре опасные бритвы. Доставив все это в свой номер, они наполняют аквариумы медом, кладут в него бритвы и садятся рядом. Олег вычерчивает на полу карту «вероятностного смерча», ставит на нее бытовые предметы, следя за тем, как бритвы медленно погружаются в мед. Мисато повторяет его движения.

– Это было всего два раза в моей жизни, – признается он. – Первый раз смерч появился и сразу ушел. И три года мы с Ольгой не могли его вызвать. А потом он вдруг пришел сам. И убил Ольгу.

– Зачем ты хочешь этого? – спрашивает Мисато. – Он же может убить нас.

– Когда ты почувствуешь его, ты все поймешь.

Бритвы, одна за одной, опускаются на дно аквариумов. Каждое прикосновение бритвы ко дну Мисато и Олег фиксируют на карте. Наконец остается опуститься последней, шестьдесятчетвертой бритве.

– Что мне делать, если он придет? – спрашивает Мисато.

– Главное – не бойся его. Ольга погибла, потому что испугалась. Не урони хлебный гвоздь.

Он с осторожностью передает ей гвоздь, сделанный из сухого хлеба. Точно такой же гвоздь он берет себе.

Бритва касается дна аквариума. Отель охватывает настоящий вихрь невероятностей: с каждым человеком что-то происходит из ряда вон выходящее. Олег вне себя от радости: он чувствует дыхание смерча. Держа наготове хлебный гвоздь, он распахивает окно. Мисато встает рядом. Из окна они видят, как смерч начинает смещаться, уходя из отеля и охватывая улицу. Олег поднимает над головой хлебный гвоздь. Мисато делает тоже самое. Смерч возвращается к ним.

– Ты мой! Наконец ты мой! – кричит Олег.

Из окна Мисато видит, как на улице машина давит пьяного. Раздаются его предсмертные крики. Гвоздь выпадает из руки Мисато: она узнает в гибнущем пьяном своего отца. Смерч начинает удаляться.

– Подними гвоздь! – кричит Олег.

Хлебный гвоздь катится по подоконнику.

– Подними, или он уйдет! – кричит Олег.

Но Мисато оцепенела в ужасе. Гвоздь срывается с подоконника, падает вниз. Вдруг огромная туча голубей врывается в номер, кидается на гвоздь Олега и стремительно склевывает его. Олег отчаянно борется с голубями и выпадает из окна. Мисато в ужасе бежит из отеля.

Оказавшись одна, она чувствует себя опустошенной, словно проснувшейся после необычного сна. Купив билет на морской лайнер, она плывет в родную Японию. Осознав себя снова нормальным человеком, постепенно приходит в себя. Играет на корабле в рулетку, проигрывая последние деньги. Напивается в баре. Но что-то мешает ей стать прежней. На рассвете Мисато просыпается, выходит на палубу, курит, гуляет. «У тебя нет ничего, кроме дыхания», – вспоминает она слова Олега. Неожиданно она прыгает за борт. Корабль уходит. Мисато остается одна в океане. Из глубин поднимается громадный кит, подплывает к ней, подхватывает на спину. Мисато плывет на спине кита. ◆

Москва, 2000

Любовь Мульменко

БАРСУК

Сценарий

Это грустно — неснятые сценарии похожи на неродившихся детей.

Тем не менее я продолжаю любить эту хрупкую историю про хрупкий возраст. Когда всё в первый раз, и так дико и яростно, что кажется — не можешь дышать.

Люба всегда пишет очень личные сценарии. И этот — не исключение.

Сначала у нас все было неплохо. Мы отобрали локации в Ленинградской области. Сделали сложный подростковый кастинг. Я даже написала Кристоферу Дойлу (хотелось его чуткую воздушную камеру из «Параноид-парка»). И он мне даже ответил: интересно, давай на следующий год…

На следующий год ничего не случилось. Эта история не нашла финансирования. Продюсеры авторского кино находили ее слишком обычной, им не хватало фестивальной эпатажности. Ну а продюсеры коммерческого кино — понятное дело — не видели прокатного потенциала.

Да, наверное, это не фестивальный и не прокатный хит. Это просто маленькая история про шестнадцать лет.

Оксана Бычкова

1

Молодая осень, солнце светит нежно.

Лицей. Здание советских времен, колонны наивные, стены выцвели. Из лицея выходят во двор ученики – по одному, по двое, группками. Всем по шестнадцать – семнадцать лет, первоклашек нет и не может быть: сюда поступают сразу в десятый класс, чтобы подготовиться к экзаменам в вуз, с которым у лицея сотрудничество.

Даша выходит одна и сразу идет к велопарковке вызволять велик. Даша девушка высокая, спортивного

телосложения. Похожа на стройного юношу. Одета тоже скорее по-мальчишески: рубашка, джинсы, кроссовки. Лицо при этом определенно девичье. Строгое, красивое. Большие глаза. Легкие русые волосы до шеи.

Она ни на кого не смотрит и действует быстро, сосредоточенно. Ей хочется как можно скорее уйти, не вступая ни с кем в контакт даже на уровне обмена взглядами.

Пока Даша, сидя на корточках, открепляет тросик от перекладины, мимо нее идет компания девчонок – только что вышли из лицея. Одна девочка приветливо говорит Даше на ходу: «Пока!» Даша не сразу понимает, что это ей, и отвечает тихо, холодно, с опозданием. На велопарковке тем временем появляется Алеша – высокий, приятный парень. Можно сказать – мужественный. Замок подводит Дашу. Алеша уже взял свой велик и может на него сесть, а Даша все еще возится. Алеша склоняется над Дашей.

Алеша. Получилось?

У Даши ровно в эту секунду и получилось. Она встает, держит велик за руль и кивает Алеше. Смотрит на него чуть дольше, чем обычно на кого бы то ни было. Алеша садится на велосипед и уезжает.

2

Даша едет на велосипеде через хвойный лес к морю.

А потом вдоль моря к плавучей судоремонтной базе.

Издалека видны желтые краны, серые грузы, мужики в синих комбинезонах.

Даша бросает велик на берегу и поднимается на палубу.

3

Лебедки, доски, непонятные механизмы. На базе люди заняты всем и ничем. Курят, ходят, смотрят, машут руками. Из-за технического шума не слышно, что говорят, и Даша наблюдает сцену из судоремонтной жизни в пантомиме.

Из общей пролетарской массы выделяется сорокадвухлетний Дима, человек с проницательным и деловым лицом. Он без комбинезона.

Даша идет к нему, а он пока ее не видит, разговаривает с прорабом.

Дима. …мы и мешок привозим на пятьдесят рублей дороже, и доставка у нас за каким-то хреном сто́ит примерно в два раза больше, чем она сто́ит. То есть уже на той порции, которую мы доставили, мы просто просрали…

Прораб (*перебивает*). Сами сказали затарить полностью объект…

Дима. Ну да, ну мы позакидывали деньги, не особо мониторя ситуацию. Но, блин, ты же знал, Леха, что можно купить реально дешевле…

Дима замечает Дашу, отвлекается на нее, а прораб, пользуясь случаем, сбегает в дальний угол, а может, и правда у него там срочные дела. Дима Даше страшно рад. Ему нравится болтать с дочерью компаньона и в шутку кокетничать.

Дима. О! Женщина на корабле!

Даша. Он здесь еще?

Дима. А как же я? Я не нужен? Отвергаешь меня?

Даша. Да.

Дима (*изображает огромное страдание*). Пойду застрелюсь.

По лестнице со второго этажа спускается Дашин отец Илья. Ему тридцать девять лет. Он, как и Дима, без комбеза – то есть начальник. Кричит кому-то.

Илья. Саша-а-а! Саш!

Илья видит Дашу и подмигивает ей.

Один рабочий – видимо, Саша – спешит к Илье.

Илья. Саш, вон там, где забор и столбы висят, вот этот столб зеленый страшный… Видишь?

Даша встает близко, ждет.

Илья (*Даше, быстро, на ухо*). Я щас. (*Рабочему.*) Не чисти, ничё не делай, просто сливай, внутренний этот забор и вон тот столб…

4

Даша и Илья едут в машине с открытыми окнами под бодрый американский рок. Дашин велик сложили пополам и втиснули на заднее сиденье.

Илья. Барсук, а поехали в Калифорнию? Как смотришь?

Даша. Там чего? Пляжи? Казино?

Илья. Там всё вообще. Рай на земле.

Даша. Тогда ладно.

Илья. Зря не веришь, я серьезно рассматриваю.

Даша. Мама и Дуся – пляж, а мы казино?

Илья. Или в Детройт…

Даша. Давай лучше к индейцам. Они там в каком штате?

Илья. Они там в резервациях, пьяные и больные.

5

Финский залив. Пляж. Уже не сезон, народу мало. Никто не купается. Даша и Илья лежат на песке. Илья с закрытыми глазами, Даша – с открытыми. Илья неразборчиво напевает песню, которая играла в машине. Даша смотрит в небо, потом на отца. Мимо идут две девушки и тоже смотрят на Илью – с интересом. Даша это замечает и, как бы фиксируя свои права на папу, убирает ему волосы со лба.

Даша. Ты всем нравишься.

Илья (*открывает глаза, улыбается, садится*). Да ладно, не всем.

Даша. Ты просто хороший, а я говно.

Илья (*укоризненно*). Барсук!

Даша. Я в этом году умру.

Илья. При каких обстоятельствах?

Даша. Не знаю. Сердце остановится.

Илья. А почему решила так?

Даша (*пожимает плечами*). Чувствую.

Илья встает, легко поднимает Дашу, перекидывает через плечо и тащит в море. Даша сопротивляется, вопит, но это скорее веселые вопли.

Даша. Пап! Ты чего?

Илья. Раз сердце слабое, будем закалять!

Даша. Я не хочу!

Илья. Надо, Барсук!

Илья заходит в воду и, достигнув глубины, отпускает дочь в море. Плывут.

6

Дашина мама и жена Ильи Лена наливает суп из кастрюли в тарелку. Лена симпатичная. Она может нравиться, она гораздо интереснее многих женщин. За столом сидит в ожидании ужина десятилетняя Дуся, хорошенькая девочка, похожая на Лену. Играет на планшете с включенным звуком – играет эмоционально. То хмурится, то улыбается. Слышно, как в прихожей открывается дверь. Дуся бросает игру и бежит встречать.

Илья и Даша мокрые с ног до головы.

Дуся (*смеется*). Пап, ты весь мокрый!

Илья делает страшные глаза и прикладывает палец к губам.

Илья. Да ладно, Дусенция! Где это я мокрый? (*Разглядывает свою одежду.*) Может, и Барсук тоже мокрая?

В коридоре появляется Лена. Дуся хватает Илью за рукав, пытается выжать, на пол падает несколько капель. Дуся торжествующе хохочет и убегает в ванную.

Лена. Что случилось?

Илья. Залив. Заплыв.

Лена. Совсем уже?

Илья. Профилактика сердечных заболеваний.

Лена ощупывает Дашины руки и нос.

Лена. Вся ледяная. (*Илье.*) Сам будешь с ней сидеть.

Даша высвобождает руку.

Илья. Да не заболеет она.

Даша. Я не заболею.

Лена. Даш, переоденься, пожалуйста.

Даша выходит.

Лена (*вполголоса Илье*). На нее дунешь лишний раз… И Дусю заразит.

Из ванной выбегает Дуся. Мокрая с головы до ног – приняла душ в одежде из солидарности с папой и Дашей. С веселым вызовом смотрит на родителей. На пол с Дусиной головы стекает вода. Илья хохочет. Лена сначала делает строгое лицо, но не выдерживает и тоже усмехается.

7

Даша и Дуся лежат в своих кроватях. Даша начинает кашлять во сне, просыпается. Пытается сдержать кашель, чтобы мать не услышала. Для звукоизоляции закрывает голову подушкой. Просыпается Дуся, встает. Достает из рюкзачка бутылочку с водой, приносит Даше. Даша делает большой глоток. Приступ кашля проходит. В это время раздаются шаги в коридоре. Девочки переглядываются. Дуся спешит в постель, быстро ложится и притворяется спящей. Даша тоже. Это отработанная схема. В комнату заглядывает Лена. Смотрит на дочерей. Все тихо. Лена выходит. Даша открывает глаза, видит темноту.

8

Даша просыпается от уличного шума. За окном пьянка мужиков, человек восемь, шансон, хохот, громкие беседы, мат, братание. Перед домом гаражи, там все и происходит. Даша резко встает, она в пижаме, похожей на спортивный костюм. Дуся спит, у нее устойчивая психика. Даша идет в коридор, перебирает одежду на вешалке, выбирает длинное отцовское пальто.

9

Даша в расстегнутом черном мужском пальто идет через абсолютно пустой двор к гаражам – карать пьяных мужиков. Они взрослые, лет по сорок, и гоповатые. Один из гаражей открыт. Свет горит. На освещенном пятачке у входа мангал, заряженный сосисками. Вокруг участники праздника. Увидев, что странная Даша приближается к ним – решительным шагом, с решительным лицом, – умолкают. Глядят с любопытством.

Первый мужик. Смерть пришла, мужики.

Все смеются. Даша подходит. Останавливается в метре от них.

Даша (*безапелляционно*). Или вы убираете прямо сейчас музыку, голос, ржание, или я звоню ментам.

Мужики переглядываются.

Второй мужик. А чё сразу не вызвала? Чё пришла-то?

Даша. Кто главный?

Первый мужик (*смеется*). Сурово.

Главный. А ты живешь тут?

Даша. Я тут сплю.

Первый мужик. Да ты чё, а с кем?

Главный. Славян, погоди. (*Даше.*) Мешаем тебе спать?

Даша. Да всему дому мешаете, я думаю.

Главный. Ты прости. Мы больше не будем. Звук убавим.

Даша. И себя тоже убавьте, пожалуйста.

Главный. Все убавим вообще. (*Усмехается.*) Мы нормальные люди.

Второй мужик. Тебя как зовут?

Даша. Я вас предупредила. Или тишина, или менты.

Даша разворачивается и идет обратно к дому. Когда она подходит к подъезду, музыка умолкает.

10

Молодая учительница, похожая больше на школьницу – мелкая, с челочкой, – излагает родителям правила жизни лицея. Она пытается компенсировать внешнюю юность звериной серьезностью. Родители за партами, учительница прогуливается перед ними, на передовой. В руках у нее бумажка, чтобы ничего не забыть. На первой парте, с краю, у двери – Ирина, моложавая, скромная, благородного вида женщина лет тридцати девяти. Слушает очень сосредоточенно, конспектирует, готова на все.

Учительница (*строго и патетично*). …Третья важная информация. Завтра последний день, когда можно записаться в кружки. Завтра или никогда, или все уже… (*Смотрит в бумажку.*) Четвертая… (*Замечает, что одна родительница подняла руку; властно*.) Да.

Родительница. А что за кружки?

Учительница. Различные. (*После паузы.*) Ознакомьтесь на сайте лицея, пожалуйста. Четвертая информация. Деньги на завтраки необходимо сдавать до двадцать пятого числа каждого месяца. Вперед. (*Та же самая родительница опять тянет руку.*) Да.

Родительница. Меню заказное или нет? Если ребенок аллергик.

Учительница. Всё смотрим на сайте лицея. (*Заглядывает в бумажку.*) Далее… Вот сейчас еще очень важно будет. 23 сентября мы едем на турслет! В связи с этим 24 сентября мы не учимся!

Учительница пытается найти среди родителей добровольцев для подготовки к турслету. Сидит за столом и записывает, кто за что в ответе.

Учительница. Значит, Верхоланцевы отвечают за аренду автобуса… Гуровы – я записала – веревочный курс… Аликина – сбор средств… (*Осматривает аудиторию.*) Закупка продовольствия и напитков. Кто возьмет?

Родители молчат. Никому не хочется заниматься закупкой. Учительница встречается глазами с Ириной и безошибочно определяет в ней человека, который не откажет.

Учительница. Может быть, вы? Ну и в помощь вам кого-то.

В класс заглядывает опоздавший Илья.

Илья. Простите, ради бога.

Илья подсаживается к Ирине – здесь ближайшее свободное место.

Учительница (*Ирине*). Ну вы согласны? Как ваша фамилия?

Ирина. Скворцова. Ирина Ивановна.

Учительница. У вас есть личный автотранспорт?

Ирина. Нет.

Учительница. Ничего, сейчас решим. Кто на машине? Кто поможет Ирине Ивановне?

Илья. Я на машине. А что надо делать?

11

Даша болтается со своим великом недалеко от входа в лицей, ждет отца. Видит, как Алеша заезжает в лицейский двор на велосипеде. Даша прячется за угол здания. Она не хочет, чтобы Алеша ее увидел. Подглядывает за Алешей и регистрирует, что он оставил велосипед и приземлился на лавочку, сидит, ждет. Даша наблюдает за Алешей, это очень важный для нее объект. Когда тот вдруг смотрит примерно в ее сторону, Даша пугается, что он ее обнаружит, и на всякий случай уезжает на велосипеде прочь.

12

Ирина и Илья вместе выходят из лицея, оживленно беседуя.

Илья. …маленький Гитлер. Что она ведет, интересно? Рисование?

Ирина. Русский и литературу.

Илья. Бедные, бедные дети.

Подходит Алеша.

Алеша (*Илье*). Здрасьте.

Илья (*протягивает руку*). Илья.

Алеша (*Ирине*). Ну как?

Ирина строит неопределенную гримасу.

Илья. Суровая у вас классная дама, хоть и маленькая.

Алеша. Да не, Надя смешная.

Илья. Я думаю так. Я думаю, она школьница под прикрытием. Решила сломать систему изнутри и внедрилась – якобы училка.

Алеша (*усмехается*). Ей двадцать пять лет уже, мы все пробили.

Ирина (*Илье*). Как мы с вами? Завтра вечером, хорошо?

Илья (*достает телефон*). Диктуйте адрес, я примчу.

13

Ирина сидит за компьютером и переводит медицинскую научную статью. Читает распечатку на русском и забивает в файл текст уже на английском. В углу экрана открыто окошко с программой-словарем. Ирина набирает в строке поиска слово «гонадолиберин». Алеша заходит в комнату, молча ставит перед Ириной чашку с чаем, шутливо имитируя пластику официанта, и сразу уходит.

Ирина. Спасибо, друг.

Ирина переводит. Вдруг в прихожей раздается звонок. Ирина вздрагивает. Идет в коридор, сталкивается там с Алешей, он тоже среагировал на звонок.

Ирина. Я открою.

Алеша уходит к себе в комнату. Ирина открывает дверь. На пороге Борис, пятидесятилетний мужчина небольшого роста, коренастый, не очень красивый, но очень уверенный. Ирина его не приглашает. Выходит на площадку.

Ирина (*холодно*). Что?

Борис. А-а… Мы так теперь? (*Достает конверт, вручает Ирине.*) Ну смотри.

Ирина заглядывает в конверт, там деньги.

Борис. За тезисы. Зимой которые переводила.

Ирина. Зачем?

Пытается вернуть конверт.

Борис (*не берет*). Получим грант – за весну тоже отдам.

Ирина. Отдал бы в институте…

Борис достает трубку, забивает табак.

Ирина. Боря, не надо, в подъезде пахнет, соседи…

Борис (*перебивает*). Извини, не удержался. Просто я же волнуюсь. Ты такая строгая.

Борис делает шаг вперед, и вот он стоит уже вплотную к Ирине – отработанным вкрадчивым движением кладет руку ей на затылок. Ирина резко отстраняется, заходит в квартиру, захлопывает дверь, поворачивает замок. Стоит потрясенная. Борис звонит, хочет, чтоб ему опять открыли. Ирина не открывает. В коридор выглядывает Алеша.

14

Ирина сидит на диване без сил. Алеша ходит перед ней по комнате сердитый.

Алеша. Я сам открою в следующий раз и пошлю его просто. Козлина…

Ирина. Леш, ну какая разница. Все равно мы на работе… видимся каждый день.

Алеша (*перебивает*). Ну давай другую работу тебе размутим!

Ирина. Кому я нужна со своим узким профилем…

Алеша. В смысле, блин! Ты же переводчик!

Ирина. Леш, ты не понимаешь, у меня конкретная тематика…

Алеша. Давай тогда поедем в другой какой-нибудь город, где тоже институт типа твоего…

Ирина (*успокаивающим голосом*). Слушай, да все пройдет. Он отвяжется рано или поздно. Или… (*Радуется своей идее, становится немножко воинственной.*) Или я буду жаловаться его жене! Точно! Так ему и скажу!

Алеша. Не прокатит. Ты не будешь жаловаться.

Ирина. Почему не буду?

Алеша. Ну ты-то ведь не козлина.

15

Районный стадион. На небольшом поле играют футболисты-любители. Не считая пары-тройки молодых парней, всем игрокам около сорока. Среди них Дашин папа и его коллега Дима. Сама Даша смотрит матч с трибуны. Она единственный зритель. Ее отец играет

в полузащите – играет хорошо. Улучив минутку, Илья бросает взгляд на трибуны и машет дочке.

К Даше подсаживается потрепанный лысеющий дядька с добрым лицом. Это Анатолий, ему сорок пять. Он похож на персонажа советской комедии про жуликов с добрым сердцем. Жмет Даше руку по-мужски.

Анатолий. Добрый вечер! Ну как?

Даша (*смотрит время*). Тридцать вторая минута.

Анатолий (*включается в игру*). А Фомин где? Без Фомина сегодня?

Достает из внутреннего кармана куртки бутылку коньяка, делает глоток.

16

После матча Даша, Илья, Дима и Анатолий обсуждают игру. На лавочке перед ними спортивные сумки и десяток пивных банок. Мужики стоят и пьют. Даша сидит на спинке лавки, наблюдает за чудесным папиным миром. Анатолий уже сильно пьян – нарубился коньяком, пока смотрел матч.

Анатолий. Ты два раза лажанул, между прочим, я специально считал!

Дима. Кто?

Анатолий. Ты!

Илья. Слушайте, ну там муравейник, там, естественно, будешь лажать, стадо такое бегает…

Дима. Я еще щас не в самой лучшей форме, надо сказать… (*Илье.*) Тебе хорошо, у тебя вес хороший.

Илья. У нас с тобой вес пара килограммов разница, ты на вес свой не греши.

Дима. У тебя кроме веса есть футбольное мышление, а у меня, кроме веса и энтузиазма, нифига нет.

Илья (*смеется*). У Анатолия вон футбольное мышление.

17

Стемнело. Даша дремлет на лавке, положив под голову спортивную сумку. Мужики, наоборот, очень раздухарились, стоят тесным кругом и горячо обсуждают новости из личной жизни Анатолия.

Дима. Сколько лет?

Анатолий. 83-го года.

Дима. Восемьдесят три года?! (*Смеется.*) Делай предложение.

Анатолий. Я делал. Она замужем.

Дима. Песец!

Илья. Дети есть?

Анатолий. Да.

Дима. Любить надо на расстоянии, когда близко – задротина вся эта вылезает… Пельмени сварить, носки постирать…

Илья. А почему носки постирать – это не любовь?

Дима. Влюбленный Анатолий – это новый опыт, впечатляющий.

Илья. Прости, что – новый опыт?

Дима. Ну и мы так тут все стоим симпатизанты, приятная неделя, а тут еще и Анатолий влюбился. Это столько надежды дает нам всем!

Илья (*смеется*). Ты не понимаешь. Анатолий в тебя влюбился.

Дима. А пусть и в меня! Илюха, ваще, мне давно не было так легко и хорошо в процессе поглощения алкоголя.

Илья. А в прошлый четверг?

Анатолий. А в позапрошлый?

Дима. Вот я домой приду, жена скажет: слава богу, какой молодец. И всё. Больше ничего не скажет…

Анатолий собирается уходить.

Анатолий. Мужики. Это любовь. Первый раз пришла ко мне. Подумайте! Любовь пришла, сама. К вам когда она приходила? Во-о-от!

Анатолий нетвердой походкой удаляется в ночь.

Дима. А чё он домой-то пошел?

Илья. Бухать хочет.

Дима. А здесь не бухается?

Илья. Да просто понял, что нажрался. Димон. Давай выпьем. (*Чокаются банками.*) За Анатолия! Наш друг влюбился! Там трудная какая-то любовь, но мы все равно ему завидуем, что он теперь живет не просто так.

Дима. Я лично не завидую.

18

Даша и Илья сидят в машине и ждут.

Даша. Ты потом куда? На базу?

Илья. Когда?

Даша. После магазина.

Илья. Там прикину уже по времени.

Из подъезда выходят Ирина и Алеша. Даша не ожидала, что женщина, с которой им предстоит ехать за покупками, – это Алешина мама. Ирина осматривается. Илья открывает дверцу и приветственно машет. Новые пассажиры забираются на заднее сиденье.

Алеша (*Илье*). Здрасьте! (*Даше с улыбкой.*) Привет!

19

Машина бодро едет. Илья развлекает всех историями с работы. Даша украдкой рассматривает Алешино лицо и мимику с помощью бокового зеркала.

Илья. …да у меня вообще друг жену Столешницей зовет.

Алеша. Она нормально, не обижается?

Илья. Она просто мебелью торгует. Не обижается, нет. Звонит даже такая: Привет, я Юля Столешница. Нормально.

Дашу смутно раздражает, что папа интересничает и веселит этих чужих людей. Что он не с ней сейчас, а с ними. А может быть, это присутствие Алеши так действует на нее.

Алеша. У меня раньше Жук было погоняло.

Илья. Почему Жук?

Алеша. Да фиг знает, во дворе.

Илья. У меня тоже Жук приятель, но он Женя. Женя – Жук. Из-за Жэ. Ирина Ивановна, а вам есть что рассказать насчет детских прозвищ?

Ирина (*смеется*). У меня очень простое было – Пьянь.

Илья. Да ладно, прямо с детства?

Ирина. У меня Пьянкова девичья фамилия.

Илья. Да, это без шансов.

Ирина. А у вас?

Илья. А у меня не было девичьей фамилии.

Ирина и Алеша смеются. Даша демонстративно врубает в машине музыку очень громко. Илья хочет отшутиться, чтобы пассажиры не приняли это на свой счет.

Илья (*оборачивается, говорит громко, перекрикивая трек*). Барсук у нас любит музыку просто. Чтоб погромче!

Даша (*вполголоса*). Сам ты Барсук.

Илья понимает, что Даша действительно не в духе и надо завязывать с выступлениями. Едут молча. Машина поворачивает с трассы к большому моллу.

20

Ирина и Илья стоят между магазинными стеллажами и читают список – распечатку А4. Илья держит тележку – в ней уже прилично продуктов. Алеша рядом, Даши не видно.

Илья. Двадцать бутылок колы. Это что, по бутылке на брата? Не верю! Ирина, вы бы освоили бутылку?

Ирина. Я не в счет, я колу не люблю.

Илья. Я тоже. Кола, фанта… И особенно «Колокольчик». В детстве как отравился им с водкой, так и не могу больше…

Ирина. Майонез написано… Вот мы у майонеза как раз.

Ирина тянется к полке.

Илья. Ирина, вы боитесь майонеза?

Ирина. Спокойно отношусь.

Илья. А многие боятся. Вы редкий человек, Ирина! Бесстрашный!

Ирина смеется, кладет несколько упаковок майонеза в тележку.

Илья. Вы, может, еще и кетчупа не боитесь?

21

Даша стоит у холодильника с пельменями. Рядом с ней неожиданно возникает Алеша.

Алеша. Я тебя в сосисках ищу, а ты в пельменях!

Даша (*сухо*). Почему я должна быть в сосисках?

Алеша. Не знаю. А в пельменях почему?

Даша не знает, что сказать. Алешино присутствие ее парализует.

Даша. По кочану.

Алеше совсем не обидно – ему забавно, что Даша такая избыточно строгая с ним. Он усмехается, берет ее за руку выше локтя и увлекает в сторону хлебных полок.

Алеша. Пойдем за хлебом сходим. В пельменях вредно долго стоять. Замерзнешь!

Дашу парализует еще больше. Она пару метров послушно идет вслед за Алешей, потом освобождает руку. Алеша, не оглядываясь и как бы не замечая, что Даша руку выдернула, бодро изучает ассортимент хлеба. Достает один батон, поворачивается к Даше, но ее нет, она опять сбежала.

22

Продукты куплены. Ирина, Илья, Даша и Алеша перекладывают пакеты из тележек в машину. Багажник уже забит до отказа. Илья с трудом утрамбовывает туда две бутылки с колой. Закрывает крышку. Оглядывается на тележки: предстоит разгрузить еще целых две.

Илья. Неужели, дети, вы все это сожрете?

Алеша стоит с двумя пакетами наготове.

Алеша. В салон отгружаю?

Илья. Блин… Больше некуда.

Ирина. Я могу обратно на маршрутке. Будет место…

Алеша (*продолжает таскать пакеты*). Мам, не выдумывай. Поедешь с Ильей, а я на элке. Чик-чик. Сорок минут. Даже меньше…

Илья (*Даше*). А ты не хочешь тоже чик-чик? По моим прикидкам, мы теряем все заднее сиденье.

Алеша и Даша рядом у тележки.

Ирина. Все-таки неудобно, давайте мы с Алешей…

Илья (*перебивает*). Ирина, вы просто не знаете! Дашка фанат железнодорожного транспорта. Ей бы поезда водить! Лишний раз на электричке – это ж счастье!

Даша. Я на маршрутке поеду.

23

Даша и Алеша сидят друг напротив друга, оба у окна.

Алеша. Тебе нормально так? Наоборот сидишь.

Даша. Как это?

Алеша. Против движения.

Даша. Мне без разницы.

Алеша. Отец веселый у тебя.

Даша. Папа всем нравится.

Алеша. Тоже так хочу. Хотя… фиг знает. Всем – это перебор. (*Пауза*.) Блин, а ты заметила? Баянисты не ходят. Гитаристы. И эти… носками не торгуют.

Даша (*мрачно шутит*). Они меня боятся.

24

Алеша курит в тамбуре. Даша стоит рядом, за компанию. Они на маленькой дистанции – чтобы слышать друг друга, несмотря на стук колес. Алеше удалось расшевелить Дашу, она увлеченно рассказывает ему историю.

Даша. …и я ему говорю таким очень угрожающим голосом: если вы меня еще раз толкнете, я вас тоже, знаете, как толкну?

Алеша (*смеется*). И чё он?

Даша. Ничего. Нормально вел себя до конца экскурсии. Держал дистанцию два метра.

Алеша. Короче, я понял. Я толкать тебя не буду.

Даша. Он пьяный просто был.

Алеша. Ни пьяным не буду толкать, ни трезвым. И дистанция два метра.

Алеша в шутку отходит от Даши в противоположный конец тамбура. Даша идет к нему, смутившись.

Даша (*серьезно*). Перестань.

В тамбуре внезапно возникает контролер. Фокусируется на Алешиной сигарете.

Контролер. Запрещено курение, молодой человек.

Алеша. Серьезно? Простите, не знал, все курят всегда…

Он тушит сигарету об пол. На полу кроме грязи видны следы от плевков.

Контролер. Молодец какой! Давай, еще и выкинь мне прямо тут же. Щас мыть будешь. Весь пол обхаркали.

Даша (*очень жестко*). На каком основании вы с нами на «ты», можно узнать?

Контролер. Значит, я *вам* выписываю штраф на полторы тысячи рублей, это за курение. (*Достает квитанцию*.) Да, и билеты предъявляем.

Даша. Тут даже объявления нет, что нельзя курить!

Алеша. Даш, не надо. (*Контролеру*.) Слушайте, мы не успели билет купить, можно у вас сейчас купим?

Контролер. Нет, молодой человек, нельзя.

Выписывает квитанцию со штрафом, протягивает Алеше.

Даша выхватывает квитанцию из рук контролера и демонстративно рвет ее.

Даша. Я на вас еще жалобу напишу, что вы хамите пассажирам.

Контролер (*свирепеет*). Щас сойдете у меня на ближайшей же станции. В Разливе вас высажу!

Даша. Попробуйте!

Алеша. Даш, Даш, успокойся.

Контролер свирепеет настолько, что дергает стоп-кран. Электричка тормозит.

Контролер. Вылезайте. Я полицию позову. Вылезайте!

Алеша буквально силой вытаскивает Дашу из электрички. Двери закрываются, поезд трогается. Ребята стоят в чистом поле.

25

В кустах у входа в лес пасется ослик. Он привязан к дереву. Даша и Алеша рассматривают его, стоя на тропинке. Даша очень растрогана, ослик кажется ей чудом, подарком судьбы.

Алеша. Вставай к нему. Я вас сфоткаю.

Даша. Не… Не надо.

Они идут дальше. Даша один раз оборачивается на ослика.

26

Ребята выходят на большую поляну. Там музей «Шалаш» – реконструированный шалаш Ильича, монумент и огромная голова Ленина в полтора человеческих роста. Алеша изображает придурковатого гида – ведущего телепередачи, снимает на телефон видеорепортаж и комментирует.

Алеша. Слева вы можете видеть так называемый зеленый кабинет. Это… Тупо два полена. Полено-стол и полено-табуретка. Короче говоря, мебель Ленина… (*Переводит камеру на Дашу, она смущенно улыбается.*) Дарья нам сейчас скажет пару подробностей. Дарья, пожалуйста.

Алеша подходит ближе к Даше, не переставая снимать – держит крупный план.

Даша (*подыгрывает Алеше*). Молодой Ильич… Продолжал писать свои… эээ… революционные тома даже в лесу. Его не пугали ни комары, ни…

Алеша. …ни дикие лесные ослы, которыми буквально кишат кусты в здешних широтах. Простите, Дарья, я вас перебил, продолжайте…

Даша (*сквозь смех*). Ленин давал отпор живой природе.

Алеша. Но иногда ослы сбивались в стаи, и Ленин не мог им противостоять. Тогда он, раненый, дополз до шалаша и прятался там от разъяренной скотины… Пройдемте же непосредственно к шалашу… Дарья!

27

Теперь уже Даша снимает на свой телефон – Алеша передал ей эстафету. Даша направляет камеру на вход в реконструированный шалаш Ленина. Алеши в кадре нет, да и вообще нигде его не видно. Наконец его голова таинственно появляется из шалаша: он имитирует крик осла. Даша смеется.

Даша. Вот типичный дикий осел.

Алеша (*шепотом, типа суфлер*). Самый последний…

Даша. Забился в домик Ленина, отказывается уходить, и сотрудники музея ничего не могут поделать…

Алеша (*в том же суфлерском духе продолжает мысль*). …самый преданный осел Ильича.

Даша. Вот уже… Сколько?.. Почти сто лет ждет осел своего лысого хозяина.

Алеша издает еще один пронзительный, якобы ослиный вопль, резко подается вперед и падает замертво. Бьет копытом, то есть

дергает рукой, – как будто бы в предсмертной судороге. Роет пальцами землю.

28

Даша стоит у огромной головы Ленина. Лицо Даши примерно на уровне гигантской каменной ноздри.

Алеша (*за кадром*). Давайте проверим, как соотносятся ноздри Ленина и человеческая голова. Дарья, вы можете засунуть голову в нос?

Даша немножко наклоняется, ее голова идет на стыковку с ноздрей изваяния. Ноздря не полая, и диаметр ее существенно меньше Дашиной головы. Даша дурачится, бодает памятник.

Алеша. Дарья, я понял. А замрите, пожалуйста!

Даша стоит, прильнув к ленинскому носу, чуть склонив голову. Алеша фотографирует.

29

Разлив, берег. Даша и Алеша лежат рядом. Это параллельное лежание рифмуется с тем, которое мы уже видели в исполнении Даши и ее отца на пляже.

Алеша. Я, блин, десять раз был на экскурсии про шалаш.

Даша. Я никогда.

Алеша. Как ты убереглась?

Даша. Два раза со школой возили, я оба раза болела. (*Пауза*.) Мы с тобой раньше не общались...

Алеша. Когда?

Даша. В лицее. До сегодня.

Алеша. Нет. (*Пауза*.) Мы же не знакомились. Ты так убегаешь быстро.

У Алеши звонит телефон.

Алеша (*Даше*.) Мать. (*Садится, отвечает; по телефону*). Привет, ну как? Довезли? (*Усмехается.*) В «Шалаше». Даша? (*Подмигивает*.) И Даша тоже в «Шалаше»… Оказалась.

У Даши звонит телефон. На экранчике написано: «Пап». Даша с улыбкой смотрит на Алешу и как бы показывает ему лицом – мол, мне тоже мой звонит.

Даша (*по телефону*). Прием.

30

В комнате Даши верхний свет не горит, но включен торшер. Дуся заснула у себя в кровати в процессе игры на планшете. Лежит поверх одеяла, сжимая игрушку в руке. Даша стоит перед зеркальной поверхностью шкафа. В брючной пижаме. Заправляет волосы за ухо. Немножко разворачивает лицо, чтобы посмотреть на себя в полупрофиль. Даша находится близко к своему отражению и изучает себя очень внимательно. Почти удивленно, как впервые. Стук в дверь. Даша чуть-чуть отпрянула от зеркала. Дуся что-то бормочет во сне, но не просыпается.

Заходит Лена. В руках у нее стакан с водой. Даша первым делом кивает на спящую Дусю.

Лена (*протягивает стакан и таблетку; вполголоса*). Кашляла вчера.

Даша. Нет.

Лена. Значит, во сне. Выпей, пожалуйста.

Даша быстро выпивает таблетку – чтоб ситуация поскорее решилась и мама ушла. Лена не уходит, смотрит на Дашу. Хочет обнять, но не обнимает, сдерживается. Она как будто боится, что Даша против. Аккуратно накрывает Дусю одеялом, забирает у нее планшет, кладет на полку. Идет к двери.

Лена. Спите.

Лена уходит. Даша выключает свет, ложится. Берет телефон. Смотрит на свой портрет с ленинской ноздрей, который ей прислал Алеша в телефонный чат. Ставит будильник на 7.00.

31

Автобус плотно забит школьниками. Они хохочут и шумят. Передают друг другу колу и пакеты с чипсами. Роняют, проливают, возятся. На переднем сиденье, поближе к водителю, сидит учительница. Рядом с ней молодой, лет двадцати пяти, тренер веревочного курса – щуплый парень в очках. Учительница укоризненно оборачивается к своей непокорной аудитории.

Учительница. Ребят! На два тона!..

Тренер (*учительнице вполголоса*). Не препятствуйте коммуникации внутри коллектива.

Учительница (*шепотом, смущенно*). Я не…

Тренер. У них сейчас общие положительные эмоции, очень хорошо для группы.

Даша сидит у окна рядом с девочкой, которая с закрытыми глазами слушает плеер, видимо, задремала. Даша села бы одна, но всё битком, без соседа не обойтись. То есть она бы села с Алешей, точнее, рада была бы, если б он подсел к ней. Но Алеши в автобусе нет. Рюкзачок соседки, брошенный на сиденье, сползает Даше на колени. Даша его отодвигает, но он сползает опять. Да и сама девочка начинает немножко наваливаться на Дашу. Даша раздраженно трясет девочку за плечо. Девочка приходит в себя, открывает глаза, вынимает наушник.

Даша. Не надо на мне спать, пожалуйста.

Девочка обиженно отодвигается. Даша смотрит в окно, на леса вдоль дороги, потом достает телефон. Пишет Алеше: «Решил не ехать?» Колеблется, но так и не отправляет. Удаляет текст.

32

Лицеисты сидят друг за другом змейкой на лужайке – в специальной конфигурации для упражнения «крокодил», как их научил тренер. Лесное пространство специально оборудовано для прохождения веревочного курса. Натянуты веревки, расставлены бревнышки – в общем,

есть весь технический антураж. Учительница стоит ближе к тренеру, прислонившись к березке, и смотрит на него во все глаза, пока он говорит. Он ей очень нравится.

Тренер. …вот вы сидите – как бы крокодил длинный такой получился, да? «Крокодил» – это возможность побывать в шкуре другого человека. Преодолеть себя. Ощутить персональную и коллективную ответственность… Поднимите руки вверх!

Даша слушает тренера, как будто это спама поток. Ей кажется, что она участвует в чем-то невыносимо глупом. Все поднимают руки. Даша тоже – нехотя.

Тренер. Все, что сейчас будет происходить, – своего рода метаморфоза жизненных ситуаций.

Учительница (*вполголоса, на автомате поправляет тренера*). Метафора.

33

Упражнение «крокодил» в самом разгаре. Суть его состоит в том, что, сидя на траве, плотно прижавшись друг к другу (грудью уткнувшись в спину впереди сидящего) и выставив руки вверх, ребята переправляют одного человека от хвоста «крокодила» к голове. То есть толпа как бы несет лежащего героя на руках, как рок-звезду иногда носит зал. После доставки герой садится впереди, а самый крайний в ряду, наоборот, становится очередным объектом транспортировки. Система живой очереди. Рано или поздно каждому доведется быть «несомым». Пока что лицеисты переправляют к голове состава маленькую веселую девочку, которая кричит «щекотно!» и хихикает. Следующий кандидат – Даша. Даша нервничает, сомневается и в конце концов, когда ее предшественницу благополучно ставят на ноги, тоже встает и быстро идет прочь. Тренер и учительница зовут ее, но Даша не останавливается. В итоге тренер командует группе продолжать упражнение, а учительница бежит вдогонку за Дашей. Нагоняет ее в елках, обе останавливаются.

Учительница. Даша! Что такое?

Они стоят рядом, лицом к лицу. Даша на полторы головы выше, смотрит сверху вниз. Довольно нелепо, ведь учительница в этой ситуации – человек старший по возрасту и положению.

Даша. Просто не хочу делать упражнение. Мне не нравится.

Учительница. Но это же специально, чтобы вы все сплотились хорошенечко. На доверие. Как Виктор объяснял. Преодоление, метафора…

Даша. Я не люблю, когда меня трогают.

Она идет дальше в лес. Учительница стоит в растерянности.

34

Даша сидит одна в кустах. Жует чернику. Из-за елок доносится шумовой фон – веревочный курс продолжается. Даша себя сильно ругает. Ненавидит свою социофобию и жалеет, что Алеши нет. Встает и идет

на поляну к коллективу. Ребята исполняют новое упражнение, скачут по бревнам. Тренер скачет параллельно и модерирует. В стороне учительница отчитывает Алешу. Он проспал, но все-таки приехал. Даша останавливается в замешательстве. Алеша замечает ее, коротко отворачивается от учительницы и машет в знак приветствия. Даша тоже машет.

35

В ходе очередного упражнения Алеша и еще один парень проносят Дашу через веревочную петлю. Даша жутко стесняется. Ей кажется, что она такая длинная, такая тяжелая. Даша смотрит на Алешину руку, которая прочно держит ее за пояс. Потом на Алешино лицо, они встречаются взглядами. Остальные болеют за успех операции, вопят в поддержку.

36

Обед. Горит костер. Лицеисты расселись на бревнышках и едят из пластмассовых тарелок. Даша тоже ест и незаметно мониторит, где Алеша. Алеши нигде не видно. Вдруг он появляется с непредвиденной стороны – сзади.

Алеша. Пойдем выйдем.

Даша идет за ним в лес. Алеша явно спешит. Идут быстро. Вдруг Алеша останавливается и хватает Дашу за руку: мол, стой. Жестом приглашает Дашу посмотреть на брешь между деревьев. Даше видно, как в отдалении целуются учительница и тренер. Алеша и Даша переглядываются, смеются. Дашу посещает шальная мысль: а вдруг и Алеша ее сейчас поцелует. Но нет. Он тащит ее дальше сквозь кусты – в укромное место, где выпивает группка лицеистов. Литровый вискарь передается по кругу. Алеша и Даша входят в круг. Алеша удачно хватает бутылку и вручает Даше. Даша пьет. Передает соседу. Тот выпивает и тоже передает, поворачивается к Даше.

Лицеист. Ты же Даша?

Даша кивает.

37

Даша заходит в маленький офис отца. Она очень оживленная и чуть-чуть помятая после леса. Илья разговаривает по телефону.

Илья. На пару часов… На час.

Замечает Дашу, подмигивает ей. Даша привычно бросает рюкзак на диван и с загадочным видом идет к шкафу, по-свойски открывает, достает бутылку виски и два стакана. Илья это видит и жестом показывает, что не будет пить. Даша один стакан убирает, а второй наполняет виски.

Илья. Ура! Где? Да перестаньте, я же на машине, я заеду, зачем… Адрес только скажите. (*Записывает.*) Угу…

Даша снимает кроссовки, забирается с ногами на диван. Стакан держит в руках. Илья завершает звонок, убирает телефон в карман.

Илья (*про виски*). Даже так? (*Подсаживается к Даше*.) От грусти или от веселья?

Даша. От радости.

Илья. Тогда ладно. (*Тянется к столу за бутылкой колы, подливает Даше в стакан.*) Не вкусно же чистым.

Даша. А мы так просто пили… Нормально.

Илья. Мы ж вроде вам горючее не закупали. Контрабанда?

Даша. Пап, я влюбилась.

Илья. Это разговор.

Даша. Знаешь, в кого?

Илья смотрит вопросительно на Дашу, улыбается.

38

Даша с удовольствием разговаривает с папой про Алешу.

Даша. …он меня все время смешит.

Илья. Больше, чем я?

Даша. Ммм… Так же.

Илья. Ну ладно. А то конкуренция.

Даша. Но я не знаю, я ему нравлюсь… вообще или просто по-человечески.

Илья. Да ладно, всегда понятно.

Даша. А что ты про него думаешь? Ну… Пока ехали, пока магазин…

Илья. Я же не знал, что ты его придумаешь любить. Плохо смотрел.

Даша. А вдруг у него девушка?

Илья. Хороший вопрос! Можем по секрету у Ирины Ивановны выяснить, хочешь?

Даша. Нет! Не надо!

Илья. Ну и правильно. Какая разница. Ты не спеши, пусть все само поедет и куда-то приедет.

Даша. Я себя чувствую… просто дурой с ним. Непонятно, что говорить. Я не умею…

Илья. Чего не умеешь?

Даша. Отношения… Кокетничать.

Илья. С Димоном же кокетничаешь только в путь!

Даша. Да?

Подливает себе еще виски.

Илья. Хорош бухать! Придешь на рогах домой, а мама меня будет убивать. Был один алкаш в семье, а стало два, скажет.

Даша. Последняя, больше не буду. (*Делает глоток*.) А ты когда влюбился, ты тоже тупил?

Илья (*задумывается, подвисает*). Я…

Даша. Не помнишь?

Илья (*уклончиво*). Помню, Барсук.

39

Алеша и Даша катаются на велосипедах. Алеша едет первым. Даша смотрит на его спину, на затылок: какие они замечательные. Алеша неожиданно оборачивается – проверить, не отстала ли Даша. Смотрит весело, увеличивает скорость. Даше на лицо падает дождевая капля. Гремит гром.

Алеша (*радостно*). Ща накатит!

Начинается дождь.

40

Гроза. Промокшие Алеша и Даша вместе с великами прячутся от дождя под навесом. Пятачок, на котором не поливает, маленький, тесный. Они стоят совсем близко. Алеша снимает на телефон ливень – опять играя в телепередачу, как в Разливе. Телефон установлен на плече у Даши, и получается, что Алеша ее немножко обнимает.

Алеша. Страшный ливень обрушился на Ленинградскую область. Население в панике…

На словах о панике очень удачно в кадре пробегают две девушки с натянутыми на голову воротниками. Они верещат.

Алеша. Я имею в виду оставшееся население. Не всем удалось выжить. Что-то около десяти процентов, я думаю. Дарья, скажите нам, как будут развиваться события? Ваш прогноз!

Алеша включает переднюю камеру и вытягивает руку с телефоном так, чтобы он оказался перед Дашиным лицом.

Даша (*зловеще*). Мы все умрем.

Алеша. Спасибо, Дарья. Я так и думал.

При очередном маневре камеры он случайно роняет телефон. Даша хочет его поймать, Алеша тоже. Они буквально сталкиваются лицами – удачный момент для поцелуя. Даше кажется, что вот сейчас! Но поцелуя не происходит, а телефон падает на асфальт экраном вверх, камера продолжает снимать. Алеша, обняв Дашу одной рукой, склоняется над телефоном. В кадре крупно две головы. Алеша меняет режим с видео на фото и нажимает на кнопку.

41

Даша лежит в кровати и, судя по установленной рядом табуретке с лекарствами, болеет. У нее телефонный чат с Алешей. Последнее сообщение – картинка от Даши. Она сфоткала свою табуретку. Печатает текст.

Даша. все серьезно!

Алеша. я не заражусь, я кабан, будь спок

Даша. смотри.

Алеша. код скажи чё набирать я внизу уже

Даша. 5103в

Даша вскакивает с кровати, бежит к зеркалу проверять свой внешний вид.

42

Даша, Алеша и Лена пьют чай. В центре стола бюстик Ленина. Его принес с собой Алеша в качестве подарка. Лена с большим интересом слушает гостя, он ей нравится.

Алеша (*Лене*). Ленин гораздо круче, чем апельсины! Апельсины попса! От него, знаете, какая энергия исходит! Скольких людей на ноги поставил!

Лена (*весело*). То есть ты уже проводил испытания на людях? Мы не первые?

Алеша. А как же! На себе проводил. Не надо, мама, мне лекарств, говорю, давай лучше Ленина приложим к голове больного.

Даша берет бюстик Ленина двумя руками и прикладывает его лоб к своему.

Алеша. Чувствуешь? Идет энергия! В идеале, конечно, надо к большой голове в Разливе. Но хоть что-то.

Даша (*Лене*). Это наш мем просто.

Лена (*Алеше*). Ну хоть не к той, что в мавзолее.

Алеша. Да вы что, мы ж не некроманты. Только белая магия. Только добрые артефакты.

В прихожей хлопает дверь: Дуся пришла.

Дуся (*за кадром*). Мам! Я с Алешей пришла, можно?

Лена. Да ты что? А у нас тут уже есть один Алеша.

Дуся заводит на кухню мальчика-ровесника.

Дуся. Это Алеша.

Алеша (*с ходу жмет Дусе руку*). Ты тоже Алеша? И я Алеша. (*Мальчику.*) Давай вставай между нами, желание загадаешь!

Лена и Даша смеются. Дуся в замешательстве, зависает на секунду, потом считывает шутку.

Дуся (*сквозь смех*). Я не Алеша, я Дуся!

43

Спустя два месяца, в ноябре.

Тяжелый важный груз опускается с высоты в специальной люльке. Рабочие готовятся его принять. Илья наблюдает за процессом со смотровой площадки и периодически орет: «Сань, нежнее! Еще нежнее!»

Даша стоит рядом с отцом и, перекрикивая производственное лязганье, докладывает.

Даша. Я себя так веду сейчас… Ничего специально не делаю. Я хочу, чтобы он сам. Но он уже два месяца…

Илья (*перебивает*). Барсук, да что тебе делать! Просто не мешай ему на тебя смотреть. Просто ходи. Сиди. Стой…

Даша. Он всем нравится.

Илья. Но ему-то не все.

Даша. Ну… Со мной он больше, конечно.

У Ильи звонит телефон. Он отходит поговорить в сторону. Даше не слышно, о чем он говорит. Илья возвращается.

Илья. Барсук, ЧП, надо мчать. Доедешь на Димке домой? (*Осматривается, находит Диму в дальнем углу – Дима общается с прорабом.*) Димон!

Даша. Ты что, ты прямо щас?

Илья. Димон! (*Даше.*) Я прямо готовность номер один.

44

На деревьях больше нет листьев, лысо, пасмурно. Пришло следующее время года. Дима везет Дашу домой на своей машине. У Даши меланхоличный вид.

Дима. Чего такая скучная?

Даша молчит.

Дима. Давай колись уже.

Даша молчит.

Дима. Любовь?

Даша. Что, человек скучным становится от любви?

Дима. Человек… Сразу типа «я не с вами» такой.

Даша (*смеется*). Значит, у меня по жизни любовь.

Дима. Кто он? Что он? Взаимно, не взаимно? Жена, дети?

Даша. Отвали.

Дима. Ты красивая, все срастется у вас.

Даша. Красивая, конечно.

Дима. Поверь уж старику.

Дима заруливает во двор Дашиного дома.

Даша. Ты не старый.

Дима. Давай утешай меня… (*Останавливается у подъезда.*) Всё, приехали, выматывайся. К парню своему пойдешь – надевай платье. Он сразу в обморок, сто процентов.

Даша. Зачем он мне в обмороке?

Дима. А ты нашатырки ему, ватку под нос – оп! Очухается и сразу твой.

Даша. У меня нет платья.

Дима. Заведи! На унисексе далеко не уедешь!

Даша смущенно отмахивается от Димы и выходит из машины.

45

Даша в ванной комнате. Замоталась полотенцем, открыла дверь в коридор. Слышно, как ругаются в комнате Илья и Лена. Даша задерживается, замирает, чтобы понять, о чем речь.

Илья. …что еще непонятно?

Лена. До половины первого ты работаешь?

Илья. Да хоть до половины второго.

Лена. Угу.

Илья. Как в первый раз, я не знаю…

Лена. А в какой?

Илья. Сто раз было.

Лена. Что-то не припомню.

Илья. А ты напрягись. Сдача объекта, Лена! Поставщики пропали, смета не сходится ни хрена, что я должен делать?

Лена. Всё, Илья, ладно. Хватит.

Илья. Нет, не ладно! Лена!..

Даша идет к себе в комнату. Закрывает дверь.

46

Даша и Алеша сидят за столиком и едят гамбургеры. Алеша смотрит куда-то мимо Даши, точнее – за нее. Даша оборачивается, чтобы понять, куда именно.

Алеша. Не смотри, сядь обычно.

Алеша смотрит на Бориса, который обедает с женой и тремя разновозрастными детьми. Борис тоже его заметил.

Даша. Там кто?

Алеша. Вражина.

Даша явно недопонимает.

Алеша. Да гад один. (*После паузы.*) Посмотри, только незаметно. С усами рыжий такой черт. Прямо у выхода.

Даша осторожно косится на Бориса.

Даша. Почему гад?

Алеша. Видишь – мелкие, это все его дети. А тетка – жена.

Даша. Угу.

Алеша. У них с мамой… Короче, мама его любила. Два года где-то. Долго.

Даша. Ирина Ивановна?

Алеша. Моя мама. Спорим, он свалит щас? Потому что он меня тоже видит и ссыт.

Даша. Они расстались, да?

Алеша. Во, во, смотри, валят реально…

Даша опять косится на столик Бориса. Его жена собирает детей.

Алеша. Ладно, забей. Всё, валят и валят. У меня день рождения послезавтра, знаешь?

Даша. Нет.

Алеша. Придешь?

Даша. Приду.

Алеша. В смысле я праздновать не буду… Так, чисто дома. Посидим там… Без народа.

Алеша смотрит с улыбкой на Дашу.

47

Даша стоит у стенда, консультируется с продавцом.

Даша. А за две тысячи чем отличается?

Продавец. Лампочка на воротах. Когда гол, она мигает. За полторы там без лампочки идет.

Продавец берет с полки настольный хоккей. Ставит на прилавок. Пытается забить гол с помощью металлического двухмерного игрока, но мажет и для ясности просто рукой кидает шайбу в ворота. Лампочка мигает.

Даша. Давайте с лампочкой.

48

Даша с большой коробкой в руках звонит в квартиру. Дверь открывает Ирина.

Даша (*смущенно*). Здрасьте.

Ирина (*тоже смущенно*). Привет!

Даша проходит в коридор. К ней навстречу уже вышел из комнаты Алеша. У него радость на лице. Он хочет обнять Дашу, но она сразу вручает ему коробку. Алеша берет коробку под мышку и прижимает к себе Дашу свободной рукой.

Алеша. Ого!

Даша разувается. Снимает куртку – под курткой платье. Алеша тащит ее за руку в комнату, где уже накрыт стол. За столом сидит шестнадцатилетняя Лиза, маленькая, тоненькая, с детским лицом, в детском платьице. Она широко улыбается, как будто они с Дашей старинные приятели.

Лиза. Привет!

Даша. Привет.

Даша не знает, куда сесть, коротко мечется и все-таки садится на первое попавшееся место, с краю.

Илья (*знакомит их*). Лиза. Даша.

Алеша кладет коробку с хоккеем на стол. Лиза тут же с энтузиазмом склоняется над столом – с противоположной его стороны, встав на корточки на стуле, чтоб хватило роста.

Лиза. Офигенно! Леш, я тебя порву!

Даша спокойно смотрит на Лизу и Алешу, пытается максимально рационально отнестись к мизансцене и не делать скоропалительных выводов. Но Лиза, не переставая улыбаться, обнимает Алешу, распаковывающего хоккей, и все становится окончательно ясно. В комнату заходит Ирина, она несет кувшин с морсом и бутылку шампанского.

Ирина. Ну всё. (*Идет к двери*.) Не мешаю.

Лиза. Ирина Ивановна, давайте с нами!

Ирина. Лизочка, спасибо, дорогая. (*Выходит*.) Пока!

Алеша. Мама тоже в гости договорилась уже. (*Ставит хоккей на стол, собирает*.) Даш, вообще! Суперский подарок…

Лиза (*помогает собирать*). А где купила?

Даша. В «Детском мире».

49

Собранный хоккей стоит на кухонном столе. Алеша и Лиза встали у окна, чтобы покурить. Алеша прикуривает Лизе.

Даша. Дай мне тоже.

Алеша дает сигарету Даше. Лиза фотографирует хоккей на телефон, выкладывает в инстаграм. Потом фотографирует Алешу с Дашей. Показывает им снимок.

Алеша. Класс! В черно-белый запили!

У Алеши звонит телефон.

Алеша. Чувак! Слушаю тебя внимательно! Да не, не надо ничего, всё есть… (*Смеется*.) Давай скорей…

У Алеши закончился алкоголь в бокале. Он идет в комнату за добавкой. Лиза ковыряется в телефоне, обрабатывает снимок.

Лиза (*Даше*). А ты есть в инстаграме?

Даша. Да.

Лиза (*протягивает свой телефон Даше*). Добавь меня.

Даша выполняет Лизину просьбу. Лиза рассматривает Дашино платье.

Лиза. Это же из Ткачей из шоу-рума, да? Крутое такое, я тоже смотрела, но не было моего размера. Это же эмка у тебя? Эска? У меня икс-иксэс просто.

Алеша возвращается с бутылкой. Подливает девочкам. Даша отказывается, у нее еще осталось немножко. Достает свой телефон, делает вид, что с кем-то переписывается.

Алеша. Щас Корыч придет скоро. Дашка, ты же не знаешь Корыча? Друг мой со школы. Или… стой, я знакомил?

Даша. Нет.

Лиза (*смеется*). Ты даже меня, блин, еще не познакомил. Все обещаешь и обещаешь…

Алеша. Щас все будет!

Даша. Леш, извини, мне уйти надо. Прямо сейчас.

Алеша. Как так?! А с Корычем знакомиться?

Даша. Мне эсэмэска пришла только что…

Алеша (*обнимает Дашу*). Ничё не знаю! У меня день рождения, и я тебя не пущу.

Лиза (*укоризненно*). Леш! Может, там молодой человек у Даши.

Алеша. Ну пусть тоже приходит человек, молодой.

Даша. Это мой папа. Давайте. Всем пока! С днем рождения!

Даша идет в коридор. Алеша и Лиза за ней – провожать.

Алеша. Блин… Ну ты, Дашка, расстроила меня, конечно. (*Останавливает Дашу, берет за плечи, смотрит грустно*.) А чё папа-то? Все нормально хоть? Ничего не случилось?

Даша отрицательно мотает головой.

Даша. Пока.

Уходит.

50

Даша выходит из подъезда рыдая. Она еле-еле донесла свои слезы до лестницы. Еле-еле избежала фальстарта в квартире, при Алеше и Лизе.

Рыдает почти в голос. Ей очень жалко себя. Звонит отцу. Абонент недоступен. Звонит Диме.

Даша (*сдерживая слезы*). Дим, привет. А папа где, не знаешь? Не работает телефон… Давно? Спасибо, ага, хорошо.

Убирает телефон в карман.

51

Даша идет по пустому коридору. Дверь в отцовский кабинет открыта. Даша слышит голос отца.

Илья (*за кадром*). Поехали. Ночью вернемся. Нет? Почему нет?

Даша подходит к двери и видит Илью и Ирину, Алешину маму. Оба стоят спиной к Даше. Илья обнимает Ирину сзади.

Илья. Ну, Белка. Я очень тебя прошу.

Даша замирает, мгновенно оценивает обстановку и отшатывается от дверного проема, чтобы ее не увидели.

Ирина поворачивается к Илье.

Ирина. У Алеши день рождения, я не могу.

Илья. Вот именно. У Алеши день рождения, и поэтому он будет тебе очень благодарен, если ты дашь ему потусовать нормально.

Ирина. Даша такая красивая пришла. В платье…

Илья. Белка, поехали. Всё, едем! Сопротивление бесполезно!

Илья решительно выключает свет, хватает Ирину за руку, целует и ведет к двери. Они выходят в коридор, Даши там уже нет.

52

Даша заходит домой. Заплаканная. В квартире тихо, свет горит только в коридоре. Дуся уже спит. Из комнаты выглядывает Лена. Даша прячет лицо, стоит вполоборота, чтобы мама не разглядела последствия слез.

Лена. А папа где?

Даша (*резко*). Без понятия.

Даша уходит в свою комнату. Закрывает за собой дверь. Лена стоит в полной растерянности. Достает телефон, звонит Илье. Он не берет трубку.

53

Лена в ванной загружает одежду в стиральную машину. Включает. Гудение. Лена стоит и смотрит на машину, не уходит. Машина не дает ей услышать, что Илья зашел в квартиру. Илья сразу заходит в ванную, и это неожиданно.

Илья. Ты чего тут?

Лена. А ты?

Илья. Я не знаю. (*Молчит.*) Пойдем, может?

Лена. Иди.

Илья. Так.

Лена смотрит, как вращается барабан стиральной машины.

Лена. У тебя женщина? Ты был с ней?

Илья (*помолчав*). Да.

Лена берет паузу, собирается с силами и молча выходит из ванной в сторону кухни. Илья срочно за ней. Заходят на кухню оба.

Илья. Лен, давай говорить уже, раз начали.

Лена. Давай. Какие у тебя планы? Уходишь, остаешься?

Илья. Я не знаю.

Лена. Значит, уходишь.

Илья (*в смятении*). Ты же знаешь, я врать ненавижу, я не могу уже врать.

Лена. А если бы я сама не спросила? Ты бы мог?

54

Илья собирает вещи. Сосредоточенно складывает в сумку из шкафа все, что попадает в поле зрения. Ему тяжело. Какую-то вещь, брошенную впопыхах, лишнюю, он возвращает на место.

55

Илья паркуется у лицея. Сумка с вещами на заднем сиденье. Идет. Через двор, через дверь, мимо раздевалки к расписанию – поискать, где учится Даша в эту минуту. Переменка, много детей вокруг. Илья понимает, что забыл, какой у Даши класс, – просто вылетело из головы. Подходит учительница Надежда Сергеевна, проявляет участие.

Учительница. Илья Игоревич!

Он смотрит растерянно так.

Учительница. Здрасьте.

Илья. Здрасьте, а они в каком сейчас кабинете?

Учительница. Так всё, ни в каком. Шесть уроков.

Илья как-то неопределенно кивает – мол, ну да, конечно, спасибо. Идет к лестнице.

Учительница. А Даши не было же.

Илья (*врет на ходу*). Да-да, я в курсе.

Убегает по ступенькам вниз.

56

Даша. Бродила по городу без плана и совершенно потерянная. Тратила время на ходьбу. Район не ее, а другой, чтоб не встречать знакомых.

Незнакомые прохожие чувствовали, что Даша не просто так гуляет, а ей плохо – пластика выдавала.

У маленького магазина сделала привал – села на заборчик напротив двери, машинально смотрела, кто входит, кто выходит. Выходили некоторые семейные с пакетами и один алкоголик.

На полках есть пиво, вино, водка. Продавец – красивый взрослый кавказец. Благородный.

Даша. Мне пиво самое простое, пожалуйста, светлое.

Продавец достает одну банку, показывает.

Продавец. Пойдет?

Даша. А сколько стоит?

Продавец. Паспорт покажите, пожалуйста.

Даша. Я не себе, я папе. «Светлое, самое простое». Я как курьер.

Продавец сочувственно мотает головой.

Даша. Серьезно. Я сама не пью.

Продавец. И правильно делаете.

Даша. Ему очень надо, честно.

Продавец пожимает плечами.

Даша. У него, знаете, что сегодня, у него всё.

Продавец смотрит так, что ясно: шансов ноль.

Даша. Он умер вообще, если что!

Она выходит.

57

Ирина и Илья сидят обнявшись у него в кабинете.

Она опять видит разложенные на спинке дивана рубашки-штаны. У Ильи тут временный лагерь.

Ирина. Или хочешь – пошли, да и наплевать.

Илья. Нет. Нет, я на карантине пока.

Ирина. Хорошо.

Илья. Только не обижайся.

Ирина все понимает: на что тут обижаться?

Ирина. Ты что!

Илья подходит, обнимает ее. Это не порыв, а рациональное – чтобы правда не обиделась. Звонит телефон. Илья быстрее, чем обычно, срывается за ним – он ждал звонка от Даши.

Ирина (*шепотом, как будто кто-то мог услышать*). Даша?

По Илье и так уже видно, что не Даша. Качает головой. Принимать звонок не стал.

58

Даша осторожно, как шпион, рыскает по базе. У нее нет конкретной цели, она просто хочет тайно видеть, как живет отец. Заглядывает в окно. Ничего не понятно, Ильи нет. Дашу через окно замечает Дима. Она делает ему страшное лицо и крест руками: не выдавай меня. Даша отходит от окна. Садится на корточки. К ней выходит Дима. Тоже садится на корточки.

Дима. Даш? Ты чего?

Даша (*вскакивает*). Ничего. Меня тут не было. Хорошо?

Дима. Ну как, блин… Плохо. Лучше бы ты была.

Даша бежит прочь, на берег, к велику своему. Дима стоит и смотрит на нее. На палубу выходит Илья.

Илья. Барсук!

А Барсук уже спасается бегством на велосипеде.

Илья. Даша!

59

Даша едет по трассе вдоль моря. Илья обгоняет ее на машине. Останавливается, выходит. Даша понимает, что не отвертеться уже от разговора, и тоже останавливается. Смотрит на Илью как чужая.

Илья. Сядь в машину, поговорим. Барсук, пожалуйста.

Даша медленно идет к машине, садится на заднее сиденье. Илья обходит машину и садится рядом с дочерью. Молчат.

Илья. Что мама тебе сказала?

Даша. Папа переехал.

Илья. Я сам хотел сказать. Ищу тебя весь день…

Даша. А раньше не было времени? Неделю назад? Месяц? Сколько это у вас? Сразу после магазина замутили?

Илья. Нет. Не сразу.

Даша молчит, отвернулась.

Илья. Барсук, я тебя люблю.

Даша (*взрывается*). И *Белку* тоже любишь, да?

Илья. Да.

Даша. Вот и люби ее, а меня уже не надо.

Илья. Барсук… Ты же все понимаешь. Сердце же у людей не одноместное. У тебя у самой там, смотри, сколько народу: я, мама, Дуся, Алеша…

Даша. Нет никакого Алеши! И тебя тоже нет! Никогда! Я вас всех ненавижу, понял?

Даша выбирается из машины. Илья пытается ее остановить, перехватить на улице, но Даша вырывается.

Даша. Да отстань ты от меня!

60

Лена собирает вещи. Складывает в чемодан. Даша сидит на кровати и смотрит, как двигаются мамины руки. Из комнаты прибегает Дуся с розовой сумкой.

Дуся. Мам, положи, у меня не лезет.

Лена. Дуська, барахольщица! Зачем тебе столько? Не на месяц же едем.

Дуся запихивает свою сумку в мамин чемодан и убегает.

Лена (*Даше*). Точно не хочешь?

Даша неопределенно мотает головой.

Лена. Хочешь одна?

Даша. Да.

У Даши звонит мобильный. Это Илья. Она сбрасывает раз, второй. Мобильный звонит у Лены.

Даша. Мам, меня нет.

Лена (*сбрасывает*). Меня тоже. (*Закрывает чемодан, задумывается.*) Ты с ним говорила?

Даша. Да.

Лена. Когда?

Даша. Вчера.

Лена. Что он сказал? «Прости меня, Барсук?»

Даша. Нет… «Прости» не говорил. Хотел просто… Чтоб я поняла, почему он так.

Лена. И почему же?

Даша. А я не поняла.

Лена. Даша, поехали с нами. А то буду волноваться.

Даша. Не волнуйся.

61

Лена и Дуся в дверях с чемоданами. Прощаются с Дашей. Лена обнимает ее. Дуся чмокает в щеку.

Лена. Я утром позвоню, как приедем.

Дуся. И я тоже позвоню!

Даша. Всё, давайте… Доезжайте хорошо.

Даша закрывает дверь за Леной и Дусей. Стоит какое-то время в оцепенении. Потом идет в гостиную, достает из серванта отцовский виски. Наливает себе. Забирается на диван с ногами, пьет. Взгляд ее падает на полку, где стоит бюстик Ленина, подаренный Алешей. Ленин смотрит на Дашу. Она разворачивает его лицом к стенке. В дверь звонят. Даша думает, что это мама что-то забыла, быстро прячет виски и бежит открывать. Но вместо мамы явился Алеша.

Алеша. Привет. (*Заходит*.) На звонки не отвечаешь, на сообщения не отвечаешь, решил живьем брать.

Даша понимает, что поздно уже не пускать Алешу, он тут. Она закрывает дверь.

Даша. Я болею просто.

Алеша. Что-то часто ты, мать. Ну давай лечить тебя! Ленин жив? В смысле не разбился, не потерялся?

Даша. Я очень заразная, я тебя заражу.

Алеша. В тот раз не заразила же. (*Проходит в гостиную, замечает наспех спрятанный за край дивана виски*.) О, а ты уже лечишься, я смотрю. Можно? Для профилактики.

Даша дает Алеше стакан, садится на диван. Допивает залпом свою порцию.

Алеша (*подливает ей еще, чокается*). Будь здорова.

Пьют.

Даша смотрит и не понимает, знает ли он или нет. Спрашивает с вызовом.

Даша. Леш. А где твой папа?

Алеша. Нигде.

Даша. Умер, что ли?

Алеша. Без понятия.

Даша. Ясно.

Алеша. Что тебе ясно?

Даша. Свободное место.

Алеша. Какое, блин, место?

Даша. Твоя мама замутила с моим папой.

Алеша в недоумении, но быстро берет себя в руки.

Алеша. Может, это он с ней замутил?

Даша. Какая разница.

Алеша. Ты так сказала просто, как будто это все она.

Даша. Похрену кто. Неинтересно обсуждать.

Алеша думает, подливает еще – себе, ей.

Алеша (*как бы примирительно*). Я на своего батю тоже злился, когда он ушел. Но потом даже лучше стало. Если люди не хотят больше жить вместе, значит, пусть и не живут. Я так считаю. Чисто из-за детей терпеть друг друга…

Даша (*резко*). Я же сказала: мне неинтересно!

Алеша. Понял. Не буду. А хочешь, уйду вообще? Не буду тебя бесить.

Даша. Хочу.

Алеша без разговоров идет в коридор. Даша так смотрит на него, что можно прочитать: иди нах, ненавижу, умри. Он так и прочитал. И ответил.

Алеша. Позвони сама, как успокоишься. Аминь!

Он уходит. Даша выжидает пару секунд, прежде чем заплакать. И плачет сильно, очень сильно, это начало огромного длинного плача.

62

Даша, густо накрашенная, в мамином платье и на каблуках быстро идет по улице, разговаривая по телефону.

Даша. На углу Никулинской и Советской. «Текила бар». Приезжай скорей.

Прячет телефон в сумочку.

Уже на подходе к бару Даша сталкивается с учительницей, которая идет за руку с тренером веревочного курса. Учительница не сразу узнает Дашу в гриме и в женском наряде, но все-таки узнает.

Учительница. Даша?

Даша. Надежда Сергеевна?

Учительница. Даш, а что случилось? Почему ты пропускаешь учебу?

Даша. Я не пропускаю. Я просто бросила.

Учительница. Как это? Я сегодня пыталась дозвониться до твоего отца…

Даша. А вы больше не пытайтесь, я его тоже бросила.

Даша открывает дверь бара и заходит внутрь – в музыку, огни и полумрак.

63

Даша сидит за столиком и глушит виски. Она уже очень плохо отражает реальность, но это и хорошо – так легче. К ней подсаживается Дима. Смотрит удивленно и с опаской.

Дима. Купила все-таки платье.

Даша. Украла!

Дима. Радикально…

Даша. Выпьешь со мной?

Дима. Я за рулем.

Даша. Вот ты дурак, в бар за рулем приехал.

Дима. Я не в бар, я к тебе. Что случилось-то?

Даша. Парень бросил.

Дима. Хреново.

Даша. И папа тоже бросил, прикинь. (*Смеется.*) Ради парня моего.

Дима. Даш, я немножко в курсе ситуации…

Даша (*перебивает*). Закажи мне еще.

Дима. Не стоит, Дашка, чё-то ты уже убралась. Давай-ка, может, домой?

Даша. Нет!

Дима в растерянности. Даша машет официанту.

64

Дима ведет машину. Даша на заднем сиденье в полумертвом состоянии.

Даша. Не звони ему. Только попробуй. Не надо его…

Дима. Мы же договорились. Никому я не позвоню и никому ничего не скажу. Спи давай.

Даша. Ненавижу… Если ты ему позвонишь…

Даша пытается открыть окно, ей плохо. Дима, заметив это, нажимает кнопку, и окно открывается. Даша высовывает голову.

65

Дима сидит на кухне и напряженно ждет, пока Даша выйдет из ванной. Слышно, как она спускает воду в унитазе, потом включает воду. Наконец Даша появляется на кухне – в одном нижнем белье. Медленно подходит к Диме, стоит перед ним. Молча смотрит. Дима потрясен. Он хватает свой кардиган со спинки стула и пытается им Дашу прикрыть.

Дима. Господи боже мой, Дашка.

Даша бросается к нему на шею, лезет целоваться. Дима мягко отталкивает ее.

Дима. Даша! Даже не думай!

Даша. Я же тебе нравлюсь! Я красивая! Ты мне говорил…

Даша тихо плачет, заворачивается в кардиган, отходит от Димы, прислоняется к стенке лбом. Дима осторожно дотрагивается до Дашиного плеча. Плечо дергается.

Даша. Уходи.

Дима. Даш, а где мама?

Даша. Сейчас вернется. Уходи.

Понурый Дима, поколебавшись, идет все-таки в коридор.

66

Илья паркуется рядом с институтом, в котором работает Ирина. Ирина рядом, на пассажирском сиденье.

Илья. Давай там, сильно не работай.

Илья целует Ирину на прощание. Долго целует. Ирина выходит из машины, ждет, пока Илья отъедет, чтобы подольше на него посмотреть. Идет к входу.

67

Ирина на своем рабочем месте за компьютером – переводит очередной научный текст. У нее за плечом стоит пожилая дама в очках и в белом халате, тоже смотрит в монитор. Еще за двумя столами – коллеги Ирины, обе женщины.

Дама. Вот тут курсивчиком не забудьте… Ага. Вот так! Ирина Ивановна, миленькая, как вы думаете, успеваем до обеда?

Ирина. А как же!

Дама. Да ты моя хорошая! (*Чмокает Ирину в щечку.*) С меня шоколадка!

Заходит Борис, он тоже в белом халате. В руках кипа распечаток.

Борис. Девочки, привет!

Все «девочки», включая даму и исключая Ирину, оживляются, кокетливо здороваются в ответ. Борис – главный альфа-самец всего НИИ. Борис подходит к Ирининому столу.

Борис. Что у вас, Ирина Ивановна, совсем завал? Не втиснуться?

Ирина. После двух приходите.

Дама. Так! Ты мне тут Ириночку не вербуй, мне тезисы подавать до часу!

Борис. Молчу-молчу. Я оставлю тогда?

Кладет пачку бумаг на стол.

Заходит Даша. Осматривается.

Коллега. Девушка, а вы к кому?

Даша. Я к Скворцовой. Ирине Ивановне.

Борис. Ирина Ивановна у нас просто нарасхват!

Борис с мужским интересом рассматривает Дашу. Ирина сразу узнает Дашин голос. Поворачивается к ней. Даша подходит почти вплотную.

Даша. Вам не стыдно, Ирина Ивановна? Совсем не стыдно? А так сразу и не скажешь, что вы такая…

Ирина. Даша…

Даша. …расчетливая. Безжалостная. Бессовестная. Вас ведь тоже муж бросил, вы знаете, что это такое.

Коллеги Ирины в шоке, они смущены, но в то же время им очень любопытно, это ведь женский коллектив. Ирина не может говорить.

Даша. Я вас вижу насквозь. Я не сразу вас раскусила, конечно, а папа до сих пор никак не сообразит… Таких охреневших тварей, как вы, Ирина Ивановна, надо бить мордой об пол. Пока совесть не появится.

Борис не выдерживает, хватает Дашу за локоть.

Борис. Пошла отсюда!

Он тащит Дашу к двери, она продолжает на ходу выкрикивать проклятия.

Даша (*Борису*). Что же вы ее больше не трахаете, раз она такая хорошая? Или трахаете? (*Оборачивается к Ирине*.) У тебя никогда ничего хорошего в жизни не будет! Поняла, сука? Он маму бросил и тебя тоже бросит!

Борис выставляет Дашу за дверь. Ирина сидит неподвижно, закрыв лицо рукой.

68

Железная дорога – тот ее кусок, где нет станции, а поэтому и людей. Даша стоит у путей. Очень тихо, как будто все умерли – люди, птицы, поезда. У Даши лицо человека, которому нечего терять и некуда идти. Она не плачет. Плакать не о ком.

У нее в кармане вибрирует телефон. Она отключила звук, чтобы проще было игнорировать.

А вот уже и не телефон, а рельсы завибрировали, почувствовали электричку. Даша смотрит туда, откуда надвигается звук.

Вот и голова состава показалась. Машинист засвистел Даше – отходи! Она даже не шелохнулась. Машинист сигналит уже почти панически, оглушительно. Даша как будто просыпается и в последний момент все-таки делает резкий шаг в сторону, в безопасность. Электричка мчится мимо, обдав Дашу мощным воздушным потоком.

69

Илья выходит из лифта на своем родном этаже. Останавливается перед своей родной дверью и звонит, хотя ключи у него есть. Никто не открывает. Илья контрольно стучит – никакого эффекта.

Илья вдруг пугается мертвой тишины, которая стоит за дверью. Пугается, что там, в этой мертвой тишине, лежит бездыханная Даша и уже не может ему открыть. Он проворно и нервно вставляет ключ в скважину и открывает. Говорит на всю квартиру: «Даша!»

Последовательно и быстро осматривает все, начиная с ванной комнаты. Никого нет. Илья садится в детской на Дусин диванчик. «Так странно, – думает, – что я жил здесь каждый день целых двадцать лет и всего лишь несколько дней здесь не живу, а мне неловко. Как будто без спросу вторгся в чужой дом».

Он встает и, стараясь не смотреть на предметы, на одежду, на мебель, уходит.

70

Илья ведет машину. Рядом Алеша в качестве штурмана.

Алеша. После аптеки там поворот.

Заехали в какой-то двор. На детской площадке гуляют мамы с детьми.

Илья. Дальше куда?

Алеша. Никуда, всё. Я про это место думал, вон про то дерево.

Илья смотрит на здоровенное дерево, которое разрослось в три ствола, а один из них – практически параллельно земле, как скамейка.

Илья. Еще варианты? Где вы еще гуляете?

Алеша (*пожимает плечами*). Да везде. По-разному.

Илью раздражает его растерянность, похожая на расслабленность. Он говорит с напором, даже агрессивно.

Илья. Думай давай, вспоминай, куда она могла.

Алеша. Да, блин, откуда я знаю, что у Даши в голове!

Илья. А кто знает?

Алеша. Вы.

Илья. Дубки, плотину, пляж – я наше все уже проверил.

Алеша. А кладбище?

Илья (*внутренне напрягаясь*). Что кладбище?

Алеша. Любит его тоже.

Илья разворачивает машину и выезжает из двора.

71

Даша по-прежнему на железке. Сидит на насыпи вполоборота к рельсам. Телефон лежит в ее руке и дрожит от папиных звонков. Бьется в ладони, как сердце. Бьется, а потом затихает.

Даша устала сидеть и легла.

Мимо проходит электричка. Даша смотрит на нее снизу вверх.

Недолгая тишина – и опять гул. Новый поезд приближается.

Даша встает. На пути не заходит, но стоит очень близко, опасно близко. Смотрит на поезд. Машинист видит Дашу, нажимает одновременно гудок и тормоз. Даша решает стоять до конца, а чтоб было не так страшно – отворачивается.

Когда поезд поравнялся с Дашей, ее не стало. Даша исчезла – моментально, в одну секунду. Как будто ее вырезали. Как будто ее сожрали колеса. Нет, не сожрали – ее отбросило в сторону: поезд ее не сбил и не сгреб, товарняк ударил ее в бок одним из широких вагонов.

Даша лежала на насыпи в трех метрах от путей. Поезд прошел свой тормозной путь и остановился.

Даша была в сознании, потрясенно моргала, небо кружилось.

72

Алеша и Илья идут по старому Сестрорецкому кладбищу, уютному, как заброшенный парк. Алеша показывает Илье могилу.

Алеша. Ей шрифт очень нравится. Как написано.

Илья (*смотрит на него с ненавистью*). И что?

Алеша. Ничего, такой же хочет просто.

Илья (*взрываясь*). Ты соображаешь вообще? Нет? Что ты мелешь?!

Присаживается на примогильную лавочку.

Алеша. Сами виноваты.

Илья. Кто? Мы с тобой?

Алеша. Вы.

Илья. А ты нет, да? Ты такой хороший парень, ты молодец, ты ни при чем вообще.

Алеша. Вы маму любите?

Илья молчит.

Алеша. Я вам не верю, короче. И Даша тоже не верит – поняли? И вы ее не найдете, она потому что не хочет, чтоб вы ее нашли.

Алеша уходит по тропинке, а Илья остается.

73

Вдоль путей к Даше бежит бледный машинист. Добежал, склонился.

Машинист. Где больно?

Она не реагирует.

Машинист. Можешь двигаться?

Он берет ее за руку, и она – как только очнулась – резко выдергивает пальцы. С трудом садится. Адски болит весь левый бок.

Машинист. Ногой можешь пошевелить?

Может – и той, и другой. Тогда машиниста отпустило, и он, с облегчением выругавшись, встает.

Машинист. Блин! Ты совсем уже?! Дебилы, сука, малолетние! Ты какого хрена тут делаешь на путях?!

Даша зачем-то упорно ползет в сторону от машиниста.

Машинист. Э-э, куда? Лежи спокойно, «скорая» сейчас приедет.

Даша доползла, куда хотела, – до своего телефона, который выпал из руки в момент столкновения. Слезы мешают ей видеть экран. Она их вытирает и непослушными пальцами вызывает папу. Идут гудки. Отец отвечает сразу же. Даша держит трубку и молчит. Потом говорит: «Папа!»

Сказала очень по-детски. Даже не сказала – позвала. ◆

2015

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Антология

Экспериментальная образовательная программа «Современные литературные практики» (http://literatice.ru/) была создана в 2020 году в Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинка) писательницей Евгенией Некрасовой, поэтессой Оксаной Васякиной, продюсером Татьяной Новосёловой, филологом Алесей Атрощенко и поэтом и социологом литературы Евгенией Вежлян. Студенты и преподаватели школы занимаются поиском нового языка для описания актуальной российской реальности, а также изучают современный литературный процесс и делают проекты в рамках лаборатории литературного менеджмента. В 2020 году на читательской платформе Bookmate в открытом доступе вышла антология «Современных литературных практик» — «Страсти по Конституции» (https://ru.bookmate.com/series/ttKqwjrP), где все прозаические и поэтические тексты написаны по мотивам статей главного закона страны или по мотивам тогда еще предложенных к нему поправок.

Концепция: «…Поэтому для нас все прошлое — настоящее, а настоящее — прошлое. Это такой дом с привидениями, где призраки весомее живых, слышно, как они ходят» (Мария Степанова. Из интервью для журнала «Сеанс»).

Герои антологии «Возвращение домой» попадают в города, поселки, населенные пункты, где выросли, и сталкиваются со своим прошлым. Они оказываются в неразрешенных прежде конфликтах, встречаются с забытыми людьми, переживают уже пережитое. Они вспоминают свои детство-юность и пытаются вернуться. Или сбежать как можно дальше.

Почти всех создателей антологии — студентов и преподавательниц «Современных литературных практик» — объединяет то, что они уехали из своих родных мест жить-работать-учиться в мегаполисы, а некоторые — в другие страны. Всем им знакомы опыт возвращения домой и весь спектр эмоций, с ним связанный: радость, спокойствие, ностальгия, стыд, разочарование. Авторы решили собрать свои личные и одновременно универсальные переживания в этот цикл.

←
Автор иллюстраций © Александр Торчинов

Евгения Некрасова

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Евгения Некрасова (1985, Капустин Яр) – писательница, сценаристка, преподавательница. Выросла в Подмосковье. Живет в Москве. Окончила сценарный факультет Московской школы нового кино (мастерская Олега Дормана). Финалист фестиваля молодой драматургии «Любимовка»-2014 (пьеса «Сестромам»). Лонг-листер конкурса «Первая читка»-2015 в рамках X Фестиваля им. А.Володина (сценарий «Калечина-Малечина»). Автор текста, особо отмеченного ридерами фестиваля молодой драматургии «Любимовка»-2015 (сценарий «Смерти нет, или Меня зовут Алексей Монахов»). Лауреат премии «Лицей» за цикл прозы «Несчастливая Москва» (2017). Автор романа «Калечина-Малечина» (2018; короткие списки премий НОС, «Большая книга», «ФИКШН35», «Национальный бестселлер»; длинные списки премии «Ясная Поляна» и премии Аркадия и Бориса Стругацких) и сборника «Сестромам» (2019; длинные списки премий «ФИКШН35», «Национальный бестселлер», «Ясная Поляна»). Соавтор сценария короткометражного фильма Douggy (2017, режиссер Матвей Фикс; премьера: Locarno International Film Festival) и сценария короткометражного фильма «Руки» (2020, режиссер Екатерина Скакун). В 2018–2019 годы Некрасова преподавала кинодраматургию в Московской школе нового кино. В начале 2020 года она стала сооснователем программы «Современные литературные практики» в МВШСЭН (Шанинка). В «Искусстве кино» работы Некрасовой прежде появлялись трижды: сценарии «Смерти нет, или Меня зовут Алексей Монахов» (2014), Vipera Renardi (2015) и «Не отсюда» (2016).

Я – Жня,
приятно познакомиться!
Что посеете,
то и пожнете.
Живу на этой даче,
я тут не выросла,
но завелась.
Что тут есть у меня:
полубритая голова,
белое брюхо,
второй подбородок,
телефон, компьютер.
Я – дух этой дачи,
у меня: деревянные зубы,
губы – дождевые черви,
глазья-щурья,
брови-мохом,
ноги-стволами,
чернила под глазами,
руки-махом,
липкая кожа,
спортивные штаны,
футболка Мария-Крестина-Ангелина.
На что я похожа?

Я танцую,
бью по деревянному полу
поддельными кроксами
из «Глобуса» за 285 рублей,
за 285 рублей.

Дача-дача,
ча-ча-ча!

Слева от Жня
линия забора
с калиточной прорезью,
за ней – жизнь леса.
Как я провожу
это
этим
лето
летом.
Взглядом разматываю
пуповину горизонта,
марево-курево,
справа от Жня –
Северово-Северово,
Кузнечики-Кузнечики,
не допрыгнут до меня,
стрекочат жизнями-пулями,
пинь-разумеется-пинь.
Далековато.
Смотрят на меня дулами
своих окон.
Счастливые военные ждали
пятнадцать лет между войнами
и получили там квартиры,
в том числе мой одногруппник
по киношколе Олег Матросов.
Но все пошло не по сценарию:
ни парковок, школ, больниц,
но у стрекочущих нет вопросов,
им построили южную хорду,
она обвилась вокруг
шеи моего детства –
панельки, из которой
я быстро выросла,
торчащей посреди поля.
А вот к ней приставили парковку,
«Глобус», «Леруа Мерлен».
Ровно там росли наши
горох и картошка,
теперь маршруточная остановка.

Дача-дача,
ча-ча-ча!

Мы были сыты и почти богаты,
потому что кормились
не только с поля у панельки,
но и с лесного участка,
где потом выросла
дача-дача,
ча-ча-ча
(и даже целое Эс-Эн-Тэ
людей, желающих
частной жизни и личной собственности),
но и с дедушка-бабушкиного сада у КБАЛа,
но и с арендуемых
картофельных грядок.
Сниму не комнату,
Сниму не квартиру,
Сниму не дом,
Сниму не дачу,
а сниму картофельную грядку,
даже две, утыкающиеся в стыковку
почвы с небом.
Нет, найму три, чтобы протащить
семью через 90-е.

А еще, конечно, мы кормились
с закалиточного леса:
щавелевый суп, крапивный суп,
грибной суп, жареха из сыроежек,
опяточные закрутки.
Я питалась, как Лешая или Кикиморка,
вышла милая рожа,
на кого я похожа?

Мои родители, археологи-любители,
еще до дачи и забора
много лет они копали эту землю
и находили много всякого-бякого сора:
ракушки из морских до-времен,
а также свиные кости,
битое стекло,
рваные колготки,
чайные ложки,
фарфоровые осколки фигурок
и сервизов
с розовыми розами и позолотой –
советский культурный слой.

© Александр Торчинов

На этом участке
еще до огорода, до дачи, до забора
был свинарник,
при нем что-то вроде закрытого клуба-ресторана.
Сюда приезжали местные партийные вершки,
им зарезали свиней,
им привозили женщин.
Те снимали колготки,
пускали в свою сырую уставшую почву
партийные корешки.
Хрюканье-хлюпанье.
Что посеете,
то и пожнете.

Мама нашла в огороде голову женщины:
вся в грязи земли,
желтые волосы, алые губы,
глаза голубые,
скромный взгляд,
тонкие светлые брови,
нежная шея, белая кожа,
на кого она похожа?
Что сделалось с ее телом?

Пропитанная партийным слоем,
отравленная свиной мочой
почва нашего участка
была дурная, почти бесплодная.
Моя семья заказывала
грузовики чистой почвы,
чтобы сделать
новый слой,
высадить новые культуры,
вырастить красивое будущее.
Но свежее смешалось с прежним,
и все равно среди
кабачков, огурцов,
клематисов, петуний,
пионов, роз, ирисов
до сих пор попадаются напоминания.

Голова женщины-с-пальчик
лежит теперь на моей веранде
и ждет, когда отрастут ее грудь, плечи,
живот, бока, юбка,
руки, ноги.

Но они не вырастут.
Что посеете,
то и пожнете.

Я – Жня,
посмотрите на меня!
Дача-дача,
ча-ча-ча!
Я танцую пальцами
по клавиатуре,
наращиваю бока
и новый культурный слой,
и новый культурный слой,
Ха-ха!

Солнце падает оранжево в Кузнечики,
там древнее городище чахнет,
там свежим-с-прежним пахнет.
Как и всегда, как везде.
В Кузнечиках у Марии – дочери Платонова – была дача.
Дача-дача,
ча-ча-ча!
Чё-чё-о!
Эс-Эн-Тэ!
А-Пэ-Пэ!
Ой, да как это проращивать отца!
Ой, да через советский слой,
Ой, через советский слой!
Вместе с картошкой, морковью, кабачками,
ирисами, розами, гвоздиками.
Ой, да проращивать отца,
слово-за-словом тащить
его через советский слой!
Возделывать слова отца,
хоть неплодородно,
через советскую-то землю!
Быть Марией, которая рожает наоборот –
не сына, а отца своего,
подготовить почву,
пересадить позади меня,
впереди меня,
вокруг меня,
мой культурный слой,
мой культурный слой.

Я – Жня!
Что тут есть у меня
на даче-даче,
ча-ча-ча?
Левый рог лося
(левый-прелевый –
я погуглила картинки).
Рог раскидистый,
вырос из головы шестью ветвями,
похож на светлую деревянную ладонь
с потрескавшейся от времени кожей,
лежит на полу теперь без тела и без дела.
Я не знаю, как превратить рог в полку или украшение.
Споткнулась об него,
вспомнила, что знаю его с раннего детства,
родители привезли рог на дачу-дачу с дедушкиной дачи.
Что странно – бабушка и дедушка не были охотниками,
дедушка любил зверей и природу.
В основании, где спил, вкручен ржавый шуруп,
Там, где кость широка, в центре ладони,
Дыра от пули,
Дыра от пули.
Я спросила у мамы, что это за рог такой,
А это – это Юра застрелил лося
и накормил весь партизанский отряд.
Знаешь, как бабушка его берегла?
Я не знаю, я ничего не знаю,
я никогда об этом не спрашивала,
мне никто никогда не рассказывал.
Только когда случайно споткнулась
о семейную реликвию, я нашла ее.
Я не могу представить,
как четырнадцатилетний Юра,
старший бабушкин брат, убил лося.
Сколько раз он выстрелил?
Два-три? Один раз точно промахнулся
мимо плоти – попал в рог,
или не промахнулся?
Стрелять нельзя было много и громко,
могли услышать фашисты.
В лесу такая акустика.
Я танцую на даче,
меня слышат закалиточные деревья,
перескрипывают друг другу мою песню.
Из-за Юры они не уехали во Владивосток в эвакуацию.
Прямо на вокзале он, двенадцатилетний,

последний в семье мужчина
(отец на беломорканале,
отчим на фронте),
сказал, что не поедет,
а останется бить врага,
бить врага.
Я не могу представить, как бабушка
протащила артефакт через войну, плен,
советское, постсоветское.
Я смотрю на рог,
я не знаю, что мне с ним делать,
он протягивает мне свою потрескавшуюся ладонь
с дырой от пули посередине.
Я танцую, да,
но эта война ко мне гораздо ближе,
но не таким образом ближе, как это разъясняют власти,
они, да, нас даже не представляют.
Я чувствую эту войну внутри своей головы,
она засела там пулей,
мой культурный слой,
мой культурный слой.
Почему я не спрашивала про все это раньше?
Юра погиб в белорусских болотах в 43-м,
бабушка умерла в 2013-м,
дедушка в 2019-м.
Почему вы умерли?
Почему вы умерли?

Я тащу рог, он тяжелый и громоздкий,
выхожу на участок,
из бытовки выношу лопату,
Копаю яму,
не могилу, нет.
Перебираю слой свежий и слой прежний,
я никогда ничего тут не сажала,
если только в самом детстве,
я же отдыхать сюда приезжала,
а все, что нужно, покупала в супермаркете.
Кладу рог металлическим вершком кверху,
засыпаю землей,
притаптываю аккуратно,
танцую.
Дача-дача,
ча-ча-ча!
Я посадила лося!
Я выращу лося!

С нежными печальными глазами,
с впалыми шерстяными боками,
левый рог у него старый, потрескавшийся,
правый новенький, гладенький, коричневый.
Я отряхну от земли звериную морду и спину,
обниму лося, выпущу его в лес за калитку,
тогда все пройдет и война пройдет.
Я выращу лося,
по ритуалу осталось только полить,
только полить.
В моих слезах ДНК Юры,
это должно сработать,
но я не могу заплакать,
совсем не могу заплакать,
наверное, потому, что я на таблетках,
ни одной слезы,
или потому, что плакать надо было раньше.
Роговая ладонь тянется в центр земли,
ни одной слезы.

Я – Жня!
Посмотрите, что тут есть у меня:
мертвые дедушка и бабушка,
мертвый Юра,
война,
Платонов,
голова женщины-с-пальчик,
свежий культурный слой,
прежний культурный слой,
Эс-Эн-Тэ,
Кузнечики,
рог,
непророщенный лось,
в многоэтажках человечики.
Дача-дача,
ча-ча-ча.

Что посеете,
то и пожнете. ◆

Анна Шипилова

ДОМОЙ

Анна Шипилова – прозаик. Родилась в Москве. Окончила ВГИК имени С.А.Герасимова. Публиковалась в сборнике рассказов издательства «Эксмо», электронных журналах «Литературa», «Пашня», в сборнике «Страсти по Конституции» издательства Bookmate Originals. При написании прозы руководствуется кинематографическим принципом «не рассказывать, а показывать».

– Фируза… Раисовна… Ильдар… Тахрирович, – Ася поднимается по лестнице, – Фируза… Раи?.. Рамисовна!.. Ильдар… Тахирович? Тахрирович!

На лестничной клетке около квартиры Рустама, коммуналки в довоенном доме, пахнет жареным луком. Асина бабушка, строгая Софья Иосифовна, всегда кривилась и объясняла внучке: «Так отбивают запах, когда гонят самогон». Ася достает учебник «Теплотехника» и пристраивает его к свету – на подоконник между консервными банками с окурками. «Из-под сайры и тушенки», – по детской привычке читает названия Ася – Ася читает все подряд. Из-под окна дует, она ежится, но ждет.

Хлопает дверь, лает собака на первом этаже: Рустам вбегает в подъезд – он взлетает по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки, и видит Асю.

– О, ты уже здесь, – говорит он и неловко обнимает ее так, что Ася носом утыкается в его ключицу. Она обхватывает его за шею одной рукой, вторая оказывается прижатой к животу. – А у меня тренировку задержали, тренер не отпускал. У меня завтра брат женится, сегодня все дома, познакомлю тебя. Заходи.

– А как же я без подарка? – испуганно говорит Ася. – Хотя бы конфет купила.

– Да у нас еды навалом сегодня, третий день готовят уже, – улыбается Рустам.

Он открывает дверь, и у Аси перехватывает дыхание от запахов и жара духовок и плит. Умолкнув от шума, она перешагивает порог и видит кухню сразу около прихожей. Она снимает пальто и вешает его на крючок поверх чьей-то одежды, куда указывает Рустам.

– Рустамчик, пришел? Иди сюда, покормлю, – кричат из кухни.

© Александр Торчинов

– Это мама, – говорит Асе тоже притихший Рустам. – Проходи. Ты еще не обедала?

В кухне около расставленных по периметру плит теснятся женщины в юбках до пола, расшитых сверкающим люрексом, их волосы подвязаны яркими платками. Ася в лучшем ситцевом летнем платье, теплых колготках и любимой маминой шерстяной кофте вдруг чувствует себя нелепо.

– Рустам, садись! – Широкая спина в синем платке поворачивается. – А это кто? Познакомь нас.

– Мама, знакомься, это Ася. Ася, это моя мама.

– Фируза Раисовна… Рамисовна, здравствуйте, – мямлит Ася, но ее почти не слышно в гомоне.

– Где вы познакомились? Ася, а какое полное имя? Асия?

– Нет, просто Ася. Она моя одногруппница.

– Фамилия у тебя какая?

– Ритберг, – говорит Ася.

– Ритберг? – переспрашивает Фируза Рамисовна, глядя на сына.

Рустам молчит. Она садится на табуретку, ставит тарелку с мясом на стол перед ними, оглядывает Асю с головы до ног. Ася от неожиданности и смущения тоже садится.

– Может, вам чем-нибудь помочь? – тихо спрашивает она.

На плитах около Аси варится мясо в кастрюлях, чуть дальше женщины жарят тесто с сахаром. Ася поднимает глаза к потолку и видит, что выкрашенный казенной зеленой краской потолок над плитами закоптился и стал коричневым. Пытаясь унять дрожь, она опирается руками на стол и тут же отрывает их: на досках присохло что-то липкое.

– Рустам, иди спроси, не нужно ли чего отцу, – говорит Фируза Рамисовна, протягивает Асе банку горошка, мол, открой.

Ася растерянно начинает ковырять ее консервным ножом, дома банки всегда открывает дедушка.

Рустам ловит взгляд мамы и уходит. Ася отдает ей банку горошка и тихо отпрашивается в туалет, как в школе. Пройдя по коридору в поисках Рустама, она заглядывает в комнату. Мужчины напряженно прислушиваются к радио: передают Горбачева, он говорит о незаконном захвате власти. Когда радио замолкает, они начинают спорить: «…мы должны потребовать узаконить самострой…», «…геноцид продолжается…», «…решение о выделении земель принято… а облсовет блокирует…» Рустам сидит рядом с отцом и не поднимает на стоящую в дверях Асю взгляда. Постояв минуту, она тихо уходит.

После похорон едут домой. Денег на ресторан нет, да и все бабушкины товарки живут в том же или соседних домах. В прошлом году на Асину свадьбу сняли пазик для всех родственников, и за целый день разъездов от загса на Поклонную гору и до открытого кафе на Речном получилось очень дорого, еще и за бензин насчитали сверху.

Ася встает на трехногую табуретку и открывает антресоли – там темными ровными рядами стоят, поблескивая стеклом, банки с закрутками. «Вот и пригодились», – бормочет она. Пока снимает, вспоминает лето и деревню. По ягодам был план на каждый день – пять ведер. Пока не наберешь – никакой речки и тарзанки, никакого сладкого ничегонеделания в поле с книжкой, никаких игр с деревенскими: кто быстрее добежит, кто выше залезет, кто сильнее ударит ногой и высадит гнилую дверь колхозного птичника. Когда Ася ныла, бабушка говорила: «А как ты работать собираешься? Надо уметь распределять время и делать все быстро и в графике». Ягоды даже не были сладкими, особенно красной и белой смородины, их было муторно и долго собирать и стараться при этом не давить. За давленые ягоды можно было и тряпкой от бабушки получить.

«Дались тебе эти банки, мы с прошлого года еще не съели», – говорила Ася, когда приезжала, уже взрослая, и привозила жениха копать яму для нового туалета, а бабушка нагружала багажник их «Таврии» новыми банками. «В следующий раз привезите мне обратно пустые», – отвечала она вместо прощания.

Ася перекладывает консервированные кабачки и помидоры в хрустальные салатники и выставляет их на стол. Надо оставить место: скоро ее мама должна принести какую-то кутью. Что это – выяснить не удалось. Рис с чем-то там вроде, Ася несколько раз спрашивала маму по телефону: «Плов, что ли?»

Асин муж и подруги, званные на помощь, опаздывают, а бабушкины товарки приходят вовремя и централизованно, как по заводскому гудку. Ася знает не всех, кого-то помнит только из детства, кого-то узнает по случайным встречам на лестничной клетке, кого-то по долгому выстаиванию в очередях вместе с бабушкой.

За столом обсуждают, как хорошо прошло отпевание, какой приятный батюшка был и как тепло и светло в недавно восстановленной церкви. Советуют Асиной маме мастерские, где можно заказать крест на могилу. Мама промакивает платком глаза и кивает. Асю зовут в туалет, потому что сломался бачок – у бабушки стоит унитаз с основания дома, – она дергает неработающий слив и недоумевает: «Какой крест, какое отпевание, какой батюшка, бабушка же всю жизнь атеисткой была, даже травяные сборы не пила и воду не заряжала…»

Закончив, Ася моет руки и смотрит на себя, раскрасневшуюся и с растрепанными волосами, в зеркале над раковиной. В дверь звонят, и Ася думает: «Ну наконец-то. Четыре месяца зарплату не платят, а он на работе задерживается». Она открывает и видит Рустама. Он ниже, чем она помнит, и плечи не такие широкие: Ася до сих пор привстает на цыпочки, целуя мужа, на что тот обижается.

– У тебя гости? – спрашивает Рустам, расслышав звон вилок и разговоры.

– Бабушка умерла, – говорит Ася и начинает впервые плакать – не в морге, не на отпевании, а здесь, в дверях.

Она хватает куртку с вешалки и быстро выходит, аккуратно прикрыв дверь.

– Есть сигареты?

– Есть, – удивленно отвечает Рустам. – Ты же не куришь.

Они стоят на лестнице, курят в открытое окно. Ася молчит, и Рустам начинает рассказывать ей, как переехал в Крым, на родину.

– На родину? – переспрашивает она. – Ты же из Химок.

Он говорит сбивчиво, долго, с подробностями: как они приватизировали комнату, как пришлось выкупать остальные, чтобы продать всю коммуналку, как все его братья и дяди вскладчину выкупали по комнате, потом продали квартиру с помощью их с Асей общего однокурсника, ставшего риелтором. Как они пытались выкупить свой семейный дом на южном побережье под Симеизом, а им не продавали и что пришлось строить новый в степной части полуострова, где удалось купить землю, поэтому он приехал только сейчас. Асе становится скучно и холодно, она поглядывает вниз, чтобы не пропустить приезд мужа.

– А мы тоже на родину, – перебивает Ася, – уезжаем скоро. Вот только бабушка не дождалась.

– А ты на какую родину? – спрашивает Рустам.

– В Израиль. Подали документы в прошлом году, сразу после свадьбы.

Рустам молча смотрит на ее руки.

– Да я кольцо сняла сегодня, – машет рукой Ася. – Столько готовила и мыла, что боялась потерять.

Отвернувшись, Рустам выкидывает догоревшую сигарету в мусоропровод с надписью «Окурки не бросать».

– Как же он на тебе порченой женился, – тянет Рустам, глядя куда-то в сторону, – пришлось, наверное, приданого заплатить.

Ася медленно краснеет – сначала грудь и шея покрываются пятнами, потом они подбираются к лицу и неровно проступают на щеках.

– Баранами будешь у себя там за жену платить, – тихо шипит она. – Почем у вас целки идут?

И уходит, хлопнув дверью так, что звенит оконное стекло. Такой Асю Рустам не знал – он спускается, оглохший от ее шипения, и в дверях подъезда налетает на какого-то парня. Тот, припарковав «Таврию», обвешанный пакетами, заходит, и Рустам толкает его плечом, зло, почти не видя. Один пакет рвется, и из него выпадают конфеты и пирожки.

Ася теперь вскакивает в шесть утра – до удушающей жары, что ей, всегда любившей поспать подольше, несвойственно, и не знает, куда себя деть. Одежда и даже постельное белье поглажены и лежат в шкафу аккуратными стопками, шершавый плиточный пол вымыт только вчера, в саду – лимонные деревья и бугенвиллеи – работает автополив, Ася спроектировала систему сама.

Она проверяет почту и видит письмо, пришедшее ночью с чьей-то мобильной почты: «В связи с политической обстановкой… проект останавливается на неопределенное время… приносим свои извинения…»

Этот проект нашел Асе муж благодаря своей сверхъестественной способности знакомиться с нужными людьми и заводить полезные связи. На их диване в гостиной всегда спали гости, он доставал дефицитные лекарства, помогал кому-то оформлять документы, перевозил на машине чьих-то родственников с вещами и собаками, выучил язык, гораздо раньше нее начал понимать шутки и стал соблюдать шабат. Асе казалось, что не она привезла его в Израиль, а он ее. И когда в инженерное бюро его знакомого поступил заказ на проектирование систем водоснабжения в Крыму, именно Ася через час уже рассматривала геодезические планы.

Полгода обменивались сметами, договорами и тендерной документацией: сначала Асю целую неделю дергали по мелочам по нескольку раз в день, требуя сделать что-то срочно, а потом исчезали на пару недель – она не привыкла к такому ритму. Она впервые в жизни стала оставаться надолго одна дома. Сначала не могла привыкнуть к тишине и к тому, что никто не требует внимания и не нужно готовить – только ужин мужу. Потом начала получать удовольствие от дневного сна, чтения в кровати, долгих прогулок по пляжу. Сын иногда звонил из военной части между учениями, пару раз в неделю писала дочь. Скоро, говорили, начнется война. В местном театре гастролировала венгерская опера. Больше ничего не происходило.

Каждое письмо вызывало в Асе раздражение и беспокойство. Она с трудом вникала в послания, в которых она стояла в копии и смысла которых иногда совершенно не понимала; ей приходилось перечитывать их, сопоставляя уже известные имена и названия, и однажды она наткнулась на знакомое имя.

Рустам писал коротко и по делу. Ася отвечала почти зло: какую страницу смотреть, почему она не рекомендует, а настаивает, – она сидела на маникюре и отстукивала в телефоне сохнущим ногтем ответы на письма, вполголоса говорила сама с собой, – настаивает на том, чтобы тянуть трассу именно на этой глубине. Она разглядывала его фотографию – загорел, поседел, но не изменился, остался жилистым, худым, взгляд такой же цепкий. У Аси в почтовом аккаунте не было фотографии, фамилию она поменяла после замужества, в видеоконференциях с крымским заказчиком не участвовала, поэтому не боялась быть узнанной. Боялась только неизбежно приближавшейся командировки: придется опять смотреть в глаза, что-то рассказывать и объяснять.

Под звук сирены воздушной тревоги Ася спускается в бомбоубежище в подвале своего дома с кошкой на руках и включает генератор. Галогеновая белая лампа освещает длинные полки, заставленные банками с консервированными овощами. В углу сложены шезлонги,

летние зонтики для посиделок в саду, чемоданы, коробки с посудой, инструментами. Из общей кучи выглядывают детские конструкторы «Лего».

– «Звездные войны», – читает Ася на уголке коробки. – Нужно будет отдать соседским детям.

Она расстилает матрас на полу, кладет сверху спальник, залезает в кокон вместе с кошкой и набирает сообщение мужу, что хочет в отпуск, в Испанию или Италию, когда все закончится. Но письмо не отправляется: в подвале нет сигнала.

Рустам снимает квартиру в Химках: неподалеку его старый дом, да и жилье дешевле, чем в Москве. Несмотря на то что ездить до центра на собеседования далеко – сначала электричка, потом пересадка на метро, – он любит ходить родными дворами к станции и обратно мимо бюста Ленина по бульвару. На собеседованиях интересуются, резидент он или нерезидент, на каком языке он вел проектную документацию, знает ли российские законы, ГОСТы, СНИПы. Он раздражается, отвечает резко, ему обещают перезвонить и не перезванивают, а унижаться и звонить сам он не хочет. Денег хватит на полгода: он продал машину, получил расчет на работе – все-таки выплатили.

Пиво на канале он пьет один, искать новых друзей нет ни времени, ни желания, а со старыми институтскими он встретился один раз, и ему этого хватило. Рустам смотрит на целующуюся парочку – она смущается, он настойчив – и вспоминает Асин вкус – гречишного меда, но тот забивается пивом, запахом речной воды и пота. Он садится в траву, закрывает глаза – вспоминает, как на турбазе в Приэльбрусье они уходили гулять и лежали на лугу до вечера. Ася подмывалась водой из ручья, текущего по расщелинам с ледника и впадающего в Баксан. После каждого захода Рустаму нестерпимо хотелось пить – ледяная вода ломила зубы. На обратной дороге Ася поскальзывалась на «сыпухе» – ни один камень, на который она наступала, не был устойчивым. Они возвращались уже в темноте и расходились по комнатам, сосед Рустама понимающе молчал, Асина подружка хихикала, когда та заходила в юбке, надетой наизнанку.

Рустам лежит на берегу и ищет рукой Асину голову – переложить с холодной и твердой земли себе на грудь. Он помнит ее вес, короткие волосы на затылке, заплетающиеся в колечки, помнит, как старательно пытался распутывать каждое. Он почти спит, разморенный жарой, пивом и усталостью, и ему кажется, что Ася переползает на его плечо, потом ложится всем телом ему на грудь. Правая часть тела немеет, и тяжесть с груди становится уже невозможно снять, она тянет его куда-то вниз. ◆

Илья Мамаев-Найлз

НИКТО

Илья Мамаев-Найлз (1996, Йошкар-Ола). После окончания школы поступил в МарГУ на специальность «учитель английского и немецкого языков». На втором курсе ушел из дома путешествовать автостопом и жить в машине. Набрал танцевальную команду, с которой ставил спектакли в местном театре. В это же время работал учителем английского языка в школе и бариста в кофейне. На четвертом курсе был отчислен, ушел в армию. После службы переехал в Санкт-Петербург, перевелся в РГПУ имени А.И.Герцена на направление «Перевод и переводоведение», женился. Рассказ Words Unsaid приняли для публикации в журнал «Дружба народов».

Дневальный скомандовал: «Рота, отбой!» Выключился свет. Заскрипели кровати, зашептались. Я встал спиной к окну. Справа и слева выстроились ряды сослуживцев с подушками. Всем не терпелось отправить меня в космос.

До дембеля оставалось десять дней. Я уходил первым. Зла на меня никто не держал, но бить будут сильно – обидно, что я одной ногой уже дома.

Шагнул вперед, и тут же прилетело по голове и коленке. Закрыл лицо руками и пошел дальше. Не слишком быстро – я и сам знал, какое наслаждение избить того, кто возвращается на свободу.

Название ритуал получил неспроста. Метр спустя я уже не знал, где верх, где низ, слышал хлопки и смех через звон. Мир кружился, трясся. Я ощущал только удары по телу. И прекратилось.

Невесомость. Последние дни службы прошли в этом состоянии. Никто от меня уже ничего не требовал, и делать было нечего. Время тянулось долго и скучно. Вытащил кресло за здание роты. Сидел там, курил, читал. Кажется, что-то из Толстого. Глаза только механически бегали по строчкам, а сам представлял, как буду пить кофе, гулять, видеться с забытыми людьми.

Грешил нравоучениями. Выстраивал молодых и вещал, что важно оставаться человеком. Вы здесь всего на год, а впереди целая жизнь.

Наши старые сошли с ума под конец. Бросались, провоцировали, давали понять, кто здесь главный. Мы пообещали себе стать лучше. И скатились в наставления.

Отбросил Толстого, достал из заначки сигару и раскурил с молодым в вечернем наряде. Ему же передал традиционную зажигалку зиппо (подделку) – раритет взвода. Молодой уже просек, что да как в армии, – перестал

думать по-граждански, то есть спрашивать «зачем» и «почему». Мне нечему было его научить.

Единственное полезное, что я делал, – готовил дембельку. Сбегал в военторг, купил полевую форму, новенькие шевроны, тельняшку и берет. Переоделся, показался остальным. Оценили.

С беретом нужно было еще постараться. Я сидел на табуретке; на голове эта мокрая бесформенная шапка, пропитанная пеной для бритья. Товарищ разогревал утюг.

– Прижми уши.

В зеркале я видел страшную картину: утюг ходил по верхушке моей головы, шел пар.

Вышел ровненький, твердый, с идеальной волной набок. Нам всем хотелось быть красивыми в этот день. Как свадебное платье для невесты: для нас было важно вернуться красавцами.

Вообще, в полевой уходить было нельзя, но служили мы под девизом «можно все, но осторожно». Так что я переоделся в последний момент, после официальных прощаний – вывода из строя, благодарностей, первого и последнего пожатия рук с офицерами. Мы с пацанами собрались в нашем подвале. Они налили мне дембельскую рюмку коньяку, украденного с офицерского банкета, и я выпил под всеобщее ликование. Пообнимались, наговорили добрых слов, и их забрали на спортплощадку.

Я отправился на выход и столкнулся с нашим полковником. Пока он хвалил мою форму, я старался не дыхнуть на него перегаром. Он разрешил идти. Ответственность за форму все равно лежала уже на мне.

У здания роты ждал друг на машине. Сказал, что я растолстел. А я целый месяц отдавал ужин и утреннюю булочку молодым.

По дороге снял китель со значком гвардейца и моей фамилией – переодел на свитер и теперь в камуфляжных штанах и берцах выглядел как скинхед. На КПП пропустили. Рядовой понял, что я всё – домой, и сказал: «Сука».

Друг стал первой жертвой армейских историй. Он бегал до двадцати семи, и теперь армия ему не грозила. Он не понимал, о чем я говорю, и я прекратил.

– Мы можем проехать через «Мегу»? И через какой-нибудь цветочный?

Он улыбнулся и кивнул.

Продавщица поняла, что я не скинхед, и собрала букет с трепетом. Я часто дарил цветы, но никогда не видел, чтобы их подбирали и упаковывали так нежно и внимательно. На прощание она посмотрела на меня заботливо, по-матерински. Мне стало тепло и неловко.

Берцы скользили по гладкому, ледяному полу торгового центра. Я шагал еще по привычке, как на строевой. Еле удерживался, чтобы не ловить ногу других посетителей. Глуповато улыбался – без перерыва и без повода, даже дал себе леща, чтобы сделать нормальное лицо. Но тут увидел девушку и снова расцвел.

Она меня обняла. Я вручил букет. Заметил, что она пробежалась взглядом по форме (я снова все надел), и успокоился.

– Хочешь есть?

Я не успел ответить – она повела меня к кафешке в фудкорте, в которой обычно обедала. Что-то выбрал, она тоже, потянулся за деньгами, но она не дала мне заплатить и посадила за стол. Я представлял встречу по-другому.

Выяснилось, что я взял целый обед, а она – только кофе. Рассказывать истории и в то же время есть куриный суп с лапшой оказалось непросто.

Но вот она. Здесь. Прямо передо мной. Глубокие впадинки над губами, когда улыбается. Блеклые голубые глаза. Немного хриплый голос. Светится. Напротив меня.

Мы виделись один раз в жизни. Я выпивал в ресторанчике, вокруг танцевали под ремиксы русской попсы. В перерывах курили кальян. Я собирался уйти, но заметил ее улыбку за дальним столиком. Просидел еще полчаса, собираясь с духом, чтобы познакомиться. Никогда раньше этого не делал. Не выдержал, закинул на плечо рюкзак и стал прощаться с друзьями, но тут на сцену вышла музыкальная группа «Аморе». Я не верил в знаки, но тогда очень их ждал. Ну и подвыпил уже. В общем, мы танцевали, пили вино, говорили про возвращение 5nizz'ы. Я смеялся, не мог поверить, что у нее такая тонкая талия, и все слушал ее и слушал, очарованный голосом.

И вот она здесь. Совсем другая. Я забыл, как она выглядит. Какая она.

В армии я часто разыгрывал в голове диалог с ней. Я научился это делать еще на гражданке. У нее был парень, поэтому временами она не отвечала на мои сообщения и отклоняла все предложения встретиться.

В начале службы я предложил вести безобидную переписку. То есть без намеков на романтику. Объяснил, что мне не хватает связи с внешним миром. Она согласилась на письма до востребования. Я писал раз в месяц, но ни разу не получил ответа. И хотя я допытывал нашего почтальона чуть ли не каждый день, я ее не винил.

Написал ей во «ВКонтакте» перед увольнением, сказал, что есть время до поезда, хотел бы увидеться. Согласилась. И вот мы здесь.

Когда она поднесла бумажный стакан ко рту, я заметил на ее пальце обручальное кольцо. Не знаю, что именно я испытал. Радость.

Первые месяцы службы мне снилось, как я прихожу в кофейню, заказываю кофе в воронке на чем-нибудь фруктовом и жду. До подъема принести кофе не успевали. Потом сны прекратились. Остались грезы о дембеле, но они всегда были сопряжены со страхом.

Я боялся не того, что так и не дождусь кофе, а того, что больше его не хочу. До призыва я любил закаты и ночь. Теперь считал, сколько минут или часов я потеряю ото сна, если позволю себе смотреть в окно. И я не мог понять, зачем туда смотреть и почему так важно высыпаться.

А здесь она. Прямо передо мной. Наверное, уже не спрашивает, зачем ей все это. И я был счастлив. Я часто листал ее аватарки, когда нам выдавали телефоны. Там были и их совместные фото. Красивая пара.

© Александр Торчинов

Она сказала, чтобы я заезжал еще, когда буду в Москве. Я пообещал, что заеду.

Другу было интересно, как прошло, и я сказал: «Хорошо». Поехали по пробкам на вокзал. Единственный поезд отходил через два часа, а мне еще нужно было получить бесплатный билет. Отстояв очередь, я узнал, что плацкарт весь забит. Предложили купе с доплатой. Согласился.

Пока курил у входа, прошел мужчина, которого я обслуживал в кофейне два года. Бизнесмен. Видимо, приехал на встречу. Я поздоровался, а он прошел мимо. Не узнал.

Перед отправлением купил цветы маме. Сослуживцы сказали, что это нужно сделать. Я не совсем понимал зачем, но потом вспомнил, как она плакала, когда мы прощались после присяги. Купил самый яркий весенний букет и пошел в вагон.

Пассажиры опасливо на меня поглядывали. Наверное, боялись, что я напьюсь. Я бы и не прочь, но с похмелья в такой красивой дембельке возвращаться стыдно. Залег на верхней полке и включил музыку в наушниках. Тронулся поезд. Меня начало трясти. Вот я здесь. Вырвался. Справился. Вот я здесь. И что?

Мы боялись, что нас не отпустят домой, потому что Трамп обстрелял Сирию. Офицеры исчезли – всех собрали на срочное военное совещание в бункере. Я тогда был уже близок: на вечерней поверке крикнул «Я – 100» – то есть до дембеля сто дней. И было приятно, хотя, будучи молодым, передразнил старых и крикнул: «Я – 298!» Тогда попало, а с Трампом обошлось.

Пока ехал в поезде, мечтал хоть на день продлить службу. Покурить с пацанами, пройтись маршем по плацу, спеть вместе песню о том, как солдат попьет кваску и купит эскимо. Поболтать о том, как все будет хорошо, когда мы будем дома.

Выключил музыку. Зашел в ютуб. Полчаса смотрел видео про комаров. Оказывается, у них нос – не одна игла, а три. Две раздвигают кожу, третья входит внутрь и сосет кровь. Потом я рассказывал об этом не один месяц, если собеседники уставали от армейских баек.

Семья ждала на перроне. Я вышел, подарил маме букет. Мы обнимались, смеялись. Но я избегал смотреть им в глаза. Они видели во мне кого-то другого. А я не мог и не хотел этого объяснить.

Подошел патруль. Я ждал его еще в Москве, но встретились в Йошкар-Оле. Отдал воинское приветствие, протянул документы об увольнении. Капитан посмотрел на меня с гордостью, сказал родителям, что я отлично отслужил. Мне, как и всем, кто сильно не косячил, выдали благодарность за службу и хвалебную характеристику. Поздравил меня с возвращением домой, про форму ни слова. Он первым отдал воинское приветствие на прощание, я ответил, и мы с семьей пошли к машине.

Я оставил им свои вещи и попросил высадить меня у кофейни, в которой я работал. Время семь утра, она только открылась. Работала моя

бывшая напарница. Мы обнялись, она меня сфотографировала и выложила в инсту. Разрешила мне самому сделать кофе.

Я подошел к кофемашине, слил немного воды, неуклюже протер полость рожка, подставил его к кофемолке, посыпался кофе. Утрамбовал. Со второго раза вставил в кофемашину. Нажал не ту кнопку. Вышел горький американо.

Я курил на крыльце. По бульвару Чавайна шли уборщики, вытряхивая содержимое мусорных баков в пакеты. Опаздывают, подумал я, вспоминая, что обычно они проходят ровно в семь.

Я надеялся кого-то встретить, то есть надеялся, что знакомые увидят меня в дембельской форме. Мне хотелось восторга, поздравлений, просьб рассказать о службе, ну комплиментов, в конце концов. Но проходили только заспанные незнакомцы, которые даже не смотрели в мою сторону.

Зашел отметиться в военкомат. Сказали, чтобы пришел позже. Никого еще нет.

В родительском доме переоделся в гражданское. Мы поели, я рассказал про службу. Потом отец отвез меня на новую съемную квартиру. Я не жил с родителями уже несколько лет и не мог представить ночь у них дома.

Мы занесли пару коробок с вещами. Он все хотел что-то сказать, и я ждал. Он начал.

Полгода шли судебные процессы. Они мне не говорили. Отца должны были посадить. Все зависело от предстоящего суда. Я не нашел, что ответить. Кажется, отец сказал, что справимся. Нет, я ждал, что он это скажет, а когда он промолчал, я сам произнес за него. Он неуверенно покачал головой.

Он уехал. Я вышел покурить на балкон. Не сразу справился с ручкой: в моей квартире была другая. Поджег сигарету, вспомнил, что нужно открыть окно. Не знал, сидеть мне или стоять. В армии мы обычно стояли, а в прошлой жизни я курил сидя. Прислонился к комоду.

Было жарко. Пролетел шершень. Сбоку на крыше мылись голуби. Я посмотрел вперед. Там не было видно других домов. Только верхушки деревьев и небо.

Я не мог решить, что делать. Сидел и курил до вечера. Потом взял пива, сфотографировался и отправил пацанам в чат. Один за другим они написали, что я сука. Я рассмеялся и написал, чтобы не завидовали.

Воздух был теплый и сладкий. Я шел по городу и вдыхал его. К утру я настолько им пропитался, что стал прозрачным. Исчез. Вокруг все снова просыпались, выходили на работу, гуляли с собаками – и все это казалось таким странным, словно они не всерьез. Словно меня разыгрывают.

Пришел в военкомат грязным, вонючим, с пивной отрыжкой. Никто не обратил внимания. Заполнили документы, поставили штамп в паспорт: «Военнообязанный». Кажется, поздравили с окончанием службы, сказали, что можно идти. Я спросил *куда?*

Показали на дверь. ◆

Альбина Заверткина

ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

Альбина Заверткина (1999, г. Фокино). Учится в НИУ ВШЭ по программе «Культурология». В пять лет восемь месяцев написала стихотворение про океан и ручеек. Первая публикация – в журнале «Волшебный» («журнал для стильных девчонок»), который Альбина покупала в ларьке «Союзпечать» по пути в школу. Письмо для нее – способ зафиксировать и осмыслить реальность.

чтобы вернуться домой
я закрыла глаза
и спала
в земле
в фокинском карьере
я радовалась
спокойствию и пустоте
отец
откопал меня
и отправил на производство
он не хотел чтобы я далеко уезжала
я стала сырьем и пошла на завод
это – первый этап производства
потом меня ждали д р о б л е н и е и п о м о л сырьевых материалов
потом – цех обжига
там вращающиеся печи
при высокой температуре
уже после процедуры охлаждения
я стала
клинкером
теперь еще раз п о м о л и вот – наконец – я стала цементом
портландцементом
папа мной гордился
меня отгрузили в мешок
ура, будет путешествие
сначала папины желания, потом мои
но мое внутреннее состояние
то есть количество примесей
было уже не важно
(как и мои желания)

© Александр Торчинов

важно что я стала
связующим материалом
это звучит прекрасно
значит смогу быть полезной

путешествие было недолгим
я не успела увидеть мир
и как товар стать частью
капиталистических отношений
и осталась внутри семейных
отец забрал мешки прямо с завода
цемент был нужен
чтобы построить дом
мешок со мной пригодился
для штукатурки стен
одна часть меня на три части песка
и растворить в воде
в заполнении дыр и трещин
я – наконец – обрела
смысл существования
штукатурка на стене застыла
теперь я точно
вернулась домой ◆

Мария Толмачёва

ЗАВЕЩАНИЕ

посв. дедушке вите

Мария Толмачёва (родилась в Киеве) – поэт. Публиковалась в украинских изданиях и зинах: на платформах «Критика Феміністична», Літцентр и «Литературный листок», а также в российском издании «Новая карта литературы». Живет и учится в Граце.

оказываясь в салоне, я представляю дедушку на аэродроме. только что настоящий большой самолет выпрыгнул из самого его сердца в небо. это тестовый полет, центральная точка всех дедушкиных жизненных процессов. из нее разворачиваются прошлое и будущее. перед маленьким мальчиком открывается тяжелая подвальная дверь. вот он, его сестра и мать, измученные тифом и голодом, в свете фонариков красноармейцев. курск отбили. теперь все они спасены. дальше конец войны, пятый класс школы, кружок авиамоделирования. мальчик склеивает из картона аккуратную, идеальную фигурку самолета. с тех пор ничто не влюбляет его, не поражает так сильно, как возможность делать летающие машины. это и правда удивительно, понимает он, что можно чертить, рассчитывать, ругаться с коллегами, курить в кабинете, и все это вдруг неотрывно связывается с успешно приземлившимся на сияющий асфальт Ан-124. мальчик-дедушка умрет от любви: в восемьдесят три года он доведет себя до пневмонии, потому что не захочет оставаться больным в постели и поедет на работу. во что бы то ни стало он должен дальше проектировать своих богов. на похоронах имена самолетов будут звучать чаще, чем его собственное.

но гены не донесли до меня его восхищения. как только турбины заводят свой равнодушный вой, меня начинает тошнить и дергать. я знаю, что самолетам нет никакого дела до моих связей с одним из их поклонников, до моих воспоминаний, до умения тела ощущать боль. я пыталась найти в себе силы радоваться полетам, прочитала тучу статей о том, как они работают, и без конца думала о речах дедушкиных коллег на поминках: какое самолет великое достижение человечества, какая физика спасительная наука, воплощенная в жизнь магия, как дедушка отличительно овладел ею. старички сокрушались, что «таких больше не

делают» и что они – последние из лучших моделей человека, произведенных в СССР, – тоже скоро умрут, заберут физику с собой в гроб. останутся только их дети, модели похуже, да внуки, сделанные уже другими, ненадежными странами. но всё же и в нас, по их мнению, жив зачаток советского гуманоида, этого бесстрашного гордеца, мирового мастера. он легко, шутя занимается резьбой по бетону, прокладыванием дорог в забытые богом места (умолчим печально о том, кого и зачем в эти места везут в товарняках, согретых только близостью неугодных тел) и строительством самолетов, позволяя каждому гордиться грандиозными изобретениями как своими собственными. чего же здесь бояться, сказал бы мне дедушка, когда надо радоваться своей сопричастности к великому делу и благодарить науку. бандерлог, варвар и дикарь – худшие оскорбления в моей семье, относящие разрисовавшего обои и укравшего игрушку в магазине ребенка к самому тяжелому из случаев. это полусущество застряло в развитии, у него есть все возможности вести себя нормально, а оно выбирает тратить свою жизнь на низкие, импульсивные инстинкты, и выжить его из меня не удалось никакой семейной историей. все волоски на моем теле поднимаются – обезьяний страх перед огромной летающей штукой.

к сожалению, единственный способ попасть в родной город – лететь. конечно, можно еще почти сутки ехать поездом из Вены. узкие купе новенького немецкого вагона рассчитаны на трех человек. двадцать два часа. но, во-первых, это в четыре раза дороже, чем полет. во-вторых, я всегда езжу одна, а значит, мне пришлось бы разделить короткий быт с двумя незнакомцами, говорить с ними, чтобы как-то организовать на троих крошечное пространство. ехать с иностранцами неловко. я вроде и владею языком, но чувство одиночества мерзко шевелится во мне, когда я произношу на нем хоть слово, очередное «данке» или «битте». дело не в том, что мои родители знают на немецком только hände hoch и schneller. они говорят в шутку: ну как ты там, среди этих фашистов? нет, мне сложно представить себе вторую мировую, покоряя на damen fahrrad податливую велосипедную дорожку. и детство своих гроссэльтерн, и молодость их родителей: еда по талонам, тряпки вместо прокладок. еврейская фамилия неудобно торчит из паспорта. страшное родство с расстрелянным кулаком гонит мою прабабушку из родной беларуси на север россии, в полярные ночи и дни, где белизна заметет прошлое и никто не узнает – забыто всё и все. такого и сейчас полно на земле, но в европе, услышав об этом, тихонько вздыхают: принято думать, что мир постепенно двигается только к лучшему, прокачивается, будто герой компьютерной игры, после каждой битвы умножает он свою силу. а пожилые родственники австриек молчат о других историях. когда бабушка и дедушка моего соседа по WG поженились, государство прислало им в подарок подписанный гитлером майн кампф. дедушка потом оказался в армии. войну провел в греции, купаясь в море и сбрасывая на свой желудок бомбы гигантских оливок. когда он вернулся, пухлый и румяный, оказалось, что есть больше нечего, кроме хлеба, который жена получает у советских освободителей за свое тело. наверное, добавляет мой сосед, она всегда только намекала на это. на самом

же деле ни победители, ни побежденные говорить о войне не хотят, ничего тебе о ней знать не надо, внучка, и внучки терпеливо ждут, когда истории сами случайно лопнут оглушительно где-нибудь рядом с ними, как найденные детьми в поле старинные мины. нет, все-таки дело не в этой разнице, легко снимаемой в некоторых местах, мало ли разниц встречалось мне в жизни? просто мои уши и рот до сих пор не привыкли к шквалу шипящих и свистящих, к напряженному горловому «р», к порядку слов, строгому, чувствительному. как муха, заточенная между двумя стеклами, я бьюсь между немецким и своими непричесанными родными языками, их необъяснимыми падежами и заумными матюками. что я ни перевожу, звучит ненадежно, блекло.

но очутиться среди соотечественниц было бы не легче. в вопросах о постельном белье и расположении чемоданов речь цепляется вдруг за недавно выбранного президента, а еще войну, революцию – странные слова, с которыми растешь, как со сказками о другом мире, а они вдруг вплетаются в твою повседневность, незаметно и неумолимо. не угадаешь, как случайная гражданка украины относится к флагам, танкам и границам. но будь уверена, что они проникли в ее существование, наделили воспаленным мнением. или же грызущим нутро равнодушием. здесь я должна признать свою слабость: не люблю, боюсь спорить. я много ездила в поездах одна, и редко мне удавалось провести там время в молчании. пару лет назад я мчалась в москву, на похороны к дедушке, потом возвращалась в киев, потом снова ехала к нему на сорок дней. и вот в поезде «одесса – москва» вы встречаете женщину, кормящую вас киевским тортом, она на пути к живой сестре, к тете, к подруге, и она скажет вам, например: «киевский торт всегда был мой любимый, мы же братские народы, а нас рассорили, разругали, разлили холодной водой». отвечу ли я: «нет, мы, конечно, не братья, потому что…» и начнется ли что-нибудь: ссора или просто неловкое молчание? объясню ли я этой женщине, запивая торт кипятком, окрашенным в чайный цвет, что я никому не брат, что с рождения исключили меня из братьев и что мое место в народе всегда было каким-то темным, неясным, половинчатым? перебьет ли она меня, нет, скажет, был советский союз и мы не запирали дверей, а сейчас политики запрещают нам об этом вспоминать? я еду на похороны, говорю, я еду на сорок дней, еду совсем одна, мне надо поспать, но она продолжает: веришь ли ты в бога, молишься ли за душу умершего? умерший был крепким атеистом и верил только в советское государство. его главной мечтой было построить дом в ульяновске, в котором жила бы вся семья вместе, коммунально. раз в несколько лет он заново садился за чертежи: то добавлял новую комнату, то пририсовывал этаж, а потом переделывал все заново, меняя местами лестницы и двери, высчитывая до мельчайшей подробности свою мечту. все знали, что никому не снится жизнь в ульяновске, и дедушка это, конечно, усердно игнорировал. мы, дети и внуки, аккуратно обходили с ним разговоры об этом доме, как о пуси райот, гомосексуальности, революции, – он понимал, что все ополчатся на его угасающее мировоззрение, и молча вздыхал над газетами. я знала старушку, живущую на подоле, она

© Александр Торчинов

говорить не стеснялась: во время майдана звонила своим внучкам и рассказывала, что бандеровцы убивают людей, а трупы сбрасывают в днепр. она могла бы выйти из квартиры, перейти улицу и оказаться на набережной, и увидеть, как по днепру плавают, как и прежде, только грязная пена и чинная мусорная баржа. может быть, самое мертвое, что там есть, – это отравленные городом рыбы. но она слишком боялась встретить по дороге озверевших бандеровцев или действительно увидеть полную русскоязычных мертвецов реку. такая река затапливала ее квартиру сквозь экран телевизора. моя подруга детства сказала мне: «там они убивают полицейских». я сказала: «там полицейские убивают людей». она сказала: «а полицейские что, не люди?» нам было по пятнадцать лет. родители запрещали мне ездить в центр, чтобы меня не застрелил мент, а она сидела дома, чтобы ее не сбросили в реку протестующие. потом ее семья соберет чемоданы и сбежит из украины от постановочной опасности. и всех их надо вешать на березах, говорит со мной на диалекте добродушный мужчина в поезде «киев – ивано-франковск». есть, конечно, нормальные русские, говорит он, а есть москали. он говорит, что у него племянник умер на войне, а это что, наушники с блютусом, вдруг почему-то его интересуют мои наушники. да, можно слушать без провода, даже из другой комнаты, говорю. а наши парни гибнут на востоке толпами, он говорит, и я бы всю россию перевешал. то есть москалей, а не нормальных русских. ничего хорошего никогда они не сделали. прямо на ихних березах вздернуть, как коммунистов. смогу ли я удержаться, заговорю ли: я наполовину русская, хотя сама в это не верю, и даже примерно не понимаю, как это – быть русской, как отмерить от русскости половину, хочу ли я эту половину себе. совру ли: моего дедушку звали Тадеуш, Кшиштоф, Войцех, Чеслав, но до десяти лет он жил под именем Петро – прятался от УПА (это настоящая история, про чужого дедушку). а коммунисты выжгли в моем родном селе все поля, забрали всех коров и женщин, скажет мой спутник. все они по-украински не говорили. у меня умер на войне племянник, сепары его убили. нет, ничего я ему не отвечу, ведь действительно у него на войне умер племянник, какие слова усмирят незнакомца с такой историей?

в самолете мы остаемся в рамках собственного кресла, тесного, но защищенного от взаимодействий. тем не менее, вонзая пальцы в подлокотник, пока слезы душат меня изнутри своими маленькими ручками, я все-таки мечтаю с кем-то поговорить. я хочу сказать соседке, беспечно разглядывающей высоту:

– мне отвратительно страшно. я потею и дрожу. я направляюсь в киев, где не была уже полгода, чтобы вдохнуть тяжелый песчаный воздух, в котором, как в памяти, отпечатаны пожары, вырубленные леса, транспортный коллапс, отмытые деньги. прямо сейчас медсестра или учительница разбивается насмерть в междугородной маршрутке. независимый кинотеатр рассыпается под голодным напором капитала. пустые новостройки из крашеного пенопласта – могильные камни. в «тарелке» появляется еще одно пластиковое окно. каждый раз, когда видишь красивый пустой дом, окруженный забором, думаешь: «скоро и этот снесут». машины падают

в дыры на асфальте. взрослые падают в зарплаты и кредиты, дети падают в темные, сырые школы, где потолки ждут момента, чтобы обрушиться им на голову. однажды кусок потолка рухнул в двух шагах от меня, пока я бежала, опаздывая на физру, из курилки. чтобы скрыть близость смерти и болезни, школы пропитывают сонливостью, детям все время хочется спать, приходя из школы, я ложилась прямо на пол и спала до вечера. нет больше никаких кружков авиамоделирования, способных произвести в них восторг. усталость вообще правит столицей. но она не кончается. проникнувшая в нас с младших классов, она длится на каждой улице и в каждом доме. она сияет внутри экранов, тонет в глубине протестной акции. заставляет действовать. или же убивает. сколько должно накопиться опытов, чтобы люди поняли, где текут перемены (да, именно «сигареты в руках, чай на столе – эта схема проста, и больше нет ничего, все находится в нас»), и отказались снова умирать? чтобы я поняла это тоже? вот я лечу в киев, принять в легкие его угарное бессилие. ненадолго подключиться к движениям и разговорам любимых, ночью пить пиво на стадионах, на которых пьют и поют чаще, чем играют в футбол; каждый день скользить по расстояниям размером с половину граца, добираясь от подруг домой, проезд стоит 0,28 евро; удивляться низости потолков и центральному отоплению. я люблю свой город и его общие, открытые пространства с неровными пределами. мне не хватает их в европе, любящей ласковые ограничения и вежливые предупреждения, узкие улочки и каменные башни. страшно вместо долгожданной встречи умереть тут, в воздухе между возвращением и прощанием. родителям позвонят и сухо объяснят, почему я больше никогда не приеду. мое тело не найдут. не удивительно, с такой высоты тела падают прямо в ад. со мной не срабатывают аргументы вроде «курить опасней, чем летать». важна не статистика, а иерархия страха в моей голове: быстрая, но ужасающая смерть в огне и падении не даст возможности подумать и смириться, как может (мне думается) долгая смерть от курения. поэтому я начинаю усердно молиться, прошу бога спасти от страшной судьбы, обещая ему всяческие услуги (наведу порядок в доме, буду больше читать и писать, перестану страдать о прошлом, оправдываться им), пытаясь прикрыть от него свой атеизм. но и вы, спутница, не сострадательнее гула турбины. сейчас вас мало интересует жизнь вне вашего кресла и вы ничем не хотите помочь мне. я могу только предполагать, как вы относитесь к войне и реформе медицины. считаете ли, что в европе всем живется лучше и краше или что она гниет, как забытая в темном влажном месте луковица. покупали ли багаж или летите только с ручной кладью. вы не хотите делиться. лишь иногда вы оглядываетесь на меня, чтобы подивиться на мою бессмысленную, глупую истерику, в основном же смотрите в иллюминатор, делаете фотку: облака обступили железное крыло. таких фоток, наверное, сделано больше, чем самих полетов, но эта будет вашей особенной, собственной. и если мы с вами переживем два тошнотворных часа, вы опубликуете ее в своем собственном уголке интернета с подписью «я дома». ◆

Марина Вырская

КОРОБЕЙНИК

Марина Вырская (1984, Саратов) – кандидат философских наук. Окончила философский факультет РГГУ. В 2016 году получила магистерскую степень в Шанинке (МВШСЭН). Работает социологом. Публиковала научные статьи в журналах «Социальная политика и социология», Terra Economicus, «Телескоп», «Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии». Первый рассказ «Сотри это!» был опубликован в антологии «Страсти по Конституции» издательства Bookmate Originals в 2020 году.

1

Рис, гречка, яйца, молоко, сыр, куриная грудка, рыбные консервы, губка для посуды, чай, соль, сахар, что-нибудь к чаю, хлеб. «Тайд». Ольга вспомнила взвесь дешевого стирального порошка в солнечном коридоре общежития. Дома она почему-то никогда не покупает «Тайд», чаще «Персил», но в основном «Ариэль». «Тайд», «Фейри», картошка, морковь, лук, губка для посуды – губка была. Хорошо. Ольга задумалась и посмотрела в окно. Там степь, выжженная после лета. Этого хватит на первое время.

Убрала список, достала книгу, начала читать. Детектив увлекательный, про ограбление в поезде, но сейчас мысль о другом, и она не может вникнуть в текст. Перечитывает один абзац по два раза, к концу страницы не узнает героев. Как сложится на этот раз? В «Перекрестке» сначала тоже все хорошо было, сдружились. И управляющая вроде ничего. А после отпуска Ольга вернулась, как будто всех подменили – все из-за новых правил, работать невозможно, все ругаются. Уволилась, пошла на производство – там и люди попроще, и текучка небольшая, руководство старается, говорит, качество продукции от текучки тоже зависит. Отработала четыре месяца, съездила домой на полтора, теперь снова, и не ясно, что будет.

Сколько Ольга уже ездит, ее всякий раз волнует эта неопределенность, неясность. С кем окажется в комнате, как сложатся отношения с новыми людьми на работе. И всегда чувствует себя в большом городе ненужной и бесправной, хотя оформлена официально. Она бы, наверное, не смогла здесь прижиться из-за расстояний, из-за чужого-съемного, из-за вечных прохожих, никого своего. Центр ей нравится, конечно, и иногда

выбирается погулять. Летом всё в цветах и шарах, зимой красивая подсветка. Но не родной центр, как будто другая страна, образ жизни другой и язык тоже другой.

Закрыла книгу, набросала планы на завтра: уборка, магазин, готовка. Потом начала смотреть в телефоне вчерашний выпуск «Поля чудес» – дочка скачала в дорогу. Где-то над Волгой подумала, что мост сейчас разломится и поезд рухнет в воду. Первый раз, несколько лет назад, эта мысль ее испугала, она вообразила, как уходит на дно в железной коробке, и чуть не задохнулась. Но со временем представление о крушении поезда поизносилось и стало лишь мысленным ритуалом, спаянным с определенной точкой в пространстве. Подобно тому, как Ольга не могла выйти из дому, направляясь в дальний путь, не сложив ровно кухонное полотенце, не сдвинув носик крана по центру раковины, не выровняв придверный коврик по линиям линолеума. Навязчивые мысли пытались остановить ее, задержать дома, не дать доехать до конца моста. Ольга выпутывалась из них, выживала в крушении и продолжала путь.

2

– Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Швецова Ольга Александровна.

– Прекрасно, Ольга Александровна! Расскажите, откуда вы приехали?

– Я приехала из города Красный Кут Саратовской области.

– Красивое название! <Нет, нет…>

– Какое интересное название! Чем славится Красный Кут? <Нет…>

– Расскажите, откуда вы приехали?

– Я приехала из города Красный Кут Саратовской области.

– Отлично! Вы готовы к игре?

– Да.

– Тогда начинаем! Как называется крупнейший левый приток Дона? Даю подсказку! Река протекает через Пензенскую, Воронежскую, Саратовскую и… <Нет, не это…>

– Вы готовы к игре?

– Да, готова.

– Тогда начинаем! В Российской империи этим словом назывался мелкий торговец-разносчик. Итак, крутите барабан! 350 очков! И ваша буква?

– Откройте, пожалуйста, букву О.

– Буква О, пожалуйста! Сразу две буквы, вот это интуиция! Расскажите о себе, кем вы работаете?

– Я работаю комплектовщицей на большом производстве в Москве. Езжу вахтой.

– Это, наверное, напряженная работа! Вы сильно устаете? <Нет, совсем не то…>

– Это ответственная работа! Вам нравится работа? <Не… >

– Буква О, пожалуйста! Сразу две буквы, вот это интуиция! Играем дальше! Итак, крутите барабан! 500 очков! Ваша буква?

– Буква К. Откройте букву К.

– Букву К, пожалуйста! И снова сразу две! Вам сегодня везет! Или вы знаете слово? Может быть, вы готовы назвать слово?

– Пока нет.

– Хорошо! Играем дальше!

– Я бы хотела сделать вам подарок! У меня был месяц дома, и я вышила скатерть. Это мастерство передала мне моя бабушка, а ей передала ее бабушка, украинка.

– Ольга Александровна, как красиво! Вы настоящая мастерица! Большое спасибо!

– Не за что! Я очень люблю вашу передачу, и мне приятно сделать подарок!

– Спасибо! А теперь крутите барабан! 450 очков! И ваша буква?

– Буква И. Откройте, пожалуйста, букву И.

– Буква И! И это верный выбор! Вы отгадали три буквы подряд, и вам предоставляется возможность выбрать из двух шкатулок. Пожалуйста! Какую шкатулку вы выбираете?

– Ммм… правая… <Нет>

– Ммм… пусть будет левая!

– Левая шкатулка! Да, вы абсолютно правы, деньги в левой шкатулке! Итак, вы готовы играть дальше? Или рискнете назвать слово целиком?

– Я рискну назвать слово целиком.

– Вы смелая женщина, Ольга Александровна! <Нет, не так>

– Я рискну назвать слово целиком.

– Хорошо, Ольга Александровна! Называйте слово!

– Коробейник.

3

Земля проносилась под ногами, издавая стук и скрежет. Ольга смотрела в отверстие в полу, стараясь удержать равновесие и сходить в туалет. Руки упирались в дребезжащую полку под зеркалом и поручень рядом с унитазом. «Какое-то унизительное положение», – подумала Ольга, выпрямилась и нажала ступней на смывной рычаг. Унитаз со скрипом разверзся и выплюнул содержимое под поезд. Мыла в туалете не оказалось. Ольга надавила на тугой кран и получила порцию воды. Вода была прохладной, приятно обволакивала кисти. Ольга почему-то подумала об острове, окруженном прозрачной водой, и вспомнила обветшалый плакат на двери общежития с проступающими очертаниями голого тела на чем-то неразличимо желтом. Она вытерла руки о жесткое бумажное полотенце, смяла его в комок и выбросила в мусор. Посмотрела на свое лицо в зеркале. Уставшее,

© Александр Торчинов

морщинки у губ, глаз, под нижними веками припухлость. Тот крем девчонки сильно советовали, а что-то не очень работает. Ольга растянула губы в улыбку, оголив зубы. Зубы еще ничего. И кожа на щеках от улыбки стала упругой, гладкой. Вот волосы, да. Не успела привести в порядок в Москве, тогда дома уже. Она попыталась поправить прядь и так и сяк, но тонкие седые блики пробивались то тут, то там. Нет, дома к Свете схожу.

Вернувшись в натопленное плацкартное купе, Ольга налила чай и села за столик. Шерстяное покрывало покалывало через трико. Она приподняла ноги и поставила их на батарею. Ей неинтересно смотреть в окно, но она отвернулась к нему, чтобы не вникать в детали чужой жизни. Где-то в это время поезд должен проходить мимо шиномонтажа с завалившейся буквой «ш». Потом появится высокий серый дом без балконов, стоит по диагонали к железной дороге – тоже общежитие? Это не общежитие, житие сообща, общая жизнь, – это тоска. Мыкается туда-сюда, как челнок, как тот коробейник по городам да весям. За-ра-бо-ток. За-работу тебе на, получай! Ешь и живи себе дальше. Вдоль занесенных снегом дорог, разжиженных колесами, стоят билборды – сплошь предновогодние скидки. Скорее бы домой, к себе, обнять дочь. Гаражные постройки каких-то окраин, тусклый снег на низких крышах. Сторожевые собаки платных стоянок – сытые, в меховых шубах, это они здесь хозяева. Проезжайте, проходите, мы не будем лаять, мы вас помним. Вдали пятиэтажки, сначала не сходят с места, а потом внезапно выпадают из поля зрения. Заброшенные, замерзшие промзоны перемежаются с жилыми домами. «Миллион, миллион, миллион алых роз. Из окна, из окна, из окна…» – зажурчало радио под безликим потолком.

4

– Оля! Оля!

Сестра стучит в толстое стекло и пытается докричаться на прощание.

– Сообщи, как доедешь! – складывает пальцы у уха, изображая телефон.

Ольга улыбается, кивает и машет рукой: иди, мол, иди.

«Я уже запуталась, куда еду, домой или из дома», – думает и смеется про себя. Теперь уж до мая.

– Простите, вы до Москвы?

Ольга оборачивается на голос. Перед ней девушка; кажется, они уже ехали как-то раз вместе.

– Да, до Москвы.

– Разрешите, я к вам поставлю, там есть место?

– Да, конечно, – поднимает нижнюю полку, придерживает ногой, пока девушка задвигает чемодан.

Из раза в раз одно и то же.

5

– Здесь есть врач? В вагоне есть врач?

Ольга дернулась и посмотрела в проход.

– Есть врач в вагоне?

Из купе в купе передавалось заклинание «врача, врача, врача». Проводница пронеслась мимо, Ольга пошла вслед за ней. У предпоследнего плацкартного купе на полу лежал человек. В обступившей тесноте Ольга увидела ноги в темных джинсах и черные мужские ботинки.

– Отойдите, отойдите… – Ольга стала раздвигать руками людей и подступаться к лежащему. – Я фельдшер, отойдите.

Молодое, худощавое лицо, светлые волосы, серая футболка с надписью NASA на груди слева.

– Дайте место, помогите его положить.

Мужчины подняли парня и переложили на нижнее место рядом. Сколько же ему лет? Семнадцать? Восемнадцать? Ольга подложила под ноги валик из одеяла, прощупала пульс, потрогала лоб. «Принесите влажное полотенце, воды и откройте окно». Совсем мальчишка. Проводница принесла полотенце и воды, открыли окно, шторка закружилась. Ольга приложила прохладное ко лбу, щекам и почему-то подумала о его матери – где она?

Парень пришел в себя, серые глаза бессмысленно смотрят на Ольгу. Назвал свое имя, вагон и место, едет один, что произошло с ним – не знает. Проводница говорит, что вызвала бригаду «скорой помощи» – через полчаса техническая остановка. Парень порывается идти к себе, какой-то мужчина с пакетом, проходивший мимо, берется его проводить. Обхватывает свободной рукой за пояс, подставляет плечо. Ольга придерживает им дверь, потом заходит в туалет, моет руки. Вот оно и пригодилось – усмехается, смотря на себя в зеркало. Рошаль, бляха муха.

6

Ольгины колени обмякли, в груди сдавило. Секунд пять она не верила в пустоту за подушкой, не понимала. Потом выстрелило: «Банк!»

– Кто знает номер Сбербанка? Номер Сбербанка помните?

– 900 вроде.

«Сумку украли, сумку украли», – пронеслось по вагону в обратную сторону, от начала в конец.

– Связь не ловит, твою мать!

– Женчина, – вразумляет проводница, немного гнусавя, – не нужно здесь это… Скоро подъедем, заблокируете.

– Какая станция?

– Турмасово.

– Что, блин, это где вообще?

– Женчина! Это Тамбовская уже… область.

Ольга прижала лоб к холодному стеклу. Вагон отражался в ночном окне, невозможно разглядеть, где они проезжают. Только снег крутился и бил в глаза из темноты. Через пять минут показались разбросанные в космической бездне огоньки, затем проплыл и тускло освещенный полустанок. Поезд остановился.

7

Вывороченную наизнанку сумку наши в тамбуре вместе с чьими-то еще двумя. Там же валялись паспорта, опустошенные кошельки, косметички, расчески, ключи, мелкие бумажки. Следом привели того парня с NASA – теперь поверх футболки была наброшена куртка. Пытался вылезти через окно туалета, застрял, говорит полицейский. При нем пара чужих банковских карточек и женские часы на запястье, все остальное забрал подельник. Пришлось Ольге сойти на станции вместе с ним, чтобы составить протокол, вернуть вещи. Снег занес все подступы к зданию вокзала. Комендант – точно станционный смотритель – открыл неотапливаемую каморку. Ольга села на промерзший металлический стул, тщательно распрямив подол пуховика, чтобы не так холодило. Угораздило же, думала Ольга, застряла черт знает где, где-то нигде, в пустоте, между домом и Москвой. Она посмотрела на полицейского, заполнявшего документы, и вспомнила, как отец учил ее сидеть ровно за столом и правильно держать ручку. Он говорил, она должна сидеть, как королева, с прямой осанкой, слегка склонив голову вбок. Тогда ей казалось это обманом, нельзя делать вид, что ты королева, если это не так. Тем более в Красном Куте, это просто смешно. Наверное, с этого все и пошло. Либо ты воображаешь себя королевой, либо становишься коробейником.

Ольга перевела взгляд на парня. Как так получилось? – думает. Матери, что ли, нет у него? Почему-то она представила такую же худощавую, как и он, серую женщину (и почему-то в платке), которая ничего не может сделать с непутевым сыном и только жалобно произносит тонкими сухими губами: «Сыноook». Ее, наверное, учили, что женщина должна быть слабой. Ольга смотрит на парня, свесившего голову и что-то мычащего, он даже ничего не получил с этого, только подставился, такой же слабак, как и мать. Ольга чувствует злость на него, на его воображаемую мать не из-за кражи, а именно из-за этой слабости. Ей самой никто не позволял быть слабой: девять классов окончила – в медучилище и работать, нечего в школе просиживать, потом на «скорой» сутками, одна в большом городе, залет по любви, распрощались по-хорошему, разумеется, она зла ни на кого не держит, вернулась в Кут, к своим, все проще – баба, деда, да где там, работай и воспитывай, как пожелаешь, а мы еще сами будем здоровы, еще поживем, только сестра поддержала, честно работала сначала на фабриках, потом в торговле и дочь воспитывала на совесть, и не скулила, не жаловалась, и вот три года уже вахтой, чтобы всем лучше жилось, всем помогать, хоть дочь самостоятельная растет, хочет в Саратов

поступать, не гуляет, готовится, ну пусть, пусть, а сколько она еще так проездит – пока сил хватит, потому что пенсия будет, сами понимаете, но хотелось бы и свое счастье устроить, а где его устраивать – в поездах, что ли? – и некогда остановиться, передохнуть, расслабиться, а он сидит тут, ни бе ни ме, грабануть и то нормально не может. Ольга от негодования встала и подошла к окну, хоть не смотреть на него. Заваленная снегом, забытая богом станция, фонарей не видно за пургой. Сказали ей: как оформят, отвезут в Мичуринск и там посадят до Москвы.

– Долго еще ждать?

– Нет, но сейчас все равно не поедем. Пусть подутихнет маленько.

8

Полицейский принес горячий чай в двойном бумажном стаканчике. Ольга отпила и немного согрелась. Надо везти их, говорит один другому, этого дальше оформлять и ее на поезд. Не до утра же ждать. Задумались. Ну давай, отвечает, сейчас наберу, пусть подъезжает. Парень уперся локтями в колени и обхватил голову ладонями.

– Мне нельзя под суд, родители не переживут… Я же вам все отдал, все рассказал, как было.

Он почти плакал.

– Восемнадцать есть? Есть. Значит, можно и под суд. Ответственность нужно нести! А вор, как известно, где должен сидеть?

Услышав про родителей, Ольга посмотрела на парня.

– Что ж твои родители не научили тебя, что воровать нельзя?

Он помолчал.

– Они думали, я на подработку в Москву поехал. Они расстроятся.

– Вот тебе и подработка! Как не стыдно! – Ольга от волнения не узнала своего голоса. – Родители тебе доверяли, отпустили! А ты?

Парень молчал и не поднимал голову.

– Алло, ну подъезжай, поедем… Да… Через сколько? Хорошо.

Полицейский повесил трубку.

– Через десять минут подъедет. Скоро вернусь.

Он вышел. Второй начал складывать документы. Ольга снова отвернулась к окну. Такой тишины она давно не слышала. Внезапно парень вскочил и ринулся к двери. Ольга инстинктивно рванула за ним, через коридор, маленький вестибюль и на улицу. Парень бежал к платформе – только добежать до конца, спрыгнуть и вперед по расчищенной поездами железке. Домой, чтобы больше никогда-никогда.

– Стоять! – полицейский кричал, путаясь в снегу.

На последней ступеньке парень споткнулся, нагнулся и тут же выпрямился. Выбежал на платформу, огляделся, направо! – но навстречу ему уже выскочил полицейский. Рванул к краю – высоко, а вдали отсвет от поезда, ну его, обратно – Ольга. Загнанный зверек. Стал пробиваться через Ольгу, она схватила за край куртки, потянула, повалила на снег. Он со всей своей зрелой силой толкнул ее ногой в живот, и она

полетела куда-то вниз, в темную яму. Забыла сестре написать, подумала, никому не написала, только в банк позвонила. Никто не знает, где я. Девочки завтра будут ждать, писать, а меня нет.

В момент падения на рельсы Ольга вспомнила, как складывала тяжелые паллеты с брикетами мыла на своей первой вахте, и сами эти паллеты увидела воочию – сине-пластиковая стопка, но еще пустая – почему она здесь стоит пустая, ей здесь не место – вдруг вылез затертый массой других знаний производственный регламент. Она хотела взяться за эту стопку и перенести в конец упаковочной ленты, но руки не поднимались, не слушались. Будто во сне завязла в одеяле, тело скована им – белым и внезапно холодным, не шевельнуться. А за окном теплая, летняя ночь, молодежь крутится по лавочкам, ревет от смеха, заводит моторы «ижей», разъезжается и съезжается вновь, поднимая пыль обочин. Это кручение и жужжание бесконечно, беззаботно и бессмысленно. Где-то там ее дочь, и Ольга вдруг физически ощущает досаду как боль в сдавленной груди, как свербение ножичком по голосовым связкам. Она хочет прокричаться и вырваться, хочет бежать домой, где кисея шторы ловит свет проезжающих мимо машин и не заглушает смех прохожих. Она не будет спать всю ночь, уснет на рассвете, когда проснутся птицы. Как бы хорошо. Но холодное одеяло налезает на ее голову, застилает лицо, уши, превращая ее в сугроб, вымарывая из пасторальной картинки сельского полустанка, растворяя в этом моменте, в зимнем ночном воздухе, в этих рельсах и шпалах. Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы. Забыла сестре…

9

<Нет, не так>

10

– Что ж твои родители не научили тебя, что воровать нельзя?

Он помолчал.

– Они думали, я на подработку в Москву поехал. Они расстроятся.

Ольга хотела было сказать что-то резкое и обидное, но ей вдруг стало жалко этого пацана. Ей вот с дочерью повезло, да не сглазить бы. Снова отвернулась к окну.

– Алло, ну подъезжай, поедем… Да… Через сколько? Хорошо.

Полицейский повесил трубку.

– Через десять минут подъедет. Скоро вернусь.

Он вышел. Второй начал складывать документы. Такой тишины Ольга давно не слышала.

– Да не переживай, все нормально будет, – неожиданно для самой себя сказала, не повернувшись, то ли себе, то ли тому парню.

Через несколько минут подъехала «буханка». Ольгу посадили вперед к водителю, остальные вместе с ее чемоданом сели сзади. Долго и медленно петляли по темным сельским улицам. Машина то и дело вязла в снежной каше, с визгом выползала из рытвин. Одной рукой

Ольга прижимала к себе свою горе-сумку, другой упиралась в дверь, чтобы не сильно качало. В окнах уже не горели огни, село уснуло. Никто не будет завтра знать, что случилось в поезде, что происходит сейчас и что могло произойти. Утром хозяйка вот этого дома встанет, выглянет во двор и ахнет: как занесло за ночь! А сосед напротив выйдет с лопатой и станет разгребать подход к гаражу, потому что надо ехать в Мичуринск по делам, тут уж никуда. Дорога казалась Ольге нескончаемой, будто топтание на одном месте, будто однообразное кружение вокруг редких фонарей на перекрестках. Какое-то проходное, совершенно незнакомое и ненужное в ее жизни место вдруг стало значимым. Оно затягивало и не давало выбраться, оно как то одеяло – сковывало движения (какое еще одеяло, подумала Ольга) и заставляло думать о своих мыслях, вспоминать воспоминания. В голову лезли какие-то давние события и позабытые сны, посторонние, случайно услышанные разговоры, эпизодические люди, как те мужчина с женщиной среднего возраста, спросившие в Москве, как пройти к Чистым прудам, – прямо, через дорогу и направо. Это место не позволяло думать о задачах и планах – где взять деньги завтра на проезд до общежития? – оно зарывало Ольгу в саму себя, как в снег, тыкало носом в ворох старого, сваленного хлама – на, разбирай за все эти годы! И вместе с тем никогда еще прежде Ольга так не вглядывалась, не въедалась в то, что было вокруг, – даже в сдавленной темноте домов и улиц она выхватывала малейшее шевеление жизни: дворовая собака, всполох от телевизора за шторой, чей-то силуэт в дверном проеме… Никогда ее нахождение в транзитном, промежуточном месте – а по сути все места в ее жизни давно стали транзитными, – никогда ее нахождение здесь не было столь осмысленным и ясным. И через осмысление этого непонятного, незнакомого места, себя в нем, молчаливых людей рядом с собой Ольга вдруг почувствовала простую, но какую-то безграничную и беспричинную радость. Нечто подобное она испытывала последний раз (и это тоже сейчас вспомнила), когда лет двадцать назад выходила из реки в конце жаркого летнего дня и собиралась поесть любимой смородины. Как это прекрасно, думала она, смотря куда-то между окружающим захолустьем и тем, что ждало ее впереди, как прекрасно.

В Мичуринске Ольга недолго подождала следующий поезд до Москвы, и начальник поезда направил ее в один из вагонов, где были свободные места.

– Оля?

Ольга обернулась. В проходе вагона у водонагревателя стоял проводник.

– Оля, – подтвердила прилежно, немного смутившись.

– Не узнаешь?

– Не узнаю.

Проводник тихо засмеялся, чтобы не разбудить пассажиров, и Ольга услышала в его смехе что-то знакомое, даже почти родное. Школа!

– Слава?

– Слава, – радостно согласился проводник.

Полчаса они звонко шептались под запах угля и пыхтение кипяченой воды, а потом до рассвета проболтали в купе для проводников, то и дело подливая чай. Надо же, думала Ольга про себя и повторяла вслух свои мысли, постоянно езжу то в Москву, то обратно и ни разу тебя не встречала. Не виделись лет пятнадцать, последний раз в Куте, и вдруг сведение параллельных прямых из-за какого-то сбоя, заминки во времени. Обменялись телефонами и адресами, сговорились созвониться, встретиться. Слава живет в Саратове, но в Москве тоже часто бывает. А ей теперь совсем не хочется в Москву и быть снова одной среди других таких же одиноких, оторванных от своих. Но поезд уже прибыл, и пора выходить. Да, да, до встречи! Созвонимся, увидимся! Да, да. Ольга оборачивается, улыбается, машет рукой и быстро теряется в толпе. ◆

Диана Янбарисова

ОШИБКА

Диана Янбарисова (1990, Уфа). Окончила социологический факультет НИУ ВШЭ и совместную магистерскую программу по социологии МВШСЭН (Шанинка) и Манчестерского университета. Работает социологом, пишет прозу и стихи. Учится на курсе «Современные литературные практики» в МВШСЭН. Тексты публиковались в антологии «Страсти по Конституции» (Bookmate Originals), в альманахе выпускников Creative Writing School «Пашня», вошли в третий номер журнала «Незнание».

Это ошибка.

Так думала Лиля.

Это ошибка. Ошибка. Ошибка.

Не думала даже, оборонялась ритмом от мыслей.

Ошибка. Ошибка. Ошибка.

Облака в форме ошибки. Холодный сэндвич со вкусом ошибки. Пристегните ваши ошибки. Мы прибываем в аэропорт ошибки. Температура ошибки 27 градусов.

1165 километров ошибки. 1 час 50 минут ошибки. И 30 минут в такси. А потом еще всю жизнь, пока смерть не разлучит.

Свадьба Миры и того-левого-парня – ошибка. Лилина неспособность найти точные слова – ошибка. Мирина неспособность понять Лилю без слов – ошибка. Лилино согласие вернуться в этот город – ошибка.

***

Лиля уехала в шестнадцать, сразу после окончания школы, и уже пять лет жила в Москве. Москва приняла ее – не как свою, как чужую. Это и было ей нужно: прерваться и реинкарнировать в новую Лилю, никому не знакомую, неизвестную, без истории, без всех этих школьных прозвищ, без Мухи (самого безобидного и стойкого аватара, огрызка фамилии Мухамедьянова), без Лилю-слили (которую никто не позвал на неформальную часть последнего звонка в девятом классе; в ту же компанию входили Лиле-не-налили, которую не звали вообще ни на какие пьянки, а если и звали, то не наливали, а сама она просить стеснялась, и Лилю-спалили, которой однажды все же налили, но, оказалось, только для того, чтобы это увидела классная), и без той, которую Лиля предпочла бы выкорчевать из памяти с корнем, но она крепко вцепилась материнскими зубами

© Александр Торчинов

в самую макушку ее имени и не отпускала, хотя просуществовала не больше недели в начале десятого – вся в синяках и ссадинах, – а потом того парня отчислили, и до конца школы снова вернулась Муха. Москва приняла ее как Лилю, просто Лилю, не интересуясь ни прошлым ее, ни будущим.

Каждые полгода Лиля возвращалась домой и старалась вести себя как можно менее заметно, чтобы не потревожить своих местных двойников, разбросавших тени по стенам районных панелек и в любую секунду готовых наброситься и втоптать чужую московскую Лилю в родной вспученный асфальт. Единственной, с кем она виделась в Уфе кроме семьи, была Мира. Нет, снова ошибка: Мира была не кроме семьи, а частью, и не частью, а целым, и опять Лиле не хватало точных слов, а если и не слов, то смелости. Но Мира была миром. А мир был домом. И Лиля возвращалась не просто домой, а *к себе* домой, в мир Миры. Вот кем была Мира.

После школы Мира поступила в лучший-вуз-в-городе, выучилась на инженера, устроилась на работу в лучшую-в-городе-it-компанию. А Лиля поступила в средненький московский вуз, работала в средненьком рекламном агентстве и иногда делала простенькие сайты на заказ.

Лиля удивлялась, почему Мира все еще не перебралась в столицу. С ее умом, талантом и амбициями, красным дипломом, рекомендациями преподавателей, опытом работы. Удивлялась сначала вслух, потом про себя. Понятное дело, что Миру бы с руками и ногами там оторвали, если даже у средненькой Лили получилось найти себе дело. Непонятным оставалось только то, что Мира оставалась, снова и снова оставалась в городе и не стремилась в Москву, в которой были карьерные перспективы, лучшие концерты, метро и Лиля.

А потом у Миры появился Мурат. Сначала плоский, пятибуквенный, незаметный. Лиля отмахивалась от него, как от неприятного, но безобидного насекомого. Потом Мурат стал расти, вырастать из своих букв и вплетаться в Мирины. У них появилось общее «мы». Мы с Муратом, писала Мира, и Лиля хмурилась. Потом Мурат резко сократился, но не уменьшился, а лишь сконцентрировался, уплотнился – и стал Муром, и Лиля почувствовала, что близится точка невозврата. А вскоре Мира и вовсе убрала эту приписку «с Муратом», потому что и так было ясно, что он там, прочно обжился внутри, вгнездился в «мы», которое раньше было эксклюзивным – их с Лилей. Чужой, ошибочный человек: натоптал, наследил и не собирается уходить.

Конечно, Лиля пробовала радоваться за подругу, но получалось плохо. Она физически чувствовала, как бóльшая часть Мириного внимания теперь принадлежит тому-левому-парню. Они продолжали переписываться ежедневно, но, когда Мира упоминала Мурата, Лиля отвечала вяло или старалась перевести тему. Они почти перестали болтать в скайпе по выходным, потому что выходные Мира проводила с ним. Однажды Мира предложила Лиле созвониться, когда Мурат

был у нее: познакомиться наконец и поболтать всем вместе, но Лиля отказалась. Невыносимо.

Лиля не видела, но ненавидела Мурата. Она сама не понимала, откуда в ней столько неприязни. Часами рассматривала их совместные фото в инстаграме, чтобы понять. Мурат, коренастый, смуглый, с монобровью, как у Фриды Кало, с неприятной бородкой, и Мира, с золотистой кожей, огромными серыми глазами, идеальными скулами и этим ее спокойным свечением, которое так трудно описать словами. Ошибка. Стопроцентная ошибка.

Мурат закрывал от нее большой мир, и Москва, нуждавшаяся в Мирином покорении, призрачно тлела, невоплощенная. И никто, кроме Лили, не понимал (или все делали вид, что не понимали), что Мира способна на большее, что ей тесен этот провинциальный городок, в котором она почти всего и так уже добилась. И хуже всего, что и сама Мира этого не видела. А теперь еще и Мурат.

***

Пытка начнется в 10 утра. Выкуп невесты, загс, фотопрогулка, ресторан. И все это время нужно будет делить с одноклассниками. А это значит, что Лилины аватары, конечно же, тоже приглашены.

Мама предложила накрутить ей кудри и накрасить – универсальный предпраздничный ритуал. Но Лиля отказалась – так она выглядела на выпускном, и сейчас ей хотелось максимально удалиться от этого образа. Поэтому она убрала волосы в хвост, слегка подкрасила глаза тушью, надела недавно купленное платье и босоножки – casual look, как будто ничего особенного и не происходило. Но из зеркала на нее все равно смотрела какая-то гибридная Лиля: не здешняя, но и не вполне московская, как будто окружающий воздух ассимилировал ее тело и образ.

Местная флора: мальва, цикорий обыкновенный, шиповник, яблони. Во дворе каждой пятиэтажки свой ландшафтный дизайн. Пешком до Дворца спорта, затем свернуть во дворы. Мира жила в девятиэтажке рядом со школой. У обшарпанного подъезда уже толпа нарядных девчонок. Лиля шумно выдохнула и подошла ближе.

– Привет! Мухамедьянова, ты, что ли? Сто лет тебя не видела! Ты в Москве?

Маша была самой дружелюбной из класса. Она поддерживала хорошие отношения со всеми: и с теми, кто травил, и с теми, кого травили.

Потихоньку Лиля разглядела и других одноклассниц: Юлю, тихую и тощую отличницу, носившую водолазки, закрывавшие горло, и юбки до колен, которую никто никогда не трогал, потому что она давала списывать, – теперь она поправилась, надела каблуки и декольте и магнитила взгляды; Свету, капитаншу женской волейбольной команды, а теперь инструктора в фитнес-клубе; Эльвиру, каждую школьную перемену бегавшую курить, вот и сейчас возвращавшуюся из-за угла дома, доставая жвачку из сумки.

– О, Муха, привет!

– Муха! Здорово!

– Мухамедьянова? Вот это люди! Как там Москва? Стоит?

Муха улыбалась, как всегда: не показывая зубы, удерживая напряжение в уголках губ.

Когда Мира под громкое «ууууу» показалась из подъезда, выкупленная, белая, упакованная в платье, Муха привычно пряталась за спинами. Наблюдала украдкой. Макияж, прическа, фата, и где-то под ними – Мира. Настоящая, живая, неподдельная. Лиля не сразу заметила Мурата. Вживую он оказался совсем другим: обаятельным и даже приятным – Лиля удивилась волне симпатии, которая непроизвольно поднялась в ней при одном взгляде на этого человека. Но она быстро спохватилась и приклеила к нему свою выстраданную ненависть: это Мурат, тот самый Мурат, который отнимает у Миры будущее.

Девочки сгрудились вокруг Миры кольцом, но как только она увидела Лилю в последних рядах – вскинулась, прорвала круг и обняла ее. От Миры пахло цветами, лаком для волос, косметикой, каким-то легким парфюмом и – почти незаметно, но Лиля чувствовала – пóтом. Они обменялись междометиями и прикосновениями, и Миру подхватила стихия свадьбы.

***

Следующая остановка – ЗАГС. Во время церемонии почему-то звучала музыка Нино Роты из «Ромео Джульетты» 1968 года, а Мира от волнения выронила кольцо, которая должна была надеть на некрасивые, картофельные пальцы Мурата (на самом деле с расстояния, на котором находилась Лиля, было не видно, какие у Мурата пальцы, но ей очень хотелось думать, что они толстые и отвратительные). Лиля ликовала и вполне могла бы залиться хохотом, если бы не Муха, которая стояла на стреме и следила за дисциплиной.

Но сияние Миры не сбивалось ничем – ни казенной нелепостью загса, ни постмодернистским музыкальным сопровождением, ни пальцевой неуклюжестью. А Мурат отражал ее свечение, как зеркало. Вместе они смотрелись слишком хорошо, будто бы на них наложили инстаграм-фильтр.

В парке выпили шампанского. Пока Мира с Муратом фотографировались, а Муха жалась к толпам и кустам, чтобы не поддерживать смолл-ток тет-а-тет, к ней подошел Рустик. Он был в ярком свитере и джинсах – то ли хиппи, то ли хипстер, – но Лиля знала, что Рустик выбирает одежду почти не глядя, по настроению, и ключ к этому шифру есть только у него, да и тот меняется каждый день. С Рустиком она однажды, пару лет назад, пересеклась у Миры в гостях – и они разболтались про музыку и книжки. Он тогда записывал электронные треки, а Лиля писала песни под гитару, которые никто и никогда не слышал, даже Мира.

– Лилёк! Я рад, что ты здесь.

Пока Муха улыбалась, Лиля выпалила:

– Рус! Свитер огонь! Ты как?

Еще один факт про Рустика: когда-то он был в Миру влюблен. И в десятом классе они даже встречались. Тогда Лиля тоже ревновала, но не сильно. Рустик ей нравился.

Он пожал плечами и улыбнулся.

– Как сама?

Она отзеркалила его жест. Стало полегче.

***

Финальная остановка – ресторан. Каждый и каждая именем пригвождены к месту. Все одноклассники собраны за одним столом. Лиля нашла свое имя с самого краю между плюс-одинами Светы и Маши. Центр разговора был слишком далеко, зато плюс-одины оказались настоящими джентльменами и постоянно подливали ей красного. Лилю-спалили и Лилю-слили настороженно наблюдали за Лилей, но ей было все равно, и она опрокидывала бокал за бокалом. Рустик после загса куда-то пропал – говорить все равно было не с кем. Только пить и поглядывать на Миру.

А Мира сияла вдалеке. Красивая, яркая. За ней светились лампово огромные буквы «МурМира». Лиля незаметно поморщилась в тарелку с салатом: мура́ какая-то.

Один за другим к микрофону подходили родственники, произносили тосты, пели песни. Тамада отлавливала гостей для участия в конкурсах – к счастью, она не слишком старалась и цепляла только тех, кто попадался ей под руку. До их периферийного стола она не добралась ни разу.

Потом – неожиданно – начались танцы. Лиля поднялась и обнаружила, что не очень хорошо чувствует свое тело. Оно двигалось легко, но как бы отдельно. Движения его тоже были легкими, резкими и будто не вполне ей принадлежали. Вокруг сверкали огоньки и цветные платья. Мира оставалась в центре поля зрения, но белым пятном, постепенно терявшим четкость, как и всё вокруг.

Во время бросания букета Лилю хватило лишь на то, чтобы скомандовать Мухе встать в ряд незамужних девочек. Муха встала и застыла с глупой улыбкой. Букет едва не угодил ей в лоб, как когда-то пионербольный мяч на школьной физкультуре. Ее – к удивлению всех – спасла Юля-тихоня. Зааплодировали.

Воспоминания о пионерболе слегка отрезвили Лилю. Точнее, подарили ей осознание степени своего опьянения. Голова кружилась, подташнивало. Пора домой. Надо вызвать такси, попрощаться с Мирой и уехать. Пространство совсем потеряло устойчивость, а с ним и время. Муха и Лиле-не-налили тихонько поддерживали ее под руки, потом откуда-то появился человек, похожий на Рустика, и перехватил у них инициативу.

– Ты домой? Я тебя подвезу.

– Рус? Ты откуда взялся?

– Да у меня дела были, пришлось уехать. Тебе куда, на Парковую?

Лиля кивнула и пошла вслед за Рустиком. Сели в машину.

– Не знала, что ты водишь.

– А я не знал, что все настолько плохо.

– Ты о чем?

– Слушай, это не конец света. Ты же в Москве, там миллионов двадцать человек, да? Половина из них девушки. И хотя бы процентов десять из них могут быть потенциально в тебе заинтересованы. Просто надо переключиться.

– Ты о чем, Рустик?

– Ну сколько ты уже в нее влюблена?

Лиля засмеялась, а потом полилась слезами, соплями и всхлипами. Рустик достал из бардачка салфетки, как кабинетный психолог.

Лиля высморкалась, вытерла слезы и вдруг резко наклонилась к Рустику и поцеловала его.

– Ты чего?

– Я не лесбиянка, ты понял?

– Понял.

Лиля отвернулась к окну.

– Напомнишь адрес?

– Рустик, а зачем ты вернулся?

– Просто хотел проверить, что всё в порядке.

– Ты странный.

Рустик пожал плечами.

– Ты красивая. Красивее Миры.

Лиля прыснула.

– Ничего смешного.

– Поехали к тебе.

– Зачем?

– Ты дурак, что ли?

– Я… не знаю… – с вопросительной интонацией ответил Рустик.

– Я не хочу домой. Я хочу к тебе. Тебя, – запинаясь, заявила Лиля.

Теперь прыснул Рустик.

– Камон, Лиля. Ты ни разу на меня не посмотрела за всю школу. Ни разу мне не написала, когда приезжала в город. Все время только Мира, Мира, Мира. Нет, я не идиот. Не надо этого делать со мной. Парковая, 18, квартира 23, третий подъезд, третий этаж. Я помню твой адрес.

Рустик завел машину. Всю дорогу молчали. Когда подъехали к дому, Лиля сдавленно спросила:

– И что, все знают?

– Кто все? Что знают? Лиля, да всем насрать. Все только о себе парятся. И Мира тоже. И тебе вот тоже не помешало бы.

– А почему ты встречался с Мирой? Ты был в нее влюблен?

– Это было сто лет назад. Она умная и красивая. С ней было интересно. А еще это давало возможность чаще видеть тебя.

– То есть ты ее использовал? Некрасиво, Рустик.

– Она мне нравилась. И я ей нравился. Но мы не были друг в друга влюблены, это было понятно сразу.

– Можно посидеть немного с тобой здесь?

– Да сиди сколько хочешь. Только не заблюй мне салон, хорошо? – улыбнулся Рустик.

Через пару минут Лиля пулей полетела из машины к ближайшим кустам.

– Ладно, я все-таки пойду домой. Целоваться больше не полезу, обещаю.

Рустик вышел из машины, и они обнялись.

– Береги себя, хорошо?

Лиля кивнула.

– Спасибо тебе. За всё.

Лиля зашла в подъезд, подождала, пока Рустик уехал, и снова вышла во двор, села на скамейку. Открыла в телеграме чат с Мирой. Борясь с автозаменой, набрала: «Мира, это, конечно, песец, но я люблю тебя с пятого класса». Палец завис над кнопкой отправить. Мира была онлайн семь часов назад. Лиля заметила, что у нее поменялась аватарка. Она щелкнула по фото – это было их свадебное селфи. С Муратом. Лиля стерла сообщение и заблокировала телефон. Потом снова зашла в чат и набрала: «Мира, будь очень счастлива, люблю тебя». Потом стерла «люблю тебя». Потом дописала снова. И наконец отправила.

Когда она подняла глаза, из темноты на нее смотрели Муха, Лилю-слили, Лилю-спалили, Лиле-не-налили и даже та-которую-нельзя-называть, кажется, тоже стояла за их спинами, скрывая ссадину на щеке и разбитый нос. Они держались за руки и еле заметно улыбались. «Пора домой», – сказала одна из них, и губы их всех зашевелились синхронно. Лиля встала со скамейки и улыбнулась им в ответ.

Завтра утром она сядет в самолет и полетит домой. ◆

Алеся Атрощенко

ВНУТРИ

Алеся Атрощенко (1988, Куйбышев) – кандидат филологических наук, куратор «Современных литературных практик». Окончила Самарский государственный университет. Семь лет проработала в Самарском литературно-мемориальном музее имени М.Горького. С 2017 года живет в Москве, курирует проекты в сферах культуры и образования.

Когда бабушка умерла, я не успела на похороны. В тот день я сдала в камеру хранения двадцать коробок московского быта и поехала в маске и перчатках на вокзал, а наутро была в ее, теперь моей, квартире.

– Нет, мам, пока не будем встречаться. И ты тоже старайся не выходить. Ну и что, что все ходят?

Приняла душ, прикидывая, чем оттереть желтые подтеки в ванне. Заказала доставку продуктов. Заказала маски и антисептик на Озоне. Оплатила подписку на Амедиатеку. Вымыла холодильник. Нашла в шкафу банку фасоли в томате и пачку макарон. Поела, вяло подсчитывая в уме, сколько лет может быть закаткам на антресолях. Протерла пыль. Разложила свои вещи в шкафу. Надо все перебрать, повыбрасывать лишнее. В круглой жестяной коробке из-под чая – старые счета и чеки, отрезанные одинокие таблетки, ее фотография моей ровесницей. Закрепила в углу телевизора. Остальное скинула в пакет для мусора, коробку туда же.

Должно быть больно, но мне не больно. Онемение и деловитость. Помыть посуду. Открыть курьеру. Они здесь не носят масок. Побрызгать антисептиком упаковки, сложить в холодильник. Вымыть руки: 5-6-7. Кажется, здесь я одна беспокоюсь об этом. 12-13-14. Но тут точно лучше не болеть ничем опасным. 19-20. Полотенце, найденное в стенке, пахнет кислым. Запястье припухло и ноет, не помню, чтобы ушибала его. Когда надо, я становлюсь собранной.

Спать на ее кровати оказалось немыслимо, постелила в гостиной на диване.

Отвратительно просыпаться в четыре потому, что колотится сердце. Это началось недавно, после известия о ее внезапной операции, паники из-за вируса, остановки всех проектов, сообщений о Путине до 2036

© Александр Торчинов

года и расставания с Пашей. Из форточки пахнет речной свежестью, гнилью, весной. Прошлепать по потертому линолеуму на кухню, налить воды из пятилитровки. Пока пью воду, скользить пальцами по экрану: заказать в «Икее» постельное белье, полотенца и банный халат. Заказать в «Рив гоше» крем для лица и для век. А теперь спать. Почему так болит рука?

Наконец отпала необходимость притворяться, что мне нужны люди, это оказалось большим облегчением. В течение следующей недели каждый день выносила на помойку по большому черному мусорному пакету. Пластиковые фигурки зверей, дешевые иконки, пожелтевшие отрезы ткани, рассыпавшийся мех норки, из которого так и не вышел воротник на пальто, само пальто, старые стеклянные шприцы и лекарства с 70-х годов, десятки вымазанных баночек из-под кремов, удостоверения, справки, счета… Блестящий коричневый сервант стал пустым и неожиданно маленьким.

– Не знаешь, куда уехал Паша? Соседи его ищут. Не к тебе? – Алена написала не в телегу, а в инсту, и я прочитала только через два дня.

– Нет, не в курсе. Он звонил, пьяный, говорил, что слышит голоса в голове. Недели две назад.

Поход к мусорному баку. Надеваю маску, перчатки, беру тяжелые пакеты, теперь я уже добралась до разбора балкона. На улице меня обходят за несколько метров, тем лучше. Возможно, прошел год, а не месяц. Возможно, все закончилось, а я застряла в пандемии и в одном повторяющемся дне.

4:27. Фотография в углу под телевизором. В последние годы она стала бесплотной и рассказывала все те же истории. А еще писала записки, складывала военными почтовыми треугольниками и рассовывала по квартире. «*В таких конвертах отправляли письма на фронт и с фронта. Я разносила письма, мне было четырнадцать-пятнадцать лет. Я была почтальоном*». Почти каждый день нахожу их – длинные тексты с интонацией заплачки. Бабушка – неподходящее слово. Лучше Нина – живая молодая женщина.

***

Она шла по полю с подругой и с трудом закидывала в кузов снопы сена. Вижу и чувствую из ее пятнадцатилетнего тела – эту тяжесть, бóльшую, чем можно осилить без предельного напряжения, и жаркий воздух, смотрю на ее-свои коричневые от загара и пыли ноги и пыльную юбку в мелкий цветочек, и пот стекает у меня по спине и между грудей. Сажусь, привалившись к снопу, говорю подруге:

– Скорее бы дали паспорт.

– Да, уедем вместе?

Я не надеюсь найти тень, я смирилась с небом без облаков…

Так же как семь лет спустя, в Ашхабаде, шагаю через городскую площадь к лотку мороженщицы, или нет, к магазину, где продают пиво в коричневых бутылках. Ветер горячий, развевает юбку (шифон, тогда

был шифон). Беру пиво и иду на встречу со своим красивым мужем. Кудрявый, ревнивый. – Была ли я счастлива? – всегда говорила, что да.

Еще хорошо вижу тот день, когда она долго, очень долго шла по берегу Волги, по рассыпчатому, как водянистый сахар, снегу, к дальнему санаторию. Не ожидала, что будет так далеко, и ноги давно начали промокать. Администрация находилась в одном из деревянных домиков в парке, по соснам шмыгали белки. Ее как-то сразу взяли, только кем? – я не помню. В любом случае это длилось недолго, до июня, как раз зацвела липа, после жасмина. Приехал Володя, сказал: «Это ты с отдыхающими улыбаешься, пока я служу? Ну нет, поедешь со мной». И скоро стала работать в ашхабадской столовой и улыбаться мужчинам в восточных халатах. Они любили долго пить очень крепкий чай, сидя на коврах. Им нравилось возмутиться, что суп или котлеты невкусные, и вызвать заведующую. Я выходила, улыбалась, и они меня отпускали, чтобы повторить этот трюк на следующий день.

Или вот еще жаркое, очень жаркое утро в Кременчуге, в гинекологическом кресле, на куске простынки, говорит: «Сергей Николаевич, помогите. У меня уже двое, и больше не надо, четвертый аборт, на севере чуть не умерла, нет больше сил». Он промолчал, но беременеть с тех пор перестала. Насколько было больно? Не знаю, со мной такого не было.

Под Магаданом жили еще два года: он служил, я варила щи в столовой. Потом, когда все случилось, вернулась с детьми в Куйбышев… Мать-одиночка, в однушке на Металлурге, но с ванной, с этой роскошью, невиданной прежде. Я рассказывала, как мы мылись в Магадане? – заключенные выстилали баню простынями.

Не могу говорить ее голосом, но знаю, что она во мне. Что же мы сделали, Нина?

***

По таежной дороге везли в пищеблок сахар, и тушенку, и концентрат. Шофер – молодой парень, из тех, кого уже отпустили на поселение. Не вспомнить, как звали, но все вился вокруг меня, и Володя заметил. Это была работа: принять и расписаться, выгрузить и пересчитать. Когда все закрутилось, застучало по голове, накренилось и встало, мы долго выбирались наружу. Он закопался в моторе, причитая и выдыхая лед, и я поняла, что скоро замерзнем. Прости, что я вспоминаю, я должна понять. Вас вывезли солдаты, возвращавшиеся в часть. Конечно, Володя быстро узнал, скрыть было невозможно. Для него это – ночь в тайге, с мужчиной. Что было дальше? – схватить пальто и выскочить за дверь, по снегу в тапках – успеешь добежать до соседки, не обморозив ноги. И да, уже во дворе понять, что пальто его, а в руке – кобура с револьвером.

– Дай мне ключ, ключ, дай, сука, сука, гадина! – он наступает на меня, и я понимаю, что может ударить, и сильно. Но если я отдам, то он запрет меня здесь и уйдет. Ключ спрятан в другой комнате, на полке

между книг. Как до него добраться и не пропасть? Он кричит и, кажется, плачет, это истерика, он бьет кулаком в стену над моим ухом, и на белой штукатурке остается кровавая вмятина, я начинаю представлять, как объясню это хозяйке, старой москвичке в десятом поколении. Я срываюсь и бегу, это сон, это сон, и ноги двигаются слишком медленно. Он хватает меня за руку. Вот почему болит. Ору: «Паша, пусти!»

Ты всегда уклонялась от ответов, плакала, рассказывая, как тогда он не пришел домой. Начальник режима – сколько заключенных хотели встретить и отомстить, вот и встретили. Но я все равно вижу другое: как он хватает тебя на бегу за плечи, сжимает запястье и ты, отбиваясь, стреляешь. 4:20. Сквозь сон чувствую, как на бегу колотится сердце, напрягается вена на шее, я бегу и не справляюсь, не справляюсь.

«Годы мои годы золотые годы Разве вы не видели и не ощущали Как я вас встречала К сердцу прижимала А злая соперница мимо нас бежала Золотые годы в один миг забрала Я ее просила, я и умоляла Отдай мои годы зачем забрала А она в ответ мне громко рассмеялась Говорит, что язва у тебя на сердце На всю жизнь осталась Годы мои годы Судьба моя злая Зачем ты соперница Мою жизнь забрала Стою у мужниной могилы и об одном Бога прощу Помоги мне вернуть золотые годы Без них я жить больше не смогу. Володя! Ты подожди еще немного Скоро я к тебе приду».

4:28. Телефон вибрирует сообщением, но я и так не сплю.

«Хватит выеживаться. Беру билет, еду к тебе. Пиши адрес».

«Заблокировать Pavel? Вы не сможете звонить друг другу и обмениваться сообщениями. Переписка останется в чатах. Чтобы скрыть ее, проведите по экрану». ◆

Александр Мамкин

ДИМА-ОТМОРОЗОК

Александр Мамкин – дизайнер, геймдизайнер, арт-директор, проджект/продакт менеджер, фотограф, кукольник. Студент Цеха современного танца («Цех») – занимается contemporary dance. Разрабатывает сценарий для своего проекта (визуальная интерактивная новелла). Вместе с женой, Ольгой Гречановой, успешно запустил кампанию на kickstarter и снял короткометражный кукольный фильм. Делал интерактивный проект для выставки YBA (Young British Artists) в Москве, но проект не состоялся из-за войны на Украине.

Открываю глаза, в яме, вода везде, грязный, а вокруг люди в касках, пахнет землей, мочой, черной и немножко красной краской, всё в точности как во сне, думал, сон не закончится и просыпаться уже не надо, но боль в колене, уши замерзли… рваная шубка, мама… «Зашибись, живой, пипец нахрен, откуда он тут?» – «Сходили поссать… Коля, сфоткай его».

Холодная земля, белое поле, грязные лица, огни на той стороне поля, зима, приподнимаюсь, светят фонариком в морду: «Сиди тут, сейчас ментов позовем». – «Может, скорую?» – «Какую, блин, скорую, тут эмчеэсовцы нужны, Санёк, останься с ним, вдруг чё». – «Чё?» – «Ну, хрен его знает». И уходят.

Саша садится на корточки и внимательно смотрит в глаза, поправляет каску, вдруг бледнеет, шепчет что-то, встает на колени и дрожащими губами: «Прости меня». Из глаз текут слезы, тело сгибается, лицом прижимаясь к земле, поднимаюсь, вдалеке огни, дома и дорога, пути. «Саша, я к маме пойду, не знаешь куда?» Саша с улыбкой сквозь слезы: «Туда» – и показывает в сторону путей.

Путь к дому, вдоль трассы, пустые улицы, какое-то пэтэу, уши замерзли и порвана шуба, но я Дима, а значит, дойду, ведь по-арабски Дима – не лаваш и не дредноут, по-гречески – как гречка с молоком, которой моего друга Сашу кормила бабушка по маминой линии, с таким же именем, но звали ее Шурой. Она сидела на табуретке, а потом умерла. Но не будем о Шуре, ведь для того, чтобы идти, надо двигаться вперед, а время – гнилой ветер, дует в морду и сжимает легкие и бог знает что еще вытворяет, хочется кричать и плакать, но я уже взрослый, надо покакать, нет, потерплю до дома.

© Александр Торчинов

***

Станция Железнодорожная, 23 часа 10 минут, «Связной», «Подружка», «У Палыча», пахнет кислятиной. На остановке – мертвый или бухой: два свитера, пиджак цвета домов и асфальта, никого больше нет, лежит на скамейке и непослушными руками пытается ухватить прозрачный язычок «Донского табака». Все ему объясняю: про шубу, про сон, про маму и уши… а он, с закрытыми глазами: «Тише, ушастый, я все знаю». Срывает наконец слюду, импотенция, бумажка-фольга – комкает, говорит: «Лови, отдай Харитону, иди» – и, поднимая руку, показывает в сторону.

Рыжая рваная мокрая шуба паклей торчит в разные стороны, как борода у Мишани, бомжа из ночного замкадного города, орущего «Сожгите нас!», хором гнилых деревянных развалин, вдоль шепота большегрузов из области, мешающих весеннюю слякоть из пепла холодных туч, обидных слов, сказанных не со зла, и горьких слез голубя, потерявшего булочку «домашнюю с маком» навсегда.

23 часа 33 минуты, платформа Кучино, палатка, хочется есть, интересно, что дома на ужин… Талая вода со вкусом девяносто пятого и попка «Сникерса лесные орехи», хорошо не с арахисом, обезглавленный мармеладный слон, отправленный в полет серым голубем-крутоголовом, и сладкий фантик от «Красной Шапочки».

– Простите, у меня мама и уши вот, шубка…

Голубь, вдруг почернев, медленно поднимает голову, поворачивается и, глядя прямо в глаза, не моргая, мокрым крылом указывает вдоль дороги, и сквозь набухающие слезы дрожащим клювом на голубином произносит: «Анна».

Тень пса за палаткой, шарахаясь ночных звуков: гудков товарного и чиханий случайной «Приоры», – бормочет под лапы: «Глупая, глупая… глупая весна». Падает снег, почти замирая, тише становится шепот глыб досок и шифера, развалившихся вдоль дороги; загорается красный.

Но тепло еще есть, и я иду, а дырявая шуба – не гуд, но не гуд еще и то, что на дворе две тысячи двадцать, а мать… а матери тогда сколько? Ведь если ее отморозило чуть раньше, то и прожила она чуть больше. Но может, все нормально и она вернулась со смены, спит, а я приду, и рядышком лягу, и шепотом скажу: «Я здесь, я приехал», а она скажет: «Котлеты в холодильнике», а я их поем, с хлебом, и молока налью, потом чай с медом, крекеры, чокопай, может быть даже, и я тихонечко, чтобы не будить, опять рядом лягу. Мама большая.

23 часа 55 минут. Наверное, уже рядом, и людей нет, «Мир обоев», «Пивной рай», «Всё для дома», «Свет», «Плитка», закрытая на ночь «Анна»: экономстрижка, наращивание.

Осторожнее, слон, чуть не раздавил.

– Я не слон. Извините, а вы, наверное, Харитон.

Мокрый, лохматый, как Мишаня, нервный.

Отдаю бумажку-фольгу, долго возится, наконец разворачивает, смотрит внимательно, поворачивает, как собака, голову и медленно, как первоклассник: «Тут написано, тут написано: лу-го-ва-я-23, это с другой стороны дороги, надо идти, нет, стой… Скажи, пожалуйста, зачем все это было надо? Один упал с балкона, второму не хватило еды, третий проглотил жвачку, остальные разлетелись кто куда. А жена… не стало жены, живу один, на помойке, жру клопов, и голуби, как же меня затрахали голуби, хуже ворон. Ну? Ладно, забей, чё теперь, пойдем, с тебя, кстати, пятьдесят рублей, шучу». И перелетает через дорогу.

Не хотел бы я жвачкой подавиться.

У Харитона блестят глаза, а в горле который год ком, а в блеске глаз – радость за дочь Аню, которую назвали в честь парикмахерской. Пытается вздохнуть, наконец получается.

Воет сирена издалека. Почти двенадцать, красный, пора идти, мама уже, наверное, спит, а может, меня ищет… Вдруг кто-то кричит или воет, как из трубы. Это мама бежит!

И все человечество со зверьми замирает. Крик повторяется, и все загорается, мама трубит, она совсем рядом, небо горит, крик, становится жарко, свет заполняет глаза, заливается в уши, как при зевке, через плечи, в колени, горечь, полынь…

Мир превращается в визг. ◆

Инна Краснопер

В ТОТ ДВОР

Инна Краснопер (родилась в Уфе) – поэтесса и танцхудожница, выпускница Школы вовлеченного искусства «Что делать» и Университета искусств Берлина (бакалаврская программа «Танец. Контекст. Хореография»). Участвует в семинарах «Современные литературные практики», «Теорії та практики феміністського та жіночого письма» (с Галиной Рымбу). Поэтические публикации в «Ф-письмо на Syg.ma» («на месте той»), мультилингвальном Stadtsprachen magazin, альманахах «Транслит» («за-открывает то, что еще») и «Артикуляция» («написанный вслух»). Пишет/переводит в области русского и английского языков. Публикации на английском в This Container, Bridge, Slanted House Zine Issue #3: Translation. Участвует в перформанс-практиках: исталляции, видео. Для выставки «Пещера Золотой розы» и РБОБ «Побочные аффекты» сотрудничала с участницами дуэта «Добро пожаловать в кукольный дом». Видеопоэтическая работа «in other words» была показана в рамках семинара Марии Степановой в пространстве Freehome (Мария и Вадим Захаровы). Работала с хореографами Изабель Шад, Юлианом Вебером, художниками Флорин Леони, Маркусом Шинвальдом. Живет в Берлине.

она вернулась домой
она вернулась за тем и за той

за той простой – встречей. чего?

какого праздника, встретили мы
в который раз

сели, запели. дед говорит, йина
говорит. баба бегает, баба занята

у нее портфель. лампа на столе, очки
тетради читает

когда-то и я там училась. четверти две

две четверти учебного года, а сколько
всего. года – провела

увела, завела. на улице тополиной
тополиной она стала позже

а до того – не имела названия. кажется
было так: не у всех улиц в деревне

находились названия. вот позже они
нашлись. тополя на моей памяти: посадки

были всегда. пойдем в посадку!

однажды с подругой ириной мы откопали
котенка. помню внутри его черепа – ползали

пойдем в посадку

не при мне тополя укоротили. в последние
год-два. деду не нравилось, сказал мне леша

но как будто больше света
стало попадать в сад

в тот сад – куда я однажды зимой выкинула тетрадку

закопала ее в снег. какая недальновидность
это же наш сад, снег растает

странный способ освободиться от следов
и что было в ней, в тетрадке

баба не сказала мне, нашла ли
(может быть я ее перепрятала?)

тетрадку я закопала, как топор войны, например
баба с папой плохо находили общий язык

у них были разные взгляды. да, пожалуй
она права: мне не хватает сообщества

(слова были другие, не комьюнити)

она вернулась домой, за той и не той
встречей

какой. о тополях от деда я уже не услышала
как не смогла бы услышать от него

что-либо. я шла умываться, или по другим делам
и вздрагивала. потому что комната его

потеряла обитание. приобретала
другое обитание

как непривычно. сколько четвертей
года

другого года, другого лета
много лет

образ этого пространства смешивался

© Александр Торчинов

с весенним солнцем, летней пылью

маленьким происшествием: показавшимися
из-под юбки и высмеянными рейтузами

с соседской собакой шариком. недавно эта
фотография участвовала в фильм-проекте

с тем случаем, когда я от обиды ненадолго
сбежала из дома. наивное приключение

сбежать из дома в поселении с таким
ограниченным количеством домов

спряталась у малознакомой девочки на
жилом чердаке. она нагадала мне по руке

сколько-то детей – как это бывает

она вернулась домой, в тот дом
куда прибывала и другая бабушка

время от времени. бабушка соня
сегодня видела ее во сне –

в смеси с насекомыми, кажется
в нарративе рождения

но в генезисе насекомого как всегда
проступали котята – куда мне без них

в опх были баба зоя и деда толя
теперь там

одна баба. но леша приезжает
он единственный из детей

не уехавших из города
далеко. он рядом

я ходила по темному зимнему
дому

я лежала на раздвижном диване
в зале

боясь закрыть глаза
встретиться с не-собой

встретиться с кем-то еще
кого здесь больше нет

но есть обитание

леша в городе; он приезжает
лена рассказывала

мы гуляли по декабрьской набережной

что это был уже не дед
как меняется телесность, говорила она

меня не было. меня не было тогда
меня нет там сейчас

но я приезжала, приезжала когда могла
разбрасывала снег

недалеко от входа во двор
[много пишу, возвращаюсь в этот двор

как к себе. пространство алеф]
со стороны это очень мало

очень мало снега у меня получилось
расчистить. приезжать – мало

сегодня

день рождения мамы
и два дня прошло

с дня рождения деды
первого дня рождения

в который его нет

она вернулась домой
через несколько месяцев

когда знала, что может провести
в этом доме больше

нескольких дней
немногим больше – но всё же

она вернулась домой
сопроводить, со-провести

часы и дни
памяти и сейчас

чтобы потом повторить
со-присутствие

в свой день рождения
мама возможно

гуляет по набережной с леной
или сидит взаперти

в со-присутствии

с теми; вблизи

она вернулась домой
чтобы объединить –

насекомых с котятами,
сновидения с образами

живых и живых
по-другому ◆

Яна Юхалова

ВЕРА

Яна Юхалова (1988, Златоуст) училась на факультете иностранных языков и издательского дела. Окончила институт «База» по направлению «Критика современного искусства». Писала тексты для выставок в московских галереях, публиковала критические статьи в изданиях Colta.ru и Aroundart.ru. Сейчас работает в IT. Художественную прозу прежде не публиковала. Живет в Москве.

Акушерка говорит «смотри» и поднимает морщинистый комок, выскользнувший у Даши между ног, так высоко над головой, что Даша даже зажмуривается. Акушерка смеется: ну что ты глаза прячешь, сын родился. Сын, повторяет Даша и тоже смеется. Комок перекладывают Даше на грудь, помогают приложить к соску, сосок пощипывает, а Даша смотрит на светлый пушок у сына на голове, на его припухший носик, на то, как ресницы тянутся – и в кого они так тянутся? В меня, в Лену, в Костю. Сын сосет пустой сосок, а Даша удивляется, как хорошо все получается: и у нее, и у него, у них. А потом ресницы начинают кружиться, комната начинает кружиться, акушерка кружится, и Даша проваливается в туман.

В тумане плавает Лена, совершая ежевечерний ритуал: вдыхает и выдыхает в такт Дашиному языку, который скользит вверх-вниз по Лене. Даша просит: посмотри на меня. Лена начинает дрожать и вжиматься в простынь, а в стене прорубается зигзагом трещина. Даша вскакивает и закрывает трещину руками: жалко обои, Лена, хватит, мы же только переехали. Но стена рассыпается, пыль оседает, и комнаты больше нет, только белое свечение вокруг. Кто-то рядом сминает пластиковый стаканчик и шумно сморкается, и Даша понимает, что она на выставке, где они с Костей познакомились. В доказательство из белизны выступают сначала Костины ботинки, а потом и его лицо. Кость, ты куда тело дел? Костя смеется, глаза щурятся. Именно тогда, кстати, все и сломалось: как только Даша в первый раз увидела, как они щурятся, сразу решила, что смотреть в них хотелось бы как можно чаще. Лена быстро все поняла,

и ежевечерний ритуал изменился: Лена злилась и кричала в такт Дашиным всхлипываниям.

Тогда Даша придумала выход: нужно самой создать маленькую копию Кости, чтобы смотреть в глаза можно было, когда захочешь. Лена неожиданно согласилась и обрадовалась, что у них с Дашей будет семья. А Косте выдвинули условие, что прав на ребенка он предъявлять не будет, Лена и Даша его воспитают, а Косте пусть будет достаточно, что в ком-то, хоть и незнакомом, он станет длиться. Костя попросил подумать неделю, а через три дня прислал короткий «ок». УЗИ, анализы, ЭКО, УЗИ. После этого переписка между Дашей и Костей перестала быть скудной («завтра в клинике, новаторов, 14» – «ок»), а стала полниться толстыми столбиками снова. Лена злилась, Даша путалась, а потом на тридцать восьмой неделе беременности купила билет «Москва – Магнитогорск» и села в поезд.

***

Много крови потеряла – это акушерка вставляет иголку, запускает капельницу. Сын рядом в стеклянном боксе. Это люлька такая, он спит, и ты поспи.

Снова в туман, а там голос. Сначала тянется: ...буду ...уду ...уся, а потом срывается на резкий визг: дашууууся! Это открылись двери поезда, а на перроне мать, растолкала всех и стоит первой, чтобы как надо встретить дочь. Растягивает губы в морковной помаде, зубы прячет, а Даша это видит и подается назад, в поезд. Не выйду. Но некуда: толпа, хоть и осторожно – не видишь, беременная она, – выносит ее из тамбура. Мать захватывает Дашино лицо, целует в щеку, оставляет морковный след, оглядывает: ну и не дура ты поесть. Мам, девятый месяц. Да хоть десятый, я тебя носила, как тростиночка, ходила. Такси, дверь номер 38, ключей у Даши нет давно: она уехала после школы и возвращалась только один раз на Новый год, а потом ключи выбросила. Теперь второй. Раздевайся, дочка, у меня тут мясо по-французски, тебе надо мясо, ешь там поди один «Макдоналдс», а я внучечка херней кормить не дам, знаю, что ни ты, ни эта твоя готовить не можете, вот тебя попутало-то, ну теперь все будет хорошо, будем жить втроем с внучечком, хорошо.

***

Когда Дашу разбудили и перевезли в палату, туман в голове почти рассеялся. Палата оказалась на двоих, но просторной, к тому же пока без соседки – обе кровати были пустыми. Медсестра подвезла Дашу к одной из них, помогла спуститься с каталки и положила сына рядом, подвинула к груди. Сын почмокал и уснул, Даша подоткнула его подушкой, чтобы не упал, а сама взяла телефон, смахнула пропущенные от Лены, Дениса, смахнула сообщения от Светы-выставки, от

Никиты-подрядчика, от Жени-пиар. Сфотографировала спящего сына, отправила Лене, матери, немного подумала и Косте тоже отправила. Позвонили мать, Лена, Костя, сбросила всех.

Лежать на правом боку стало неудобно, и Даша повернулась к стене, покрытой зеленой больничной краской, где обнаружила крупную трещину: она зигзагом почти до потолка тянулась от самой Дашиной кровати. Даша следила за ее изгибами вверх-вниз, вверх-вниз, но мысль додумать не успела. Двери палаты открылись, и в нее вплыло белое облако на каталке в халате в цветочек. Больше не рассмотреть: лицо смазалось, тело смазалось. Мам, привези линзы, я забыла.

Соседку звали Верой – говорить она начала, еще покачиваясь на каталке: рада знакомству, твоего уже привезли, а моего еще осматривают, у меня еще старший есть, ему три, ну да дома с папашкой, а этот второй, мальчик тоже, ну как я рожать не хотела, не то чтобы не хотела, но муж завелся, у него друг лучший на два года младше, а трое детей, ну и мой сказал: троих надо. О!

Вера резко остановилась и повернулась к дверям, в которых показалась медсестра со стеклянным боксом. Она неуверенно шагнула в палату, а когда пересекла порог, стала двигаться, напротив, быстро, будто очень спешила отдать Вере ребенка, но при этом как-то неуклюже теснилась к Дашиной кровати. Маршрут зигзагами почти по трещине. Даша заглянула в бокс и увидела пеленочный сверток, то тут, то там вздыбливающийся мощными тычками изнутри. Сверток издавал громкий звук, но на плач это похоже не было, скорее на скрип. Очень громкий и неприятный скрип. Бывают же беспокойные дети.

Вера внимательно следила за движениями медсестры, а потом, неожиданно после своего недавнего щебетания, строго, будто приказала, произнесла: покажи мне его. Медсестра опустила руки в бокс, обхватила сверток и поднесла его на вытянутых руках ближе к Вере. Вериного ребенка Даше видно не было, она видела только, как подрагивает спина медсестры и как Вера подняла руку, чтобы открыть пеленки, а потом улыбнулась довольно: достаточно. Медсестра послушно запахнула пеленки и дрожащими руками стала укладывать сверток в бокс – новенькая, наверное, волнуется. А когда сверток почти коснулся дна бокса, пеленка вдруг спала и из нее показалось длинное извивающееся щупальце, покрытое жесткими черными волосами. Медсестра испуганно взглянула на Дашу, а потом задернула пеленку и вышла из палаты. Скрип стих, Вера отвернулась к стене и захрапела.

Когда выпишут, нужно не откладывать и идти к окулисту. Сколько дней осталось? 5, 4, 3, 2, 1.

***

4, 3, 2, 1.

© Александр Торчинов

Утром от матери передали куриный бульон, а линзы не передали. Снова позвонила Лена, но Даша посмотрела на трещину на стене и сбросила. Тут же пришло сообщение: «вообще-то я приехала и стою под окном, мне твоя мать сказала, где палата». И еще одно: «выгляни». А потом: «я люб т».

Даша стала приподниматься к окну, но в палату влетела рыжая завотделением в шейном шарфике: девочки, подъем, сосочки поглажу, не плоские, ага, все красиво. За ней в палату юркнуло серое пятно, оказавшееся надеждой-валерьевной-неонатологом: волосы собраны в низкий хвостик, не старая и не молодая, а кожа натянута, будто тронешь – и порвется. Мышиха, решила Даша. Мышиха подхватила Дашиного сына и потащила к раковине оттирать липкий мекконий, сын заплакал, а Даша поняла, что впервые после родового зала слышит его голос. Она слушает, а внутри что-то тянется, и Даша вспоминает котенка с коричневой шерсткой и белой полоской на носу, которого они с Леной нашли в подъезде и даже придумали имя – Бо (в честь БоДжека, любимый сериал). А потом отдали – аллергия у Лены.

Рыжая, которая все это время сидела на кровати у Даши в ногах, вдруг соскочила и стала подталкивать Дашу к мышихе: иди, покажет, как пеленать. Даша встала, но в глазах резко потемнело, в ушах зашумел туман, и рыжая подхватила ее под руку, осторожно повела к пеленальнику, где мелькали ножки сына. Мышиха разулыбалась, Даша подошла, посмотрела ей в глаза и тоже улыбнулась – это вышло само собой, губы растянулись дугой, кончики рта поднялись вверх. А потом Даша опустила взгляд на сына, но вместо него из пеленок вдруг показались щупальца, длинные, мохнатые, извивающиеся – они вырастали из-под ткани в разные стороны, приподнимались, тянулись к Даше. Мышиха поднесла руку к щупальцам, щупальца обвили ее, и она бережно стала расправлять ткань, раскрывая под ней крепкую, похожую на высохший кокос небольшую голову. Голова была коричневая, шерстяная, с белой полоской повыше рта, который то и дело открывался, обнажая ряд потемневших маленьких зубов. Даша отступила назад, пошатнулась и упала на пол, ударившись затылком о раковину и успев заметить, как продолжает улыбаться мышиха, аккуратно хихикает, уткнувшись в шарфик, рыжая и почему-то плачет Вера.

***

Когда Даша открыла глаза, оказалось, что она лежит на своей кровати, вокруг зеленые стены, а рядом с ней стоит и пристально смотрит на нее Вера. Очнулась, надо же, я думала ты совсем того, говорит Вера, а потом разворачивается и медленно идет к своей кровати. Даша смотрит на ее широкую спину, тяжелые икры и вспоминает каменных баб – скифы устанавливали их на могилах. В коридоре раздается мяуканье, медсестра вкатывает в палату бокс с Дашиным сыном, а Даша зажмуривается от страха и осторожно приоткрывает один глаз как раз в тот момент, когда медсестра кладет ребенка с ней рядом. Светлый

пушок, припухший носик, ресницы тянутся. Сын прикладывается к соску, медленно водит рукой по Дашиной груди.

МАМА, ЛИНЗЫ!!!

***

3, 2, 1.

Туман в голове уходит, когда я лежу, но встать не могу. Врачи говорят «анемия третьей степени» и ставят капельницы. Лена звонит, Костя звонит, смотрю на трещину и не отвечаю. Я больше не знаю, что им говорить.

3, 2, 1.

Не могу найти телефон. Мне страшно.

2, 1.

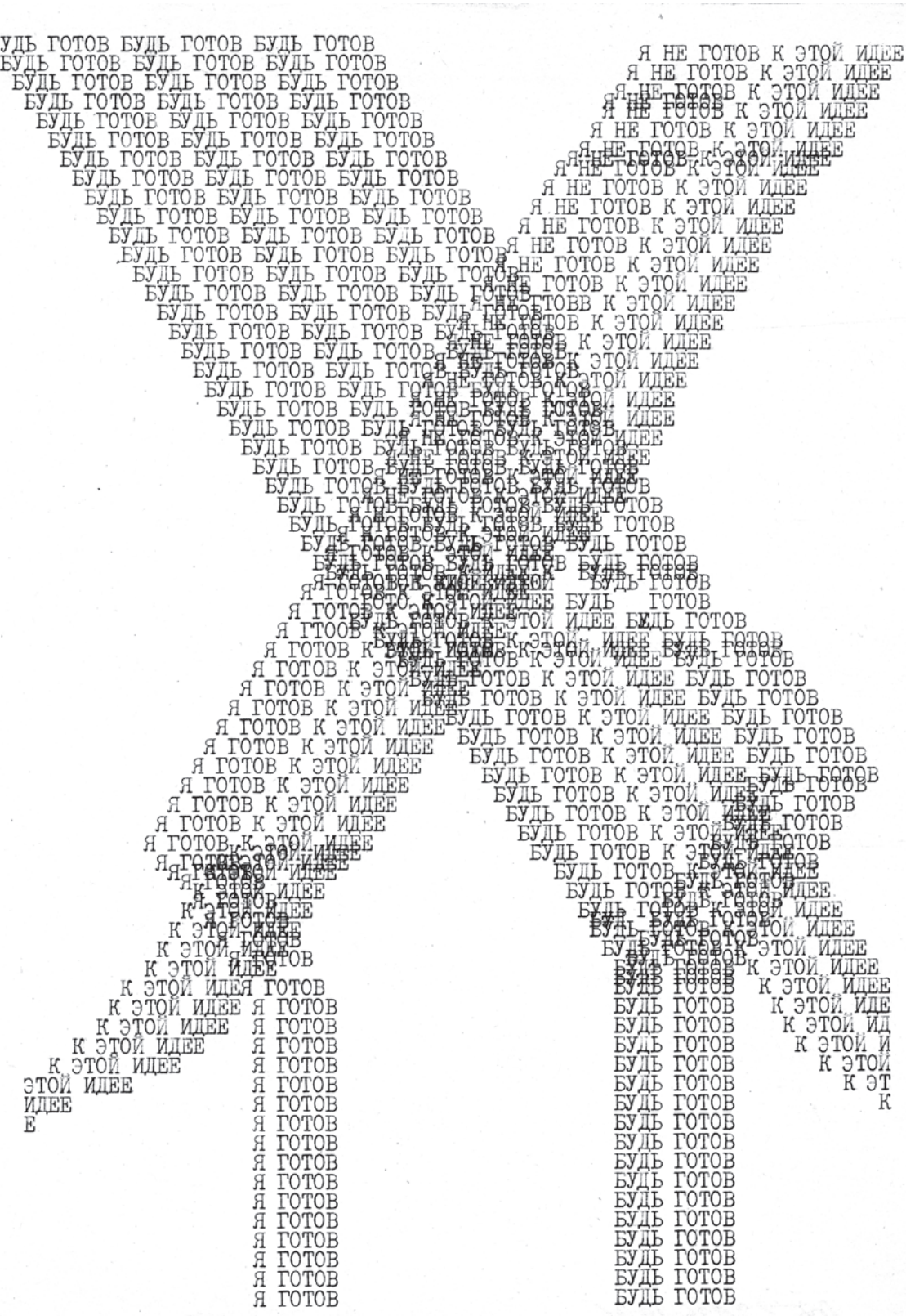
Мне теперь всегда страшно. Я боюсь эту Веру, боюсь ее ребенка. Она его не кормит, а он скрипит-скрипит, а потом спит. Раньше Лена ходила под окнами и охраняла нас, но больше не ходит. Теперь я сама буду нас охранять, а спать не буду.

1.

Лежу, слежу.

***

В день выписки рыжая и мышиха помогали Даше собирать вещи. Веры в палате не оказалось с самого утра, и Даша спрашивать о ней не стала. На прощание взглянула на трещину на стене и вышла из палаты, сына катили рядом. Мышиха и рыжая проводили к лифту, отдали сына в руки и даже спустились с Дашей на первый этаж, где к ней вдруг с громким визгом подлетел мальчишка лет трех и крепко обхватил ее за ногу. За ним из стороны в сторону покачивался мужчина с букетом красных роз и круглым воздушным шариком. На шарике – ребенок с соской и в голубом подгузнике. Улыбаясь, мужчина подошел к Даше близко-близко, посмотрел ей в глаза и с расстановкой произнес: «Вера, спасибо за сына». «Мам, показиии!» – закричал мальчишка, дергая Дашу за ногу и тыча в сверток у нее на руках. Даша развернула пеленки, и темные щупальца потянулись к ней. ◆


БУДЬ ГОТОВ БУДЬ ГОТОВ БУДЬ ГОТОВ
Я НЕ ГОТОВ К ЭТОЙ ИДЕЕ
Я ГОТОВ К ЭТОЙ ИДЕЕ
ЭТОЙ ИДЕЕ
ИДЕЕ
Е

Бакур Бакурадзе

КВАРТИРА

Сценарий

Меня часто спрашивали, как родилась идея того или иного фильма, и мне всегда было сложно ответить. Ответ один: из жизни. Если взять любую жизненную ситуацию не гиперэкспрессивного состояния, то мы находимся под давлением или влиянием огромного количества факторов и обстоятельств. Могу привести пример. Человек, который покупает кефир, одновременно думает о сотне вещей и о массе других проблем, среди которых покупка кефира не самая главная. Он в этот момент реагирует на разные раздражители, помнит сразу о многих нерешенных вопросах, многому радуется, и все это составляет его бытие здесь и теперь. Он такой сейчас. Однозадачность не имеет места быть. Примерно так же обстоит дело с возникновением идеи. Она рождается гораздо раньше, чем сформулируешь ее. А когда появляется в голове, то уже не знаешь, где и когда она родилась.

Люди приходят в этот мир, чтобы когда-нибудь встретиться лицом к лицу со смертью. Эта встреча неминуема. Все обречены. Жизнь во многом строится согласно этому страху. Кто знает — может, любовь есть компенсация страха смерти.

Ясно одно, что она когда-нибудь встретится с финалом.

Когда-то я для себя определил: любовь — это страх потерять любовь. До сих пор не могу не согласиться с этим. Здесь кроится сила жизни и смерти.

Видимо, отсюда родилась идея этого текста. Из страха границ любви.

Я подумал: было бы неплохо, если бы двое, любящие друг друга, могли рассуждать об этом и параллельно строить свои отношения. Мы часто косвенно даем понять близкому человеку важные вещи. Совместное написание сценария, в котором есть такие же люди, как сами авторы, могут дать возможность выяснить то, что в обычном разговоре выяснить будет сложно. И все это — под давлением постоянного страха потерять любовь.

Я не смог снять этот фильм. Видимо, не был готов родить его, как мать — ребенка. Другого объяснения нет. Получается, что мои эмоции и размышления дошли лишь до бумаги.

Может, кто-нибудь когда-нибудь сможет его снять.

Бакур Бакурадзе

← Дмитрий Александрович Пригов. Стихограмма. *Собрание семьи художника & Фонд Дмитрия Александровича Пригова*

ГЛАВА I

1. Комната для актерских проб

Перед камерой сидит женщина лет тридцати в белой рубашке. На стене за ней фотографии актеров.

Голос за кадром (*женский*). Почему вы решили идти в крановщики?

Женщина в рубашке (*после паузы*). Даже не знаю, как объяснить. (*Улыбается.*) Нууу… не знаю, сидишь высоко… смотришь вокруг… видишь все. Внизу люди работают… много людей… в основном мужики… Смотришь на них, на мужиков, сверху… и они такие маленькие, и их так много… а ты смотришь на них сверху… ты почти как будто в небесах. И оттуда ты помогаешь им… помогаешь строить… Одни вешают тебе груз на крюк, другие его принимают. И без тебя они не могут справиться. Не могут тяжести переносить, поднимать наверх… вот… *(Снова улыбается.)* И потом, я как-то в «Крокодиле» шутку вычитала про крановщика, точно не помню дословно, но шутка была в том, что хороший крановщик задницей чувствует все. Вес, противовес, баланс… И я подумала, простите меня за откровенность, я подумала, разве я хуже мужиков могу задницей чувствовать вес, противовес и… простите меня ради бога…

Голос за кадром. Все нормально.

Женщина в рубашке продолжает улыбаться.

2. Квартира. День

Большая просторная комната. У стены стоит сложенный диван. Перед диваном журнальный столик и пара кресел по бокам. В квартире никого нет.

3. Квартира. Ночь

На диване занимаются сексом. Не быстро и не медленно. Все тихо. Занимаются долго. Мужчина темноволосый, заросший. Женщина светловолосая.

4. Квартира. Вечер

Комната пуста. Диван сложен. В доме никого. На тумбочке рядом с диваном стоит лампа для чтения книг.

Сложно определить, кому принадлежит квартира: мужское на первый взгляд пространство при подробном рассмотрении может показаться и женским. Потертый диван не покрыт ничем. Журнальный столик, его нижний этаж, завален книгами, журналами. За диваном пустая стена.

Звук ключа в замке. Слышно, как заходят двое. Они раздеваются и вешают верхнюю одежду на вешалку. Снимают обувь. Шуршат одеждой и пакетами.

Какое-то бормотание…

– Я сейчас… загляну на секунду… – говорит молодая женщина. – Оставь все...

Слышно, как она закрывается в туалете, а кто-то другой проходит на кухню и начинает вытаскивать из пакетов их содержимое. Что-то в холодильник, что-то в хлебницу. Затем садится на стул. Из туалета выходит женщина, мелькает в проеме двери и заходит на кухню. Звук подвигаемого стула.

Наступает тишина, что дает понять, что они старые знакомые, которым необязательно все время говорить и заполнять пространство действием. Слышно, как кто-то из них открывает форточку.

Женщина. Я пять минут посижу покурю и все сделаю… Ок?

Мы не слышим ответа.

Мужчина. Открыть вино?

Женщина. Давай.

Кто-то встает со своего места, нашаривает в ящике предмет, затем берет со стола бутылку, по всей видимости, возится с ней и вытаскивает пробку. Затем слышно, как достают из шкафа стаканы и разливают в них вино.

Звук поставленного стакана дает понять, что кто-то уже отпил вино.

Женщина. Мм… Вкусно.

Мужчина не отвечает. Возникает долгая тишина, будто на кухне происходит поцелуй или, наоборот, каждый ушел в свои мысли. Затем раздается женский короткий смех. Не слишком яркий. Мягкий и добрый.

Мужчина. Чего ты?

Женщина. Просто...

Мужчина. Что-то вспомнила?

Женщина. Ну так – ерунда. Ничего особенного. (*Пауза.*) Ничего такого. (*Пауза.*) Потом, может, скажу.

Мужчина не отвечает.

Женщина. Ну что, сосиски?

Мужчина. Да, сосиски...

По звукам, доносящимся из кухни, можно понять, что из шкафчика достают кастрюлю, наливают в нее воду, включают газ и ставят кастрюлю на плиту. Затем открывают и закрывают холодильник.

Женщина. Тебе две, три?

Мужчина. Две.

Женщина. Лучше три. Две не хватит.

Пауза.

Камера, находясь в комнате все это время, почти незаметно трогается с места и очень медленно начинает двигаться в сторону кухни.

Женщина. А ты знаешь, что ты мало ешь?

Мужчина. Да нет… Ем нормально.

Женщина. Ну конечно. Даже я, мне кажется, ем больше, чем ты. А мужчина, знаешь, сколько должен есть?.. У нас на обед, я смотрю,

сколько едят мужчины… так они едят первое, полную тарелку борща, супа какого-нибудь, затем второе – почти двойное, могут съесть и рыбу, и мясо… да… и целую гору картошки или макарон, а потом еще пирожное с компотиком… Да, да… Не смейся… А потом еще берут добавки… Это важно, поверь мне… А ты целый день можешь ничего не есть, ну или съешь чего-нибудь совсем чуть-чуть, и всё. Я же знаю. Ты правда мало ешь.

Мужчина не отвечает. Пока женщина говорит, слышно, как открывается и закрывается холодильник, открывается дверь духовки и оттуда с грохотом достается что-то.

Женщина. Овощи сильно прожарить?

Мужчина. Можно сильно...

Слышно, как из пакета на сковородку высыпают мороженые овощи. Они начинают шипеть. Сковородку накрывают крышкой, и шипение становится тише.

Мужчина. Сейчас мне показалось, будто наслоилось время… будто голос возник из прошлого… (*Пауза.*) Я имею в виду твой текст.

Женщина. Про то, что ты мало ешь?

Мужчина. Будто ты взяла старый текст и прочла с выражением. С интонацией, когда еще не начали трахаться.

Женщина. Не смонтировалось?

Мужчина. Да нет, смонтировалось. Это было даже круто. Ты говорила старый текст… и при этом стояла у плиты как не из того времени, а совсем из другого, возможно, даже будущего. Я смотрел на твою спину и воспринимал тебя и твое тело в одном времени, а текст в другом. Круто смонтировалось.

Слышно, как ставят на стол стакан, как встает кто-то со стула, как снимают крышку со сковородки, увеличивается звук шипения, а ложка перемешивает овощи.

Камера все ближе к проему двери, откуда, судя по всему, должна быть видна кухня.

Женщина. Они долго будут размораживаться.

Мужчина. Сделай поменьше огонь.

Женщина. Меньше уже не делается.

Мужчина. Дай я сделаю. (*Скрипит стул.*) В обратную сторону, если… вот так.

Ложка перемешивает овощи, затем сковородку накрывают крышкой, и кто-то снова садится на стул.

Женщина. Ты что делаешь?

Пауза.

Мужчина. Не делать?

Женщина. Нет, делай.

Пауза.

Камера, к сожалению, не успевает заглянуть вовремя на кухню и увидеть, что делал мужчина. Но, пройдя дальше, она видит, как

мужчина уже садится на свое место; в кадре остаются колени и руки мужчины и женщины.

Несколько раз чиркает зажигалка, затем ее кладут на стол. В кадре появляется дым.

Женщина. Ты же не исчезнешь слишком быстро?

Мужчина. Нет… Конечно нет.

Пауза.

Женщина. Ну и хорошо.

Женщина берет со стола стакан воды, пьет и ставит обратно.

Мужчина. А сколько дней длится эта випасана?

Женщина. Десять.

Мужчина. В этот раз длилось десять или всегда десять?

Женщина. Нет, всегда десять.

Мужчина. Скажи, а ты вот прямо чувствуешь, как у тебя увеличиваются мозги?

Женщина (*смеясь*). Да, прямо чувствую, как их становится больше в голове.

Мужчина. Кто его знает.

Женщина. Но чувствую, как расширяются сознание и душа.

Мужчина. Видишь свет?

Женщина. Да, представь себе, именно чувствую ясность, спокойствие, доброту. Чувствую энергию, спокойную энергию. Другими словами, вижу свет. И зря ты так иронизируешь.

Мужчина. Я просто шучу… Только ради шутки.

Женщина. Тебе стоит попробовать. Но я тебе это уже много раз говорила.

Мужчина. Ну да… (*Пауза.*) А ты чувствуешь, как твое тело наполняется энергией и светом… твои руки, ноги… грудь… живот?

Женщина. Конечно. Я чувствую легкость во всем теле. И все очень просто: голова и тело начинают понимать друг друга.

Мужчина. Это важно.

Женщина. Это очень важно… начинаешь легче относиться ко всему вокруг… в тебе больше любви. Знаешь, как круто? Ты меньше зависишь… и больше можешь дать. Легче отказываешься и реже отказываешь. Другими словами, проще принимаешь. Меньше берешь и больше даешь. Понимаешь, о чем я?.. То есть ты можешь переспать с мужчиной, если ему это очень нужно, и ты от этого ничего не потеряешь.

Мужчина. Серьезно?..

Женщина (*смеется*). Это шутка.

Мужчина. Понятно…

Женщина (*смеется*). Ну конечно.

Пауза.

Мужчина встает со стула.

Женщина. Ты куда?

Мужчина. Сосиски переварятся.

Женщина. Сиди. Я сама.

Он не дает ей встать. Снова возникает кухонная возня: снимается крышка с кастрюли, открывается кран, что-то моют под водой, достают и ставят на стол всякие тарелки, вилки, что-то нарезается, что-то достается из холодильника…

Она уносит свои красивые ноги из кадра. Ее рука открывает дверцу холодильника.

Женщина. Будешь?

Мужчина. Да.

Женщина. Смотри, вот такое еще есть…

Вытаскивает из холодильника майонез, горчицу, кетчуп.

Мужчина. Давай и это.

Женщина. Накупили.

Пауза.

Мужчина. Ты знаешь Кирилла Скворцова?

Женщина. Какого Кирилла?

Мужчина. Кирилла, маленького такого, толстого.

Женщина. Не помню.

Мужчина. Один мой старый приятель… Он, когда открывает мой пустой холодильник, всегда говорит: «Куча еды!»

Женщина. Типа шутит?

Мужчина. Нет. Он находит там лук, морковку, майонез и все такое.

Слышно, как закрывается холодильник и как что-то размешивают в сковородке.

Женщина. Ну вот.

Мужчина. Готово?

Женщина. Почти. (*Пауза.*) Нарежешь хлеб?

Мужчина. Подай нож.

Женщина. Мы так ринулись готовить, будто из голодного края.

Мужчина (*смеется*). Так и есть. Мы хотим есть. Но при этом я бы не сказал, что мы суетимся.

Женщина. Я имею в виду, что мы первым делом решили готовить. (*Пауза.*) Как-то я плохо пошутила.

Мужчина. В смысле, что не прыгнули в кровать? Да нет…

Женщина. Развязно получилось.

Мужчина. Конечно, нет…

Их не видно за косяком двери, они замолкают, возникает короткая пауза, после чего раздается открытый женский смех. Достаточно долгий. Смеется она одна.

Женщина. Прости, пожалуйста… (*Снова срываясь.*) Что-то нашло на меня.

Мужчина. Все отлично… Приятно смотреть на тебя.

Женщина. Ужасно выгляжу?

Мужчина. Прекрасно выглядишь.

Женщина. Это нервное. Прости.

Мужчина не отвечает. Встает, подходит к плите.

Женщина. Сгорело, нет?

Мужчина. Нет. В самый раз. (*Слышно, как ложка скользит по сковородке*.) Кладу прямо сковородкой.

Женщина. Да…

Рука женщины расставляет на столе посуду.

Мужчина. Я не нарезал хлеб… А где нож?

Женщина. Держи.

Мужчина. Хлеб куда я дел?

Слышно, как раскрывают полиэтиленовый пакет.

Женщина. Можно я тебя поцелую?

Мужчина. Конечно.

5. Квартира. Ванная

В кадре душевая кабина, за запотевшим стеклом размытые очертания женского тела. Женщина стоит под горячим душем, не двигается. Греется и думает.

Дверь душевой открывается, и женщина выходит из кабинки. Лица ее по-прежнему не видно. Она вытирает тело полотенцем, затем достает из шкафчика бутылочку и мажет все тело молочком или маслом.

Вернув бутылочку обратно в шкафчик, поворачивается к зеркалу и долго стоит перед ним, не приближаясь и не отдаляясь. Укутывается полотенцем и выходит из ванной.

6. Кабина крановщика

Женщина в белой рубашке сидит в кабине высотного крана и, глядя в прозрачный пол под ногами, передвигает рычаги. Кран, жужжа, поднимает тяжелую бетонную плиту, от плиты отходят человечки и смотрят вверх. Кран начинает вращаться, и кажется, что бетонная плита летит в воздухе.

У крановщика иногда много свободного времени, он часто ждет, когда приедет новый груз, чтобы разгрузить его или, наоборот, что-то загрузить. С крана спускаться-подниматься – занятие не быстрое, поэтому крановщики часто находятся в тоскливом одиночестве. Женщина в белой рубашке некрасивая, но натура у нее спокойная, сдержанная. Поэтому ее и взяли на столь сложную работу. За надежность. Сидя в кабине крана, она заполняет возникшие паузы чтением книг, игрой в телефоне, мастурбацией. Если кто-то посмотрел бы в бинокль, то в кабине крановщика мог бы в какой-то момент увидеть женское искаженное лицо во время оргазма. Часто она курит сигарету в форточку своего маленького рабочего места высоко над землей.

7. Квартира. Коридор. Вечер

Мужчина и женщина остаются на кухне. (В кадре снова их руки, ноги.) Они едят. Стучат приборами, говорят, жуют, наливают жидкости, выпивают. Однако все очень сдержанно. Никто не торопится.

Мужчина. Вкусно.

Женщина. Ой, ладно…

Мужчина. Правда.

Женщина. А что я, собственно, сделала? Только бросила на сковородку и поставила варить сосиски.

Мужчина. Не знаю… но вкусно.

Женщина. Ну хорошо. Приятного аппетита.

Мужчина. Спасибо.

Наступает относительная тишина. Звуки кухонных приборов сохраняются, но уже меньше, будто кто-то из двоих перестал есть.

Женщина (*после длинной паузы*). Помою виноград.

Мужчина. Давай.

Она выходит из кадра.

Мужчина. Я однажды купил в Индии виноград… не проверил, когда покупал… пришел домой и вижу, что на него орел насрал.

Женщина. Откуда ты знаешь, что орел?

Мужчина. Он весь в говне был. В Индии много орлов. Я час его мыл. Виноград же мыть сложно… А теперь представь: от говна. Выбросил в итоге.

Женщина. Ну конечно. Не стал же бы ты обосранный виноград есть.

Мужчина. Ну да.

Женщина. В любом случае это было говно с небес.

8. Вагон «Сапсана». День

У окна летящего мимо полей и лесов поезда сидит молодая темноволосая женщина. Красивое лицо. Ей примерно двадцать семь. Она находится далеко не в вольных размышлениях. Ее мысли, скорее всего, касаются отношений. Когда женщины думают не об отношениях, а, например, о деле, их лица бывают чуть менее напряженными.

9. Квартира. Вечер

Камера находится в коридоре. Ноги светловолосой женщины перекинуты одна на другую. В кадре появляется мужчина.

Женщина. Сейчас, покурю и пойдем. Посиди минуту.

Мужчина. Ты говоришь, будто я тороплю тебя.

Женщина. Не торопишь?

Мужчина. Тороплю, конечно.

Женщина. Ну сейчас.

Мужчина садится за стол, вытягивает ноги, просовывает их под женскими ногами. Сидят молча. Камера медленно начинает приближаться к проему кухонной двери, за которой находятся мужчина и женщина. Передвигаясь с места на место, они время от времени попадают в кадр. Это те мужчина и женщина, которые в самом начале фильма занимались в комнате сексом – светловолосая женщина и заросший мужчина-брюнет.

Женщина. Я хотела рассказать тебе сцену, которую придумала…

Мужчина. Давай.

Женщина. Такой набросок микроконфликта…

Мужчина. Ок…

Женщина. В общем, история такая. Она в очередной раз приезжает к нему в Москву, они сидят на кухне, и она задает ему вопрос, давно ли он стригся. Он отвечает: «Пару месяцев назад». Она: «Налысо?» – «Не налысо. Но коротко». – «Очень коротко?» Он говорит, что да, коротко. Может быть, что под машинку. Оставил четыре или пять миллиметров. Она может сказать, что никогда не видела его так коротко стриженным. Он спрашивает, почему она спросила. Она отвечает, что ей Света Кузнецова сказала, что видела его постриженным налысо. Он может и не знать, кто такая Света Кузнецова. Может спросить: «А кто такая Света Кузнецова?» Она типа администратор или бухгалтер – не важно. Мол, Света там или как ее… типа она забежала в фойе театра и объявила прямо всем, что видела его на улице и он был лысый. Ну и какая же эта Света дура, и все такое… А было это пару месяцев назад. Он же, желая как бы избежать и намека на конфликт, скрывая подозрение, задает полунаивный вопрос: «Ты приезжала в Москву?»

Мужчина. Как бы не событие?..

Женщина. Ну да. Мол, приезжала и приезжала, типа нормально. Можно сделать, что она делает паузу, как бы подталкивая его к наводящим вопросам. Такой диалоговый инструмент, создающий дополнительную интригу, которая выведет его на конфликт и откровение, где он в идеале обвинит ее, мол, если приезжала, то почему не ко мне. Чем даст понять, что она ему не безразлична. Потому что именно неконкретность его отношения к ней провоцирует в ней демонстрацию недосказанности, что должно спровоцировать его озвучить самое главное – собственно, кто она для него.

Мужчина (*с улыбкой*). Понятно.

Камера, приблизившись к двери кухни на такое расстояние, что мы стали полностью видеть персонажей, останавливается. Виноград в тарелке уже лишен нескольких ягод. Женская рука чаще отрывает виноградинки, чем мужская. Ногти свеженакрашены.

Женщина. Да, но она не для того завела этот разговор, чтобы все прошло без трения. И в этой ситуации, как бы он круто ни отвечал, любая его реакция раскрывает его отношение к ней, чего, собственно, она и добивается. И в какой-то момент она, как бы поняв сейчас, мол, вдруг ее осенило, что может возникнуть непонимание, на что якобы нет никаких причин, говорит: «Слушай… прости, пожалуйста… Конечно, это ужасно глупо! Извини, что какая-то дурацкая нота… то, что сейчас витает в воздухе, то, как я говорю, то, как ты, скорее всего, не понимаешь, и я делаю вид, что нет ничего странного во всем этом, – все это ужасно глупо. Можно, я тебе сразу все расскажу, чтобы не заставлять тебя задавать ненужные вопросы. Возможно, ты не будешь их задавать, но они возникнут у тебя в голове. Можно я просто расскажу тебе все, как было?»

Мужчина. Это уже очень высокий уровень.

Женщина делает паузу. На некоторое время на кухне устанавливается тишина.

Мужчина. В результате он отвечает ей что-нибудь?

Женщина. Не знаю. А что он может сказать?

Мужчина. Ничего.

Женщина. Дальше она рассказывает ту двухмесячной давности историю. Она говорит, что приехала в Москву на один день – на гастроли. Всего на один день. Говорит, что много думала, как ей быть…

Мужчина. А бывают однодневные гастроли?

Женщина. Ну один спектакль. Нужно уточнить. Я уточню… Ну и… в общем, она говорит, что много думала, как ей быть: типа позвонить заранее и сказать, что приезжает, или держать в тайне приезд, как сюрприз, и позвонить уже из Москвы. Мол, я, конечно же, хотела провести ночь с тобой… и было бы разумно позвонить тебе заранее и сказать, что я еду, и, если ты не против... ну мы, мол, так общаемся, и это по-своему прекрасно... мы спрашиваем: ты не против, если я переночую у тебя?.. мы делаем вид, что помогаем друг другу с ночлегом, когда кто-то из нас приезжает в город к другому. Мы не говорим «я приезжаю – встречай» или «я приезжаю – и будь дома»... Она говорит все это достаточно растянуто, будто боится допустить ошибку и сказать лишнее. При этом рассказ должен выглядеть откровением, с одной стороны, но и упреком – с другой. Такая тонкая грань, где мужчина может слегка запутаться. Он может попасться. То есть он все поймет, у него не будет сомнений, но ее интонация откровения даст ему возможность сделать вид, что он воспринимает ее текст как бесхитростный или, там, доверительный, и у него будет внешний повод не попадать под влияние и не задавать прямых вопросов, на которые, собственно, его и выводят. То есть не входить на ту зыбкую территорию, куда его затягивают.

Она говорит примерно такими словами: «Нет... мне нравится, что мы так говорим… так скромно просимся на ночлег. Хотя, если честно, то так говорю только я. Ты просто говоришь, что приезжаешь. И я говорю, мол, круто, я жду тебя…»

Мужчина. А кто ей мешает так говорить?

Женщина. Ну вот… не знаю.

Мужчина. Наезд на пустом месте.

Женщина. По сути, да... Говорит, что хотела перед отправлением позвонить, сказать, что приезжает, и: «Можно ли переночевать у тебя?» А потом: «Прости, пожалуйста, я подумала, что не хочу задавать этот дурацкий вопрос. Я подумала, что позвоню или напишу эсэмэску, что просто приезжаю. Приезжаю и... И всё... Я приезжаю. Но я не смогла для себя решить, когда лучше написать – заранее или уже непосредственно перед отъездом. Я не смогла понять, не смогла разобраться, когда нужно писать, в какой именно момент нужно это сделать, если я пишу не вопрос, а утверждение. И я решила, что

напишу, как только выйду из поезда, уже приехав в Москву. А в поезде у меня умер телефон…»

Тоже такая грань между ложью и правдой. Непроверяемая. Типа телефон умирал у нее прямо на глазах. А розетка была занята, всю дорогу заряжала свой телефон какая-то женщина. Ну и она думала написать ему эсэмэску, но боялась, что не успеет получить от него ответ. А с вокзала поехала сразу в театр и там тут же поставила телефон на зарядку и стала переодеваться. И в этот момент пришла Кузнецова. Ну и дальше текст про то, как эта дура Кузнецова заорала на все фойе, что видела его лысого.

Мужчина. Понятно… Ты хочешь, чтобы она так его прошибала?

Женщина. Прямолинейная проверка на вшивость иногда сшибает с ног мужчин. Где-то должна быть такая сцена. Если женщина чувствует силу своего влагалища, то она в подходящий момент воспользуется этим инструментарием. Даст понять мужчине, что если он не заявляет конкретно свои права на владение ею, то не он тогда хозяин этого органа, а она. И она будет решать, как им распоряжаться.

Мужчина. Все женщины такие?

Женщина. Ну а ты как думаешь… Женщина в п**** носит человека.

Пауза.

Мужчина. Он что, заставляет ее задавать такой вопрос?

Женщина. Какой вопрос?

Мужчина. «Можно я у тебя переночую?»

Женщина. А как он может ее заставлять?

Мужчина. Тогда в чем ее претензия?

Женщина. В том, что он не дал ей понять, что такой вопрос не нужен.

Мужчина. Ну да, может быть.

Женщина. Он мог сказать: «Не нужно задавать вопросов. В любое время и днем и ночью, и даже без звонка… хочешь я сделаю для тебя ключ? Ты будешь приезжать, заходить со своим ключом и делать нам обоим сюрприз… Приезжай и оставайся, хоть навсегда…» И т.д.

Мужчина. Ну, знаешь ли…

Женщина. Да. Сказал бы прямым текстом…

Возникает пауза.

10. Улица

Лысый парень в холодную пору идет по вечерней улице. Руки в карманах пальто. Воротник поднят. Хоть и нет дождя, но мокро. Кадр по краям в расфокусе.

11. Перрон вокзала. Вечер

Темноволосая женщина стоит на перроне. Достает сигарету, прикуривает. Кадр по краям в расфокусе. Лицо задумавшейся женщины. В эту секунду недоброе лицо.

12. Другая квартира. Кухня. Ночь

Лысый парень трахает темноволосую женщину на подоконнике.

13. Квартира. Коридор – проем кухни

Мужчина. Может быть.

Женщина. Он говорит, что это смешно, мол, забавно и не более. Говорит не те слова.

Она говорит: «Да, это смешно!» Но тогда… он даже не может себе представить… ей было совсем не до смеха… Мол, я стала звонить тебе и не могла дозвониться. Я представляла себе, как ты идешь по улице лысый, и я хотела к тебе. Я звонила, и твой телефон всегда был недоступен. Так плохо мне не было никогда.

Он говорит что-то типа «прости, но я даже не знаю, о каком дне идет речь». Уже извиняется.

Она говорит: «Не важно. Ты потом перезвонил мне, на следующий день. У тебя тоже был какой-то коллапс с телефоном, но я уже была в поезде в Питер».

Она говорит, что он даже не представляет, как ужасно лежать в гостинице всю ночь одной в кровати… вместо того, чтобы встретиться и поболтать с ним и провести с ним ночь. И когда он позвонил ей на следующий день, она уже ехала в поезде… или только вошла в дом… и уже не стала ему говорить, что была в Москве. Не хотела его расстраивать… Ну и не хотела вообще вспоминать об этой поездке, чтобы не расстраивать себя еще больше.

Мужчина. Да, но если бы он взял трубку?

Женщина. Я думаю, она не звонила ему. Спустя время уже невозможно ни вспомнить, ни проверить…

Мужчина. Что значит «думаю»?

Женщина. Ну, естественно, она не звонила никуда.

Мужчина. Откровенное коварство.

Женщина. Ну конечно.

Мужчина. Все женщины игроки.

Женщина. Нет. Они солдаты невидимого фронта. (*Смеется.*) Они воюют за своих детей. За человечество. (*Пауза*). Налей, пожалуйста, вина.

Мужчина молча наливает. Слышен звук бульканья из горлышка бутылки.

В кадре двигаются руки, берут со стола и кладут обратно какие-то предметы. Слышно, как чиркают зажигалки, как на стол падают пачки сигарет. Молчание. В кадре дым от курения.

Мужчина. Если она все это придумала, откуда она знает, что он постригся налысо?

Женщина. Кстати… хотя нет, все правда, кроме того, что у нее сел телефон и она не смогла дозвониться.

Мужчина. Женщины умеют проигрывать сложные схемы…

Женщина. Ну конечно! Отношения – их основная программа. (*Вставая.*) Я накину что-нибудь другое.

Женщина выходит из кухни и, пройдя перед камерой, уходит в другую комнату. Камера следит за ней. Мы успеваем разглядеть ее хорошо: ей тридцать – тридцать пять лет, она в юбке и в свитере, русые волосы, красивое лицо, умный взгляд.

Женщина снимает свитер, достает из гардероба футболку и надевает ее.

Она возвращается на кухню. Камера остается в комнате.

Из кухни раздается женский смех. Видимо, реакция на его реакцию на футболку. Затем возникает тишина.

Женщина. Дай я уберу.

Слышно, как она переставляет тарелки в раковину.

Мужчина. А что дальше?

Женщина. Я думаю, после этого монолога она могла почувствовать небольшие козыри в своих руках, поэтому могла сделать разное. Могла пошутить на совершенно отвлеченную тему, как на пошлую, так и типа на человечную, могла обнять его и поцеловать… могла подколоть его, сказать, что он секси… Не знаю. В любом случае у нее было бы больше власти. Может быть, даже села бы ему на колени и чмокала бы в губы, спровоцировала бы его на секс прямо там на кухне…

Мужчина. Ну да…

Женщина. Я представляла, что он сидит на стуле, а она у него на коленях лицом к нему.

Пауза.

Мужчина. Ну да. Так может быть. Это такая ничейная поза.

Женщина. В каком смысле ничейная?

Мужчина. Как в спорте. Ничья.

Женщина. Типа любовь…

Мужчина. Да.

Женщина. Поняла.

Пауза.

Женщина. А как ты мог бы представить секс?

Мужчина. Я думал, что он трахает ее на подоконнике. Но после такого разговора это проигрышно для него.

Женщина. Почему?

Мужчина. Не может быть откровенного диалога. Такой секс не переламывает ход игры, как бы является продолжением диалога «до» и его логическим завершением. Это движение в никуда. Так неинтересно.

Женщина. Ты хочешь, чтобы он переламывал ход игры?

Мужчина. Как бы грамотно завершал. Зачем нам затягивать конфликт?

Женщина. Согласна. Может быть. А как ты это представляешь? Перейти на другую сцену или как-то остаться в этом пространстве?

Мужчина. Не знаю. Можно, в принципе, и так и так. Но нужен какой-то контрход с его стороны, но не активный. Свободный,

отвлеченный, его собственный ход. Например, короткий звонок по работе. Или длинный звонок по работе. А потом, может быть, и секс.

14. Квартира. Ночь

Мужчина лежит на кровати, читает. Какое-то время не двигается, потом ему становится неинтересно, он меняет несколько раз позу, заламывает книжку, как будто ему мешает висящая страница. Поворачивается на бок и, продолжая читать, постепенно засыпает.

Он спит сладко, как в детстве. Незащищен. Предполагается медленный и долгий наезд камеры. Звонит телефон. Мужчина просыпается, начинает искать его на кровати, телефон потерялся в складках одеяла. Мужчина находит его, отвечает.

Мужчина. Да?.. Не буду в ближайшее время… Ну, когда проект запустится… не знаю… может… возможно, и так. Да-да, всего хорошего. Спасибо за предложение. Нет, спасибо, меня устраивает…

Мужчина лежит, глядя в потолок, телефон на груди.

15. Дорога от леса к дачному поселку

Рассвет. Пятнадцатилетняя девушка идет по лесу, пробирается сквозь ветки. Впереди виден просвет. Девушка выходит из леса, смотрит по сторонам, выходит на дорогу. Медленно идет в одиночестве. Поселок через поле. Камера идет за ней след в след. На голове у девушки растрепанный хвостик. Серьги в ушах. Помятая юбка, кофта в соломе, кеды. Одета по-городскому. Пытается отряхнуться. На поле пасется пара лошадей. Раннее утро.

16. Квартира. Кухня

Женщина. Ты в самом деле сильно похудел.

Мужчина. Да нет.

Женщина. Ты сам не чувствуешь?

Мужчина. Ну, может, совсем немного…

Женщина. Ты сильно похудел. Ты знаешь хоть, сколько ты весишь?

Мужчина. Килограммов восемьдесят семь, думаю.

Женщина. Давай купим весы и ты будешь взвешиваться… (*Пауза.*) Можно я куплю тебе весы? Я хочу купить тебе весы.

Мужчина. Думаешь, я буду взвешиваться?

Женщина. В жизни ведь часто меняются установки, и для этого не обязательно должно произойти большое событие. Любое маленькое событие может стать причиной для того, чтобы что-то поменять. С таких моментов люди часто начинают делать то, чего раньше никогда не делали. Бросают курить, начинают делать по утрам зарядку. Никто не знает, будешь ты взвешиваться или нет. Но весы должны у тебя быть. Пусть будут…

Мужчина. Опять у меня происходит сдвиг времен.

Женщина. Взрослая женщина говорит хрень?

Мужчина. Мечта любого мужчины, чтобы волшебная женщина время от времени говорила хрень.

Раздается звонок мобильного телефона.

Мужчина. Алло?.. Да, привет. Сейчас спущусь. (*Женщине.*) Я буквально на три минуты, туда-обратно.

Женщина. Все нормально?

Мужчина. Да, конечно.

Женщина. А ты не исчезнешь?

Мужчина. Как я могу исчезнуть…

Мужчина направляется в прихожую, обувается, накидывает что-то и со словами «я быстро» выходит из квартиры.

Женщина долго сидит на кухне одна, затем встает, собирает посуду, убирает ее в раковину, моет, затем закрывает кран. Чиркает зажигалкой и садится обратно. Долго сидит так молча.

Камера смотрит издалека, из коридора, и видит женщину: нагнувшись и облокотившись на подоконник, она курит и смотрит в окно. Стоит спиной к нам, не подозревая, что мы ее видим. Стоит легко и смотрит на улицу в одном направлении. Возможно, видит своего мужчину. Мы медленно приближаемся к ней. Разглядываем, как скульптуру.

ГЛАВА II

17. Другая квартира

В ванной на табуретке сидит голая темноволосая женщина из театра – та, которая стояла на перроне. Голова опущена вниз, длинные каштановые волосы закрывают лицо. То, что это именно та женщина, мы понимаем потому, что ее моет лысый парень. Он мочалкой натирает ей спину. Она время от времени смеется. Есть ощущение, что история с поездом и театром разорвана по времени с происходящим здесь в этой ванной.

Темноволосая женщина. Мне неловко.

Лысый парень. …да ладно!

Женщина смеется.

Темноволосая женщина. Блиин! Как классно!

Он наливает в ладонь шампунь и начинает мыть женщине волосы. Пытается запенить всё – от корней и до кончиков.

Темноволосая женщина. У меня есть к тебе один вопрос.

Лысый парень. Какой?

Темноволосая женщина. Ты мыл когда-нибудь кого-нибудь, как меня?

Лысый парень. В армии спины натирали друг другу.

Темноволосая женщина (*смеясь*). Да нет. Я имею в виду женщину.

Лысый парень. Женщину вроде нет.

Темноволосая женщина. Не помнишь?

Лысый парень. Баб веником в бане бил.

Темноволосая женщина. Каких баб?

Лысый парень. Разных.

Темноволосая женщина. Ты сейчас просто хочешь испортить мне настроение. Ты специально так?

Лысый парень. Мы в институте всей группой ходили в баню. Парились вместе. Били вениками девчонок. Они нас тоже.

Темноволосая женщина молчит и думает. Не задает волнующий ее вопрос, так как знает, что не получит верного ответа.

Лысый парень. А тебя кто-нибудь когда-нибудь мыл?

Темноволосая женщина. Никто никогда. Ты первый меня моешь.

Он тщательно намыливает кончики ее волос. Она молчит, ей приятно.

Темноволосая женщина. В следующий раз я тебя помою. Хочешь?

Лысый парень. Да нет.

Темноволосая женщина. А чего? Стесняешься?

Лысый парень. Нет. Не стесняюсь. Ну… если хочешь…

Темноволосая женщина. Хочу, конечно.

Лысый парень. Ну хорошо.

Темноволосая женщина. Раздену тебя, посажу в ванную и помою, как младенца. От головы до ног.

Он смеется.

Лысый парень. Ну хорошо, если так хочешь.

Темноволосая женщина. Ужасно хочу. Мечтаю!

Лысый парень. Ладно. Мечта – это круто.

Темноволосая женщина. А какая твоя самая большая мечта?

Лысый парень. Вообще по жизни?

Темноволосая женщина. Нет. Мечта, которую ты не в силах никак сам осуществить, которая совсем не в твоей власти. Ну самая нереальная мечта.

Лысый парень. Я даже не знаю…

Темноволосая женщина. Мечта, о которой ты не думаешь почти никогда, но в глубине души хотел бы, чтобы она осуществилась. Ну как, например, уметь летать.

Лысый парень. Не знаю… Не думал об этом.

Темноволосая женщина. Конечно, сразу на этот вопрос сложно ответить.

Лысый парень. Глаза не горят?

Темноволосая женщина. Нет, не горят.

Лысый парень. Не знаю. Я бы хотел побывать на вершине Эвереста, например. Я раньше много об этом думал.

Темноволосая женщина. Нет, это не то. Ты можешь осуществить это, если захочешь.

Лысый парень. Как я могу это осуществить? Я же не могу полететь в космос, например.

Темноволосая женщина. Почему не можешь? Я думаю, можешь. Если ты захочешь подняться на Эверест, ты поднимешься на него. Ты просто этого недостаточно хотел. Никогда слишком сильно не горел этим желанием. Если бы ты горел, ты хотя бы попытался это сделать. Но ты не пытался. Я спрашиваю о том, что ты в самом деле, даже гипотетически, никогда не смог бы осуществить. Подумай, пожалуйста.

Он переключает воду на душ и начинает смывать шампунь с волос женщины. Она помогает ему, подставляя под воду то левую, то правую сторону головы.

Лысый парень. Я бы хотел увидеть Иисуса.

Темноволосая женщина. Ну вот!

Лысый парень. Да.

Темноволосая женщина. А как ты себе это представляешь?

Лысый парень. Я представляю, как я стою в толпе и как он проходит мимо меня. Две тысячи лет назад. Или он сидит в каком-нибудь кафе с Петром и Иоанном, например, а я за соседним столиком и поглядываю в его сторону. И он говорит, а они слушают. Или они говорят, а он слушает. А может быть, я хотел бы всего лишь увидеть, как он спит. На боку или на спине.

Темноволосая женщина. То есть ты хотел бы увидеть реального Иисуса?

Лысый парень. Ну конечно, реального. Еще до распятия.

Темноволосая женщина. А я сначала подумала, что ты хочешь увидеть его на небесах.

Лысый парень. Да нет. Я хотел бы увидеть его на земле. Как он ходит, как сидит, как разговаривает. Какого он роста. Какие у него глаза. Я бы хотел встретить его. Вот, например, пошел Иисус зубы чистить, взял с собой щетку, пасту и полотенце и провел у умывальника две минуты. А потом вышел с полотенцем на плече и с щеткой и пастой в руке.

Темноволосая женщина. Я серьезно.

Лысый парень. И я серьезно.

Темноволосая женщина. А что бы ты сделал, если б встретил Иисуса?

Лысый парень. Ну а что я мог бы сделать?

Темноволосая женщина. Ну, например, когда вели его на Голгофу.

Лысый парень. Ничего бы не сделал.

Темноволосая женщина. Если бы у тебя возникла такая возможность, ты, наверное, должен был что-нибудь сделать.

Он уходит. Голая темноволосая женщина остается одна в ванной. Не может понять, что ей делать. Спустя минуту он возвращается с сигаретой во рту. Берет мочалку, тщательно вспенивает ее мылом. Женщина молча ждет, глядя на него. Он убирает с ее плеч волосы и натирает ей спину. Затем переходит на грудь. Упругие сиськи после воздействия молниеносно возвращаются в исходное положение. Он включает душ и начинает смывать с нее мыло.

Лысый парень (*доверительно и с переживанием*). Если ты стоишь на дороге в толпе… и перед тобой проходит Иисус, реальный, настоящий Иисус, с крестом на спине, и ты все это видишь своими глазами, то тебе больше ничего не надо делать. Вообще в жизни. После этого уже ничего не надо делать. Ты только можешь смотреть и переживать. Ты можешь только последовать за ним и плакать три дня на Голгофе. И ждать. Вот что бы я сделал. Я бы просто последовал за ним и плакал!

Женщину впечатляют его слова, она смотрит на него снизу вверх. Он выключает душ. Вешает его на смеситель. Садится на край ванны рядом с ней. С ее волос капает вода.

18. Квартира. Кухня

Женщина с русыми волосами продолжает ждать вышедшего на улицу мужчину. Но теперь она не у подоконника, как мы видели ее в прошлый раз, а сидит боком к нам. Руки расположены на бедрах. Стол убран. На нем лишь бутылка вина и стаканы. Слабо дребезжит холодильник.

Посидев так некоторое время, женщина загибает руки за спину и через одежду расстегивает лифчик. Затем засовывает руку в ворот футболки и снимает лямку с одного плеча, затем с другого и, высвободившись, вытаскивает лифчик через ворот наружу. Складывает лифчик пополам и засовывает его в карман юбки.

Она достает из пачки сигарету, прикуривает и пускает дым несколькими порциями вверх. Жест, который можно позволить себе лишь в одиночестве.

Она придвигает к себе табуретку и кладет на нее ноги, задрав жаркую юбку до трусов.

19. Другая квартира. Ванная

Лысый парень сушит полотенцем голое тело сидящей в ванне темноволосой женщины. Вытирает ей спину, волосы. Затем женщина встает, парень уносит табуретку. Она нагая стоит и ждет. Парень возвращается и вытирает ей руки, живот, ноги.

Кисть правой руки женщины в гипсе. На гипс, чтобы защитить его от влаги, намотана пищевая пленка. Женщина держится за мужчину, закинув больную руку ему за спину. Когда он нагибается, чтобы вытереть ей бедра, она наваливается на его спину. Смеется. Не отпускает его. Он берет ее на спину и уносит из ванной.

20. Квартира. Комната

Слышно, как открывается входная дверь и мужчина входит в квартиру. Женщина ждет его уже в комнате. Он шуршит верхней одеждой, снимает обувь и надевает тапки. Проходит в комнату.

Женщина. Не замерз?

Мужчина. Нет. Я в пальто. Все нормально.

Он садится в кресло, улыбается женщине.

Женщина. Ты зачем сейчас выходил?

Мужчина. За деньгами.

Женщина (*шутя*). Много денег?

Мужчина. Очень. Деньги в долг. Не зарабатываю.

Пауза.

Они сидят молча несколько секунд, после чего она встает с дивана, наклоняется к нему и целует его в губы. Чтобы не упасть, опирается одной рукой о поручень кресла, другой рукой о спинку. Руки мужчины лежат на коленях. Она долго целует его, будто медленно ест мороженое.

Так как поцелуй долгий, не сразу бросается в глаза, что мужчина становится слегка прозрачным. Едва заметно.

Наконец она отпускает его и с грустной улыбкой садится обратно на диван.

Женщина. Ты начал исчезать. Почему ты так рано начал исчезать?

Улыбающееся лицо мужчины. Он ничего не отвечает. Встает, идет на кухню.

Слышно, как там открывается кран, вода заливается в сосуд, как его помещают на подставку, нажимают кнопку. Начинает слабо шуметь электрический чайник.

Мужчина. Чай? Кофе?

Женщина. Мне кофе.

Чашки из шкафчика и на стол. Выдвигается и задвигается ящик, слышен перезвук чайных ложек, сахарницы, переставленной с одного места на другое. Похоже, открывают/закрывают банку кофе. Еще какие-то разные звуки.

Женщина не дожидается возвращения мужчины. Встает и тоже идет на кухню. Чайник начинает кряхтеть. Мужчина и женщина молчат, оставив нас один на один с комнатой.

Слышно, как наконец закипает вода в чайнике и чайник перестает шуметь.

Женщина. Я думала над той сценой, которую ты мне рассказал, – про ванную с женщиной и ее рукой в гипсе. Про то, как он ее моет… Женщину свою, в смысле. Хорошая сцена сама по себе, но непонятно, для чего она. Почему она, кстати, в гипсе?

Мужчина. Они могли попасть в аварию. Она могла упасть.

Женщина. То есть мы ломаем ей руку, чтобы он помыл ее в душе?

Мужчина. Да. Пусть помоет ее.

Женщина. Я подумала, что не сильно ли мы подгоняем настроенческие вещи, делаем это ради эффектной сцены? Я знаю, ты сам не любишь подгоны. Но я пока не очень чувствую, откуда эта сцена и куда. Кажется, что сцена ради сцены… Что она несет? Для чего эта сцена? Я даже пыталась достроить ее мини-конфликтом, пустым конфликтом ни о чем, чтобы повлиять немного на развитие их отношений, но так и не уловила смысл этой сцены.

Мужчина. Может быть… Вполне может быть. (*Для большей достоверности делает бесстрастное лицо.*) Но мне нравится сама эта сцена.

Ни к чему сюжетно не привязанная идиллия. Мне нравится, когда кто-то кого-то моет. Я верю, когда близким целуют руки, когда целуют ноги. Мне нравится, когда перевязывают раны, когда моют тело. Все это прекрасно, на мой взгляд. Мне нравится это в жизни. И еще больше мне нравится это в кино… Хотя я не помню в кино, где такое было, чтобы кто-то кого-то мыл. То есть было, но я не помню где. Много где было, наверное. У Сидни Поллака было что-то такое.

Пауза.

Женщина. Ты не ответил.

Мужчина. Ушел от ответа?

Женщина. Технично.

Мужчина. Не знаю. Мне нравится, когда объект желания становится объектом заботы.

Женщина. Ты хочешь, чтобы в этой сцене возникло полное доверие без завитушек и без секса?

Мужчина. Да… откровение… Они оба это чувствуют и поддерживают, но не подают виду. Они будут вспоминать об этом моменте потом, спустя время, еще долго.

Женщина. Ты хочешь, чтобы это был момент, когда отгородились от своих страхов и пришли к абсолютной степени доверия… будто можно просто говорить и слушать и полностью верить. Снизить до минимума игру.

Пауза.

Мужчина. Мне нравится эта сцена. Она – голая в ванной на табуретке и в гипсе, а он – лысый, моет ей волосы.

Женщина. Лысый? Почему лысый?

Мужчина. Ты же сама предложила, что он постригся налысо.

Женщина. Да, но он не вечно лысый. Он постригся один раз, а к моменту их встречи у него уже отросли волосы.

Мужчина. А, ну да…

21. Магазин. День

Светловолосая женщина стоит у кассы. Кассир пробивает продукты.

Кассир. Пакетик?..

Женщина. Да. Будьте добры.

Женщина складывает продукты в пакет.

22. Улица. Вечер

Женщина идет в час пик по людному тротуару. На заднем плане ряд ларьков. Она отстранена от общего биоритма торгового пространства. Так как она никуда не спешит, можно сделать заключение, что она одинока.

23. Город. Ночь

Маленькие ночные улицы города пустынны. Вся бурлящая дневная жизнь затихла и распределена по домам, квартирам, комнатам. В окнах еще горит свет; понятно, что в иных квартирах все еще включен

телевизор, а в большинстве случаев уже постелены постели, укрыты дети, читаются книги.

24. Квартира. Ночь

Женщина допивает на кухне кофе, моет чашку и ставит ее в шкафчик. Проходит в комнату. Достает из гардероба чистое белье и начинает стелить постель. Делает это не торопясь. Затем раздевается до трусов, выключает свет и ложится в свою кровать.

25. Квартира. Комната. Вечер

Крупный план светловолосой женщины. Она смотрит на мужчину. Мужчина достает из кармана телефон, находит то, что искал, и протягивает телефон женщине.

Мужчина. Почитай вслух.

Женщина берет телефон и читает. Мужчина полупрозрачный, сидит в кресле и курит.

Женщина. «…там был такой склон к речке, через лес, а у речки была поляна. И мы часто собирались на этой поляне, разжигали костер, жарили картошку, пили пиво и пытались друг другу показать, что мы крутые, что мы опытные. Мы, естественно, добавляли в поведение манерность. Нам казалось, что манерность – это доказательство уверенности, а уверенность – доказательство опытности. И мы, конечно, пытались этот опыт демонстрировать. И я тоже вся была такая манерная. Тоже пыталась показать всякое… И однажды мы сидели так же у костра… а дачный поселок был большой, и часто появлялись ребята, которых я не знала, много было таких незнакомых, которые появлялись и исчезали потом надолго или даже навсегда. Иногда приходили мальчишки и девчонки из соседнего села. Они были прикольные, наряжались так по-своему. Добавляли понтов в свое поведение. Таких деревенских понтов. Я помню все это. Это было ооочень круто. Я все это помню очень хорошо…»

26. Другая квартира. Вечер

Темноволосая женщина, прислонившись спиной к плите, рассказывает лысому парню, используя жесты, мимику, движения тела.

Темноволосая женщина (*говорит в продолжение рассказа*). …И онажды мы сидели у речки, пили пиво… все сидели на бревнах друг напротив друга. Было много народу. И был там один парень, такой самый крутой как бы… почему-то никто из наших его не знал, но деревенские знали… и он сидел в самом центре, естественно, и был главным в этот момент. Все внимание было на нем. Рядом с ним сидели девчонки какие-то, такие местные красавицы, но он почему-то их не обнимал. А тогда все всех обнимали… А он их не обнимал и вообще не дотрагивался, а что-то рассказывал, рассказывал, шутил, подстёбывал своих и наших… ну так, чтобы было весело. И лицо у него было реально деревенское, помятое, что ли… А эти девчонки, которые

сидели рядом с ним, смеялись на каждом его слове. Такой спектакль с благодарными зрителями… И я вдруг решила, что если он такой крутой, то я должна перехватить его, что-то типа отнять у публики… мне захотелось выйти вперед и тоже оказаться в центре, мне захотелось сделать так, чтобы самое крутое стало моим, и я начала подстёбывать его и его шутки, я начала кривляться. Представляешь, я помню, как я кривлялась и лицом, и телом, и пальцами, и голосом. Боже, как это смешно... Он пытался в ответ грубо отшучиваться и ржал на своих словах, а я демонстративно показывала, что это тупые шутки. А потом я сделала вид, что мне больше неинтересно, и пошла, тоже, естественно, кривляясь… я кривлялась всем телом… и я пошла к речке и присела там у дерева. Я сидела у речки и внушала себе, что думаю о чем-то своем. Как будто мне было уже не так интересно, что происходит там у костра. И в какой-то мере это было действительно так, я ведь получила полное удовлетворение от своего крутого поведения. Ну и я сидела вся в своем, но все же слышала, что он уже не старался быть центром, почти замолчал, стали слышаться чужие голоса. Я сидела и не смотрела в ту сторону. Ну и через какое-то время я встала и пошла домой через лес. Шла не оглядываясь. И знала, что он догонит меня… Ну как бы не знала, а скорее хотела… но в то же время я не думала, что это невозможно, я чувствовала, что это возможно. А мне было пятнадцать лет. И в пятнадцать лет я попыталась так круто сыграть, и это сработало, и сейчас я понимаю, что всю жизнь я действовала именно так… и почти всегда это срабатывало, но потом, в зрелой жизни, мне уже не нравилось, когда после этого за мной шли, бежали, там всякие цветочки, лишнее внимание, всякие нежности… А я все равно пыталась повлиять на людей, на мужчин. А тогда мне было пятнадцать лет, и я впервые попробовала так повести себя, и он догнал меня, почти сразу, как я вошла в лес, мол, давай провожу тебя, и мы вместе прошли не больше ста метров, и там все и случилось. И случилось как-то так быстро, и он не понял, что это у меня в первый раз в жизни, и как-то так все само собой и как-то без особого волнения произошло. А потом, значит, когда он кончил, он натянул штаны, и я тоже натянула трусы, и он проводил меня до края леса, что-то пошутил пару раз, и я попрощалась с ним и пошла домой… и когда шла по поселку, заметила, что футболка у меня в сперме и она какая-та растянутая, футболка… почему-то она нереально растянулась, стала такая кривая, а это была моя выходная, любимая футболка, и я расстроилась, что она уже такая испорченная и вся замазанная спермой. Я была такая оттраханная, но почему-то очень гордая и расстроенная из-за этой футболки… и сперма на футболке была засохшей, почему-то она очень быстро засохла. (*Смеется.*) Я до сих пор не знаю, кто это был, как его звали. Я не видела его никогда ни до ни после. Может быть, он живет сейчас там, в какой-то деревне, и у него куча детей… огород, свиньи… жена какая-нибудь из тех местных девчонок, что сидели с нами у костра… (*Смеется.*) По-моему, я напилась…

27. Питер. Пустынная улица в районе Обводного канала. Осень. Ночь

Лысый парень сидит на парапете. Темноволосая женщина стоит перед ним и, включая пластику тела, продолжает рассказ.

Темноволосая женщина (*морщась и вытягивая вперед футболку*). …какие-то пятна спермы на футболке… я впервые видела и трогала сперму, и она была какая-то брррр… и грязные трусы, наполовину в крови, в которые попали иглы елки или сосны, и они кусали мне попу… я пыталась вытряхнуть их оттуда, но они никак не вытряхивались… и я шла домой, как к перевалочному пункту, где нужно переодеться, помыться, поесть, сменить лошадей, я не знаю, взять новые жизни, как в компьютерных играх… и по дороге я все время пыталась вытряхнуть иглы из трусов… И наконец я вошла в дом, впервые оттраханная, и дома никто не заметил этого. Мне казалось, что все должно быть и так ясно, что мама и бабушка сразу поймут, что со мной произошло. Поговорят со мной, объяснят, что нужно дальше делать, как с этим жить дальше. Но как-то никто ничего не заметил. Мама, которая всегда все замечала, ничего не заметила. Как-то странно. Потом утром я проснулась с ощущением, что иглы хвои все еще в трусах, хотя спала без трусов, и я нагнулась перед зеркалом и увидела, что вся задница у меня в царапинах.

Темноволосая женщина подходит к парню, берет стоящую рядом бутылку и пьет из горла.

Лысый парень. Отец однажды взял меня с собой в тайгу, и там я нашел мертвого беркута. Мне было восемь лет, я начал его трогать, брал его крылья и почему-то пытался их развести в стороны, но у меня не хватало рук и крылья не раскрывались в полный размах, и я помню, как разводил крылья в стороны, а голова дергалась то влево, то вправо, она не закоченела, шея… или шея сломалась при падении.

28. Театр. Сцена

На сцене две взрослые женщины в комнате за обеденным столом. По характеру декораций и костюмов это 50-е годы. Зал полон зрителей.

Женщина с папиросой. …я до сих пор не знаю, кто это был, как его звали. Я не видела его больше никогда. Может быть, он живет сейчас там, в какой-то деревне, и у него куча детей… огород, свиньи… жена какая-нибудь из тех местных девчонок, что сидели с нами у костра… А иногда думаю, что, может, похоронен где-нибудь под Курском, или в Белоруссии, или даже в Берлине. До войны никогда не думала о нем. А после войны стала как-то задумываться. Вспоминать стала эту сперму на рубашке и те иголки в заднице.

Женщина тушит папиросу и сразу берет следующую. Вторая женщина тоже тянется за папиросой. Зал замер.

29. Квартира. Комната. Вечер

Мужчина и женщина в комнате. Она на диване. Он в кресле. Он делает самокрутку.

Женщина. А когда может быть этот рассказ?

Мужчина. Мне кажется, в начале их отношений.

Женщина. Да, скорее всего.

Мужчина. Или в самом начале, когда они еще ничем не связаны, когда они переспали всего пару раз друг с другом и еще не так осторожны и могут эпатировать откровенностью. Или гораздо позже, в какой-то опасной для отношений ситуации. Когда она в отчаянии. Я точно не знаю, в какой момент при длительных отношениях может женщина захотеть рассказать своему мужчине об этом опыте, но знаю, что есть место такому рассказу.

Женщина. А что в этом рассказе тебе интересно? Зачем она мужчине рассказывает о своем первом сексуальном опыте?

Мужчина. Она хочет подвести черту в отношениях через манипуляции. Она больше не хочет таких отношений. И для этого ей нужно раскрыть что-то очень потаенное. Раскрыть все карты. И через это обвинить себя. Я думаю, что она пытается избавиться не от царапин на заднице, а от угнетающей ее мысли о первой успешной провокации, произошедшей еще до первого полового акта. Другими словами, она извиняется и соответственно признается в любви.

Женщина. О, это очень сложно.

Мужчина. Нет. Не сложно. Это должно произойти в правильный момент, когда кружится сильный холод. Когда еще чуть холоднее, уже финал.

Женщина. Это может быть финальной сценой?

Мужчина. Я думаю, да. После такой сцены если и может быть что-то еще, то уже не сюжетообразующее. А просто завершающее. Какая-то точка.

Женщина. Вопрос в том, какая точка.

Мужчина. Ну да, блин. Какая точка.

Женщина. Послушай. Этих точек всего две. Хэппи и анхэппи. Там больше вариантов нет.

Мужчина. В том-то и дело – какая точка…

Женщина. Я написала сцену… сцену, как они знакомятся. Хотела прислать, но она не такая еще… Могу рассказать. Все равно мы сейчас не придумаем финал.

Мужчина. Ну давай.

Женщина. Немного эта сцена похожа на то, как мы познакомились.

Мужчина. Таак…

Женщина. Не событийно, больше состоянием. Я помню это напряжение. Ну как бы… Все влюбленности с первого взгляда похожи друг на друга.

Мужчина. Ну да…

Женщина. Но это другая история.

30. Улица. Ночь

Лысый парень идет ночью по пустынной улице. Скорее, по переулку. Это такая улочка, как маленькие улицы на Васильевском острове

или в районе канала Грибоедова. Начало осени, когда еще тепло, но по ночам уже прохладно и можно надевать длинный плащ или даже пальто и засовывать руки в карманы. Узкая улочка длиной в пару кварталов. Он идет достаточно быстро и чувствует… или даже знает, что он один на этой улице, что вокруг нет никого. Будто весь город пуст. Он идет достаточно быстро и не замечает ступеньку перед автомобильной аркой, и его нога вдруг проваливается вниз, и он падает… Он падает так, что не успевает опомниться, он как бы проваливается. Будто подкосили. Не успевает подставить руку, ногу. Падает лицом вниз. Падает больно. Практически разбивает лицо. Остается лежать в этом положении. Понимая, что на улице нет никого и нет необходимости вскакивать и делать вид, что падение было не таким уж страшным, а боль в самом деле терпима, – он лежит не двигаясь… Ему не хочется вставать, ему просто хочется лежать так на асфальте, остаться так еще некоторое время. Из-под его лба течет кровь и затекает под подбородок и губы. Теплая кровь. Он никогда столько своей крови не видел, не чувствовал. Ему кажется, что она выливается из него. И он лежит и ждет. Как будто смирился… Бывает такое, когда будто смиряешься со смертью… Что-то типа такого. Лежит молодой красивый мужчина в пальто… весь в крови на асфальте.

Мы перемещаемся на балкон над ним… и видим, что на балконе стоит темноволосая девушка с сигаретой, шокированная произошедшим, и смотрит сверху на него. Тут не очень понятно, видела она, как он падает, или нет, или услышала. Она могла выйти уже после. Убрав сигарету подальше, она, озадаченная, смотрит вниз и ждет, когда он встанет. Но человек не встает. Она хочет окликнуть его, но не хочет создать неловкость, так как чувствует, что человек может лежать так, потому что думает, что он один. Она смотрит по сторонам, вся напряженная стоит и ждет, когда же он наконец встанет. А он делает какие-то ужасные, на ее взгляд, движения, например подносит руку к лицу и размазывает по лицу кровь или перекладывает голову из одного положения в другое, положив другую щеку в лужу крови. В конце концов она все-таки, не выдержав, окликает его: «Простите, вам плохо? Вам помочь?»

Услышав женский голос, он встает, поднимает голову… и, толком не разглядев ее красоту из-за мокрых от слез и крови глаз, говорит: «Нет, спасибо. Все в порядке…» И идет дальше, вытирая лицо рукавом или шарфом.

31. Квартира. Вечер

Мужчина. А что у нее за плечами? Я имею в виду – в квартире с балконом.

Женщина. Я думаю, это съемная квартира. Или квартира, оставшаяся от бабушки. Однокомнатная, скорее всего. Можно нарисовать картину одного дня из жизни. Я могу примерно представить.

32. Квартира в пустом переулке. Ночь

Женщина (*за кадром*). Вчера она пришла домой в четыре, выпившая. Проснулась в десять, выпила полный стакан воды, пописала и легла обратно. Встала в три. Выпила анальгин и почистила зубы. Затем снова залезла в кровать и попыталась выучить текст новой роли в театре, но текст не пошел. Затем сделала два очень длинных звонка своим подружкам. Говорила с ними об одном и том же. По сути, говорила одни и те же слова и предложения и слышала в ответ то же самое. Затем, окончательно проснувшись, съела сырок и выпила кофе. Зашла в душ. После душа, почувствовав бодрость духа, принялась за маникюр. Пока красила ногти, услышала много новостей по телевизору, в основном политического характера. Потом ей позвонили, пригласили на вечеринку. Но после вчерашнего ей уже не хотелось никуда, тем более что эта тусовка ей казалась беспонтовой. Затем она посмотрела фильм, что-то из 70-х. Снова открыла роль и выучила страницу. Решила выучить сегодня три страницы. Посмотрела на часы, на них было два двадцать ночи. Как быстро прошел день, подумала она… И вот, завернувшись в плед, или накинув пальто… я не знаю… или просто надев тонкий китайский халат на трусы с футболкой, она выходит на балкон покурить, достает своими пальцами со свеженакрашенными ногтями сигарету из пачки, затягивается… и тут прямо на ее глазах падает на землю молодой мужчина и ударяется головой об асфальт. То есть происходит событие. В ее совершенно повседневной жизни происходит абсолютно неожиданное событие, полностью поглотившее ее внимание. Она могла даже вскрикнуть от испуга, но он мог этого не услышать.

33. Квартира. Вечер

Мужчина. Интересно… Интересный образ.

Женщина. Обычный образ незамужней женщины в двадцать семь – тридцать. Такая полубогема. Просто женщина. По воле судьбы все ее романы и случайные встречи у нее происходили вне этой квартиры. Сюда она приводила всего двоих мужчин. С одним встречалась год. С другим пару раз, чтобы стереть след предыдущего мужчины с кровати. Потом, перед тем как привести этого человека в свой дом, она уберет старую бабушкину кровать и купит новую. Мне нравится женский образ, готовый стать активным участником какого-то не совсем форматного для ее жизни случайного происшествия. Спасение уличных собак или участие понятым в связи с мелким преступлением, покупка сигарет несовершеннолетним. Как думаешь, нужно выбрасывать кровать?

Мужчина. Мне кажется, на такой вопрос у женщин проще найдутся ответы.

Женщина. Интересно, что думают об этом мужчины.

Мужчина. Она же уже взрослая девушка. Понимает, что ложе – это сакральное место. Это почти как место молитвы. Там же фак происходит с любимым человеком. Основной ритуал любви. Но, с другой

стороны, кровать вещь дорогая. И сможет ли небогатая девушка пойти на такую жертву? Хотя жертвы, которые могут приносить женщины, иногда космические.

Женщина не отвечает. Возникает пауза на некоторое время. Мужчина закуривает сигарету.

34. Пустой переулок. Ночь

Темноволосая девушка с балкона видит, как мужчина, держась за голову, заворачивает за угол. Она уходит в квартиру, тушит сигарету и стоит пару секунд на кухне. Затем идет в коридор, открывает дверь и выходит из квартиры. Выбегает из дома в своем халате и бежит по улицам на фоне нескончаемых припаркованных машин в поисках того мужчины. Она уже не помнит ни о маникюре, ни о тексте, ни о вечеринках, ни о своем одиночестве. Она помнит его разбитое лицо, его пальто, небрежно задранное на его спине, его самого и свое основное предназначение женщины. Она догоняет его на каком-то перекрестке и со словами «простите, как вы?» останавливает его. Сует ему в руку полотенце, захваченное в ванной. «Пойдемте со мной, вы помоете лицо», – говорит она.

35. Квартира. Вечер

Мужчина курит.

36. Подъезд в пустом переулке. Ночь

Открывается дверь подъезда. Входит темноволосая женщина, за ней лысый парень. Его лицо, залитое кровью, прикрыто полотенцем.

37. Квартира в пустом переулке. Ванная. Ночь

Темноволосая женщина из душа наливает воду на голову лысому парню. Не решается дотронуться. К сливу течет красная вода. Парень все еще в плаще, ворот плаща мокрый.

38. Квартира

Мужчина. А что ты вспомнила тогда на кухне?

Женщина. Когда?

Мужчина. Когда мы пришли, ты рассмеялась. Я спросил, почему ты смеешься. Ты ответила, что что-то вспомнила и скажешь потом.

Женщина. Не помню.

Мужчина. Ты смотрела на меня и вдруг рассмеялась. Видно было, что ты вспомнила что-то или что-то представила. И это точно касалось меня. Я спросил тебя, что значит этот смех, но ты ушла от ответа. Сказала, что вспомнила что-то. Я не поверил, что это было воспоминание; казалось, что ты смотришь вперед, а не назад. Но ты сказала, что потом скажешь.

Женщина. Правда не помню. (*Пауза.*) Не помню… вообще. (*Видно, что перебирает разное в голове. Улыбается.*) Не помню.

Мужчина. Вспомнил твое лицо в этот момент.

Женщина пожимает плечами и улыбается, мол, увы, затем соединяет руки во всю длину и просовывает их между коленями. Смотрит почему-то в другую сторону от мужчины.

Мужчина. Не помнишь?

Женщина. Помню, конечно.

Спустя время поворачивается и, наклонив голову набок и слегка покачиваясь, смотрит ему в глаза.

Женщина. Ну почему ты так быстро исчезаешь?..

Ее глаза наполняются слезами. Зажав руки между ног и вся зажавшись, она раскачивается в такт какой-то внутренней боли.

Женщина. Мой дорогой!..

Мужчина улыбается, как ребенок. Видимо, желая разрядить ситуацию, женщина встает и идет на кухню.

Женщина. А куда ты траву положил?

Мужчина. На холодильник.

Женщина возвращается с пакетом в руках. Кладет на столик. Из ящика стола достает бумажки для скрутки.

Женщина (*как бы в шутку*). Ты же не дашь мне остаться одной?

Мужчина улыбается, немного сконфужен вопросом.

Мужчина (*искренне*). Постараюсь.

Женщина. Хорошо.

Женщина, пока мужчина занят скруткой, встает и начинает раздеваться. Она снимает юбку, затем трусы, бросает одежду на рядом стоящее кресло.

Женщина. А как ты предполагаешь, все у них закончится? Или могут быть вместе… навсегда?.. Если они будут осторожными…

Мужчина. Нет. Я думаю, нет… у них не получится.

Женщина. Ты серьезно?

Мужчина. Не знаю.

Женщина. Из-за чего?

Мужчина. Не знаю… может быть, слишком честные?

Пауза.

Женщина. …Почему у нас все так получилось?

Мужчина не отвечает.

Женщина в одной футболке садится на свое место. Мужчина передает ей косяк, она затягивается и возвращает мужчине. Он делает затяжку и вытряхивает пепел в пепельницу. Женщина снимает футболку и забирается под одеяло. Мужчина сидит некоторое время неподвижно в кресле, смотрит на нее, затем снимает свою частично прозрачную одежду и остается в частично прозрачном теле. Бросив одежду поверх нее, он снимает трусы, откидывает одеяло и залезает к женщине. Она встречает его объятием.

Оба лежат лицом друг к другу. Мы видим его спину, затылок, ее лицо с закрытыми глазами. За его полупрозрачной спиной слабо виден контур ее тела.

Женщина. Мы боимся приблизиться ближе друг к другу и разглядеть там что-то некрасивое. А такое там может всплыть со временем. Мы боимся обломать друг друга. Мы боимся, что, расслабившись, можем набрести на предательство. Мы боимся стать свидетелями смерти нашей любви и остаться совсем одинокими. Мы делаем вид, что наша любовь не столь значима для нас, как это есть на самом деле. Мы боимся, что потеря разобьет нам сердце навсегда. И я боюсь. Но я боюсь меньше, чем ты, хоть и люблю тебя не меньше, чем ты. Ты боишься ответственности, боишься, что исчезнешь…

Она открывает глаза и смотрит в его лицо, проводит рукой по его щеке, целует его. Он обнимает ее. Она растворяется в его полупрозрачном теле.

Камера очень медленно приближается к ним. Практически незаметно ее движение. Спустя время мы оказываемся близко к ним. Они под одеялом. Она обнимает его полупрозрачную голову, целует в губы.

Приблизившись к ним, камера начинает постепенно разворачиваться. В панораме неторопливо сменяют друг друга дверь в коридоре, дверь в ванную, проем в кухню, шкаф, стул, стол. Над столом висит картина – тоже комната, кровать, стул, тумба, в странной нарушенной перспективе, как у Эгона Шиле. Пустая квартира.

На картине камера замедляет панораму и останавливается. За кадром слышны звуки завершающегося любовного акта. Сдержанного, откровенного и в какой-то мере болезненного. После этого камера снова начинает двигаться вокруг своей оси. Теперь уже в тишине. Когда она приходит в исходное положение, мы видим их в кровати. Он уже почти полностью прозрачный. Встает с кровати, уходит на кухню. За ним встает она, одевается не торопясь.

Он сидит голый и прозрачный на кухне. Курит.

Она заходит в туалет. Плачет перед зеркалом.

Он на кухне двигает в пустоте сигаретой.

Она в ванной вытирает глаза, моет лицо. Приводит себя в порядок. Выходит из ванной, заходит в кухню. Садится на его место. Садится в него, еще не до конца исчезнувшего, сливается с ним. Забирает у него из невидимой руки сигарету. Докуривает. ◆

2016

Андрей Стадников

ПОБЕДИТЕЛИ

Сценарий

Андрей Стадников (1988, Новосибирск) – театральный и кинорежиссер, драматург. Выпускник ВГИКа (режиссерский факультет, документальное кино), Школы театрального лидера (ЦИМ). Автор пьес «Смерть Андрюши», «Офелия», «Солнце», «Теракты», с которыми многократно участвовал в фестивале молодой драматургии «Любимовка» и фестивале «Текстура». Обладатель премии имени Тома Стоппарда за яркий дебют на международном конкурсе драматургии «Свободный театр». Создавал спектакли и перформансы для Мастерской Дмитрия Брусникина, фонда V-A-C, Центра имени Мейерхольда, фестиваля «Территория» в Московском музее современного искусства. В 2019 году со спектаклем «Chow Down!» принимал участие в фестивале Steirischer Herbst в Граце (Австрия). В том же году вместе с командой спектакля «Родина» удостоился национальной театральной премии «Золотая маска» с формулировкой «За эксперимент, ставший открытием». В 2011 году его фильм «Громов» получил приз «Лучший короткометражный документальный фильм» на кинофестивале «Послание к человеку». Первый полнометражный фильм «Смерть Дантона» в 2020 году участвовал во внеконкурсной программе Международного фестиваля дебютного кино в Новой Голландии.

Мой дед явный антиамериканист. Однажды после разговора с ним я подумал, что самое страшное для него было бы, если бы Россия в одночасье лишилась всех врагов. О чем он тогда бы думал? Чем была бы наполнена его жизнь? Пытаясь ответить на этот вопрос, я представил себе мир, в котором Россия — везде. О чем бы говорили люди в этом мире? Что составляло бы их жизнь? В каком-то смысле это доведение чаяний современных российских политиков до абсурда, создание мировой российской империи, победоносная страна (отсюда название со скрытой иронией — «Победители»). Но такая большая империя не может существовать без притеснения инакомыслия. Я начал думать, какие формы инакомыслия могли бы быть в таком мире, где все внешние враги побеждены и остались только враги внутренние. И тут пришла мысль о языке. Что, если многие проблемы нашей страны связаны с тем, что мы находимся в плену определенного языка, обусловливающего наше мышление? Развивая мысль дальше: что, если инаковое мышление связано с наличием других языков в обществе? Это привело меня к выводу, что в этом мной придуманном мире должно быть строжайшее преследование по закону других языков, оставшихся от прошлых цивилизаций (учитывая, что Россия теперь весь мир). Но как бы жилось человеку в таком мире? Я представил себе каждодневную жизнь людей, доведенные до абсурда проблемы современной России (например, разросшаяся столица — пустующая провинция) и понял, что единственное мое реальное желание по отношению к этому миру — бежать. Но тут же осекся: достойно ли это? Может быть, внутри этого мира надо всячески с ним бороться, даже зная, что любые попытки в этой мировой империи обречены на провал? Вот из этого зазора между бегством и борьбой и родилась идея нескольких героев, которые в прошлом то ли оппозиционеры, то ли террористы и которые из этого мира бегут в какой-то другой.

Андрей Стадников

Уважать родителей легче, чем их любить. Любить родителей легче, чем их забыть. Забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе. Заставить родителей забыть о тебе легче, чем забыть обо всем в Поднебесной. Забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть.

Чжуан-цзы

Был жаркий ветреный день, на потные московские лица прилипала пыль, ветер закручивал мусор, вороны лавировали в потоках воздуха. Троица – мужчина под сорок и уже седой, девушка светлая под тридцать и темная, восточной внешности девочка лет двенадцати – шли с рюкзаками. Остановились. Он достал бутылку с вином, открутил крышку, огляделся, подал выпить девушке. Она сделала глоток. Передала ему. Девочка от усталости поставила на землю рюкзак. Мужчина открыл его, достал пару банок тушенки, переложил себе. К открытому рюкзаку подбежала собака. Черная. Принюхалась. Мужчина закрыл рюкзак, чтобы собака ничего не стащила. Пошли дальше. Девочка осталась стоять, указывая на собаку, виляющую хвостом.

Это было на Арбате. Художники продавали картины. Шли люди. Китайские туристы фотографировались. Одна китаянка на чистом русском спросила:

– А сколько лет этому городу?

Ей, также на русском, ответил китаец:

– Много.

Показалась полиция. Трое парней, оттирающих капли пота со лбов и шей.

Мужчина вернулся к девочке, помог ей нацепить рюкзак. Пошли в противоположную от полиции сторону. Собака увязалась следом.

Полицейские зашли поесть.

– За всю жизнь никак не привыкну к этой душегубке.

– Привыкнешь.

– Прикинь, теперь сразу после школы можно будет к нам идти.

– Да ладно? Мои предки все накопленное на пенсию на мое обучение извели.

– Лех? А ты чё молчишь?

– А чё говорить? Жрать охота.

Кассирша пробила три одинаковых обеда: первое, второе и морс. Когда пересчитывала деньги, губы ее слегка шевелились.

При ходьбе девочка поправляла челку, падающую на глаза.

Троица зашла в парикмахерскую. Сложили рюкзаки на стулья внутри. Их стригли мужчины-азиаты: девушке выбривали виски, девочке обстригали челку, мужчину оболванивали налысо. Собака сидела на пороге и принюхивалась к выходящим и входящим. Изредка лаяла. Не зло – скучая.

По телевизору, работающему в парикмахерской, президент сажал дерево. Улыбался.

– Сегодня утром в Самарканде президент открыл новую школу-экстернат для трудных подростков…

Мы попали в изображение по телевизору. На дальнем плане автомобиль. За рулем сидел водитель и спал, в лобовое стекло было видно, как президент пожал руку человеку в костюме. Водитель сидел откинувшись. Раздался храп.

Солнце висело над Москвой.

Они шли мимо церкви. Девушка зашла внутрь. Вероятно, был какой-то праздник, потому что было не протолкнуться. Присмотревшись, она поняла, что там, среди людей, стоит гроб. Быстро, словно играя, перекрестившись, она направилась туда. Ею почему-то овладело сильное желание взглянуть на лицо покойника. Пытаясь протиснуться, она случайно толкнула какую-то женщину, та обернулась, и она увидела молодое, опухшее от слез лицо. Посмотрев на это лицо несколько секунд, она развернулась и быстро вышла из церкви.

Парикмахер-азиат звонил из подсобки:

– Мама, я скоро стану отцом. Назовем Бахтияр. Как дедушку.

На улице чернокожий парень раздавал розовые листовки. У него зазвонил телефон. Парень на чистом русском:

– Да, алло. Не звони больше по этому номеру. Я кому сказал, дура тупая? …А как с тобой еще разговаривать?

Они зашли в магазин. Мужчина взял еще одну бутылку вина, а девочка осталась стоять на пороге. Рядом с собакой, которая теперь была молчалива.

Пришли на вокзал. Пока мужчина и девушка ставили рюкзаки на ленту, девочка прошмыгнула мимо них и мимо рамки металлоискателя. Собака лаяла на полицейских. Один из них сказал:

– Ну чё ты, глупая?

Девушка вступилась:

– Она умная.

Девочка заулыбалась и погладила собаку.

В поезде девушка и девочка зашли в туалет. Девочка сняла с себя шахидский пояс, его надела девушка. Вышли по одной: сначала девушка, предварительно осмотревшись, следом – девочка.

Мужчина с усилием открыл форточку в окне поезда. Воздух хлынул в вагон, сдув пустую пластиковую бутылку со стола. Мужчина закрыл дверь купе, чтобы не было сквозняка.

Девушка спросила у него:

– А почему мы раньше не свалили?

– Было чем заняться.

– А сейчас разве нечем?

– Нечем.

– А по-моему, есть чем.

– Например?

– Терроризмом.

– Детка, мы уже это обсуждали.

– И тем не менее напомни мне, почему мы передумали взрывать этого мудака?

– Какого из?

– Наше первое лицо, конечно же.

И через паузу снова она:

– Я не хочу ехать куда мы едем.

– Это надо сделать. Вот и всё.

– И все равно не хочу.

– Ты адрес вспомнила?

– К нему я точно не поеду.

– О боже…

– Я сказала.

Девочка играла с собакой. Собака радостно виляла хвостом.

Проводник ел курицу, громко чавкая. Напротив него сидела полная женщина с обесцвеченными волосами и угреватым, с рытвинами лицом. Она:

– Трое чебуреков тут сели. Я их в лица не различаю. Белье забыли купить, покупают. А я забыла, кому сдачу должна. Протягиваю одному, спрашиваю: «Твое?» «Мое», – говорит. А потом оказалось, что другому должна. А тот забрал и не отдает.

Лысый мужчина средних лет подошел к полицейским на вокзале. Из кармана достал фотографию, показал. На ней была знакомая нам девушка.

– Видели?

Полицейские пожали плечами.

Вокзальный полицейский сидел на кухне. Обнаженный торс и бутылка пива. На груди красовалась татуировка. Чей-то профиль. По телевизору шла программа «Здоровье». Мальчик картавил:

– 1 августа у мамы случилось кровоизлияние в мозг, у нее лопнула аневризма. Я переживал очень сильно. Потом вот ее привезли домой.

На кухню прибежал сын.

– Пап, а кто у тебя на груди?

– Это наш президент, сынок.

Девушка в поезде напевала тихонько, слушая песню в наушниках: «Сейчас я только еще схожу с ума и оттого сижу и разговариваю с вами, а когда разум окончательно покинет меня, я выйду в поле – я выйду в поле, я кликну клич – я кликну клич и объявлю войну всему миру. Веселой толпой, с музыкой и песнями, мы войдем в города и села, и где мы пройдем, там все будет красным, там все будет кружиться и плясать, как огонь. И те, кто не умер, присоединятся к нам, и наша храбрая армия будет расти, как лавина, и очистит весь этот мир, весь этот мир. Кто сказал, что нельзя убивать, жечь и грабить?.. Кто сказал, что нельзя убивать, жечь и грабить?.. Мы будем убивать, и грабить, и жечь… Мы будем убивать, и грабить, и жечь… Мы будем убивать, и грабить, и жечь… Мы будем убивать, и грабить, и жечь. Веселая, беспечная ватага храбрецов – мы разрушим все: их здания, их университеты и музеи; веселые ребята, полные огненного смеха; веселые ребята, полные огненного смеха. Отечеством нашим я объявлю сумасшедший дом, отечеством нашим я объявлю сумасшедший дом. У нас будет красная луна и красное солнце, и у зверей будет красная веселая шерсть, и мы сдерем кожу с тех, кто слишком бел, кто слишком бел…»

Мужчина зашел с тремя стаканами чая в подстаканниках. Девушка ему:

– Мне приснился Сталин.

– И что он делал?

– Приставал ко мне.

– А ты что?

– Отдалась ему.

В купе зашла девочка с собакой. Собака громко залаяла. Девушка ей:

– Сталин, тихо.

К ним подсел пожилой мужчина с седыми волосами из ушей. Он сразу лег спать и буквально через минуту захрапел. Девушка:

– Ну пипец, я так и знала.

Они стояли и звонили в дверь. Через какое-то время им открыли, и на пороге показался пожилой мужчина.

– Здравствуйте, здравствуйте.

– Привет, отец, – сказала девушка.

По телевизору шел бокс. Желтые шторы. Везде было прибрано. Ни пылинки.

Девушка:

– Та квартира мне больше нравилась.

Отец:

– Да, да. Есть будете? Это ваша дочь? (*Про девочку*.)

– Нет.

Они ели пельмени. Девушка уставилась в тарелку. Девочка рассматривала пельменину на ложке. Мужчина поморщился от боли, вытащил изо рта дробину.

Отец:

– Зайцев много в этом году. Полная морозилка. На 32-м километре двух русаков взял.

Девушка:

– Это удача.

Отец:

– Варенья наделал. Огороды все бросают и бросают. Ой-ой. Малины много было в этом году. На день уеду, привезу пару ведер с нескольких участков.

Девушка:

– Жизнь бьет ключом.

Мужчина:

– Мы уезжаем. Надолго.

Отец:

– А работу бросаете?

Девушка:

– Так мы не работаем.

Отец:

– Надо работать.

Мужчина:

– Мы уезжаем.

Отец:

– Хорошо. Счастливого пути. Как говорится, с богом.

Мужчина:

– Далеко.

Отец:

– Ясно. (*Указывая на пустую тарелку*.) Еще? Чай сейчас заварю. У меня чайник китайский, ситечка не надо. У китайцев глаза узкие, а мозг широкий, не то что русский балбес.

По телевизору один боксер нокаутировал другого.

По телевизору шла легкая атлетика. Тяжеловесная женщина метала диск, громко вскрикивая.

Лысый мужик приехал к Отцу.

– Давно ли вы видели свою дочь?

– Да заезжала несколько дней назад.

– Одна?

– Нет.

– Вы знаете, куда они поехали дальше?

– Нет, сказали – уезжают. А куда – я не спросил.

– Не спросили, куда уезжает ваша дочь?

– Да они часто куда-то мотаются. Откуда мне знать. Страна у нас большая.

– Это верно. Вы меня не обманываете?

– Да зачем мне? Телевизор себе новый купил, больше. А то хоккей смотрел, а они там, как муравьи, бегают. Сколько мне осталось? Три, пять? Хоть телевизор посмотрю…

Мужики сидели в общественной бане в комнате отдыха. Потные, в простынях. Оба толстые. Стены были покрашены в бледно-голубой.

– Ты чё, когда в столицу?

– Да я только с нее. Командировка кончилась.

– А я завтра…

– Не завидую. Я в прошлый раз два дня стоял на подъезде в пробке. Ссал в бутылку из-под кваса, блин.

– Да, разрослась.

– Резиновая не то слово.

Замолчали.

– А чё мы по такой жаре в баню ходим?

– А где еще разговаривать? После парилки кажется, что прохладней.

– Да, жара-то ведь не кончится… Мы навечно в пекле, ё-мое.

– Да уж.

– И когда это нас всех угораздило?

– А кто же упомнит, когда это началось?

– Затерялось…

– Тянет же тебя в бане на философию, блин.

– А ты не думал, *что* где-то там есть?

– Где?

– Ну там, где нет нашей страны, нет нашего президента.

– Ну ты перегрелся, Михалыч, где же такое место? Россия – она же везде.

– Нет, ну я иногда думаю. Вот бы ну… где-то бы что-то было нерусское.

– Ну когда-то было, но уже нету. Было, да и хрен с ним.

– Жалко…

– Ты все в столице увидишь. Все, что есть на белом свете, тебе там покажут! Тебе чего еще видеть-то?

– Ну что-то другое…

– Ты точно перегрелся…

Снова замолчали.

– У меня тут жена раритетную книжку отрыла. «Война и мир» называется.

– Ну слышал.

– А там начало на каком-то нерусском.

– Иди ты?!

– Я запаниковал, вдруг это запрещенка, забрал у нее от греха подальше.

– Правильно, нефиг.

Муж зашел в квартиру, открыв дверь своим ключом. Жена сидела на кухне бледная. Он резко поставил сумку с принесенными банками. Банки стукнулись об пол.

– Ты чё, мать?

– Давление упало. В наклонку поработала, пол мыла. Уже и чаю крепкого попила. Упало, и всё.

– Может, в аптеку сходить?

– Да нет, отпустит. Ты всё принес?

– Всё по списку. Огурцов одна банка помутнела.

– Новый рецепт, непроверенный.

– Ничего, съедим.

– Есть будешь? Наложи себе. Я пока, видишь, не могу.

Муж разулся, прошел на кухню, открыл кастрюлю с супом, взял тарелку, положил себе, сел рядом с женой. Начал громко хлебать.

– Не чавкай только, ты же знаешь, я этот звук не переношу.

– Ну а как мне?

– Уж постарайся.

Начал есть тише. Она добавила звук в телевизоре. Новость по ТВ: «В России появились в продаже упаковки с девятью яйцами. Они поступили на прилавки день назад и уже вызвали недоумение россиян…»

– Отец, как думаешь, а пенсионный возраст еще отодвинут?

– Куда уж дальше-то…

– Пойдем бастовать тогда, никуда не денешься.

– Повяжут, мать…

– А куда деваться? Не думала я, что в свои пятьдесят три окажусь выброшена за борт, без работы, без ничего…

– Россия…

– Ладно, вроде отпустило, пойду пол домою.

– Иди полежи, я сам. Щас поем только.

– Спасибо.

Она встала из-за стола и пошла в другую комнату. Муж взял пульт и выключил телевизор. Отправил последнюю ложку супа в рот, отломил кусок хлеба и вытер им тарелку, собирая остатки.

Молодые люди сидели на кухне, выпивали.

– Ну, Витя, с днем рождения!

Все подняли бокалы. Витя был полный парень в затемненных очках. Рядом с ним сидела его девушка.

– Эх, так и не научились вино делать.

– Уже не научатся.

Витя:

– А у нас тут на службе случай был. Навещал я одного паренька на зоне, он год назад девушку снасильничал в деревне.

– А чё навещал-то?

– Ну люблю иногда к бывшим зайти…

– Извращенец.

– Так не в этом дело. Снасильничал-то он по пьяни девственницу, плева не порвалась, экспертиза показала, а она в итоге беременная и родила вот недавно.

– Как так?

Девушка, очевидно врач, с чувством специалиста ответила:

– Такое может быть.

Парень на другом конце стола:

– Да как такое может быть, фантазеры вы?

Девушка:

– Вот может.

Парень не унимался:

– Объясни как?!

– Тебе научный подход нужен?

Витя:

– Извините, я в одно место.

– Намутил воду и линяет, именинник! Ты когда уже в ФСБ пойдешь работать?

– Не дождетесь. Мне мои деревенские бандиты по душе.

– Подожди меня, друг.

Витю в коридоре остановил товарищ.

– Не при всех чтоб, а то мало ли. Ты просил что-то особенное, на, как просил.

Протянул Вите флешку.

Витя обомлел:

– Это оно?

– Оно, оно.

– Как достал?

– Долго рассказывать. Никому, хорошо?

– Само собой. Ну спасибо, друг.

– Не вопрос, друг. Для тебя все что угодно.

Они обнялись.

Приехав домой, Витя заперся у себя в комнате, достал флешку, вставил в ноутбук, надел наушники, открыл содержимое, оглянулся, проверил, один ли он, включил один-единственный файл, находящийся

в папке. В наушниках заиграла песня группы Wu-Tang Clan. Витя замер. На втором куплете он начал плакать. Затем слезы перешли в рыдания.

Парни сидели в старой «газели» перед включенной аппаратурой. Один что-то слушал, сидя в наушниках, другой хрустел чипсами из открытого пакета. Первый снял наушники, откинувшись на стуле. Второй, отправляя чипсину в рот:

– Ну как там наш интеллигент?

– Да ничего интересного, домой только зашел, ужинает. Писатель, блин.

– Месяц уже тут торчим, на что надеемся?

– Ну вдруг сорвется.

– Да он бы уже давно сорвался, если б у него чё было. Нету, ноль.

– Не скажи, чую – зацепим.

– Чутье это твое.

– У меня в роду колдунья была. С белыми глазами.

– Альбинос?

– Типа того.

– А колдовала как?

– Да говорила всякое там… Деревенская ведьма, ходили к ней…

Второй доел чипсы.

– Дай мне послушать.

– Пожалуйста, а я пока кроссворд поразгадываю.

Первый достал газету с исписанными кроссвордами. Второй прислушивался, усиленно морща лоб. Вдруг побледнел, резко снял наушники.

– Костян! Послушай: оно или мне кажется?

Первый надел наушники, прижал к ушам.

– Не сопи так, не слышно.

– Да молчу я, молчу.

– Кажись, оно, Лех.

– Да ладно?

– Точно слышу, нерусская речь! Берем, красавца!

– Пошли.

Парни проверили оружие и вышли из машины, направившись к ближайшему дому.

Мама обняла взрослого сына, прижалась к его щеке.

– Вырос. Бородач.

– Забыл побриться перед отъездом.

– Как доехал?

– Всё в порядке.

– Как там жива наша столица?

– Как всегда. Солнце палит.

– Солнце, солнце… солнце ты мое. Я очень скучала.

Мама всхлипнула.

– Ну не плачь.

– Как ты уехал год назад, сердце прям сжалось.

– Ну хватит…

– Худющий.

– Это тебе кажется.

– Всё, теперь все лето тебя от себя не отпущу.

– А с одноклассниками дашь увидеться?

– Ну конечно, конечно. Шучу я.

– Есть что поесть?

– Садись, сынок, конечно.

Сын сел за стол. Мама открыла холодильник, достала сметану, взяла тарелку, со сковороды наложила сырников, поставила перед сыном.

– Горячие.

– Спасибо, мам.

– Как там наш президент поживает?

– Да откуда я знаю. А тебя-то почему это интересует?

– Ну как же, он же там, где-то рядом с тобой.

– Да черт бы с ним!

– Чего это ты? Президент, он же наше всё.

– Кому всё, а кому – ничего.

– Как это ничего?

– А вот так. Ничего.

– Что там с тобой сделали, в нашей столице…

– Мам, ну не плачь опять. И вообще надо уже скинуть его.

– Ты что? Тихо об этом, тихо! Вдруг кто услышит, донесет.

– Вот и ты туда же. В страхе мы живем. А надо без страха. Без страха надо жить, мама! Пусть все слышат, пусть!

И сын громко стукнул по столу – так, что тарелка перед ним подпрыгнула.

Длинная очередь на улице, не видно конца. Мужик подошел к последнему, спросил:

– За чем стоят?

– За ботинками. Наши, заокеанские.

Рука хлестко дала пощечину.

– Андрей, не надо! – кричала женщина. – Андрей, пожалуйста!

Но пощечина прилетела еще раз.

– Ты как могла?

– На работе подсунули.

– Нас всех, всех втроем, включая твоего сына, повязать могли! Чем ты думала?!

– Андрюш, прости меня!

Андрей тряс ее за плечи.

– Я из тебя всю душу выбью!

– Не надо, пожалуйста!

Он остановился.

– Чем ты думала?

– Успокойся, я не виновата!

– А кто виноват? Я у тебя это нашел или нет?

– У меня.

– Ну и кто получается виноват?

– Мне на работе дали.

– Да какая разница! Ты понимаешь, что могло произойти, если б это нашли?!

– Понимаю. Прости меня.

Андрей начал успокаиваться.

– Никогда больше так не делай. Никогда подобную макулатуру в дом не заноси. И на работе не читай! Донесут. Как мне потом тебя вызволять?

– Не буду, Андрюш. Не буду. Прости меня.

– Что за книга-то хоть была?

– Рассказы какие-то…

– Сразу же видно, что запрещенка. От руки написано, потом скопировано. И чем ты думала, я так и не могу понять.

– Я сама не знаю…

Она утерла кулаком слезы и громко всхлипнула.

Женщина сидела у изголовья кровати в свете падающих из окна лучей.

– Папа, ну хватит, ну чего ты разошелся?!

– Закрыли! Такой завод – и закрыли.

– Ну а что ты хотел?

– Я хотел, чтобы он был.

Пожилой отец лежал на подушках и плакал.

– Такая продукция была.

– Когда была-то?

– В свое время была, мы все трудились.

– Ну правильно, с кем нам теперь воевать?

– Когда я был молод, тоже было не с кем, и ничего – работали, на оборонку.

– Ну производили-то на всякий случай.

– Ну и что, ну и что, что на всякий случай? Зато какой завод был! Всё, оставь меня.

– Не оставлю, пока не выпьешь лекарство.

– Не хочу я его пить. Надоело.

– Ну папа, опять?!

– Всё, я сказал.

– Я не отстану.

– Ну что ты за дочь? Может, я умереть хочу.

– А я тебе не дам, вот такая я дочь.

– Садист.

– Сам такой.
– Умру и перестану тебя мучить.
– Рановато собрался.
– А зачем жить?
– Чтоб радоваться.
– Чему радоваться?
– Да хотя бы солнцу в окошке.
– Надоело до кишок уже это солнце!
– А представь, как раньше люди ему радовались.
– Раньше! Раньше все было другое. А теперь – скука. Везде.
– Ты откуда знаешь? Ты же почти не выходишь.
– А я чувствую.

Немолодой мужчина слегка потертого вида зашел в магазин, купил вина. Вышел, пошел через дорогу, у подъезда огляделся по сторонам. Поднялся в квартиру. Его встретила женщина средних лет.
– Опаздываешь.
– А что уже все?
– Все.
– Вот это да, первый раз без опозданий. Держи.
Протянул бутылку.
– Спасибо. Хвоста не было?
– Нет, от самого своего дома следил.
Зашел в комнату, там сидело много людей.
– А вот и Боря, можем начинать.
– Сорян, ребят. За винишком заходил.
– Извиняем, извиняем.
– Что у нас на повестке?
– Читаем. Новьё.
– Откуда?
– Прислали листки посылкой, банки с вареньем обернули.
– Хитро.
– Совершенствуем методы.
– Саныч, давай начинай читать.
– Может, разольем сначала?
– И то верно. Люда!
Люда принесла на подносе бокалы с вином, раздала присутствующим. Бокал не принял только чтец, высокий мужчина в очках, сидящий посреди комнаты. Он всматривался в скомканные листы перед ним. Наконец произнес:
– Солнце ярко освещало тюремный двор…

Двое парней нюхали кокаин.
– Сань, отлично забирает.
– Не то слово, Гриш.

У них случился приход, и они увидели ослепительно яркое беспощадное солнце, чей свет проникал всюду, заходил в окна домов, становился свидетелем жизни людей.

– В этом доме жила моя первая любовь.

– А сейчас где живет?

– Умерла в мае.

Женщина рассказывает, что ее вверх ногами несли, когда она была маленькой.

– Как вы это помните?

– Я не помню, это отец мой все придумал. Сказал, для разнообразия жизни.

– Вчера на этом столе не было трещины, гладкий был стол.

– Да, а сегодня вот появилась.

– Сколько вам полных лет?

– Двадцать шесть. Моя мама родила меня в двадцать шесть. А ее в двадцать шесть – моя бабушка.

Лысый мужик шел по вагонам. В окна косо светило солнце, то появляясь, то исчезая за деревьями. В тамбуре он наткнулся на девочку с собакой. Перед девочкой стоял щекастый парень и тыкал перочинным ножиком ей в лицо.

– Ты в кого такая смуглая?

– Чё пристаешь? – вступился мужик.

– Да я ничё, просто интересуюсь.

– Интересуйся чем-нибудь другим.

Девочка посмотрела с благодарностью, пошла с собакой в вагон, мужик за ней. Издалека он увидел мужчину и девушку и остановился. Развернулся и пошел в туалет. В туалете посмотрел в зеркало, достал спрятанный пистолет, проверил, перезарядил. Вышел из туалета, посмотрев по сторонам. Вернулся на расстояние так, чтобы можно было наблюдать за троицей. Неожиданно собака бросилась в его сторону и, став напротив, громко залаяла на него. Он уставился ей в глаза. Собака не переставала. Девушка крикнула:

– Сталин, ну чего ты?!

Собака продолжала. Лысый мужик посмотрел на мужчину, девушку и девочку, развернулся и ушел восвояси.

Лысый мужик вышел на следующей станции. Направился в ближайший привокзальный отель. Снял номер с видом на унылый российский городок. Позвонил по мобильному.

– Алло, мама. Ты как? Да я ничего, нормально, работаю. Что-то грустно стало, вот тебе и позвонил. Как отцу, не лучше? Ясно. Послушай, я не знаю, когда вернусь. Тут задание… сложное. Не знаю,

правда. И прости, что тебя расстраиваю. Знаю, что расстраиваю, да… Но жизнь такая.

Поговорив по телефону, он пошел гулять. На городской площади у фонтана сидела молодежь, общалась.

– А, пля, ё-мое, да ну нахрен я буду туда поступать…

– Ну а чё, пля, тут так проеживаться и останешься?

Лысый вдруг остановил их.

– Вот скажите, вам нравится жить тут?

– Где?

– В этом городе, в нашей стране.

– Ну, мужик, ты даешь. Спросил бы еще на планете – верней было бы.

– Ну хорошо, на планете.

– Так кто ж ее выбирал? Не на Марс же нам лететь…

Он бесцельно бродил по городу, сел на скамейке в небольшом сквере, невдалеке ходили голуби, он достал пистолет, прицелился, подержал голубя на прицеле, но не выстрелил. Приложил дуло к виску.

– Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять.

Троица все так же ехала в поезде. Девушка достала телефон, прочитала смс, изменилась в лице и вдруг выбежала из купе, побежала по вагону. Мужчина бросился за ней. Догнал в тамбуре. Он говорил громко, перекрикивая стук колес.

– Что случилось?

Она молчала.

– Что?

– Зачем мы уезжаем? Зачем?! Мы валим, как мелкие трусы! Как самые последние скоты!

– Что случилось, скажи?

– Куцого взяли. Мы должны вернуться.

– Куда вернуться, ты что?

– Назад! Мы должны их спасти.

– Пойми, ты им ничем не поможешь! Ничем! Все кончено.

Она заплакала.

– Когда он уже гребанется, этот русский мир!

Он ее обнял. Она прошептала:

– Иди в задницу со своей заботой.

Они втроем и собака сошли с поезда на одинокой станции в голой степи.

– Ты знаешь, как найти это место?

– Мне рассказывали.

– Тогда пошли.

Они молча побрели вдаль.

Мужчина:

– Давай его взорвем, он нам точно больше не понадобится.

Она сняла с себя пояс шахида. Мужчина взял его, отнес подальше. Через секунду раздался взрыв.

Девушка:

– Жаль, хорошая была вещь.

Когда солнце наконец село и жара, преследующая путников все время, спа́ла, они, издалека увидев свет от костра, пришли в лагерь. И были в том лагере люди, коверкавшие разные языки. Говорили ломано, вспоминая, вытаскивая слова из памяти. Наречия уже потерялись во времени, остались слова, но люди пытались понимать друг друга.

Мужчина сказал:

– Мы наконец добрались.

Она ответила:

– Да.

Люди были вежливые. Накормили путников и дали теплые одеяла. Девушка осматривалась по сторонам и видела все приветливые, радостные лица. Сказала ему осторожно, на ухо, стесняясь своей искренности:

– Тут хорошо, спасибо.

Собаке же было неспокойно. Она металась и скулила.

Троица заснула под открытым небом. Ярко светила луна.

Девочка встала и пошла, лунатя, на край поселения. Там ей встретилась заброшенная церковь. Она не глядя зашла внутрь. В церкви расположились старики и старухи. Человек десять. Они поймали девочку. Та проснулась. И громко, неожиданно громко крикнула:

– Мамочка, папочка, помогите!

Но никто не отозвался.

Лысый мужик застрелился в отеле.

Старики убили девочку и съели.

Сталин выл на луну. ◆

2019

Пулат Ахматов

ПОЛОВОДЬЕ

Сценарий

Пулат Ахматов (1948) – таджикский и российский сценарист, режиссер, редактор. Окончил сценарно-киноведческий факультет ВГИКа (1971). После службы в армии и активной работы в кинодокументалистике на к/с «Таджикфильм» окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров (1984, мастерская Глеба Панфилова).
На «Таджикфильме» с 1966 года;
в 1988–1990 – художественный руководитель творческого объединения «Неигровое кино». Снимал также на «Казахтелефильме», в Афганистане и Иране. Режиссер игровой картины «Пришелец» (1989).
Принимал участие в трех конкурсах «ИК» «Личное дело»: сценарий «Джуги» был в числе победителей 2011 года; «Енот» – на втором месте в 2013-м; «Половодье» отмечено жюри конкурса-2018.

В черновиках первые четыре буквы названия были прописными: «ПОЛОводье». Наивно думалось, что при этом читателю станет понятнее задумка автора рассказать о сложных отношениях в истории любви героев, когда в битве характеров порой штормит так сильно, а ее градус поднимается так высоко, что можно сравнить ее и с землетрясением, и с цунами, но также и с простым, ожидаемо привычным, но всякий раз непредсказуемым половодьем...

Пулат Ахматов

Пряхины. Отец и сын. Он – высокий, мосластый, с большими руками и ногами, худой и плечистый. Сын обещает стать таким же со временем, а пока это подросток лет двенадцати, белесый, с лохмами на голове, быстроглазый.

Идут по улице. Улица обычная, в колдобинах, провинциальная. По бокам приземистые дома, палисадники, окна прячутся за ставнями.

Идут. Навстречу женщина. Торопится, почти бежит, груди, как два арбуза, живут в цветастом платье. Промчалась мимо. Отец остановился, а прикуривая, встал так, чтобы видеть бедра уходящей. И сын обернулся. Отец заметил это, влепил сыну затрещину. Опять идут.

– Ты после школы домой, жди. Еда в холодильнике, – говорит Пряхин.

У здания школы разминулись – сын поплелся к дверям, отец продолжил путь.

Пряхин взлетает по лестнице на второй этаж Дома быта, чуть не сшибает строителя на козлах, так же

быстро идет в глубь коридора, открывает дверь с табличкой «Ремонт обуви». Входит, открывает форточку, протягивает руку за фартуком. Звонит мобильник.

– Да. Что-что? А сегодня какое? Ё-пэрэ… Бегу!

Его уже ждут у поселковой поликлиники. Доктор Федосов стоит у санитарной машины, укоризненно качает головой, показывает кулак с часами на руке. Пряхин видит, ускоряет шаг, потом и вовсе переходит на бег.

– Are you ready? – спросила Флора Ринатовна и повернулась к доске. – Хотя нет, – встала лицом к классу, – расслабьтесь, урока не будет. Мы вот что сделаем… роли распределим. Вначале… Хотя нет, не так. Демократично поступим. Кто кого хочет играть? Ксюша Макарова, ты кого хочешь?

– Меня! – крикнули из дальних рядов.

– Так. Пряхин, иди ко мне.

– Нет.

– Нет? – удивленно округлила глаза учительница. – Еще одно слово, и я оставляю тебя на осень. Спроси у Малыгина, каково это! Сюда ходить все лето, через день, и экзамен сдавать комиссии, но уже без меня. Что молчишь?

– А вы где будете?

– Пряхин! Любопытный ты мой! Где надо, там и буду. Директор школы будет принимать.

– Он же по истории!

– Ничего, разберется! Сядь. Класс, я еще раз всем говорю: от того, как выступите, многое зависит – прежде всего ваши годовые оценки. Есть вариант их исправить. Хотя бы это понятно?

– Понятно, – ответил класс.

– Пряхин, сядь здесь, я должна тебя видеть. Теперь о ролях. Сейчас я раздам их сама, по своему усмотрению. Обойдемся без демократии. Тише, класс! Так… Бабка – Макарова. Тише я сказала! Внучка – Женя Селезнева, Англичанин – Боря Коротков, Немец – Равиль Мустафин, Француз – Леша Корнеев, Итальянец – Витя Мельник. Остальные в массовке.

– Ура! – закричала «массовка».

– Класс, какую роль я не назвала?

– Репку, Жучку, Дедку! – ответили в классе.

– Пряхин, почему не спрашиваешь, кто в роли Жучки? Чего молчишь, говорливый ты наш? Успокойся, не твоя эта роль.

– Точно нет? – спросил Данила.

– Такой нет.

– А почему нет?

– Ее вообще нет. Ты у нас Дедкой будешь. Сможешь со своими талантами хоть одно слово на английском сказать?

– Фак, – тихо сказал Пряхин.

Класс услышал, загоготал.

Учительница сделала вид, что не расслышала, всмотрелась в лица, помолчала, будто гадая, поймут или не поймут то, что она собирается им сказать.

– Пряхин, подойди ко мне.

Данила встал рядом. Учительница обошла его, взяла за плечи.

– Видите его рубашку? Пряхин, вынь ее из брюк. Видите нижнюю пуговицу? Если вы ее застегнете неправильно, то и остальные пуговицы пойдут вразнобой, криво, – она ущипнула ткань на плече Пряхина, потянула верх. – Теперь представьте, что эта самая пуговица – это ваш поступок. Значит, что? Кто скажет? Класс, тише! А это значит, что ваш поступок, если он нехороший, потянет за собой и другие неблаговидные поступки. Все будет криво и некрасиво, как сейчас у Пряхина!

В классе снова загоготали. Учительница оставила гогот без внимания, лишь заговорила громче.

– Так и в жизни: все ошибки – следствие первой. То есть все зависит от начала. А ваше начало здесь, в школе. Я понятно говорю? Заправься, Пряхин, и подумай. И все подумайте.

Звонок. Когда все вышли, стало заметно, как в косых потоках света из окон играет пыль, а само помещение со своими наполовину закрашенными синей краской стенами выглядит мрачно и уныло.

Пряхин одевается за ширмой в кабинете областной больницы, кивает словам невидимого врача.

– Через десять рабочих дней, если сможете, позвоните, номер там и что делать – тоже там. Возможно небольшое кровотечение, не пугайтесь… Как себя чувствуете?

– Нормально.

– Посидите немного в коридоре, сразу не уходите… Ну понятно, да? Результат будет через десять дней, не раньше. По телефону результатов не сообщаем, на почту не высылаем. Все лично, в руки. Придется подождать и ехать к нам снова. Ну, кажется, всё. До свидания.

– А быстрее никак? – спрашивает Пряхин.

– К сожалению, нет. Я пошлю анализы сегодня, стекла тоже, словом, всё про вас. Долго, да, но зато ответ уже будет точным. Придется подождать, но зато…

Врач говорит все положенное в этом случае, Пряхин уходит.

Водитель сосредоточен: взгляд на приборы, в зеркало заднего вида, опять вперед, на дорогу. Ни встречных машин, ни попутных. Пассажиры, Пряхин и Федосов, на заднем сиденье; молчат, смотрят каждый в свое окно. За окном пейзажи этих широт. Тоже широкие, просторные.

Санитарный УАЗ, в просторечии «буханка», остановился у здания поселковой поликлиники. Водитель первым спрыгнул на землю, согнул-разогнул ноги в коленях и поспешил к входным дверям. Федосов осмотрел землю и, убедившись, что снизу сухо, без подвохов, вслед за Пряхиным тоже вылез из машины.

– Ну вот такие дела. Теперь осталось только ждать… Он что сказал конкретно?

– Звонить через десять дней, не раньше. Потом ехать… – ответил Пряхин.

– Ну да, пока то да сё… Но зато уже наверняка. Поедешь сам? Я-то уже, скорее всего, не смогу. Сегодня, считай, повезло, что им, – врач кивнул в сторону клиники, – назначили быть на складе именно сегодня, а у меня прием с обеда. Ты, кстати, извини, что я не смог пойти с тобой. Пока выписали, пока получили… Очередь со всей области. Слушай, ты что такой прокисший? Я так долго не молчал ни разу, всю дорогу молчал. Не боись ты так, еще ничего не понятно с твоей болячкой... Медицина сейчас ого-го какая! Вылечим! Понял меня?

Пряхин в ответ кивал головой, потом также кивком поприветствовал пришедшего с водителем санитара в синем халате, протянул руку Федосову, а тот, пожимая ее в ответ, вдруг предложил:

– А знаешь что? Идем, я тебя сам еще раз посмотрю… Дай карту.

Санитар и водитель понесли коробки, за ними в поликлинику пошли и Пряхин с врачом. И тоже каждый нес по коробке.

Не отрывая глаз от бумаг, Федосов говорит Пряхину:

– …надо сделать гистологию, сделали сегодня, только потом все станет ясно… хотя картина, судя по УЗИ… да и этот анализ… а где предыдущий маркер? – смотрит, недоумевает. – Нету… Ведь был утром… Нет, есть. Ого! Нда-а! Что стоишь, ложись.

Пряхин задирает рубаху, ложится на спину. Врач датчиком прибора водит по животу, смотрит на экран.

– Вот такое кино, странное. Не пойму… А… общее состояние? Как себя чувствуешь?

– Нормально, – отвечает Пряхин. – Таблетки пью.

– Пей, раз помогает… На баб тянет? Все нормально с этим? – доктор что-то подсчитал на калькуляторе, сверил результат с цифрами на выскочившей из аппарата бумажке, покачал головой и, глядя в сторону, мимо Пряхина, завершил прием: – Короче, будем ждать десять дней… посмотрим, что они скажут… Мне и самому интересно узнать, что это за срезами мягких тканей увидеть можно. А почему именно десять? Там очередь была? Мне бы их аппаратуру. А почему заключения эмэртэ нет? Тебе делали? Даже не предлагали? Почему? Зачем десять? Почему? Я не пугаю, но тянуть не стоит. И не кисни ты так! Не будь слабаком…

– Куда тянуть? – потемнел лицом Пряхин. – Ты о чем? Или что? Саня! Не юли! – Пряхин упер локоть в стол, раскрыл пятерню, приглашая Федосова к борьбе на руках, сердито бросил: – Ну!

– А-а… давай! – Федосов закатал рукав халата и азартно принял вызов.

– Ну? Теперь скажешь! – через мгновение потребовал Пряхин, не отпуская прижатую к столу руку Федосова.

Побежденный долго не отвечал, будто искал ответ в своих знаниях и опыте, очевидно, не нашел.

– Не знаю. Честно, – доктор Федосов ответил, глядя куда-то в сторону.

Пряхин на улице. Сумерки. Малолюдно и тихо. Накрапывает. На земле банка. Консервная. Прошел мимо, потом вернулся и пнул ее. Огляделся, пошел дальше. Его догнал полицейский УАЗ. Из приоткрытой двери Пряхина позвали:

– Домой? Падай!

В машине суровое молчание, лишь бортовая рация иногда выдает что-то непонятное.

– Если дожди не прекратятся, вода выйдет из берегов, – говорит водитель.

У пятиэтажки УАЗ притормозил. Довезли.

– Твои на даче? – спросили Пряхина.

Батурин, низкорослый, с капитанскими звездочками на узких плечах, встал рядом с Пряхиным и отчего-то вздохнул:

– Я спросил, кажется.

– Сын дома. Один, – Пряхин поднял голову к окнам.

– А-а… Слышь, Вить, погоди, разговор есть.

Батурин достал из салона бутылку воды, открутил крышку.

– Говори, но я в завязке… – Пряхин застенчиво улыбнулся.

– Да я не о том… хотя близко. Тут кореш твой подвел сильно, себя и нас. Выручить не хочешь?

Губы у капитана неожиданно сделались тонкими, а взгляд жестким.

– Кто? Паша? Что учудил? Прибил кого-нибудь?

– Иди сам посмотри.

Капитан подвел Пряхина к машине и распахнул заднюю дверь.

– Фу-у! – отшатнулся Пряхин.

– Вот тебе и фу… уже два часа катаю его, жду, когда придет в себя.

– Отвез бы сразу домой.

– Чтобы Розка из него отбивную сделала… с омлетом?! – хохотнул капитан.

– Где он так? С кем?

– А хрен его знает с кем. Мы его на пристани приняли.

– А тебя он чем подвел? В нерабочее время человек бухнул, не рассчитал силы…

– Я одного гаврика сегодня закрыл. Еще утром. Нутром чую, не простой он. А Паша должен был его изнутри дожать. Мне любая зацепка нужна… Чую, не простой он, раз в молчанку играет.

– Может, немой.

– Ага, вначале права качал, а потом немым сделался? Я его пока на двое суток закрыл, до выяснения, а этот дебил, твой друг Паша, должен был… ну сам понимаешь. Урод! Так поможешь?

– Чего? Чем?

– Витя, кончай придуриваться. Ты ведь любого развести можешь, ты тот еще следак! Я ведь помню, как ты самого Вову Тузика раскатал!

– Витек! Это ты? – голос из машины. – Курить дай! А то эти козлы…

– Закрой рот! – взревел капитан и захлопнул дверь, но тут же распахнул ее снова. – Проветрить надо. Ну короче, – капитан кивнул в сторону машины, – на него тоже можно дело завести, он не просто так бухал, а с мордобоем в итоге. По-всякому может повернуться, сам понимаешь. Нанесение телесных и тэ дэ и тэ пэ.

– От меня что надо? Честно, не пойму.

– Опять прикидываешься? Короче, зайдешь в камеру на часик-другой, два от силы, и выйдешь… Может, что-нибудь и узнаешь… Вить, ты меня знаешь, я правда чую! По пустякам ведь не зверствую без причины.

– Я уже год, слава богу, как на гражданке… Короче, посторонний я. Да и знают меня тут все, и не по закону получается.

– Он не наш, не местный. Проездом. Но зачем он тут? Что-то здесь ему надо!

– Больше некого послать?

– Кого? Ты же всех наших знаешь! Только ты, да и Паша смог бы, если бы не нажрался в зюзю. Скотина! Вытурить придется его. По-плохому, – капитан согнал улыбку с лица и уже серьезно, но так же тихо закончил: – И вообще-то, Витя, зря ты из полиции ушел. Я так считаю. Ну что? Возьмешь его к себе? Два сапога пара! Он ведь кум твой? У кого он в крестных? У старшего, у мелкого?

– Паша завтра будет в норме, сам… Я правда устал сегодня.

– А старший прапорщик Павел Сибикин завтра станет свободным на всю оставшуюся жизнь, а у меня всего сорок восемь часов, уже меньше. Так что? – капитан напрягся и снова сделал тонкие губы. – Решай сам.

– А с ним как будет? С Пашей? – устало спросил Пряхин. – Или турнешь?

– Порешаем! – капитан достал из машины новую бутылку воды, раскурил сигарету и вместе с водой протянул внутрь машины. – Держи, куряка долбаный!

Данила видит в окно, как внизу отец машет ему рукой, потом садится в УАЗ и уезжает. Мальчик отходит от окна, скрывается в коридоре, потом, вновь появившись в комнате, идет к компьютеру.

– Сука. Проститутка. Убью! – Пряхин ходил по камере. – Не! Сам прикинь, мужик с работы приходит, так ты его накорми сначала, а потом разговаривай! А эта с порога свое гнилое бу-бу-бу, бу-бу-бу, сука. Я дал ей в лоб! А там соседка, такая же падла… еще хуже! Выбежала и ментам звонить! Сама вот такая, карлица-переросток. Две морды приехали, я на них! Хорошо хоть без рук. Так послал куда подальше! Ну дали бы мне звиздюлей на месте, так в отдел притащили, козлы! Ну как с ней жить дальше? Убью! Выйду отсюда и убью! А тебя за что приняли? – Пряхин видел только спину лежащего на деревянной скамье мужика и не мог понять, слушает тот его или нет. Поэтому сел на такую же скамью напротив и замолчал. Надолго. – Сколько сейчас времени? Не имеют ведь права меня тут держать? Я ведь, блин, даже пожрать не успел. А у меня язва, бля...

Спина не шевелилась.

– А здесь не топят… – Пряхин поднялся и сделал несколько махов руками, а потом и пританцовывая пропел: «Ара вай вай, вай вай…» Вот, кровь побежала. Слышь, брат, а тут в сортир выпускают? Как их вызывать? – Пряхин подошел к двери. – Ау!

– Постучи, – сказала спина.

Пряхин ударил ногой по железу. Вначале что-то мелькнуло в глазке, потом заскрежетало и дверь приоткрылась.

– Что?

– По нужде надо.

Пряхина вывели из камеры. В коридоре двое – конвойный и капитан Батурин с вопросом: «Ну?»

– Молчит.

– Твою мать! Давай еще… Хоть что-нибудь узнай. Запомни каждую деталь!

Капитан повел Пряхина по коридору, развернулся с ним вместе, привел назад к камере. Подозвал к себе конвоира, что-то шепнул и ему, выждал паузу и скомандовал громко: «В камеру!»

Конвоир мощно ударил дубинкой по двери и так же мощно впихнул Пряхина в камеру. Выставив руки, тот сумел смягчить удар о стену под зарешеченным окном, но пинок был сильным, это понималось по гримасе боли на лице. Пряхин опустился на корточки, задышал шумно, забирая воздух ртом.

– Больно, блин.

– Сходил? – мужик смотрел на него и улыбался.

– Это… – Пряхин перебрался на свою скамью, – я щас выйду отсюда. Точно. Свою видел сейчас в коридоре, заяву писать не будет, крикнула мне, а эти и затолкали, чтобы не узнал чего лишнего. А ты не слышал? Она орала на весь коридор, что мужа гнобят беспредельно! Дура! Ха-ха. Так что вот так! Хрен им навстречу! Домой как миленького отпустят! За это не садят. И потом, я ведь не кулаком, а ладонью, вот так. Мозги на место и встали. Ха-ха! Визжит теперь! – Пряхин замолчал, поймал взгляд мужика. – Курить хочу! У тебя есть? Нет. А ты давно

здесь? И ничего не передали из дома? Хавку, курево… Ёп-п-па! Как так можно? Или твои-то не знают, что ты здесь? Во попал! Ну какие же они все-таки козлины! Все! Если что, я могу сказать… если твои не в курсах. Так ведь нельзя! А если на них написать? Прокурору? Мы ведь полюбому тоже люди… или как? О! Слышишь? Шумят, кажись, за мной. Точно за мной. Так что? Не надо? Ну бывай, удачи братан.

Темный подъезд. Света лампочки явно не хватает. Пряхин открыл дверь в квартиру, вошел. В коридоре свет из боковой комнаты. Заглянул. Данила за компьютером. Увидев отца, оторвался от монитора.

– Па… я только сел.

– Спать! – коротко выдавил Пряхин и пошел по темному коридору к себе.

Помещение Дома быта старое, с высоким потолком в клетку из гнутой фанеры, с гудящим светильником в центре. У шлифовальной машины тоже есть лампа, на кронштейне, с гибким проводом. Откидной прилавок в шаге от двери, слева открытый стеллаж с обувью. Обувь подошвами вверх – видны клочки наклеенной бумаги. Полки на всю стену, до окна. Под окном, на широком выщербленном подоконнике, пара кружек, блюдце с окурками, пакет с едой, два простеньких мобильника на зарядке, часть газетного текста с фотографией, впечатанного в древесину, круглый след еще от чего-то горячего.

Под прилавком небольшой столик-верстак, на нем гвозди, лоскуты кожи, набойки, пара щеток. С двух сторон от столика низкие табуреты. На правом сидит Данила.

Пряхин заглушил станок, сел, поправил складки на фартуке, поднял с пола мужской ботинок, вздохнул, качнул головой.

– Ты принимал?

– Что? – Данила оторвался от работы.

– Это, – Пряхин положил ботинок на фартук. – Может, скинемся, купим ему новые?

– Наш брак?

– Да не… наши заплаты держатся, – сказал Пряхин, пытаясь шилом проколоть толстый каблук, протянуть нить; отложил, потом снова взял в руки. – Ты не бери у него больше. Скажи, я запретил.

Данила привстал со своего табурета, склонился над башмаком. Рассматривают. Пряхин закрутил головой, втянул в себя воздух, нагнулся к голове сына.

– Курил?

Данила молчит, опустил голову еще ниже, не видит, что Пряхин собирается положить свою руку на его макушку, вдавить лбом в стол. Не видит, но через миг чувствует, что так все и происходит. Зажмуривается, ждет, что последует дальше. Пряхин подкидывает

в руке ботинок, смотрит на заросший затылок сына и швыряет башмак на пол.

В дверях появляется тетка в синем халате.

– Что-то упало?

– С чего ты взяла? – сердится Пряхин.

– Мне послышалось…

– Тетя Оля, я молоток уронил.

Уборщица смотрит на лицо мальчика, не уходит.

– Тебе нехорошо? Откройте окно.

– Ты с утра сегодня? Почему? А где Валька? – спрашивает Пряхин.

– Валентина больше не работает.

– Чего так? Место лучше нашла? Там не гадят?

– В декрет ушла.

– Это когда же она успела? Сколько ей?

– Про женщин спрашивать нельзя такое.

– Так я не про тебя спрашиваю, про нее.

– Все равно нельзя. Она тоже женщина.

– Не может быть! – усмехается Пряхин. – Сама-то не собираешься? Ты вроде так, ничего еще… женщина.

Уборщица пытливо смотрит на Данилу. Мальчик встает, идет к полкам, перебирает обувь.

– Ёппп-а-а, ёппа-а-а… – кряхтит Пряхин. (*Не поддается каблук шилу.*) – Бли-и-и-н…

– Тьфу! – уходит уборщица.

– От-так! – Пряхину удается проткнуть каблук, это доставляет ему краткую радость. С этим настроением и поворачивается к Даниле. – Ты чего такой?

– Какой? – Данила, вернувшись на табурет, продолжает работу. – Устал в школе.

– Ты что делаешь? – пропало вдруг настроение, вновь меняется тон у Пряхина. – Куда столько мажешь?

– Понял…

– Чего ты понял? Устал он! Домой пойдешь, пакет не забудь. Там подгузники.

– Подгузники? Сила!

– Когда тебя мать носила! Покажи, что сделал. Хорошо. Вот эту штуку надо обрезать.

– А-а-а! Чтобы прилегало?

– Аккуратнее… я сказал!

– Так?

– Так… потихонечку… аккуратненько…

– А рубец там подгибать надо?

– Рубец? Ножик не надо так держать… Дай сюда, смотри. Подошва должна быть ровной, вот так вот, под углом когда ставишь, он режет очень легко… понял? Когда ты держишь ровно, он стоит, тормозит. Понял?

– Ага.

– Чем острее угол ты сделаешь, тем легче он будет резать.

– Ага. Всё!

– Что всё? Покажи. …Да, нормально…

– Круто! Профилактику просто приклеить и обстучать?

– Подожди с профилактикой, клей не готов еще. Держи вторую.

– Папа, пап… Откуда докуда разрезать? До конца?

– Как там.

Пряхин подходит к окну, смотрит вниз, из пакета достает бутылку пива, сворачивает крышку. Кадык дергается от больших глотков, опустошается бутылка, и Пряхин смотрит теперь не вниз, на улицу, а вдаль, где в пыльном стекле эта самая улица исчезает за поворотом, а потом, обойдя овраг, вновь появляется.

– Тебе сегодня опять в школу?

– После второй смены. Репетиция, – отвечает Данила.

Пряхин вздыхает и возвращается на свой подрезанный в ножках табурет, допивает пиво. Взгляд падает на башмак в руках сына.

– Я тебе что сказал? – взрывается Пряхин. – Тут отпорол, с этой стороны так же, досюдова! А ты распорол мне весь ботинок! Ты что начудил? Я ведь показывал, как надо!

– Забыл…

– Какого фига? Сидит тут потихоньку! Забыл он! Моментом ты забываешь! Пять секунд – и уже всё!

– Я увлекся.

– Чего? Что сказал? Увлекся? Ты почаще так отвлекайся, а я буду за тебя переделывать, а ты будешь деньги зарабатывать! Тормоз!

– За эту работу не плати, – едва слышно говорит Данила, – оставь себе…

– Что? Повтори! Твою мать! Чего боишься, то и происходит. Надо было спросить. Тебе по уху никто бы не дал. Нет? Все расфурычил до самой пятки, а потом спросил! Взял туфлю – всё! Ни о чем другом не думай!

Данила сидит, не поднимая головы, в руках держит распоротый башмак. Оба молчат. Лишь в раскрытую дверь доносятся какие-то звуки из коридора.

– Что молчишь? – уже миролюбиво спрашивает Пряхин. – Ты нашим не звонил? Как там дед? – тянет руку за спину, не глядя снимает с полки башмак, всматривается. – Бедный Вася! Футболист драный! – Вновь становится сердитым, буравит взглядом затылок сына. – Знаешь что? Ты не молчи. Сопли не распускай тут! Вали отсюда, хватит мне тебя на сегодня! – Достает из кармана деньги. – На! Отработаешь завтра!

– Не надо за сегодня, – бурчит сын.

– Чего? Что сказал? Опять? А ну повтори! Бери, я сказал! – Пряхин хватает сына за рукав, притягивает к себе, зло шепчет, лицо в лицо: – Еще раз курево учую, убью!

Данила вздыхает, чешет затылок, берет деньги. В дверях останавливается.

– Пап, а ты что, стрелял в людей?

Пряхин будто задыхается от чего-то, теряет дар речи, сидит без движения, наливается яростью, потом швыряет ботинок в сына. Не попадает, вскакивает.

– Ты чего? – кричит Данила, на всякий случай втягивает голову в плечи, но, заметив, что отец уже близко, бежит, теряется в коридоре.

Пряхин стоит в дверном проеме, провожает сына взглядом, поднимает с пола ботинок, ругается беззвучно. Потом снимает фартук, идет к окну. Постояв, возвращается к прилавку, откидывает его и выходит в коридор. Коридор длинный, полутемный, гулкий. В дальнем конце его стоят строительные козлы, на них силуэт человека. Там звук дрели, голоса. Пряхин идет в другую сторону, к лестнице. У открытой двери в швейную мастерскую стоят две женщины – одна, швея Зинаида, спиной к нему; вторая, Ольга, уборщица, со шваброй в руках. Ольга видит Пряхина, предупредительно трогает за рукав швею. Та не думает останавливаться, продолжает:

– …ушел из-за этой стриптизерши Инки Ивановны. Ну и пусть! Она как селедка, у нее нет живота. Она вот так не может! – Зинаида будто пропускает через себя ток, трясется отдельно животом, потом ляжками, наконец замечает Пряхина. – Что ржешь? А-а-а? Низкий таз радует глаз? Знаю! Иди куда шел!

Пряхин разворачивается, идет к себе. За спиной продолжается рассказ.

– …он ва-а-ще урод! Он меня даже до трамвая не провожал ни разу! Напивался и, как чайка раскайфованная, на унитазе засыпал! А про такси я вообще молчу! В рваных колготках и на трамвае?! Это кто сейчас был? Пряхин был? Пряхин! Виктор! Витя-я-я! Ты куда пошел? Иди сюда, тебе говорят! Мне валенки подбить надо! Ха-ха!

Пряхин входит в мастерскую, доходит до середины комнаты, потом сворачивает к шлифовальной машине. Машина гудит, Пряхин не слышит и не видит, что в мастерской он уже не один. Это Зинаида уже дожидается, когда Пряхин выключит станок, повернется к ней. Дождалась. Повернулся. Зинаида улыбается, грозит пальчиком и уходит. Пряхин закрывает за ней дверь. Из карманов вываливает на стол деньги, пересчитывает. Достает лист бумаги, вписывает цифры, слева что-то пишет, потом обводит взглядом мастерскую, вздыхает, вновь что-то записывает. На стенном календаре жирно обводит число – семерку. Встает, выходит, закрывает на ключ дверь. Идет по коридору.

– Пряхи-ин! Витька-а-а! – кричит Зинаида из глубины мастерской по ремонту одежды.

Он выходит из Дома быта, идет, ставя ноги широко, чуть загребая правой. Высокий, сутулый. Шагая, оказывается на площадке у местного кинотеатра. Справа павильон «Пиво-воды», слева вечная скучная

тетка с мороженым, а чуть в глубине, под акациями, узкий длинный стол с клеенкой. На нем банки с медом, мясо и прочие местные лакомства, от семечек до копченых угрей.

– Молодой человек, ну куда ты мимо?

Торговка мясом окликает его. Он останавливается, опускает взгляд вниз, на прилавок.

– Будешь брать? На первое? На второе? – улыбается торговка.

Пряхин кивает два раза. Когда она поворачивает в его сторону безмен с висящим на крюке куском мяса, он говорит:

– Хватит.

– Есть колбаска домашняя! Попробуй, – торговка отрезает кусочек, протягивает на кончике ножа.

Пряхин жует, кивает.

– Пойдет.

– Взвесить? Возьми, уступлю… Дать?

– Все равно то, что надо, не дашь, – тихо, с ухмылкой говорит Пряхин, как будто не ей, глядя в сторону.

– Дам, – без замешательства отвечает торговка и улыбается по-новому. – Взвесить?

– Потом, – говорит Пряхин и входит в павильон.

Там покупает бутылку пива и, выйдя на улицу, останавливается за углом, где уже стоят другие мужики, суровые и молчаливо-сосредоточенные. Выпивает, отдает пустую бутылку старухе, одетой тепло, не для лета, и идет дальше. Пройдя немного, возвращается к торговке.

– Что? – спрашивает она.

Пряхин молчит.

– А это я куда дену? – кивая на прилавок, говорит торговка.

Пряхин наклоняется над прилавком, будто рассматривая товар вблизи, спрашивает:

– Во сколько закончишь?

– Ну, пару часиков еще постою.

Он согласно кивает, уходит. Сворачивает возле бани в узкий тенистый проулок, проходит его, шагает дальше через залитый солнцем школьный стадион, потом вдоль здания школы.

Школьный класс. Столы сдвинуты в конец комнаты. Ученики стоят кругом, в центре круга стул.

– Это репка. Данила, выходи и удивляйся размеру.

В классе смех. Данила подходит к стулу, молча разводит руки в стороны, смотрит на учительницу. Та молчит, ждет продолжения. Потом не выдерживает: «Говори текст».

Она уже рядом с Данилой, одну руку отводит в сторону, в другой у нее стопка бумаг. Говорит, стараясь попасть в старческие интонации:

– Oh, what is that miracle? And is it our garden? Ксения, тут ты выходишь. Повторяй за мной…

– Я выучила свою роль, – отвечает Ксения Макарова.

– Ты? Да я не сомневалась. А вот Пряхин…

– Да пожалуйста! – говорит Данила.

– Покажи. Какой кусочек у тебя готов?

Данила находит глазами Макарову, упирает руки в бока и, тряся головой, выдает:

– А скажи, старая! Это ты внучку в… Ксюха, пойдем в кино?

Учительница прячет глаза в бумаги, словно там напечатан услышанный текст.

– Хочу пойтить. Или слабо? – отвечает Макарова.

Учительница смотрит на них, пожимает плечами.

– Будем надеяться. Так, иностранцы! А у вас как дела? Кто готов? Где итальянцы, французы и прочее НАТО?

Класс выталкивает на середину ученика Лешу Корнеева. Он рыжий, краснощекий.

– Разве ты Итальянец? – спрашивает учительница удивленно. – Вы что, поменялись ролями? Мельник! Не прячься, я тебя вижу, please.

К стулу подходит Витя Мельник, обходит его по кругу, тоже разводит руки в сторону, ищет глазами Макарову.

– Бабка здесь, – показывает на себя учительница. – Говори дальше.

– Бонджорно, синьора, – говорит Мельник.

Пряхин и торговка мясом идут по темному коридору Дома быта. Входят в мастерскую. Силуэты на фоне окна, шорох одежды, что-то падает, нечаянный запуск шлифовальной машины, смех, подавленный вскрик…

Ночью Пряхин входит в подъезд, поднимается на свой этаж. Открывает дверь, входит. Все быстро, тихо. Свет из комнаты сыновей. Данила у компьютера.

– Хорош сидеть, – говорит Пряхин, – завтра не работаем, поедем к нашим. Спи!

Он входит на кухню, звякает крышкой чайника, потом пьет воду из крана. Курит у форточки. За окном ночь.

Едут в автобусе. На остановке выходят. За спиной остается указатель с названием деревни, впереди, через бугор, их дом – на высоком фундаменте, сложенный из темного бруса. С верандой. Окна со ставнями. Справа магазин. У магазина мужики с пивом.

Пряхина окликают: Наталья, жена Пряхина, спускается по ступеням, помогает сойти и младшему сыну Пряхина, Никите. Пряхин поднимает Никиту на руки, и семья идет к дому. У калитки их ожидает старушка, она сгибается, разводит руки в сторону, и младший Пряхин бежит к ней. Неожиданно старушка разворачивается и скрывается за калиткой. Пряхин догоняет и подхватывает сына, подкидывает вверх, не давая тому заплакать от огорчения. Ловит, вновь подкидывает. Малыш заливается в смехе. Данила обходит их, поднимается в дом.

В его комнате на кровати сидит та самая старушка. Видит Данилу, напрягается, втягивает пальцы в рукава кофты, молчит, смотрит прямо перед собой, будто, кроме нее самой, в комнате никого больше нет.

– Ты что убежала? – спрашивает Данила.

Старушка вздрагивает.

– Не подходи ко мне! Я опасна для твоего здоровья.

– Баб Сим, ты что?

Данила снимает рюкзак с плеч, развязывает тесемки.

– Ты меня моим именем пока не называй… лучше другим, я скажу каким… или сам придумай какое хочешь… только не из наших и не мамино. Попробуем обмануть, – тоном заговорщицы говорит старушка.

– Кого?

Старушка не отвечает, к чему-то прислушивается.

– Не зажигай пока свет. Нас нету.

Она берет в руки будильник и прикладывает к груди, будто заряжая сердце от батарейки.

– А это зачем? – интересуется Данила.

– Так надо. Помолчи пока.

Данила лезет в рюкзак, выкладывает на полку привезенные комиксы. Старушка берет в руки журнал.

– А это какие книги? Что-то я таких писателей раньше не знала… – говорит и переводит взгляд на стену, на литографию с древнегреческим сюжетом. – Молодец. И рисуешь хорошо.

– Это не я, баб. Это из компьютера, – объясняет Данила.

– Да? А ты чего чихаешь? У тебя горло болит? Ничего не надо? Ноги не холодные? Вчера с озера так противно дуло. Очень злой был вчера ветер. Надень носки. Ты привез носки? Это другое дело. Не надо притягивать к себе болезнь!

Достает из кармана душегрейки конфету, разворачивает и водит ею по губам.

– Бабуля, это не губнушка, – говорит Данила.

Старушка согласно кивает, достает из того же кармана тюбик помады и красит губы в густой красный цвет. Тычет пальцем в литографию.

– Интересно, а из этих красавцев кто-нибудь живой остался? А ведь они делали историю. А теперь, – она пальцем и губами делает знак «тише», долго смотрит на закрытую дверь, потом точно так же на окно; даже головой поводит, будто провожает кого-то, видимого только ей. – Всё! Даст бог, утром сходим на озеро.

– Проводила? – улыбается Данила.

– Не проводила, а выпроводила. Выпроводила – это пинком под зад! Чувствуешь разницу?

Наталья говорит Пряхину:

– Ты утром поедешь? Не останешься? На пару дней хотя бы? Там дед в бане бардак затеял, говорит угар выходит. Ты мясо у кого брал?

Взвешивает на руке шмат мяса.

– У дагестанца.

– А твоей крали не было, что ли?

– Была. У нее только свинина. Или надо было свинину взять?

– Ты смотри! Соглашается, что его краля! Не спорит!

Пряхин морщится, проводит ребром ладони по горлу и свешивает голову, будто отрезанную. Наливается злостью, но потом решает стать миролюбивым.

– Достала! – натужно смеется он. – Придется ее убить, чтобы ты успокоилась. А у кого тогда мясо брать? Тебе что не нравится?

А сам краем глаза хитро смотрит и тянется лицом к ней через стол.

– Врешь ты все! Это не нравится! – Наталья голову все же отводит, не подается навстречу. – Свинина еще осталась… с того раза. Я фарш смешанным сделаю. Так баню посмотришь?

Они на кухне. Кухня внизу, под лестницей, ведущей в жилые комнаты. Лестница деревянная, скрипучая.

– Посмотрю. А что с матерью?

– А что с ней не так?

– От Никитки сбежала. И деда не видно.

– Тебя ждет. Звонил тебе раз сто. Посмотри пропущенные.

– Что он хотел? Угореть со мной на пару?

– Балда. А мать простыла, заразить мелкого не хочет. Тебе Данилка ничего не говорил?

– Еще что? – настораживается Пряхин.

– В город просит отпустить на день.

– Ну и на… фига… зачем?

– То-то и оно, что зачем. На свидание, с девочкой. Не смейся.

– Ну на! О бля, дожили! С кем?

– С Петей собирались. Ты его видел, внук тети Аллы Моисеевны. Хороший мальчик. Из Питера. Воспитанный. Уже лауреат по скрипке…

– Свидание с кем?! – не выдерживая, грубо перебивает Пряхин.

– Тише… тише, не рычи. С Ксюшей Макаровой, из их класса.

– А почему у питерского уже каникулы? А у нашего…

– Он в музыкальной, там все не так. Ну так что?

– Что-что? Вернусь из города, посмотрим.

– Все у тебя посмотрим да посмотрим! Зачем едешь?

– Работать нечем. На склад еду.

– Одним днем ведь управишься?

– Ты чего допрос устроила? – продолжает сердиться Пряхин.

– Про Данилку. Они ведь сговорились уже. В парке погулять, покататься, может, в кино сходят. Отпустим?

– Ты и деньги уже дала?

– Не дала. Ты дашь.

– Я дам, мало не покажется, – вздыхает Пряхин. – У тебя самой остались деньги? Я возьму. Если что, у матери займи. На день, на три-четыре максимум. Хочу закупить побольше, пока они цены не подняли.

– Возьми.

– Возьму, – соглашается Пряхин, притягивает жену к себе.

Наталья руками упирается ему в грудь.

– Я просто хочу, чтобы ты тоже дома был. Мальчики с тобой бы переночевали у нас, всё лучше, чем ночью в автобусе возвращаться. Не уезжал бы ты… пока, – тщательно подбирает она слова, стараясь говорить мягко, уважительно. – А потом, Вить, знаешь что? Это первое свидание в его жизни! Ведь это на всю жизнь запомнится! Я даже завидую ему, – смущенно смеется. – Это же так классно! Понимаешь?

Наталья внезапно обмякла, опустила руки, и Пряхину удается прижать ее к себе, а потом и обхватить руками снизу, поднять, потрясти.

– Больно! Отпусти, идиот!

Пряхин отпускает, трогает ее за грудь.

– А ты прибавила! – потискав, проворчал. – Теперь понимаю. Все решила, за всех, сама. Чего меня тогда спрашиваешь? Я седьмого думаю ехать, утренним или электричкой. Как получится.

– А назад когда?

– Ночным.

– Так, значит, отпускаем Данилу?

– Посмотрим, ну вы это… два сапога кеды, – хмыкает Пряхин.

– Я не поняла, он что, с тобой на работу поедет? Не останется? Выходные ведь.

– Да-а? А на кино с гульками заработать не надо? Работа есть, надо доделать. Завтра вечером поедем, высплюсь раз в жизни.

– Где постелить? – спрашивает Наталья, улыбнувшись стыдливо.

Пряхин глазами показывает: наверху.

– Нет, туда больше не хочу. Комары сожрут. А может, в бане? Или ляжем тут. Вон на диване.

– На проходе? А что тебе комары? Ты снизу, – говорит Пряхин и загораживает путь к холодильнику, опять прижимает ее к себе, находит грудь. – Я тут не смогу.

– Убери руки! – говорит Наталья. – Так я позову его? Сына-а!

Данила стоит рядом, за дверью, все слышит, и огорчаясь, и радуясь, а в конце их разговора отскакивает от двери, бежит, стараясь не касаться ступеней, по лестнице вверх и, выждав, отзывается громко:

– Что, мам?

– Ты где? Иди сюда, – кричит мать.

Данила с грохотом мчится по ступеням вниз, останавливается посредине, переводит дух.

– Что, мам?

– Скажи, ты все еще хочешь отпроситься в город? Мы с папой об этом говорим.

– Я не знаю. Если тут не надо помогать, то можно съездить. А папа не возражает?

– Сам спроси у папы.

– Не… там работа у нас осталась, нужно помочь, – начинает Данила, нервничая и краснея. – Пап, я ту пару не закончил, с профилактикой.

Клей кончился. Мы с Петькой здесь хотели сварить, чтобы у нас там не воняло. У деда смола есть…

– Смолу оставь для лодки.

Данила перебирает ногами, ждет решения отца, и ступенька внезапно разлетается под ним. Данила повисает в проломе, успев за что-то ухватиться руками. Мать вскрикивает, испуганно смотрит на Пряхина. Тот стоит, играет желваками, потом подходит и сдергивает сына вниз.

– Так где дед? – спрашивает Пряхин.

– Там, – кивает Наталья.

– Опять? Чем вы его кормите?

Пряхин выходит, идет в сторону бани.

– Кашей! Ну так что, отец, отпустим Данилу? – кричит мать ему в спину.

– Пусть едет, – отмахивается Пряхин.

Вошел в баню, оглядел потолок, выдвинул и вернул обратно заслонку печи. Зажег спичку и поднес ее к решетке дымохода. Огонь метнулся вверх, не погас – тяга была. Оглядел входную дверь и, ее проверив на «открыть-закрыть», вышел из бани, свернул к будке, потянул дверь на себя. Дверь не поддалась.

– Сидишь? Сиди…

Увидев Наталью с сыном, кричит:

– Долго так стоять будешь? Лестницу делай!

Проводил взглядом Данилу, метнувшегося в сарай и обратно с ящиком инструментов, сам подобрал топор с верстака, пошел чинить дверь в бане.

…Оставил дверь в покое, вошел в предбанник, лег на лавку и, повернувшись на бок, подтянул ноги к животу…

Шум со двора заставил выпрямиться, а затем и вовсе встать и пойти к выходу. Пришел сосед, осетин Георгий.

– Здравствуй, дорогой. Как поживаешь?

– Ничего. Сам-то как?

– Слушай, тут такое дело… дай лодку. Хочу утром в монастырь попасть… Там братский молебен, рано, а моя не дойдет без мотора. Тяжелая для весел… Ты ведь слышал? У меня мотор украли.

– Давно?

– Дня три назад. Ваши, твои бывшие, из города были, наш участковый, даже собака была. Ничего. Водой пришли и ушли, скорее всего. Уроды! Мотор жалко. «Ямаху». Ты о наводнении слышал? У нас на озере? Говорят, что…

– Слышал, – перебивает Пряхин. – Мои вроде с утра собирались рыбу брать. Тебе обязательно завтра?

– Так братский молебен… утренний. Раз в месяц такое… Меня только туда пусть закинут, назад я сам. А с тобой что? Болеешь? На себя не похож, я ведь вижу.

– Что ты видишь? Похож на себя… на кого же еще?

– Знаешь, Витя. Я много людей всяких видел. Все разные, но у кого заноза в голове сидела, всегда на другого с занозой был похож. Они все криво начинали ходить, так, и от людей прятались. Таких как-то по-русски обзывают, я забыл. Плохо это. Идем ко мне, поправлю тебя…

– Нормально всё. Иди к старой, сам договорись насчет завтра…

Георгий не уходит, довольный согласием Пряхина дать лодку, отвечает вниманием и участием.

– Дверь чинишь? Помочь надо? Давай подержу. Нет? Мне тоже надо… У тебя она еще ничего, у меня вообще криво висит. А где мать? В доме? Серафима Васильевна! Ты где?

У калитки, почти впритык к ней, скамья. На ней, в сумерках и в дачной тишине, сидят Данила и Петя.

– …Ну сам прикинь, мне ее инглиш нужен? На фига! Ну оставит меня Флора на осень… и что? Даже лучше. Буду дома жить, чем все лето тут. Прикинь, часа два отработаю, ну хорошо, даже три, расчет на месте, гуляй не хочу, до вечера свободен… Вот смотри, в магазин идем… на каком разговариваем? А телек на каком у нас? А мы с тобой на каком? На русском!

– Со мной можно и на английском, – вставляет Петя. – Да шучу я! Или шутю, чтобы понятнее тебе было… Споки, сэр, споки! Ты что?

Пете удается увертываться от рук Данилы, но не всегда, вот и сейчас он дает понять, что Данила в этой шутливой борьбе все-таки попал ему по лицу.

– Ты что? С дуба рухнул?

– Я не хотел!

– Ты звонил?

– Всё путем.

– Что она говорит? А про меня сказал?

– Ой, блин! Забыл. Что за хрень с головой происходит?

– Что правда, что ли? Свистишь?

– Ага! Вот так! – Данила сует пальцы в рот, свистит.

– Тише! Никитку укладываю, – слышен громкий шепот матери из окна. – И завязывай там. Поздно уже. Иди побудь с ним.

– Щас, ма! Сказал, сказал… кого-нибудь возьмет с собой… завтра еще звякну, – тоже на шепот переходит Данила.

– Сила!

– Когда меня мать носила! Ну что, пока?

– Пока. Завтра работаешь? А подруга у нее симпатичная?

Вместо ответа Данила вздыхает. Петя понимающе качает головой, уходит.

Данила сидит у кровати с малышом. Пальцы стремительно касаются кнопок в телефоне. Никитка не кричит, но и не спит, смотрит на старшего брата, который, не отрываясь от телефона, специально монотонно пересказывает сказку.

– …и тогда царь Персии достал волшебный меч и разрубил камень, а когда ворота открылись, он приказал всем спать и не хныкать, а кто не будет спать, тому царь Персии завтра наваляет по попе... спать… спа-а-ать… твою ять.

Пряхин закончил с дверью, сел на лавку в предбаннике. Уткнулся ртом в сжатые кулаки. Сидел так до тех пор, пока не пришла Наталья.

– Ты чего тут? Что делаешь?

– Дверь.

– Оставь ее в покое, куда ты торопишься… У тебя неприятности? По работе?

– Нормально всё.

Наталья приложила ладонь ко лбу Пряхина. Тот исподлобья глядел, не сопротивлялся, потом увел голову в сторону.

– Ну слава богу, если всё в порядке. Георгий был у тебя? Сказал, что ты разрешил, а маме мед принес. Идем, потом доделаешь… Я наверху постелила.

– Надо сделать… – Пряхин повернулся к жене. – Где кто?

– Данилка с мелким, а наши в пристройке сейчас прибираются. Квартиранты появились на все лето! Я потом зайду туда, сама посмотрю… Один черт, переделывать все придется за ними, но разве матери скажешь об этом… Волнуюсь я за них. Совсем старенькие они у нас. Боюсь.

– А чего бояться… Умереть проще, чем жить.

– Ты о чем это? Типун тебе, тьфу на тебя. Заканчивай тут.

– Иди, я скоро.

Наталья ушла. Пряхин остался на лавке. Вытянул руку перед собой, сжал в кулак, оставив один палец, вгляделся, добавил еще один, вновь вгляделся. Медленно поднес ладонь к лицу, зашептал: «Один, два… пять. Десять». Потом лег на лавку, опять подтянув ноги к животу.

Берег. Утро, но еще темно. Озеро покрыто туманом. Старушка стоит у воды, в руках две удочки, еще свернутые. У ног ведро, пока пустое. Данила открывает замок, размыкает цепь. Приливом лодку почти целиком забросило на берег, поэтому ноги Данилы скользят по глине, а сам он кряхтит, сталкивая суденышко в воду. Нос у лодки острый, с номером и именем на боку, неудобный, не за что ухватиться, но только в него и приходится упираться руками, чтобы сдвинуть засевшую в глине плоскодонку. Подходит Георгий, сдвигает лодку с места, и та наконец-то плюхается в воду, кормой поднимает волну и на ней же начинает раскачиваться. Кажется, что большая птица клюет что-то на берегу.

Данила уже в лодке, веслом упирается в илистое дно, выводит «казанку» на чистую воду, разворачивает и гребет обратно, кормой вперед, за бабой Симой и соседом Георгием. Лодка уходит в туман.

Семья за столом. Едят молча. Данила уже поел, но из-за стола не встает, сидит, чешет затылок. Дед ест: ложка – тарелка – рот. Сосредоточенно. Даже Никитка на коленях матери ведет себя спокойно. На Пряхине майка с глубокими, оголившими плечи вырезами. На правом предплечье выгоревшая наколка. Дед заканчивает, встает и уходит первым. Старушка забирает внука у Натальи, идет к лестнице. Оттуда зовет Данилу. За столом остаются Пряхин и Наталья.

– Это весь их улов? – спрашивает Пряхин, кивая на ведро.

– Так ведь… пока то да сё с Георгием. Ты ведь сам так велел. Остались бы…

– Ладно, – неожиданно соглашается он. – Завтра поедем, после вашей долбаной рыбалки…

Пряхин смотрит на лестницу, по которой поднялись его сыновья.

– Дождь пошел, рыба и ушла на дно… Что успели взять, то в ведре, – слышен голос старухи сверху.

Пряхин хмыкает, потом поворачивается к окну, на голоса.

Два мужика стоят у штакетника. Кричат:

– Хозяйка! Ремонт надо делать? Колодцы чистим, изгородь ставим… быстро… хорошо делаем. Скидки есть! Ремонт любой! Стройка!

Наталья кричит в окно:

– Не надо!

– Кто такие? – спрашивает Пряхин.

– Шабашники. Уже неделю в деревне, – отвечает Наталья. – Вчера тоже ходили люди, не эти. Подписи собирали против наводнения. Наверху где-то дамба должна прорваться. Говорили, всех затопит, если не подпишем.

Пряхин молчит, потом снова спрашивает:

– Ушли?

– Эти? Совсем уходят уже, не нанял их никто из наших. Валентина Ивановна хотела что-то с ними в магазине делать, да раздумала…

– Дед где? – перебивает Пряхин.

– В бане. Такой чистюля стал…

– Давно пошел?

– Давно, а что?

– А почему труба не дымит?

Пряхин срывается с места, мчится к бане. Рвет на себя дверь – оттуда клубы дыма. Дед полулежит на лавке, пытается встать, потом закатывает глаза. Пряхин поднимает его, выносит во двор, опускает в траву, бьет по щекам.

– Воду! – кричит Пряхин и сам опрокидывает на деда бочку с собранной дождевой водой. – Нашатырь тащи! – Пряхин тормошит деда. – Ну, твою мать! Где ты там?

Прибегает Наталья с пузырьком и клочком ваты в руках, подносит флакончик к ноздрям деда. Дед вздрагивает, открывает глаза.

– Чо?

– Через плечо! Заслонку открывать надо! – Пряхин поворачивается к Наталье. – Вы его одного не оставляйте в бане. Или пусть не закрывается! – Пряхин срывает с двери щеколду. – Так лучше будет. А там вообще дверь снять надо, – кивает в сторону будки.

– Там не надо, – окончательно приходит в себя дед, пытается встать. – Там угара не бывает...

– Лежи! Спокойно! Уговорил, не буду, – хмыкает Пряхин. – Если расскажешь, что там видел. Запомнил что-нибудь? Где лучше? Там? Данила! Накрой тут! Мало ли…

В своей комнате баба Сима, прислонив лицо к окну, смотрит вниз, видит, что дед уже не лежит, как было велено, а поднимается, хватаясь за косяк двери, а Данила мчится в сарай и вскоре выбегает оттуда с клеенкой, и дед, уже окончательно придя в себя, берется помогать внуку укрыть стопку труб, горку кирпича. Баба Сима достает из шифоньера рубаху, штаны и по лестнице спускается к своим.

Ночью жена говорит Пряхину:

– Я все знаю!

– Да не у нее я мясо брал, успокойся ты в конце-то концов! – вскипает Пряхин.

– Я не об этом, я о другом знаю.

– Что?

– Федосов звонил.

– Тебе? Зачем? – настороживается Пряхин.

– Сказал, чтобы тебя берегла…

– Правда, что ли?

– Ну не совсем… Тебя искал, что-то хотел сказать. Вот я и подумала, зачем доктору тебя искать… Что с тобой? Я ведь вижу, что-то не так.

– Всё вы знаете, всё вы видите! Что не так? – злится Пряхин. – Всё нормально. Спи… Курить хочу. Пойду лодку гляну. Георгий такого ужаса нагнал.

Закрыв за собой калитку, Пряхин идет по тропинке, спускается к озеру. Лодка на месте. Пряхин сталкивает ее в воду, гребет от берега к середине. Пройдя по воде с полсотни метров, может, больше, бросает весла. Берег дает о себе знать лишь редким и едва слышным лаем собак, но самого уже не видно, а черная вода кругом, и тьма, и тишина; все это, наверное, и создает то самое ощущение оторванности от всего и ото всех, что и было, наверное, сейчас необходимо Пряхину. Уйдя в себя, он, казалось, даже задремал, отпустив лодку в медленное, свободное плавание, но нет, не так. Посидев без дела, он, работая энергично веслами, закрутил «казанку» по кругу в одну сторону, потом в другую, будто что-то стряхивая. Поставив лодку носом к берегу, в него же и всмотрелся – там непонятные, неясные звуки и всполохи огня на

берегу, чуть левее причала его лодки. Весла снова в руках, Пряхин ведет лодку к берегу.

Проверяя надежность цепи, он «руками идет» от кольца на носу посудины до сваи в земле, где эта цепь и закончилась навешанным амбарным замком. Пряхин находит корягу, отламывает от нее ветку и прочерчивает границу прилива. И саму корягу оставляет воткнутой в середину глубокой борозды. Постояв, сворачивает на новый взрыв веселья дальше по берегу и, пройдя совсем недолго, за кустами видит компанию – двое незнакомцев готовят уху на костре.

– Это кто же к нам пришел? Иди дальше! – резко, недовольно встречают Пряхина.

– Снулая? – спрашивает Пряхин, брезгливо поводя носом. – По берегу собрали?

– Сам ты снулый, – картинно обижается тот, что сидит лицом к Пряхину, и хохочет. – До сих пор дышит!

Пряхин присаживается, лезет в карман за сигаретами, чертыхается, аж сплевывает от огорчения: «Твою мать!»

– Забыл? – весело спрашивает первый.

И новый накат смеха.

Пряхин кивает, поднимается.

– Эй! Ты куда? – спрашивает первый. – Обиделся или что? По-любому не надо. Мутный ты такой… или как? – мужик встает, подходит ближе. – Стоять, сидеть, смирно! Ха-ха! Ты кто? Кумаришь? Вижу, торчок… а мы нет, мы так просто… воду любим, ха-ха, ночную, – мужик по-бабьи хлопает себя по ляжкам и заходится в смехе: – Ой, бля, не могу! Ха-ха!

– Курево забыл? Дернешь? – второй мужик поворачивает к Пряхину свое улыбчивое раскосое лицо и протягивает тлеющую папиросину, а после недолгого испытывающего взгляда, словно оценив Пряхина, строго добавляет: – Ссышь? Тогда иди за кусты!

И оба вновь расхохотались. Тут ветром дунуло на костер, и длинный язык пламени метнулся в сторону первого. Он, спасаясь от огня, свалился на бок и вновь затрясся в приступе смеха. Второй опустил голову и смеялся беззвучно, содрогаясь лишь плечами. Так и трясся, оставив руку с папиросой, вытянутой в сторону Пряхина. Потом поднял голову и свободной рукой утер слезы.

– Что стоишь? Да бери же, пальцы сейчас сгорят!

Пряхин взял, затянулся, сразу же поперхнулся, но папиросу не выпустил, втянул в себя сладкий дым еще раз.

Огонь все же добрался до штанины первого мужика, который, не чувствуя этого, продолжал содрогаться от смеха. Тогда второй, раскосый, схватил его за ногу и потащил к воде. Столкнул, но и сам не удержался на илистом берегу, и оба продолжили хохотать уже в воде. Раскосый, стоя по колено в озере, пригоршнями подносил воду ко рту, но проливал большую ее часть, поэтому лег плашмя в мелкую воду и продолжил лакать, успев пояснить Пряхину: «Сушняк!»

Пряхин бросил дотлевший окурок в костер и сам оскалился вдруг в улыбке. Встал, его шатнуло, он удержался на ногах, но задел самодельную треногу с большой жестяной банкой, и то, что должно было стать ухой, вывалилось в костер. Теперь и Пряхин заржал в голос, но у барахтающихся в воде смех сменился яростью. Они выбрались на берег и бросились на Пряхина, а тот, находясь в той стадии одурманивания, где еще нет агрессии, смеялся, отталкивал их от себя, не бил, ускользал от их бодливых наскоков, как испанец в игре с быками, и, отступая, оказался возле своей лодки. Там споткнулся о торчащую из земли корягу, упал и мог подставить свои ребра под их босые ноги и быть как минимум затоптанным, не успей вовремя подняться. Пряхин увернулся раз, увернулся два, а потом вдруг ощерился, проорал что-то дикое, непонятное, поднял корягу и двумя ударами загнал шабашников в озеро.

Эту улыбку-оскал Пряхин донес и до дома, не сошла она и тогда, когда он лег рядом с Натальей. Когда эта печать веселья наконец сползла с лица, из глаз выкатились слезы.

Утро. Семья завтракает.

– Какое сегодня число? – говорит Пряхин.

– Пятое, – отвечает Наталья и спрашивает: – А что?

– Ехать надо. Два дня без дела сидим. Я к Георгию.

Пряхин входит во двор соседа.

– Какая дверь?

Георгий, на веранде, не отрываясь от телевизора, машет рукой в сторону пристройки.

– Что в мире творится, ужас!

Пряхин возится с дверью, затем снимает ее с петель, что-то откручивает, прикручивает. С попыткой повесить дверь обратно возникают трудности.

– Я сейчас, – говорит сосед. – Подожди…

– Сиди, – отвечает Пряхин. – Ну что там у братьев твоих монастырских? Успел? – Не дождавшись ответа, кричит: – Данила! Монтировку неси.

Прибегает Данила с железякой в руке.

– Иди сюда! Снизу, аккуратно… и… р-раз! – командует Пряхин и начинает привычно: – Подложи кирпич, тогда рычаг будет правильный, а без упора не пойдет… на р-раз… и… два-а… и три! Заноси свой угол!

Дверь встает на место. Пряхин проверяет на «открыть-закрыть», хлопает рукой по полотну.

– Нормально!

– Что нормально? – подает голос Георгий. – Где? Ты послушай, что они говорят! Бога на них нет! Твари!

– Кто?

– Кто-кто?!

– А-а…

– Вить, погоди! – Георгий ведет их в глубь двора, где за сеткой-рабицей гуляет стая индюшек.

– Нравится? – спрашивает Георгий. – Какая нравится больше всех? Эта? – Георгий ловит птицу, протягивает Пряхину. – Тебе. Шею сам свернешь.

Индюк пытается вырваться, клюет воздух у лица Пряхина. Георгий быстро и внимательно оглядывает Пряхина.

– Ладно, – говорит и отпускает птицу. – Моя вечером сделает сама, занесет. Ты дома? Тебе надо на воздухе больше бывать.

Доносится звон колоколов. Георгий поворачивается лицом к озеру, крестится, потом говорит:

– От доброго дела на душе хорошо становится.

Закрыв за собой калитку, Пряхин обнимает сына за плечи, свободной рукой лезет в карман.

– Держи, – протягивает сыну деньги.

– Па… – начинает Данила.

Пряхин перебивает, не дает договорить:

– На догонялки-обнималки. Кина бесплатным не бывает... Бери, пока даю. Завтра едем на работу.

Утро. Туман. Середина озера. Старушка в армейской плащ-палатке, с поднятым капюшоном на голове, сидит по левому борту лодки, ближе к носу. Губы накрашены. Вязаная лыжная шапка надвинута низко, почти до самых глаз. Место у Данилы по диагонали, на корме. Удочки смотрят в разные стороны. В ведре улов – с десяток подлещиков, пара окуньков. Им тесно. Баба Сима подсекает, рвет удилище вверх – в воздухе бьется рыба.

– Могла быть и побольше, – ворчит старушка. – Но и эта сойдет! Ты не замерз?

Данила не отводит глаз от поплавка.

– Подсекай на третий раз. Вначале они нюхают.

– Потом лижут? Баб, а откуда ты все знаешь?

– Запомни, Даня, и передай своему папе: по какой бы дороге вы ни пошли, я там уже была.

– Так и передать?

– Подсекай! – шипит баба Сима.

Данила подсекает, вытаскивает рыбу.

– Ва-у! Больше, чем твоя!

– Не надо врать, сынок. Да и вообще помолчи пока – рыбалка тишину любит… Тсс…

Кувшинки, до того мирно у самого борта лежащие на воде, вдруг начали вздрагивать.

– Это их стебли под водой задела крыса, – шепотом объясняет старушка, – не рыба.

Сидят в лодке, молчат. Все внимание на поплавки.

– Ты уже знаешь, в чем пойдешь? – спрашивает баба Сима. – И голову постирай!

Данила берется за весла – пора возвращаться.

Пряхин у окна в Доме быта отключает от зарядки свой телефон, подключает трубку сына.

– Здравствуйте. Это Пряхин, мне на сегодня назначено вам звонить… насчет ответа да… да… я… а по телефону никак? Понял, хорошо. А вы до скольких там? Понял.

Пряхин вздыхает, оглядывается на дверь. Там Катя.

– Ё-моё! – восклицает Катя. – Пряхин! Ты? А мне говорили, что ты мент!

– Давно приехала?

– Вчера. Маму поздравляла с юбилеем. Так ты, это что же выходит, сапожником стал? Никогда бы не подумала. Тогда на, посмотри. Что-нибудь сделать можно, хоть до магазина добраться.

– Снимай.

Катя разувается, стоит на одной ноге.

– Ну что?

– Посмотрим, – Пряхин поворачивается к сыну. – Дай картонку тете Кате.

Сын нехотя протягивает газету. Катя улыбается, благодарит, расстилает газету и наступает на нее голой ступней.

– Ну а ты сам как? Дома как? Матери привет передай от меня. Может, вспомнит.

Пряхин и Данила поднимают головы, смотрят на Катю, потом друг на друга.

– Ой, прости, прости, прости, она ведь умерла, мне говорили. Прости ради бога! Это сколько же мы с тобой не виделись? Ужас! Так что там? Выкинуть или дотерпят меня до дома?

– Ноги надо ставить прямо, – Пряхин рассматривает каблук.

– Прямо? А у меня они разве кривые? – Катя вытягивает босую ногу, двигает ступней. – Ногу натерла…

Пряхин приподнимается с табурета, смотрит. Ступня узкая, белая, ногти красные.

– Ну, значит, под ноги смотри, аккуратнее, – бубнит и поворачивается к Даниле. – Гляди, когда такой каблук, шпильку вставляй буковую, сильно не обтачивай… вот так. Видишь? И клея чуть-чуть… под стельку.

– Ага.

– Примерь.

– Как новые!

Пряхин тянется смотреть, ложится животом на прилавок, что-то задевает, это что-то падает и рассыпается.

– Держат?

– Сейчас, еще не обулась. Да вроде ничего, держат.

– Вторую не надо смотреть?

– Ногу? – хихикает Катя. – Сколько с меня?

– Дура!

– Здрасьте вам! Но спасибки большое, раз так. В городе бываешь? – Катя протягивает карточку. – Звони.

– Там лестница крутая, аккуратнее на ней. Я ноги чинить не умею.

– Так и не научился?

– И не говори!

Катя уходит. Пряхин некоторое время сидит без дела, наблюдая за руками сына.

– Аккуратнее… Ровнее нож! – оглядывает мастерскую, кривит рот. – Грязно у нас. Ты заканчивай и инструмент убери. Я мусор вынесу. Свет не оставляй и закрой все. Меня не жди, на пятичасовой успеешь… У меня дела еще есть. Маме скажи, что… нет, я сам позвоню.

Когда отец уходит из мастерской, сын допивает его пиво. Потом подходит к окну и, глядя, как Пряхин внизу идет к мусорному баку, щелкает кнопками телефона.

– Алё, Ксюха! Что делаешь? Так в выходные пойдем в кино? А когда? А давай седьмого? Договорились? А во сколько? Я с другом буду, а ты? Хорошо, понял, ну пока.

Пряхин в очереди к доктору Федосову. Пациентов всего двое. Настала очередь Пряхина.

– Хорошо, что сам зашел. Я звонил, разговаривал с Натальей.

– Что хотел?

– Он как сказал? Десять рабочих дней или календарных?

– Рабочих. Я звонил им сегодня. Надо ехать.

– Вот! Отлично. Ты когда едешь? Завтра? Отлично. Везет тебе, Пряхин. Я сегодня поеду и в больнице буду завтра и восьмого. Седьмого лекция, восьмого подтверждаю категорию, типа экзамена…

Входит медсестра, с порога огорошивает Федосова:

– Меня снимают с приема. Посылают на прививки.

– Они там что, вообще все с ума посходили!

– Я откуда знаю? И старшая опять визжала, что мы не подали список лекарств.

– Твою ять! Ты прямо сейчас уходишь? Не доработаешь? Кто там в коридоре?

– Двое сидят, может, не придет больше никто, – отвечает сестра, собирая сумку и переобуваясь для улицы.

Федосов молча наблюдает за ее сборами, выжидает, когда за ней закроется дверь, а потом хмыкает:

– Сама рада, что с приема соскочила. На прививки она… Сейчас уколет троих, и всё, день свободный. Ну ладно, хорошо, давай о деле теперь. Как себя чувствуешь? Только честно.

– Сань… я вот что тоже хотел спросить. Может, не надо ехать? Пусть все идет как идет… У матери ведь так и было. Жила. А когда разрезали… все и пошло на скорости… Дни считать не хочу до пока не подохну!

Доктор молчит, будто ищет слова, потом говорит, тихо и убедительно:

– Долго думал? Или подсказал кто? И как ты собрался жить? Со страхом? Об этом не подумал? – Федосов неожиданно говорит строго: – Я вот что предлагаю. Витя, я с тобой пойду… и зайдем вместе. Ты ведь мой больной? Мой. Вот давай где-то в… сразу после обеда встретимся там, у кабинета. Значит, точно седьмого? Да? Давай так и сделаем.

– Давай, – соглашается Пряхин.

Любаня хозяйка квартиры. Катя сидит напротив. Она в гостях у подруги. Разговаривают вполголоса – в дальней комнате спит ребенок Любани.

Перед Любаней раскрытый ноутбук, а сама она стучит по клавишам, читает, поднимает голову, изучает лицо подруги.

– Башку красить не собираешься?

– Зачем? – удивляется Катя.

– Я представила, что ты брюнетка. Может, перекрасишься? Тебе пойдет!

– Ну хватит уже! Бесполезно все это, давай делом займемся, – Катя достает из сумки глянцевый буклет. – Вот, я подчеркнула. Тут – один раз. В этом абзаце – два раза. Я сама начала, но технический язык… он ведь другой.

– Что там? – Любаня глядит на обложку, с ходу переводит: – Каталог международной выставки обороны… вооружения, скорее всего, – листает журнал, – Абу-Даби. На английском и арабском. С каким языком сложности?

– С арабским! – Катя крутит пальцем у виска. – Открой там, где про бронетехнику.

Электричка приближается к станции. Пассажиры потянулись в тамбур. Пряхин с ними. В тамбуре две мощные тетки с жетонами сторожат пару шабашников.

– Брали мы билеты… а хрен его знает, куда дели их! Выпали в вагоне! Вот, он видел, в очереди вместе стояли в кассу! Перед ним как раз! Мужчина, скажи им! – раскосый шабашник хватает Пряхина за рукав. – Скажи! Ты ведь видел нас? В кассе.

Схватил цепко, не дает Пряхину пройти. Повернулись к нему и контролеры. И зеваки расступились, выделяя Пряхина, делая его главным в наступившей выжидательной тишине.

– Пургу не гони! – грозно говорит Пряхин, спрыгивает на перрон и уходит.

Прошел пакгауз, вышел к привокзальной площади, свернул в арку. Там его и догнали, ударили в живот. Он согнулся, начал задыхаться. Потом его еще раз ударили, уже с другой стороны, в лицо, и снова в живот. Из кармана выкатилась мелочь, и кто-то, пошарив, достал из того же кармана уже бумажные деньги. От нового удара, даже не

удара, а обидного пинка в зад Пряхин упал. Вскоре пришел в себя, вышел к остановке, растерянный, избитый. Таким увидел себя в витрине магазина. Обе тетки-контролерши вначале ужаснулись, потом, сделав вид, что не замечают его, ушли по перрону.

Денег оставалось с горсть мелочи, какая-то ерунда, документы были на месте. А еще в кармане нашлась визитная карточка. Пряхин сел на остановке, встретил и проводил несколько автобусов, потом набрал номер телефона с визитной карточки.

На столе завибрировал телефон. Катя подносит трубку к уху.

– Аллёу! Да. Кто? Ох, ничего себе! Какими судьбами? Что? Кошмар какой! Ну да, город. Руки-ноги целые? Голова? Хорошо. Дома все равно сходи, проверься… Да, пока, если что, звони.

В дальней комнате подает голос ребенок. Любаня спешит туда. Катя листает каталог, что-то подчеркивает. Возвращается Любаня, садится рядом, подвигает к себе журнал.

– Правильно. А вот тут… дай я сама, conditions of leasing for Eastern Europe, ты смотри, сколько условий лизинга для Восточной, то есть нашей с тобой, Европы… и теперь – condition of leasing та… та… та in Africa, для стран Африки. А что было непонятно? Тебе надо дословно перевести или достаточно смысл передать?

– Дословно. Тут каждая мелочь важна. И самое главное там дальше будет, где о страховых случаях… даже ошибки в цифрах тут грозят большими…

– Я понимаю, не продолжай. Ну тогда давай, шутки в сторону. Телевизор не мешает?

Сидят. Обе поглощены переводом.

– Омонимичные по форме слова, – говорит Любаня, – могут иметь различный смысл. Поэтому тебе и было трудно. Тут смысл можно уловить только в связи с другими словами в предложении. Предлагаю вначале сделать подстрочник, а потом будем посмотреть. Ой, господи! Не могу так больше! Тебе хорошо, у тебя минус два под микроскопом, а мне с этим, – Любаня берет в ладони свои груди, будто взвешивая. – Не знаешь ты, каково это. Спина болит.

Катя не отвечает, задумчиво разглядывает телефон.

– Что-то случилось? Кто звонил? – тревожится Любаня, не услышав ответа.

– Знакомого избили и ограбили подчистую.

– Это кого? Я знаю?

– Земляка…

– Сильно?

– Не видно по телефону.

– Пошел он к черту!

– Злюка! Скорее бы уж твой Михалыч вернулся. Переводи. Я завтра должна разбираться с этим.

– Скорее бы. Хрен ему, но в командировку я его больше не отпущу. Так и скажу, вот честно, или развод, или иди в… куда подальше. Вчера в фитнесе взяла двадцать минут гидромассажа. Вышла вся красная, тут и там! Ты понимаешь, о чем я? И не стыдно ни капельки! Не могу быть не до конца растраченной! Вот кто гулёна была, бабка моя! На весь Шанхай гремела! Это ее выражение. Пишется раздельно, а произносится быстро – недоконцарастраченная. Ха-ха! – Любаня снимает с полки китайскую шкатулку, гладит лаковую крышку, вздыхает. – Завещала себя кремировать и прах развеять там. И вот ее для этого приготовила… Но кто бы позволил? Никто! Хотя потом в Китае я раз пять была, – Любаня вздыхает, кладет шкатулку на место. – Бабуля! На всех ей насрать было! Я бы на твоем месте тоже бы на всех… Ее слова помню, что мы живем от любви к любви, – Любаня водит пальцем в воздухе, будто рисует горные пики. – А когда этого нет, то… – пальцем изображает равнину и морщится. – …Тогда это беда. Женская беда!

– Ну да-а… на верблюда похоже, – протянула Катя и опять уткнулась в журнал, потом подняла голову, потерла мочку уха и подвинула к себе телефон. – Значит, так! – жмет клавишу в телефоне. – Послушай, а где ты сейчас? Нет… то, что ты рассказал, – это кошмар какой-то… Ну есть немного. Сможешь подъехать, куда я скажу? Тогда сиди там, скоро буду.

– Ты в больницу? – спрашивает Любаня.

– Нет, на остановке сидит.

– Ну и пусть сидит. Он тебе кто? Конь в пальто!

– Ты дома? Не забудь просьбу. Я скоро.

– А куда я с ним? – Любаня кивает в сторону комнат. – Ты чего так смотришь? – перестает сокрушаться, потом говорит встревоженно: – Слушай, а что с тобой? Так смотришь странно? Или мне это кажется? Если что, звони! И я буду!

Катя выходит, но тут же стучит в дверь.

– Я возьму твою машину? А ты на моей, если что? Можно?

– А! Даже так! Становится все интереснее! Красавица!

Любане в окно видно, как машина с Катей за рулем медленно трогается с места, потом прибавляет скорость и исчезает.

Пошел дождь. Мальчики спрятались на остановке, суетливой толкотней и шумом своим заметно раздражая семейство пожилых дачников. Показался автобус, окатил тех, кто не успел отскочить, водой из лужи, разозлил, но водитель пошутил, извинился, закрыл двери, и автобус поехал дальше.

Пассажиров было мало, Данила с Петей устроились на свободных местах.

– А если дождь не кончится, мы куда? – спросил Петя.

– В кино.

– Придется раздеваться. Ты готов? Или слабо?

– Базара нет! Посмотрим, – зашелся в смехе Данила и что-то зашептал другу на ушко, потом сам первым и захохотал.

Тетка с переднего сиденья обернулась, поджала губы и строго, одним «учительским» взглядом, вынудила замолчать. Она отвернулась, мальчики посмотрели друг на друга, и Петя не выдержал – прыснул, а когда тетка опять повернулась, согнулся в искусственном кашле.

Приехали в поселок. Дождь закончился. Данила сказал грустно:

– Рано приехали. Домой зайдем? Надо убить часа два.

– А кто дома? Папа?

– Он в город уехал. До вечера.

– Папа в Тверь, мы в дверь. Ты на который час договаривался?

– На после обеда.

Оба посмотрели на свои телефоны, задумались. Петя покачал головой.

– И в самом деле чересчур рано, но убивать время нельзя.

– Почему?

– Время – понятие не эфемерное, а реальное, и потому убивать его – это наносить вред вечности. А еще…

– Идем тут, так короче.

– …умный человек думает о том, как использовать время…

– По-любому домой надо, телефон садится.

– …а неумный вообще не думает ни о чем. Только смотрит на часы в телефоне.

– А по шарам?

– Чувак! Ты мой друг! И я твой друг в любую погоду. Я не тебя имел в виду, ты ведь не тупица. Но хочу завершить свою речь: нам пока еще совсем рано думать о том, куда девать свое время. Оно нам нужно! Я закончил, ваша честь!

– Короче… ты типа у меня в гостях. Прощаю на первый раз.

– Вот об этом, кстати, прошу не забывать. И без угроз, пожалуйста. Далеко еще?

– Тут срежем и выйдем напрямую.

– Срежем-подрежем! Сапожник!

– Лабух! – Данила всунул пальцы в рот, свистнул. – Баклан!

Схватил Петю за ремень, крутанулся, пытаясь бросить через бедро, но Петя сумел перехватить его руку, вывернулся. Шлепнул себя по бедру и выставил вперед руку с двумя сжатыми пальцами.

– Вы имеете право на один звонок адвокату! Сэр!

Рассмеялись, стукнулись кулаками. Как в кино. Они шли вдоль длинного низкого дома с бесчисленными открытыми дверями по фасаду. Дом старый, барачного типа, нежилой, весь в магазинчиках и весь пестрый от рекламных досок. Лишь крыша была одного, ржавого, цвета.

Хмурый мужчина стоял у одной из дверей, курил, разговаривал по телефону. В окно его позвали, он отмахнулся, в стекло постучали

еще раз, и он вошел в дверь. На подоконнике остались пачка сигарет и зажигалка.

Мальчишки прошли мимо, потом Данила вернулся, схватил сигареты. Свернули за угол. Данила выглянул. Хмурый стоял у дверей, заметив Данилу, поднял кулак, что-то зло прокричал.

Побежали огородами, закутками, обгоняли друг друга, пугали прохожих и собак за палисадниками. Данила вдруг решил изобразить пьяную немощь: приподнял плечи, споткнулся, с шумом глотнул воздух, закатил глаза и навалился на друга, поймал в тиски его голову.

– Братан! Тащусь!

Петя скинул с шеи его руки.

– Гопник!

Так шли к дому Пряхиных, где-то останавливаясь, в другом месте, наоборот, ускоряли шаг и оказались вдруг в узком тенистом проулке. Увидели открытые ворота, вошли.

Безмерно захламленный двор; без травы и деревьев; ржавые батарейные секции кучей и отдельно; гора угля посередине, груженая тачка, лопаты. В глубине двора барак с коптящей в небо кирпичной трубой. Над двором, дотянуться можно, другие трубы, обмотанные, как конфеты, фольгой. Людей не было. Нашли закуток, встали лицами к стене, приспустили штаны.

– В детском садике мы сыкали на дальность. Одна чувиха садилась на корточки и пускала струю. Всегда она нас побеждала. А в третьем классе она выиграла конкурс. Теперь она известная пианистка, в топе самых-самых. А в этом году она в Австрии…

– Замри! – кричит вдруг Данила.

Петя замирает в неловкой позе.

– Отомри, – смеется Данила.

– Это коварно! – обижается Петя. – Нельзя в такие моменты!

– Так что ты говорил? Она выиграла что-то там… ты ведь тоже лауреат?

– Она круче!

– Блин! Столько бабла! – Данила глаз не сводит с груды лома, мысленно прикидывая вес железяк, подсчитывая...

Перешли в другое место, сели.

Данила выпускает дым кольцами, Петя тоже курит, но осторожно, поглядывая по сторонам. Сидят на корточках, спинами привалившись к стене. Докурили, встали, отряхнули штаны, и Петя вдруг качнулся, зажал рот ладонью и помчался вдоль стены. Не добежал, успел лишь спрятать за угол голову. Данила смотрит, как дрожит приятель. Ухмыляется.

Петя вытер губы, к чему-то прислушался, глянул на закрашенное белым окно над головой, подошел к другому, такому же. Там в белилах нашлись сколы краски, царапины, и Петя, подтянувшись, заглянул в окно. Тут же едва не опрокинулся навзничь, попятился назад, вбок, к стене, опустился на корточки, на миг ладонями закрыл ошарашенные

глаза, потом шепотом подозвал к себе друга, что-то сказал ему, и Данила бросился к окну. Петя встал рядом. Оба замерли. Окно. Там в клубах пара – голые женщины, тела белые, блестящие. Здесь – два затылка: один аккуратно постриженный, чернявый, второй блондинистый, лохматый. Но оба одинаково напряженные.

Сзади, в бараке с трубой, что-то ухнуло, зашипело, послышались голоса, и они пригнулись, помчались к выходу.

– Эрмитаж отдыхает! – радостно крикнул Петя. – Кустодиев! Тициан! Это круто, чувак!

– Сила! – восторженно поддержал его Данила. – Когда меня мать носила!

Они в проулке. С прямыми, напряженными спинами прошли мимо входных дверей с вывеской «Баня», потом, уже перейдя на другую сторону, толкнулись плечами, согнулись от хохота.

– Мы это сделали!

– Что? – не понял Данила.

– Я люблю вас, ребята! – задрав голову, вновь крикнул Петя.

Данила смотрел по сторонам, будто желая запомнить это место.

Они сидели у окна в крошечном кафе в городе, Пряхин и Катя. В окно была видна остановка, где недавно он приходил в себя и куда, играя желваками, он теперь смотрел.

– Что, прямо тут и напали?

– Да, вон в той дыре, – Пряхин показал на арку, – в двух шагах от станции. Уроды! Ну что, поможешь? Не подведу, чем хочешь клянусь! Расписку дам!

– И ты никого не запомнил?

– Сзади ведь, я не ожидал. В пять секунд! Я и не понял ничего! Да и что толку запоминать!

– Много взяли?

– Всё! Осталась вот мелочь, – Пряхин показал ладонь с монетами.

– И в самом деле уроды! Скажи спасибо, что не убили.

– Спасибо.

Закивал головой, соглашаясь с ее словами, шумно вздохнул. Подошла официантка. Катя перелистала быстро меню, скривила лицо.

– Одни рахат-лукумы да цезари, – покрутила головой. – Ты мясо любишь?

– Да, – еле слышно пробормотал Пряхин.

– Что? Что ты сказал? Мучачо-лос-амигос! Вы оттуда?

– Что?

– Ничего, так просто. Значит, мясо?

– Да ладно, это я так сказал. Не хочу. Так что с деньгами?

– Ну и морда у тебя! – перебила его Катя. – У меня в машине есть очки.

– Что?

– Ничего. «Это я так сказал», – передразнила Катя. – Поехали. Я мяса хочу!

– Куда?

– Вставай, вставай. Я знаю.

– Нет-нет! – замахал руками Пряхин. – Я так не могу. Ты деньги дашь? Я верну через десять дней, точно. Потом пойдем хоть куда. За мой счет.

– Хватит ныть. Дам! С собой столько нет. Вставай.

На выходе попали под дождь. Добежали до машины. Катя завела мотор. Потом, когда ей позвонили, заглушила двигатель.

– Я еще не доехала, – сказала кому-то. – Я сама тебя наберу. Колесо спустило, жду помощь. А вот они... приехали! Всё, извини, я к ним, – сложив трубку, подмигнула Пряхину.

Стекла машины запотели. Катя включила магнитолу, прислушалась, повернулась.

– Ты бы хоть поцеловал меня, что ли. Чай не чужие, – сама потянулась к нему, нашла рукой его затылок. – Ну! Или чужие? Слушай, а у нас раньше что-нибудь было?

– Было.

– Да-а? Хотя вспомнила, да… точно, помню. Я ведь твоя любимая бывшая девушка? Ой, как красиво сказала! Лю-би-мая! Но не помню, – Катя игриво покачала головой, прикусила губу.

Пряхин будто проснулся, вышел из спячки, подался к ней, обнял. Она развела в стороны его руки.

– Подожди…

Прибавила громкость, вернула его руки туда, где они были, а сама ладонью провела по боковому стеклу, медленно, сверху вниз, будто теряя силы. Как в кино. Музыка закончилась. Катя разомкнула его руки.

– С вас пятьсот евро! – засмеялась. – Смотрел «Титаник»? Песня оттуда. А ты «Бы-ы-ы-ло», – передразнила Пряхина и, не давая опомниться, спросила: – А как ты женился? Познакомились где? На танцах?

– Не-е… Какие танцы?

– Она с нашей школы? Я ее знаю?

Пряхин решил не отвечать.

– Что молчишь? Как партизан на допросе! Мент! – уже с плохо скрытым нетерпением сказала Катя, опять нашла его затылок, развернула лицом к себе. – Ну!

– Ну зачем тебе это?

– Ну! Деньги не дам, – рассмеялась Катя.

Пряхин тоже рассмеялся:

– Пашку помнишь?

– Сибикина? Помню. Я так и подумала, что без него и тут не обошлось. Ну давай, давай дальше, смелее… Он-то при чем?

– При том. Я в отпуске был тогда, а Сиба бригаду собирал на шабашку, в Ольховатку.

– Ольховатку? – в глазах Кати что-то мелькнуло, будто краешек воспоминаний.

– Мы колодцы бурили. А Наташка на ферме монастырской работала, типа зоотехником, а жила в деревне, где мы шабашили. Короче, я с Наташей замутил. Ну просто так, ради скуки…

– Скуки ради, – поправила Катя. – Наташа – это, я понимаю, твоя жена? И что?

Пряхин замолчал. Потом вновь насторожился:

– А тебе зачем это знать?

– Витя! Я тебя умоляю! Столько лет прошло! Мы хоть и бывшие, но сейчас чужие друг другу. Просто хочу знать, как это у людей по любви случается. И совсем не смешно.

– А у тебя что, не по любви?

– Руки! По любви, по любви. Что-то очень похожее, как у тебя, что-то совсем по-другому. Так что продолжай. Начали встречаться, и что?

– Это смешно, что я тебе все рассказываю. Может, поедем?

– Скоро поедем. У меня щетки барахлят. Ничего в дождь не вижу. Стихнет немного, поедем.

– Мне твоего времени жалко. Отрываю тебя от дел, – Пряхин потер глаз, почесал переносицу.

– Какой ты стал! Совестливый, аж зашкаливает! Ну как хочешь, – обиделась Катя и крикнула: – Не трогай глаз! Лучше рассказывай дальше, пока сидим.

– Что рассказывать? Сиба начал прикалывать ее, что я типа ей не говорю ничего, стесняюсь, а сам надумал ее забрать с собой. Ты извини, если тебе неприятно слышать, ты останови меня.

– А что мне должно быть неприятно? Ты забудь, что было сто лет назад. Что ты, в самом деле? Лучше ответь, а ты вот так и решил? Забрать ее с собой? После первой же ночи? Или как? Только не ври.

– Нет, конечно. Я поддакиваю, молчу. За нами Пашкин брат должен был приехать утром. Борьку помнишь? Он ведь тоже где-то тут, в городе. Не встречала его? Мне бы его телефон…

– Нет. Бог миловал. А что потом было? Побежал свататься?

– Нет, такого не было. Встали утром, сидим, ждем машину. Борька приехал, грузимся, хозяин, хозяйка, расчет, ну и все такое. Поехали, а за деревней Наталья нас ждет. Пашка глаза вылупил, я тоже. Куда с нами? Ей сказать, что шутили? Так она с чемоданом. Кто знает, что дома сказала? Скорее всего, сбежала, никому ничего не говоря. Так и было. Ну села, поехали. На заправке хотели от нее сбежать, пожалели.

– Ужас! Убить вас мало! – брезгливо сморщила лицо Катя.

– За что? Все нормально же потом получилось.

– Ну да, нормально. А дальше что было? Она что, вообще ничего не понимала?

– В город приехали. Молчим. Хорошо, у Бориса подруга одна жила. На квартире, правда. Ну Наталью туда. Она все поняла, не орет, но

плачет. Я Сибикина чуть не прибил тогда. А она на квартире у подруги Борькиной, а потом я ее к себе перевез. Мать уже померла, я один остался. Она ничего, домашняя. Потом Даня родился, а потом Никитка. Всё.

Катя опустила солнцезащитный козырек, открыла в нем зеркало и подалась лицом вперед.

– Я слушаю. Под дождь ведь попала, ужас, что на голове теперь.

Пряхин и не заметил эту перемену внимания, продолжил говорить:

– Короче, на лето мои переезжают на озеро. Да ты сама ведь знаешь те места.

Катя машинально кивнула, хотя было заметно, что мыслями она далеко, а сейчас просто молча и терпеливо чего-то ждет.

– Ты меня слышишь? – спросил Пряхин, все-таки заметив, что Катя уже не смотрит на него и, кажется, не слушает. – Может, поедем?

– Отвлеклась на минутку, извини, – вздохнула Катя. – Как все закручено… у тебя. А из ментов ты почему ушел? Опасно там?

– Да не-е, – раздраженно начал Пряхин. – Все об этом спрашивают. Не потому…

– Или ушел, чтобы на Кавказ в командировку не послали? – перебила Катя. – Туда ведь всех ментов посылают? У моей подруги муж уже три раза ездил. И сейчас, кстати, там. Но это хорошо, что ты там не был, не стрелял ни в кого. Значит, нет на тебе греха, – миролюбиво закончила Катя.

– Стрелял не стрелял? Какая война? У нас тихо в этом плане. Платили мало. Поэтому. Одному еще куда ни шло, хватало, а с семьей уже нет. Потом без образования там теперь хана. Роста не будет. А у тебя как?

– А ты что, ничего не закончил?

– Школу милиции. Годовую.

– Годичную, – поправила Катя. – Ясно. А мать она хорошая?

– Да, – ответил Пряхин.

– Понятно, – протянула Катерина и неожиданно предложила: – Слушай, поедем отсюда, надоело мне тут. Сейчас только один звонок сделаю. Ты пока очки поищи там.

Пряхин открыл бардачок, нашел очки. Модные, с вензелем на дужках.

– Примерь! Аллёу, это я. Ужас, какой глаз! Это я не тебе, – Катя перешла на английский язык: – Are you alone? I want to see you… just wanted to visit you and spend few hours at your house? – что в переводе в целом могло означать следующее: «Ты одна? Нет… в гости хотела на пару часиков…» Все поняла, потом, не сейчас.

Пряхин все еще смотрел в зеркало на себя в очках и без них. Щека не распухла, но нижнее веко начинало заплывать синим цветом.

– Они женские, – сказал Пряхин.

– Какая разница! Ну ходи без них, пугай людей дальше.

Пряхин отвернулся, стал смотреть в окно. Потом надел очки.

В деревне уже не утро, но солнца мало. Вода на озере без бликов, темная. В лодке отец и мать Натальи Пряхиной. Место деда впереди, у носа лодки, старушка сидит на веслах. Удочки в разные стороны. Поплавки неподвижны. В ногах старушки ведро, в нем пара рыбешек.

Старушка достает телефон, набирает номер. Качает головой, говорит деду:

– Данилка не отвечает. В кино, значит, сидит. Ты слышишь меня?

По неподвижной позе деда, по его опущенной голове она понимает, что тот спит. Старушка медленно шевелит веслом, ставит лодку так, что получается дотянуться до лески с его удочки. Вытягивает леску и на крючок насаживает рыбу из ведра. Рыба тянет грузило под воду, поплавок оживает. Старушка кричит:

– Твоя! Подсекай!

Дед вздрагивает, просыпается, вытаскивает рыбу. Победно смотрит на старушку.

– Молодец! А у меня по нулям, – сокрушается она. – Всё. Пора домой. Или еще хочешь? Сегодня удача на твоей стороне…

Дед согласно кивает. Старушка гребет на новое место, бросает в озеро прикормку.

– Постойте-ка, – говорит Любаня, – это не про ваше озеро сегодня по местным новостям говорили? Что-то про наводнение?

– Не знаю, я в поезде был… – пожимает плечами Пряхин.

– А вы раньше, наверное, спортсменом были? Вы такой плечистый! А сейчас вы чем занимаетесь?

– Ты что, правду говоришь про наводнение? Там ведь мама, – перебивает Катя.

– Во сколько говорили? – спрашивает Пряхин.

– Не помню, ей-богу… А я включу, повтор, может, будет. Да вы не волнуйтесь так.

Любаня включает телевизор – там идет фильм.

– Ну вот видите. Если бы что серьезное, так уже бы сказали. А вы прям на озере живете?

– У него там сейчас семья, дети, – Катя вступает в разговор. – Чай налить? Съешь что-нибудь. Все еще болит? Горе ты мое, голова садовая!

– Дети! Какая прелесть! А как там мой масенький? Посмотрю, – говорит Любаня, адресуя слова в основном Кате. – Извини, я сейчас…

Катя идет следом за ней. Кивает головой, когда у входа в другую комнату оборачивается и видит, что Пряхин показывает ей на часы.

– Ему, кроме денег, ничего не нужно? – спрашивает шепотом Любаня, обнимая за плечо Катю.

– Нет, – тоже на шепот переходит Катя.

– А тебе?

Катя машет головой, пожимает плечами, что могло означать и «нет», и «не знаю».

– Точно? А он ничего! Кто он тебе? Почему я не знаю?

– Потом-потом… идем, неудобно. Гость один.

– Ты что-то придумала? Тут ведь нельзя? – Любаня кивает на кроватку с ребенком.

– Ты о чем?

Входят в комнату.

Пряхин листает буклет.

– Это для Катиного мужа переводим, – неожиданно говорит Любаня, – генерала!

– Ну ладно, – пресекает ее Катя. – Поедем мы. У Виктора еще дела есть.

– Ты мне сообщай о своих передвижениях… Могут вопросы по переводу возникнуть, – немедленно поняв подругу, говорит Любаня.

Сбежали по лестнице. В машине Пряхин ожидающе смотрит на Катю.

– Ты про деньги не волнуйся. Она сейчас уже занимается этим. Пришлют ей курьером, а мы или опять заедем, или она переправит нам. Она ведь не знала, да и я тоже… Все будет. Сейчас заедем еще в одно место. Может, там нам помогут… но это так, на всякий случай. Успеваешь по своим делам?

– Пока успеваю. На после обеда сговорились.

– Пять раз успеешь. Сейчас… – Катя, не глядя, опять протягивает руку к его затылку, гладит, потом поворачивает его голову к окну. – Посмотри, какая улица. И номер дома. Четные на твоей стороне.

– Зеленая, 16.

– Почти доехали. Похоже, что тут.

Вывеска гостиницы едва заметна среди нескольких других, солидных.

Им открыли дверь. Охранник кинул быстрые оценивающие взгляды на Пряхина, на Катю, впустил. У полукруглой стойки Катя спиной отгородила Пряхина от девушки-администратора, протянула деньги.

Шли, как дети, друг за другом по коридору. Навстречу по ковровой дорожке горничная-азиатка катила тележку с полотенцами, с кипой смятого белья в корзине. За спиной неожиданный звук, мощный, как у самолета над головой. Пряхин обернулся – горничная водила трубой пылесоса по ковровой дорожке. Когда повернул голову обратно, оказалось, что уже пришли. Катя стояла у открытой настежь двери, жестом приглашая войти.

– Это твой офис? – спросил Пряхин.

– Ага, мой, – Катя упала в кресло, сбросила туфли, с наслаждением зашевелила пальцами ног. – Чего стоишь? Сядь! – Увидела полупрозрачную дверь в ванную комнату. – А тут ничего, уютно. Это ведь меню на столике? Почитай, я пока руки вымою. – Скрылась в ванной и крикнула оттуда: – Витя, а почему ты именно мне позвонил?

– Больше некому было.

– А я, дура, подумала, что увидеть меня захотел. Обрадовалась.

Небольшая комната, просторная кровать по центру, два кресла, журнальный столик между ними. Над кроватью картина: на краю голубого бассейна огромная женщина, а за ней с подносами в руках два маленьких турка в малиновых фесках. Женщина улыбается лучам солнца, а турки смотрят на необъятную спину и ягодицы красавицы. Какие-то части ее тела отражаются и в бокалах на подносе.

А над его головой другая картина. Там серый волк, свесив красный язык, везет на себе царевича и царевну, опять голую.

– Деньги сюда принесут? – спрашивает Пряхин.

– Принесут, – отвечает Катя из ванной.

Звонок ей. Катя полуодетая мчится к сумке, достает телефон.

– Кто это может быть? …Да, Любаня, слушаю. Нашла, все в порядке. Что еще случилось? Сухой? Влажный? Дала что-нибудь? Ты измерь ему температуру, я позже перезвоню… (*Пряхину.*) А ты что сидишь? Чего ждешь?

Разговаривая, Катя стоит у окна, поток яркого солнца с улицы делает ее чуть видимой, не очерченной, но и этого хватает, чтобы привести Пряхина в замешательство. Он пытается подняться на ноги, но край журнального столика не позволяет сделать это сразу.

– Ты выглядишь озабоченным, – смеется Катя. – Сиди пока уж. У тебя какая машина?

– Нету.

– А права есть?

– Конечно.

– С собой?

– Да. А что?

– Закажи мне выпить. Ты ведь меня потом отвезешь? На моей машине. Отвернись, я пройду. Звони.

Катя, сделав два шага, уже в ванной за дверью из матового стекла. Вскоре выглядывает оттуда; голова обмотана полотенцем.

– Заказал? – замечает его растерянное замешательство. – Ах да, я забыла. Что у них есть? В стенку стучать? Телефон вижу. Принеси его, пожалуйста, сюда. И меню дай, пожалуйста. Не уходи. Наберешь. Чуть не достает, встань ближе, не бойся. Выбор офигенный! Ползвезды, они и в меню ползвезды. Но цены!

Пряхин настораживается, но делает вид, что увлечен картиной. Даже голову повернул, чтобы лучше рассмотреть, как красавица на картине подставила свое лицо солнцу.

– Набирай, диктую…

Видимая половина тела у Кати обычная, в каплях воды, теплая; вторая, что за стеклянной дверью, кажется намного тоньше и темнее. Пряхин набирает номер. Катя меню держит у лица, смотрит на Пряхина поверх книжки.

– Как ты? Все нормально?

– Да, а ты?

– Тоже. Лучше не бывает! Гудки пошли? Давай трубку! Алло! Здрасьте! Из восьмого… Все, что тут написано, – это все есть? Что-что? Ага, понятно… а горячее? Мясо? Нет, не нужно такое. Теперь главное… нет, строчкой выше, один раз, да, минералки парочку без газа… а что в ассорти у вас входит? Один раз. Шоколадку. Сейчас, минутку… (*Пряхину*.) Пиццу будешь? (*Он молча кивает в ответ; она усмехается*.) Давайте, один раз. Пока всё, потом посмотрим, – протянула трубку Пряхину. – Скоро постучат, ты открой. Я в душ. Не закончила еще…

– А?.. – начал Пряхин.

– Уже едет.

– Кто?

– Курьер.

Пряхин поднялся, подошел к окну. Дом старый, с высоким потолком, толщина стен по ширине подоконника. Пряхину пришлось встать на носки, чтобы дотянуться до стекла, посмотреть вниз на улицу, на машины, на людей. Когда опустился на пятки, спиной почувствовал ее грудь.

– Попался? – сказала Катя.

– Может, позвонить уже пора, – глядя в небо, сказал Петя, – пока снова дождь не пошел?

Им все-таки пришлось убивать время. От былого веселья ничего не осталось. У торговки на набережной долго стояли у корзины с зелеными угрями – там Данила, как истинный рыбак, разводил руки в сторону, что-то показывая. Потом постояли у пирса, смотрели, как группа монахов в черных одеждах грузила мешки с цементом на свой катер. Потом постояли недолго в толпе митингующих противников половодья, а сейчас просто сидели там же, на набережной, разглядывая прохожих. Мимо жалобно постанывающую телегу тянула лошадь. Цыган шел рядом с повозкой, даже вожжей не было в его руках, а лошадь сама шла по очевидно знакомому ей маршруту. Телега была загружена металлическим хламом.

– Мир освоения космоса и баллистических ракет, – сказал Петя.

Данила неожиданно вскочил на ноги, потянул Петю за собой.

– Быстро, быстро, быстро, дело есть!

Шли быстро по переулку, в конце которого была баня. Петя, когда Данила свернул во двор, начал улыбаться и удивился, когда Данила пошел в другую сторону, к груде металлолома. В бараке с трубой было тихо, но Данила все равно перешел на шепот.

– Вот эту… Не обделаемся? – Данила примерился к секции батареи, скомандовал: – С той стороны бери. На р-раз-два, взяли!

Согнулись, вынесли со двора, понесли, другими дворами вышли к будке приема лома, уложили секцию на весы. В окошко им протянули деньги. Данила покровительственно глядел на приятеля.

– Пальчики не повредил?

– За деньги можно и потерпеть, – засмеялся Петя. – Но риск навредить себе на всю жизнь определенно был.

А сейчас они приютились на лавочке в школьном дворе. Сама школа была через стадион, безлюдный в этот день, а рядом с ними была прыжковая яма с песком да стоял замысловатый лабиринт из полосы препятствий. Данила встал, подошел к началу двойной змейки из труб и, медленно перебирая руками, прошел все изломы и изгибы до конца и обратно пошел, но уже быстрее, а в конце пути подтянулся, перевернулся и повис вниз головой. Из кармана посыпалась мелочь. Петя нагнулся собирать, подсчитывать.

Данила, продолжая висеть, с хитрой улыбкой на лице сказал:

– Билеты по полтиннику, на три…

– Почему на три? На четыре!

– Не сбивай! Двести, может, четыреста, если по сто, мороженое четыре, колу… и еще на туда-сюда останется. Знаешь, я что подумал… давай ты в основном с ними разговаривай. Ксюха отличница.

– Запросто. Хотя и непонятно, почему я? Волнуешься?

– Как хочешь. Я просто так сказал. Может, билеты возьмем заранее?

– Не надо. Надо предложить им выбор. Мало ли что они захотят. Мне тоже дали деньги.

Петя достал купюру. Тысячную.

– О! Живем! – Данила спрыгнул на землю. – Сколько уже?

– Два десять, – Петя показал телефон. – Звони.

Данила достал мобильник. Защелкал кнопками, сбился от волнения, потом набрал правильно. Подмигнул и отвернулся от друга.

– Алё, Ксюха, привет! Что делаешь? Ну ладно… да не, ничего… ага. Пока…

Конец фразы Данила произнес будто в пустоту.

– Что? – спросил Петя, начиная догадываться, но еще не веря.

– Бли-и-ин! Ее родители на дачу увезли!

Данила стукнул по трубе кулаком.

– Во! Когда?

– Утром, – вздохнул Данила и уставился в землю.

– Сегодня вернется? – с надеждой в голосе спросил Петя.

– Нет. Твою мать! Чего боишься, то и происходит, – повторил Данила слова отца.

У него не получилось скривить рот, как делал это Пряхин, но было очень похоже.

– Могла бы позвонить. Потерянная личность! Не про всех будет сказано! – язвительно начал Петя.

– Соображалки не хватило, – сказал Данила и рассердился: – Блин! Да пошла она в баню!

– Это как вариант! В ту самую!

Петя согнулся от смеха и зигзагами, раскинув руки, побежал через стадион. Данила за ним. Отбежали, остановились друг против друга. О чем-то заговорили.

Они в кровати. Над головами одна картина, напротив – другая.

– Хорошо живешь.

– Неплохо, не жалуюсь, – согласилась Катя.

– Ну да. Военный, что ли? Кто по званию?

– Не знаю. Не разбираюсь я в этом, да и не хочу.

– А в танках и в бэхах почему разбираешься?

– В этом да, понимаю немного. Они об этом с утра до вечера ведь говорят. Я иногда документы помогаю готовить, перевожу, запомнила. Тебе, кстати, подлодка не нужна? На озеро к теще? Могу устроить.

– Заметано! Как только, так сразу. Круто!

– Н-да. Такие мы!

– Так кто он все-таки? Сколько звезд на погонах? Большие, маленькие?

– Большая, одна.

– Майор, – будто даже с облегчением сказал Пряхин и добавил: – Май-ор-ша!

– А тебе было бы приятнее спать с генеральшей?

– Не знаю. Пересплю, потом скажу про разницу.

– Вот и молодец!

– Кать! А на брюках у него полосы есть? Две широкие?

– Знаешь, я его чаще без брюк вижу. Съел?

Пряхин сделал обиженный вид. Ей позвонили. Катя глянула на номер, стала серьезной, приложила палец к губам. Пряхин, отчего-то боком, пошел в ванную.

– Алёу! – ответила Катя. – Ой, привет! Да нет, еще не освободилась. Эти уроды колесо меняли целый час. Я там промокла вся! Сейчас в банк еду, думаю успеть. А ты как? К кому? Ой, я и забыла про них. Во сколько? А подарок? Ма-ла-дец! Посмотрим…

Любаня у себя дома недоуменно смотрит на телефон, потом, видимо, догадывается, спрашивает шепотом: «Аллё, Кать… Еще звонить?»

– Хорошо. Посмотрим… Пока-пока, звони, – ответила Катя.

– Посмотрим! – повторил за ней Пряхин, глядя на себя в зеркало.

Напился воды из крана и пошел к ней. Лег лицом вниз, затылком наверх – там Катя увидела немного седых волос и едва прикрытую ими макушку. Тронула его за плечо.

– Голову красить не собираешься? Лысеешь.

– Чего? – мгновенно обиделся Пряхин. – А у тебя грудь.

– Что грудь? – вздрогнула от удивления Катя.

– Могла быть больше, – Пряхин поднял голову, желая увидеть реакцию на свои слова, специально обидные, усмехнулся.

– Чем меньше грудь, тем сердце ближе, – быстро нашлась Катя.

– Я ведь не терапевт! – хохотнул Пряхин. – Я…

– О! Голос прорезался! – перебила, сверкнула глазами Катя. – А раньше ты так не говорил.

– Ну что? – Пряхин кивнул в сторону ее ног. – Туфли носятся?

– Еще как! Летаю, ног не чувствую. Спасибо.

– Как ведьма, летаешь? – рассмеялся Пряхин.

– Ну… как придется. Иногда как ангел. Но редко.

– Что новенького? – спросил, отсмеявшись, Пряхин.

– Новенького? За прошедшие две минуты или вообще? Вообще, много чего, – вздохнула Катя. – Дочь скоро станет мамой. А почему ты больше не ухаживаешь за мной? Налей…

– Да ты что? У тебя только она? Один ребенок?

– Да…

– Зять кто?

– А зятя нету. Неудачница она у меня в этом плане.

– А чего так? Некрасивая, что ли?

– Чего это некрасивая? Обычная.

– От меня получилось бы лучше.

– Ну так и быть, следующего рожу от тебя… если хорошо попросишь.

– Испугала! Я ворон непуганый. Чего замолчала? Шутница!

– Как-то неожиданно ты к этому вопросу подошел. У тебя красивые дети?

– Красивые. Так что? Молчишь?

– Фу на тебя! То есть ты предлагаешь сразу объяснить, куда конкретно засунуть это офигенное предложение? Это я тебе, солнце. Пожалею, не стану объяснять куда. Хорошим ты, в общем-то, человеком когда-то был. Какой сейчас – не знаю. Но как мужик – ничего, вполне!

– Я знаю.

– Что? – рассмеялась Катя.

– Что был хорошим парнем. Когда-то. И вообще.

– Зато теперь это подтверждено научно.

– Пей!

– Спасибо. Я сейчас тут в жутких ревностях… прямо хочется рвать и метать! Мне бы просто сейчас загрызть кого-нибудь, сразу бы полегчало.

– Из-за меня, что ли? Нет? Не пойму ничего… Зачем ты мне это говоришь?

– Я думала тебе и это интересно будет знать. Про мужа ведь спросил, про дочь и зятя тоже… давай уж до кучи про всех! Разве о таком в постели говорят?

– Ты тоже подруге или кому там звонишь все время!

– Ой, я забыла! – Катя потянулась к телефону. – Алёу! Ну что? Измерила? Сколько? Нормальная, не волнуйся ты так. Чаем напои, через не хочу… и укрой, пусть вспотеет. Я скоро дома буду, перезвоню.

Любаня теперь с пониманием выслушала Катю, потрясла кулачками.

– Ну вот опять. С кем ты это? Кто простудился? – спросил Пряхин.

– Сынок Любани. Ты ведь видел.

– Отвар надо из мать-и-мачехи с калиной. Пусть даст.

– Где же она такое в городе найдет? И мать, и мачеху? Да в одном доме? Невозможно!

– Смеешься? Ну а чеснок-то можно найти? Или у вас в городе ничего нет? – Пряхин, хитро улыбнувшись, привалился к ней, вскоре оказался сверху. – Или есть?

– Эй, Пряхин. Не с того начинаешь! – выставила руки перед собой Катя.

– А с чего надо? – опешил Пряхин, продолжая нависать.

– Со многого другого начинай. Признайся в любви или расскажи, как меня потерял… сам выбери тему.

– Ты это о чем? Не терял я тебя. Ты сама ушла!

Пряхин откинулся на спину.

– Тогда начинай признаваться в любви, раз нашел. Скажи, можешь повторять за мной, что все эти годы тосковал, что устал жить в муках и в стыде, что меня тебе не хватало, что тебе очень плохо без меня. Что молчишь? Повторяй. И что сейчас ты очень счастлив, вновь увидев меня. Что время расцвета-отцвета меня очень красит…

Катя пальцем тронула его брови, провела по носу, губам. Потом сама придвинулась, положила голову ему на грудь.

– Ну, мать, ты даешь! – благодушно, тоже улыбаясь, вполголоса сказал Пряхин.

– Еще не дала как следует! Твое удивление впереди. Так будешь признаваться в любви? Чего так смотришь?

– Не могу я эти муси-пуси…

– Плохо, что не можешь, – Катя закатила глаза, капризно погрозила: – Эх ты…

– Так это до того ведь говорят? А потом зачем? И так все ясно!

– Пряхин! Заткнись немедленно! Все испортишь. Прекрати казаться хуже, чем ты есть на самом деле!

– Я не соловей, чтобы петь.

– Ты ворон. Сам сказал. Съел? – мгновенно ответила Катя.

– Вообще ничего не понимаю.

– Скоро поймешь. Сейчас я другое хочу, – Катя толкнула его в живот, потом приложила палец к губам: – Тсс!

За стенкой слышались характерные стоны и вскрики. Катя притянула его к себе и перевернулась с ним вместе. Пряхин оказался на спине, заулыбался.

– Сверху дальше видно! – сказала Катя.

…Потом ей стало плохо, она закрыла глаза, вытянулась, замерла. Пряхин набрал в грудь воздух, раздул щеки, с шумом выдохнул его обратно – так задувают свечи в день рождения, – испугавшись, замахал ладонями у ее лица, потом схватил подушку и начал ею гонять воздух. Она открыла глаза, рассмеялась, нашла его голову и прижала к груди. Пряхин услышал стук сердца и гордо улыбнулся. Она вдруг сказала нараспев:

– Девица большего желала, хлопец лучшего хотел…

– Ну и сука ты все-таки!

– Вот и поговорили… Да знаю я про себя все, страшно со мной... ничего не утаишь, не скроешь. Так что колись, как потерял меня?

– Ты что? Кина насмотрелась? – криво усмехнулся. – «Титаник»?

– Н-да… Никакой поэзии. И не растратилась я.

Катя еле сдерживала смех.

– Ты опять за старое? – напрягся Пряхин.

– А тебе самому не интересно? Я могу и обойтись…

– Говори уж, раз начала.

– Давай вместе. Хочешь? Я тебе помогу, если что.

– Что вместе? Дай отдохнуть! Десять минут.

– Вспоминать вместе! Балда! – засмеялась Катя. – Кто о чем, а вшивый о бане!

– А, ну…

– Ладно, позже. Отдохни пока.

Площадь перед кинотеатром. Справа лоток с мороженым, несколько столиков, слева еще что-то питейное – павильон. Туда и направились Данила с Петей. Мужики с пивом даже замолчали на время, провожая их взглядами до стойки. Ожили лишь тогда, когда буфетчица отказалась налить пиво приятелям. Тогда Петя купил бутылку колы, а когда Данила выложил на стол свою пачку сигарет и поднес ко рту стакан, Петя поймал его на первом же глотке словами «замри-умри-воскресни». Данила замер с раздутым лицом, а при разрешающих словах «воскресни и будет тебе счастье» брызнул неожиданным фонтаном колы так шумно и широко, что и у буфетчицы вконец лопнуло терпение.

– Эй! Детский сад! Вы ничего не перепутали?!

Мальчики, стараясь идти медленно, с прямыми спинами, вышли из павильона и, зайдя за угол, расхохотались и побежали ко входу в кинотеатр.

В шестом ряду, кроме них самих, никого больше не было, как не было никого ни перед ними, ни за их спинами. Да и весь небольшой зал кинотеатра был едва заполнен на треть. Лишь сзади, под окошком с потоком света на экран, сидели несколько парочек. Там кто-то курил, и дым поднимался вверх, расслаивался в луче. Шел «ужастик» – вампиры взлетали, скалили зубы, превращали их в клыки и сверху падали на людей. В зале смеялись, скрывая испуг.

Петя скучал открыто, включал телефон, вертел головой по сторонам. Фильм закончился, зрители потянулись к выходу, в светлый проем распахнутых дверей.

В глубине, под акациями, ряд с торговками, а за ними на площади кольцом стояла молодежь, нарядная, громкоголосая. Оставшееся в центре круга пространство на мопеде рассекал парень в шлеме, очках и крагах, а на заднем сиденье, обхватив парня руками за живот, прижимаясь щекой к гордой спине, сидела юная врушка Ксения Макарова.

– Ксюха? – удивленно прошептал Данила.

– Где? Эта? – Петя повел головой вслед мопеду. – Во дает! Вакханалия?

Он не решился заявить это утвердительно, произнес с вопросительной интонацией и, посмотрев на Данилу, сам удивился выражению его лица. Непонятно было, то ли Данила хочет рассмеяться, то ли вот-вот заплачет. Поэтому Петя отступил, ушел за спину друга, замолчал, позволив себе лишь наблюдать за трюками мопеда.

А парень разгонял мопед, потом резко тормозил, заднее колесо заносило вперед, и всем казалось, что ездоки сейчас упадут.

«Вау-у!» – проносилось по площади, но тут парень добавлял силы в мотор, колеса выравнивались, мчали его и визжащую от страха и восторга Макарову дальше. Вот в очередной такой заезд, когда девчонки в группке привычно – «Вау!» – завизжали, испуганно шарахнулись в стороны, а байкер выровнял мопед и погнал дальше, Ксюша повернула голову и увидела Данилу. На мгновение что-то напоминающее смятение мелькнуло в ее лице, а потом оно вновь приняло безмятежное, счастливое выражение, во много раз более счастливое, чем секундой раньше.

Мопед остановился. Парень, вытянув длинные ноги, держал его за руль, словно скакуна за удила, позволяя Ксении ступить на землю. Она что-то прошептала ему на ухо. Он снял очки и, посмотрев в сторону Данилы, ухмыльнулся и подмигнул. В ответ Данила поднял вверх средний палец. Мопед взревел, рванул к Даниле и резко затормозил, точно так же, как делал это совсем недавно, катая Макарову. Данила отступил назад, споткнулся о ноги приятеля, упал. Обидный смех со всех сторон, отовсюду смех. И громче всех смеялась Ксюша. Так казалось Даниле. Он вскочил на ноги, зло, что было мочи, саданул по колесу. Веселье на площадке скомкалось. Парень слез с мопеда, сдергивая на ходу перчатку, подошел к Даниле и двинул кулаком в глаз.

Пряхин лег удобнее, потянулся за пультом от телевизора.

– Не включай. Не надо!

Катя отняла пульт.

– Почему?

– Сравнивать начнешь, – сказала Катя. – Расскажи что-нибудь.

Пряхин зевнул, потом спохватился, прикрыл рот и снова зевнул.

– Укатала сивку? – спросила Катя.

– И не говори!

Пряхин вытянул руки перед собой, сделал несколько маховых движений.

– Люстру не сбей, – усмехнулась Катя.

Пряхин взглядом измерил расстояние до лампы, посмотрел на Катю, как на несмышленого ребенка, затем повел взглядом по номеру.

– А сколько номер в день стоит?

– Ну стоит что-нибудь. Зачем тебе это?

– Кать, я все отдам. Отобью за месяц.

– Значит, только через месяц увидимся? – капризно сложила губы Катя.

– Ну да! Работать надо! Долг отдать, – ответил грустно Пряхин.

– Ну да…

– А хочешь, я твоим отдам? Я тетю Римму часто вижу у нас в швейном…

– Да, мама модницей у меня стала на старости лет. Ей бы здоровья побольше, – задумчиво сказала Катя и в очередной раз внимательно, сосредоточенно, будто какая-то неясная пока мысль не дает покоя, вгляделась в Пряхина. – Не любишь ходить в должниках? Правильно. Я тоже.

– А кто любит? Покажи мне такого.

– Люди разные.

– Откуда у тебя долги? Муж богатый, сама говорила, и ты сама в порядке вроде.

– Да. Только они разными бывают, долги. Это вам хорошо, сделал – продал, починил – отдал.

– А как у вас?

– А у нас в квартире газ! У нас, короче, чтобы ты понял быстрее, примерно так: кто-то кому-то оказал услугу, помог, вот этот кто-то теперь и должен тому, кто когда-то оказал кому-то… Постой, я что-то сама запуталась.

– Я понял. У тебя такой долг висит?

– Да.

– Перед кем?

– Да есть один…

– Муж?

– Нет.

– А кто?

– Ты.

– Чего?

– Хочу отдать.

– Что?

– То!

– Валяй! Сколько? За что? За ремонт каблука?

– За нормальную жизнь. Ведь это ты мне ее устроил.

– Я? Что вы говорите! – выдохнул Пряхин и напрягся.

– Да, господин Пряхин, вы! Рассказать?

Катя нашла полотенце, закуталась.

– Валяй. Даже интересно, – ухмыльнулся Пряхин.

– Ладно, слушай. Но может, не надо?

– Давай, не пугай.

– Ты ворон непуганый. Я это уже запомнила. Ну давай так давай! Сам напросился. Итак, слушай, – Катя замолчала, посмотрела перед собой. – Ладно. Так и быть. Картинка с выставки. Однажды, шестнадцать лет назад, в таком-то царстве-государстве одного пацана должны были утром забрать в армию. Собрал он, значит, на вечеринку друзей, позвал свою любимую девушку и устроил гульки, как полагалось по

обычаям того царства. Вот. Гуляли в доме его друга, там уж не знаю почему, но родителей дома не было. Вспоминаешь?

– Они же проводниками работали. В рейсе тогда оба были. На юга и обратно.

– Не важно. Но ты молодец, помнишь. А этот самый друг, ну который хозяин, фу, как вспомню… круглый, как кот, привел одного майора военкоматского, из другого города. Областного, как этот.

– Это уже не помню. Быстро напились тогда. Но кто-то чужой, кажется, был, не помню четко.

– Еще бы! Вообще, дальше противно вспоминать, скажу лишь, что этот самый командированный дядя споил пацанов, а девушку увел. Меня то есть.

– А! Так вот оно как было! Буду знать. Кать, да забыл я уже все… хотя вначале думал-гадал, куда ты делась. Тебя увели? Получается, что это ты сама ушла с другим, не силком же тебя увели.

– Не получается. И вот почему. Там что-нибудь осталось? Налей. Плохо, что ты сам не пьешь. С расширенными сосудами лучше воспринимается, да и вспоминается, наверное, тоже лучше. Давай я замолчу, пока не поздно. Пока ведь все верно рассказываю? Витя, я все знаю.

– Что ты можешь знать? Всё вы все знаете! Нагородила тут, ни хрена не понять, с печки на лавку!

– А с лавки куда?

– А с лавки под стол!

– Под столом стели солому, – опять быстро нашлась Катя. – Больно ты умный стал! Сказать, откуда я все знаю? А знаешь, почему ты на войну не попал? Хотя весь тот призыв прямехонько в горы и увезли. Знаешь об этом?

– Слышал. Сам удивился, что попал в другую команду. Только в поезде и объявили, что на север едем. Там ведь не говорили, куда да что. Фамилию назвали, будь добр, топай, куда велят… а самому спрашивать нельзя было, сразу по зубам прикладом! Или сто отжиманий!

– Вас что, в плен везли? По зубам, по шее? Пряхин, тюльку не гони!

– Сама не гони! Побывала бы в моей шкуре тогда, не вякала бы сейчас!

– В твоей? Мне и в своей неплохо. И не вякаю я, а говорю…

– Ну и хорошо!

– Витя, не тупи! Говорить дальше? Предупреждаю в последний раз! Стоп! А давай, Витя, мы лучше по-другому сделаем. Представь, что у меня есть секрет, а ты его у меня хочешь купить. А я торгуюсь, а ты уговаривай, сбивай цену и так далее… Идет? Поиграем?

– Ты больно умная стала. Тебе не кажется? – ухмыльнулся Пряхин.

Катя вздохнула, потом прислушалась к звукам за стеной.

– Ого! Во дают!

Пряхину показалось это оскорбительным. А также то, как снисходительно посмотрела на него Катя.

– Ты что? Всё, я пойду… хорош! Слушать эту чушь. Надоело! Не надо мне ничего от тебя! Обойдусь. Извини за беспокойство.

– Здрасьте вам! А меня кто отвезет? Опять бросаешь?

– Курьер и отвезет! Вот уже где твои разговоры! Достала! – Пряхин рубанул себя по горлу, закрутил головой в поисках одежды. Скривил привычно рот, передразнил зло: – «Опять бросаешь!» Когда я тебя бросал?

– Так мужчины себя не ведут! – закачала головой Катя. – Поставьте девушку обратно! Откуда взяли. Кстати, а где курьер? Пешком он, что ли? Сейчас, подожди.

Катя встала, с телефоном в руках подбежала к окну, спряталась за шторами. Поднесла телефон к лицу, задумалась, потом выключила – монитор погас – и громко начала:

– Алло! Это я. Ты послала? Сколько? А зачем так много? Давно? А с ним связаться можно? Ну так позвони с городского, я подожду… ну давай так, жду… Что говорит? А он на чем? Понятно, буду ждать. Всё-всё, батарейка кончается… – Катя развернулась, села на подоконник, спиной к улице; сдвинула шторы к центру, прихватила у шеи, неприкрытыми остались только ладони и лицо; выпятила губы бантиком и детским голосом, хлопая ресницами, сказала: – Я старичок-боровичок. Курьер-пенсионер. Сообщаю. Автобусом еду. Скоро буду. Точка! – перешла на нормальный тон. – Теперь еще и за него волноваться. С ним денег немерено! Дура!

– Кто?

– С работы. Кассир.

– Я думал дочка.

– Ага! Дочка маме в гостиницу деньги посылает для чужого дяди! Да еще в такую гостиницу! Ты что?

– Ну… всякое бывает! А что такого в этой гостинице? Нормальная.

– Вить, ты что? Витя, тут не живут! Сюда трахаться приходят. Как мы с тобой. Ты телевизор включи!

Пряхин перевел взгляд с одной картины на другую.

– Ты тут часто бываешь?

– В первый раз. Но адрес запомню, на всякий случай… Запомню, потому что с тобой тут была. А ты что, уже ревнуешь? Ой, как приятно! Иди ко мне. Совсем мы забыли, какая это гостиница. У нас еще время есть.

– Я курить хочу.

– Кури здесь.

– Там вытяжка.

– Ну беги, – Катя горько усмехнулась, включила телефон.

Пряхин закрыл за собой, оделся. Закурил. Зашептал: «Ну сука! Ой, бля, какая сука! Достала! Бля! Посмотрим!»

Подмигнул себе в зеркале, вошел в комнату, у кресла постоял, потом сел. Босой. Огляделся в поисках носков. Она наблюдала за ним

с подоконника, сама опять едва видимая. Пряхин нашел носки под креслом, надевая, спросил:

– А ты у своих часто бываешь? Кого из наших еще встречала? Девчонок видела?

– Не часто, ну пару раз в год точно бываю. Мама у меня чаще, чем я там. А когда Натуська маленькая была, так мама с ней и сидела. До четырех лет. А про каких девчонок ты спросил? Из школы? Или с нашей улицы? Юльку в основном вижу. Такая бабища стала! Откуда что берется? И, главное, ничего у нее не болит, я спрашивала. И ей это нравится. Довольная ходит, веселая.

– У нее дети есть? Может, после родов разнесло?

– Нет у нее никого.

– Вообще? Вот поэтому и разнесло…

– Дурачок ты, Пряхин. Разве от хорошей жизни разносит?

– Какая же хорошая, если одна кукует?

– Да уж лучше одной быть, чем с такими, – неожиданно прорвалась злость в голосе у Кати.

– С какими? Как я?

– При чем тут ты? Что, я мужиков не вижу? Да хотя бы и тебя взять! Сюда привел, свое получил и сбежать норовишь. Не мужской это поступок, Виктор!

Пряхин рассмеялся, в два шага оказался рядом с Катей, поднял ее, закружил.

– Куда тебя доставить? Откуда взял? Или куда хошь? Я серый волк! – Увидев, что Катю не удалось развеселить, посадил ее обратно на подоконник, но смеяться не прекратил. – Да ладно, – миролюбиво начал, – тебя послушать, так во всем одни мужики виноватыми выходят!

– А разве не так? Докажи обратное.

Пряхин почесал бровь, задумался.

– Хочешь, расскажу один случай? В нашем поселке было. Может, ты их даже знаешь, поэтому я не скажу, про кого это. Хочешь?

– Ментовские байки? Страшные? Или башмачные?

– Нет. Обычные. Веселые.

– Слава тебе господи. Валяй!

– Ты правильно угадала, я еще в отделе работал, в дежурке. Там, короче, такая история. Разбился сосед с дочкой в аварии, дочке срочно потребовалось переливание сделать, а у него не стали кровь брать. Говорят, не той группы. Ну сосед стал подозревать измену. Пришел к нашему за советом, принес дочкин волос. Выпили. Наш пообещал узнать в экспертизе, хотя ее у нас сроду не было. Поняла, да?

Катя кивнула с подоконника и отвернулась к окну. Внизу жила улица. Шли люди, ездили машины. За дверью гудел пылесос. Пряхин продолжал.

– Ну там кровь, ДНК, то да сё. На другой день только пришел домой, там рев стоит. На кухне соседка. Спрашивает: у тебя мой был? Был, а что? Соседка ревет, жена нашему говорит: короче, ты должен помочь!

Что там тебе скажут в твоей экспертизе, ты не говори ему правду, люди живут уже столько лет вместе, дочь вон вырастили, ну… короче, ты сама понимаешь. Ну наш против жены не попер, скрыл правду от соседа. Ну ты понимаешь, да, что там могло быть написано?

Катя вновь кивнула, с меньшим интересом на этот раз, отстраненно, будто желая показать, что думает она сейчас о чем-то другом, от чего ее этим рассказом отвлекают. Пряхин уловил это в ней, смешался, скомкал конец.

– А ты говоришь…

– А еще был случай в Армавире! Да? Таких историй я тебе сама сколько хочешь расскажу. Каждый вечер по телевизору показывают, – усмехнулась Катя, – там коварства на любой вкус. День про женское, день про мужское… – Катя заметила, что он обиделся, и с готовностью, уже не пряча иронии, спросила: – А ты откуда узнал про это? Или про себя рассказывал?

– Я ведь сказал, что в дежурке сидели. Там и узнал. А потом у меня ведь сыны! А твоей дочери… ей сколько лет? – вскользь, как будто между прочим, поинтересовался Пряхин.

Катя посмотрела на него внимательно, помолчала, затем ответила:

– Шестнадцать, и что?

Пряхин тоже молчал, наклонил голову вбок, словно оттуда ему что-то важное говорили.

Катя посидела секунду, а потом с подоконника прыгнула на кровать и осталась лежать там без движения и звуков, лишь время спустя Пряхин увидел, что Катю начало трясти от смеха.

– Ой, не могу! Сейчас описаюсь от смеха! Пряхин! Ты что придумал? Ой, не могу! Больше ничего не говори, умоляю! Ты что, серьезно так думаешь? Тебе что, своих сынов мало, ты еще и мою Натуську хочешь в дочки принять? Слушай, а может, ты алименты хочешь? Ой, не могу! Жаль, что Натуське об этом не смогу рассказать! Еще родит раньше времени со смеху! Расскажу сегодня Любане, насмешу. Ой, что-то в глаз попало. Тушь.

Катя вбежала в ванную. Там громко заработал душ. Пряхин достал сигарету, пошел было в сторону ванной, остановился, свернул к окну. Там не сразу, но справился с защелками и, впустив в комнату шумы улицы, закурил.

– Как тебя по батюшке? Я забыла… – Катя вышла из ванной. – Эй, ты где?

– Дмитрич, – отозвался Пряхин.

– Дмитрич. Я запомню.

– Зачем?

– Как зачем? Даю в долг человеку деньги, а ни имени, ни фамилии не знаю. А вдруг обманешь! Не вернешь. Знаешь, сколько таких занимальщиков сейчас развелось? Ищи вас потом! Ой прости! Я забыла, что ты шуток не понимаешь. Зато сам шутишь! Отпад! Умереть не встать!

– Я уже жалею, что тебе позвонил. Кроме шуток, правда.

– Не жалеешь. Ты просто хотел меня увидеть и искал повод. Да?

– И морду сам себе изукрасил?

– Ну из-за любви ко мне можно было и не на такие жертвы пойти. Хотя вряд ли ты на такое способен!

– Способен. Не для всех!

Что-то страдальческое мелькнуло в глазах Кати, в уголках губ, но быстро сошло.

– На всех тямы не хватит. Да?

– И не говори, – процедил Пряхин и пошел к выходу, а там, остановленный голосами из-за дверей и неожиданным мощным звуком пылесоса, озираясь и почему-то шепотом, сказал: – Там, наверное, этот пришел… курьер. Скажи ему, что ничего не надо.

– Курьер? Ах да, курьер. Нет, он должен был позвонить вначале. Я его поднимать сюда не хочу, на улице встречу. Город маленький, слухами живет. Подожди, уйдут там, выйдешь.

Пряхин прислонился ухом к двери.

– Ругаются, – шепотом озвучил происходящее в коридоре. – Не пойму только, на каком языке. Две бабы… и мужик. Плачет! Ого! Опять… Кажется, теперь охранник пришел… кажется, там драка… Короче, дооралась она.

– Трусишь? – Катя усмехнулась. – Я не думала, что ты хлипкий такой!

Пряхин услышал, обиделся и вернулся обратно. Сел в кресло, поочередно, до хруста, помял ладони, какое-то мгновение пребывал в нерешительности, потом начал тихо, не глядя на Катю:

– А знаешь, ведь я ждал твоих писем в армии. Потом мне сказали, что ты куда-то исчезла. Или учиться уехала, или замуж вышла.

– Кто сказал такое?

– Мать.

– Когда? После армии?

– В письме написала.

– Правду написала. И замуж я вышла. И учиться он меня отдал. Мне тогда сразу все равно стало. Надолго. И дочь уже была, а все равно сердце щемило по тебе. Хотя и знала уже все.

– Ну что теперь старое ворошить? Да, виноват. Напился, за тобой не уследил, не удержал. Что дальше? Прошлое не вернуть. Но и ты хороша.

– Ну да, хороша, – согласно кивнула Катя и вновь внимательно вгляделась в лицо Пряхина. – А что с мамой случилось? Ведь не старая еще была. Болела?

– Болела, но не долго. Быстро эта болячка ее съела.

– Рак?

Пряхин кивнул, потянулся посмотреть время.

– Торопишься? Жаль, что у нас ничего не получилось…

– Жаль. Я тебя тоже очень любил.

– Тоже? Ах, если бы я знала об этом тогда! Ты этих слов ждешь? В общем, ничего бы не изменилось.

– Ничего я не жду. Не говори за меня.

– Хотя любопытно было бы узнать, что могло у нас получиться.

– Все получилось бы нормально. Не пожалела бы.

– Как бы это сказать… блин, вот реально трудно выразить словами. Как бы при том, что баба я ласковая, каких поискать, жестковата я для тебя раза в три больше, чем надо. И тогда, видать, такой же была, но не знала. Вот как-то так. Не уверена, что получилось бы.

– Разве сегодня тебе плохо было?

– Нет. Все было замечательно. Только ты боишься меня немного, что ли… Чувствую, что-то хочешь сказать, да не решаешься… Я вот, например, не стесняюсь, говорю, что рада нашей встрече. А ты молчишь. Почему? Разве это справедливо?

– Да нет. Это я сам хотел так сказать.

Катя будто споткнулась.

– Ну скажи.

– Не могу по заказу.

– А ты без квитанций, не оформляй. Как своим ремонт делаешь. Так и скажи…

– Потом попробую, не сейчас.

– Ну да, ну да. А почему тебе мать про меня написала? Ты ее спрашивал про меня?

– Про всех спрашивал.

– Я хотела тебе написать, не сразу, потом.

– А почему тогда не написала?

– Не получилось хорошее письмо. В армию ведь девчонки письма поддержки слать должны, а у меня не выходило. Я и так, и сяк пробовала. Потом уже не до тебя стало, уж извини.

– Муж?

– И дочка, и учеба. И муж. Спасибо вам за это, – Катя поклонилась ему в пояс – по-театральному медленно, плавно.

– Ну может, хватит уже?

Пряхин заговорил тверже и лицом выразил уверенность и силу. И, подчеркивая независимость, закурил.

– Устал меня слушать? – Катя поджала губы, сделала их тонкими, прищурила глаза. – И я тебя прекрасно понимаю. Смысл непонятен для тебя. А что, выпить больше нет? Нету-у. Плохо. Знаешь, лежу сегодня утром, думаю, нет, я сегодня маленькая девочка, ходить еще не умею и никуда не пойду! Потом началось: звонки, туда, сюда. А кончилось чем? Вот я тут, и от меня уже устали. А что я такого сказала? Скажи? А ведь могла тебе по болевой так проехать, что мама не горюй. Я ведь вижу, что ты и при щадящем режиме мечешься, убить, наверное, меня уже хочешь…

Засмеялась и прошла к окну. Там потянулась к стеклу. И осталась там, будто что-то увидела и теперь уже не в силах была оторваться.

– Пить надо меньше, – вставил Пряхин.

– Нет, показалось. Мужичок шел очень похожий на курьера. Ошиблась. Так что ты сказал? Не расслышала я. А, вспомнила! Сама, между прочим. А ты говоришь «пить надо меньше». Так вот, мне проще, обрисовав проблему парочкой слов, с разворота дать в лоб. Вот не смейся, я серьезно говорю! Поэтому с темой «тебе хорошо, милый?» – «да, любимая» – это как бы не ко мне. По морде можно получить на раз-два, если меня глупостями от серьезного дела начнут отвлекать. Бальзам от такого обращения тащится и много лет потом вспоминает, как я ему классно врезала. А с тобой ведь так нельзя, оказывается, а как надо, я уже не умею.

– Бальзам? Это кто? «Три мушкетера»?

– Фу-у на тебя! Опять смешишь? Во-первых, Дюма, а во-вторых, не Бальзак, который писатель, а Бальзам, мой муж. Он худющий, как бы забальзамированный. Вот и зову его так. Такое тело, карандаш, а злой, как бык… Слушай, а ведь точно карандаш! Внутри черный стержень. А ты разве его не помнишь?

– Ну откуда я твоего мужа могу помнить?! О чем ты? Он из наших?

– Ты что, не понял ничего? Чего дурака валяешь? Я думала, ты умнее.

– Слушай! Давай я все-таки пойду! Ты, правда, своими загадками любого достанешь! Откуда я могу знать твоего майора?

– Подожди, успеешь уйти… – Катя опять подалась к окну, даже на носки пришлось встать, чтобы рассмотреть что-то на улице; цыкнула с огорчением в голосе: – Тьфу, зараза! И это не он. Этот молодой, симпатичный, а тот пожилой, почти старик. Но приставучий! Куда же он делся? Может, ему тоже по башке дали? – Катя отвернулась от окна, помедлила немного и сказала строго и устало: – А это и твой майор тоже, Витя. Тот самый. Он стал моим мужем. С той самой ночи. Вспомнил теперь? Так что… вот так. Знаю все из первых рук. Или уст? Не знаю, как правильно говорить. А тебя я уже давно простила. Я ведь правда любила тебя сильно, поэтому и поехала с ним, чтобы он свое обещание выполнил.

– Ну-у, – растерянно улыбаясь, протянул Пряхин. – Какое еще обещание?

– Чтобы живым ты остался. Он ведь все сразу мне рассказал. Про сговор ваш. Он, оказывается, меня давно приметил, еще когда братика моего Санечку привезли из Чечни.

Пряхин молчал. Будто знал, что Катя скажет дальше.

– Тогда он у нас дома был, от области, все организовывал, памятник, салют, поминки. Я его потом вспомнила, а он, оказывается, сразу на меня запал. Только непонятно на что. Я в косынке, глаза повисшие, всё как в бреду. То матери плохо, то отцу. Не дай бог такое еще кому-нибудь пережить! Сына в гробу получить, как посылку… А через год он опять приехал, за майским призывом, за твоим, значит. Тут твой Собакин его и увидел, и подвалил… ох гаденыш! Скажи, а он сам служил?

– Нет.

– Гад он, твой Собакин, дешевка!

– Сибикин, – машинально поправил ее Пряхин.

– Собакин! – настояла на своем Катя. – Мой сразу разобрался, с кем имеет дело, про меня заговорил, а потом и тебя позвали. Майор предложил сделку: меня, значит, ему, а тебя в другую команду, которая без стрельбы и без войны. Вы оба… идиоты! Думали, что одной ночью все обойдется, никто ничего не узнает, а меня вообще в расчет не брали. Мало ли кто кого трахает. А оно, видишь, как вышло. Он меня тогда и не тронул даже. Ты веришь в это? Другая развязка у той истории получилась. Он-то всерьез все придумал, рассчитал все до мелочей, замуж позвал. А тебе выгоды больше других…

– Ну… это почему?

– А потому, что ты меня удачно продал. Тебе повезло, Витя, что он честным оказался, свое слово сдержал. Засунул тебя в стройбат. И тебя спас, и маме твоей сына сохранил, царствие ей небесное, – перекрестилась Катя.

И Пряхин вслед за ней тоже. Потом вдруг громко рассмеялся, придвинул лицо.

– И что? Дальше что? А он что, до сих пор в майорах ходит? Кать, ты столько лет…

– Так за сколько ты меня продал? – сухо перебила Катя. – Я только этого не знаю, он не говорит. Он тебе заплатил что-нибудь? Сколько? Молчишь? Один черт, я товаром побыла! Фу, противно! Ой бля-я-я-я, как противно! А он, жалеет меня. «Я тебя очень-очень люблю… это так хорошо, что ты у меня есть» – это его слова, не подумай, что я их тебе сейчас говорю, ну так он, вот… о чем я, ну-у-у… я раз грохнула по столу, чтоб про личную жизнь рассказывал, он и рассказал. И про это, и про многое другое. Так что я все знаю. А насчет звания, да, одна звезда у него, но вот такая! – Катя пальцами обеих рук показала размер звезды. – Ну и как тебе генеральша? Ничего?

Пряхин дотянулся до бутылки с минеральной водой, открутил крышку и начал пить, двигая кадыком, сверху вниз поглядывая на Катю.

– Я и каблук специально сломала, чтобы на тебя посмотреть, мне мама сказала, что ты в Доме быта, но не думала я, что ты так быстро тут окажешься да еще и позвонишь… Я ничего не хотела, только посмотреть на тебя. Никаких разговоров я не хотела. Но не удержалась, извини.

– У меня твоя визитка была. Поэтому позвонил, – Пряхин допил воду, теперь искал, куда убрать пустую бутылку. – Куда ее деть? Где у них ведро?

– Дальше не продолжай! Опять скажешь, что больше некому было звонить. Взрослый мальчик, а что девушке слышать хочется, не знаешь.

– Хорошо, что хоть телефон не стащили.

Катя посмотрела на него долго, внимательно, качнула головой укоризненно.

– Да, хорошо, – подошла к нему, взяла за руку и повела за собой к двери. – Если хочешь, можешь уйти, – и добавила: – Деньги я тебе в карман положила.

Пряхин сунул руку в карман, вытащил деньги, засмущался, спрятал обратно.

– Спасибо. А когда он приходил?

Катя не стала отвечать, натянула футболку.

– Мне тоже надо домой. Муж ждет.

– Подождет! – неожиданно сказал Пряхин и пошел от двери обратно; потом вернулся, повел Катю за собой, усадил на край кровати, сам сел на пол, уткнулся головой в колени. – Ты…

– Я, Витя, я.

– В общем-то, там по-другому все было. Я ничего не знал. Мне Сибикин сказал, что есть возможность вообще откосить, раз я у матери один, ну типа «за потерей кормильца» и все такое. Только надо поляну накрыть «покупателю» и девчонок позвать. Там ведь были еще девчонки! Помнишь?

– Вить, меня дома ждут!

– Я утром глаза открываю. Там Сиба с Людкой. Тебя нет. Сиба говорит, что ты весь вечер с «покупателем» танцевала, а потом исчезла. И хихикает, урод. Я от него к тебе домой. Тебя нет. Тети Риммы тоже нет. Я к себе за вещами, а оттуда на сборный пункт. А там всё! Направо, налево! Равняйсь, смирно! Тут сержанты, там мать орет. Я ведь сказал ей, что меня могут оставить! Стою, жду, когда меня домой отпустят. И тебя нет. Потом погрузили и на вокзал. Я думал, ты там. Нету! И всё! Может, Сиба сам так договаривался? А я при чем? Пить, конечно, надо было меньше… Я в конце концов даже рад был, что уезжаю. Думал, в армии быстрее тебя забуду.

– Врешь ты все, Витя!.. Ладно, Витя. Проехали. Все вы ни при чем. Не могу я уже это слышать, – отмахнулась Катя.

– Сама начала. Никто тебя за язык не тянул. Ну а тебе-то что сейчас горевать? Генеральша!

– Еще бы знать, как надо. Внешне, да, все замечательно, и вообще я не горюю. Живу, как видишь… а… А ты любишь свою Наталью? Не мучаешь ее?

– Зачем?

– Ну некоторые ревностью изводят. Ты не ревнуешь?

– Кого? – вяло, устало ухмыльнулся Пряхин. – Нет, конечно.

– Слушай, чуть не забыла. Там в мастерской мальчик был. Он твой старший? Ему лет десять?

– Двенадцать.

– Ты сказал вроде, что сразу после армии женился? Я и решила, что сын твой должен быть, ну, года на три младше моей. А что так поздно родили? Не получалось сразу?

– Не сразу. Ну были кое-какие проблемы. А почему спрашиваешь?

– Да что-то твой рассказ о встрече с Натальей вспомнился. Что-то зацепило, не могла понять, что именно. Сейчас поняла: даты не совпадали. Любишь ее?

– Какие даты?

– Не важно. Проехали. А почему не отвечаешь? Любишь? Говори, я не обижусь.

– Да.

– А почему не ревнуешь?

– Ты что-то опять придумала?

– Да что же вы все такие! Понятливые.

– Мужики! – ожил Пряхин.

– Если бы! Морды бреете каждый день, а ведете себя, как бабы! И неправду говорите чаще, чем мы.

Пряхин неожиданно рассмеялся.

– Ты чего? – удивилась Катя.

– Ничего. Так просто.

– Опять так просто? – криво усмехнулась Катя. – Или ты о том, что гусь свинье не товарищ?

– И не думал так! «Слева горы, справа горы, а вдали Кавказ, там армяне зажигали свой народный джаз!» – запел вдруг Пряхин, медленно хлопая в такт, смешно оттопыривая локти; согнувшись в поясе и стоя на одной ноге, отрывал вторую от пола, поджимал в колене, тоже на каждый хлопок. – «Мой гора любимый, родина Кавказ, ара вай вай – вай вай…»

Пряхин пел, танцевал и метал быстрые и, как ему хотелось, незаметные взгляды на Катю.

Теперь наступила ее очередь смеяться.

– Что это было?

– С Араиком так в каптерке зажигали!

– Почему вспомнил?

– Он брился дважды в день. Вот и вспомнил. Смысла не ищи.

– Про отсутствие смысла – это интересно. Особенно когда его мало в жизни. Тебе повезло – ты ведь хорошо себя чувствовал в ментах, теперь вот в сапожниках. Везде тебе просто, но до тех пор, пока хватает на жизнь. А тут появляется смысл. Кормить семью. Я правильно про тебя понимаю? Только это. И никаких других проблем. Но здравый смысл должен быть во всем? Правильно? А почему?

Катя неожиданно так близко подошла к Пряхину, что тот, отступив, оказался у кресла, споткнулся и просто рухнул в него. Ножки у кресла подкосились, и Пряхин оказался на полу.

– Блин!!!

Пряхин собрал кресло, проверил. Не поворачиваясь, спросил:

– Отвертки нет?

Теперь уже Катя рассмеялась:

– Нету, только дрель с собой!

Пряхин кивнул согласно, все еще стараясь оставаться спиной к Кате.

– Дрель? Нет. Не пойдет. Пилки для ногтей нет?

– Оставь! Пусть впишут в счет, заплатим. Ты меня слышишь? Оставь, кому говорю! …Или получилось? Какой мастер! На все руки, на всё…

– А потому, что я всех кормлю в доме! Я один! Не понял я ни черта про смыслы твои! Я один вкалываю! – Пряхин отбросил в сторону все чужое, несвойственное, что давалось с трудом выдерживать в разговоре с Катей и, было видно, требовало больших усилий, вмиг стал обычным, привычным для самого себя. – Не хочу! Ни о чем больше не хочу думать! Нахрен! Без толку все это! Знаешь, чего я хочу? Жить, работать и ни о чем не думать! Я вообще не пойму, чего ты от меня хочешь? Гнилая тема! А почему ты сейчас не смеешься надо мной? Больше не смешно?

– Ты о чем? Когда это я смеялась?

– Катя, хватит! Целый день изгаляешься! Думаешь, я не понял? Да через пять секунд все понял!

– Тише! Не воюй со мной! Какой ты бешеный! – прервала она его. – Жизнь вообще тяжелая штука, не каждый с ней справляется. А еще она отворачивается от неумелых… – Катя, увидев, что увещевания не действуют, сменила тон, сказала строго: – Хватит ныть! Я просто сказала, что она у вас понятнее… без понтов и пафоса.

– Так и вы можете жить так же. Проще, – остывая, сказал Пряхин.

– Ты так резко на «вы» перешел? Боишься, что я к тебе жить перееду?

– Я про городских…

– А я про то, что вы свои чувства выражаете прямо, не как мы! Вы можете кричать, орать даже, ругаться… а тут ничего этого нельзя делать. Многое приходится терпеть. Терпим.

– Петух везде кричит одинаково, – поморщился Пряхин. – Там такое же…

– У тебя что-то в доме неладно? В отношениях? Почему так сказал?

– Да я же говорю, у всех все почти одинаково, – ушел от прямого ответа Пряхин.

– С ее стариками? Или с ней? – продолжала задавать вопросы Катя.

Она отошла к окну и оттуда смотрела на Пряхина до тех пор, пока он не сказал:

– Понимаешь, только с младшим все хорошо.

– Ну он же ничего еще не понимает! Как с ним может быть плохо? Лишь бы не болел.

– Вот я тоже думаю, что поэтому и хорошо.

– Дети еще много раз поменяются, а с женой что? Становитесь чужими? Не понимает тебя?

– Можно сказать, что так.

– Спите вместе? У тебя есть кто-то на стороне?

– Нет.

– Нет или не спите?

– Нет никого!

– А у…

– Нет! Ты что!

– Так что тогда?

– Слушай, но это такое, семейное, не для всех, – замялся Пряхин.

– А разве мы чужие? Мне скажи, а другим необязательно.

– Знаешь, там такое дело…

– Не знаю. Сам скажи.

– Сам не пойму, почему тебе все это выкладываю…

– Спасибо. Да потому что чувствуешь, что мне можно.

– Да… а вот почему так, не пойму. Вроде в обиде ты на меня, и виноват я, выходит, по-любому, но и ты меня пойми тоже…

– Простила, сказала уже. Всё по-ня-ла.

– Ну вот, – сказал Пряхин и заплакал.

Он спрятал лицо на ее коленях, зашмыгал носом, закрываясь теперь и руками.

– Ну здрасьте! Вить, ты что, Вить… – Катя пыталась поднять его голову. – Не надо, ну пожалуйста. Не надо. Не виню я тебя ни в чем.

Пряхин вскочил, в два шага оказался в ванной. Там смочил водой лицо, натер до красноты здоровый глаз. Заметил, что не закрыл за собой дверь, потянул за ручку, но прикрыл неплотно – оставил щелку. В нее увидел Катю, все так же сидящую на краю кровати. Когда Катя медленно повела головой в его сторону, метнулся от двери к раковине. Посмотрел на себя в зеркало, ругнулся беззвучно и вышел со словами:

– Да, знал я все «про тогда», но не это было главным. Я ведь боялся, что у нас серьезно все пойдет дальше, а я не смогу тебе много дать. Мать тогда говорила, что тяжело будет, что не потяну я семью, рано еще. Говорила, что семья – это совсем другое все. Говорила, что отец из-за этого от нас ушел. Я хоть и мало понимал тогда, но видно было, как тяжело ей…

– Правда? – Катя смотрела неподвижным взглядом куда-то сквозь стены комнаты, мимо Пряхина. – А сказал недавно, что все было бы нормально у нас.

Пряхин замолчал, но не остановился, продолжал ходить по номеру. Когда оказывался за спиной Кати, искоса поглядывал на нее, ожидая реакции на свои слова. Молчание затянулось, и Пряхин не выдержал, остановился за ее спиной.

– Я не пойму, чего ты хочешь? – и зашагал дальше, от кресла с Катей до окна и обратно, зачем-то открыл и закрыл дверь в ванную комнату. – Мне что, застрелиться пойти?

– Зачем? Я бы дождалась, Витя. Но дело сейчас не в этом… – Катя поставила фужер на столик, задумчиво посмотрела на него, словно решая, говорить или не стоит, потом сказала: – Ты мне две истории рассказал. Об одном и том же. В одной ты, уж прости за выражение, полный идиот, которого провел за нос злой дядя, а во второй ты чуть ли

не герой, своей любовью ко мне пожертвовал, чтобы мне было лучше. В какую верить, Вить?

Пряхин остановился на миг, потом, не найдя более подходящего места, прошел к окну. Там уже привычным жестом открыл и закрыл фрамугу, глотнул воздух улицы. Придумал, сказал:

– Если бы еще знать, кто кого в самом деле больше обидел. Без меня тебе лучше. По-любому. Женщинам ведь проще…

– Тебя пожалеть? Что за бред ты несешь? – не выдержала Катя. – Ты о чем вообще говоришь? А потом, Витя, это нечестно. Ты взял и перевернул все с ног на голову. Это я себя подложила, тебя спасала от Кавказа, а не ты. Красиво ты спел, да ноты попутал. Ты уж оставь этот подвиг мне, не присваивай. Хорошо? Да и какой нафиг это подвиг. Давай уж оставим все как есть – я тебя вытащила из войны вот этим самым местом! Считай, что тебя два раза рожали. Но второй раз ты был уже без пуповины! – Катя взяла со столика салфетку и промокнула глаза. – Ну да хватит об этом, всё! По кругу уже ходим. Любане надо позвонить, узнать, как там у нее, – поднесла телефон к лицу, подумала и отложила в сторону. Потом тяжело вздохнула и снова промокнула салфеткой глаза. – Не надо часто звонить. Даже самым близким. Нужно небольшой пробел оставлять, даже в этом вопросе. Позвонишь… и можно лишиться покоя зараз.

Наталья на лавке у стены бани. Никита рядом – спит на надувном матрасе в ногах у матери. Старушка сидит в предбаннике спиной к окну. Ее едва видно, но голос доносится хорошо: «…все в рот тащит, и сливы зеленые, и яблоки сгнившие, и камни, и все, что плохо лежит… Глаз да глаз за ним… а я не в силах сегодня. Этому сказала, чтобы хоть с земли все лишнее убрал, а он в бане опять спрятался».

В приоткрытую дверь в помывочную видны голова и плечи лежащего на полке деда. Перед ним, на полке ниже, шайка с водой. Оттуда дед ковшом набирает воду и через всю баню посылает ее на камни, радуясь ответным волнам пара. Затем из другого таза набирает в ковш воду, льет на голову и плечи.

– Эй, ты живой там? Чего молчишь? – громко спрашивает старушка. – Ты не смылся еще?

– Скоро выйду, – дед смотрит в проем двери, улыбается. – Пар!

– Мам, это твой муж. Зайди проверь, – ухмыляется Наталья.

– Мой? И он тут? У меня? – деланно изумляется старуха.

– Вон, лежит там, у тебя перед глазами.

– Сколько уже?

– Долго.

Дед выходит из бани и шмыгает в сарай. Старушка хихикает, идет из бани к Наталье.

– А твой где, когда вернется? Иди глянь.

– Не пойду. Сама иди. И не заводи ты этот разговор, надоело. В городе он! Будто не знаешь!

Наталья боится разбудить ребенка, поэтому отвечает ровно и тихо, но лицо нет-нет да и искажается гримасой боли.

– Какой разговор?

– Сама знаешь какой.

– Мужик он чересчур жесткий у тебя.

– Это плохо? Надо было за тряпку выходить?

– Будто мстит кому-то всю жизнь. Весь на нервах. Боюсь я…

– Мам, потерпи до осени. Если нет, тяжело тебе с нами, мы уедем!

– Я ведь не гоню вас.

– А что тогда? Что за бред? Смысла не вижу в этом разговоре!

– Есть смысл, а есть здравый смысл! Чувствуешь разницу? – став неожиданно серьезной, спрашивает баба Сима, но, тут же передумав оставаться серьезной надолго, продолжает: – Всё, молчу. Лишена права голоса, – голос у бабы Симы стал робким, едва слышным. – И я не такая доступная, как ты. Комары не покусали?

– Мама! – зло, уже не боясь разбудить ребенка, кричит Наталья.

– Доча! Зато мне глупость уже не грозит! И на похороны мои пусть не приходит!

Старуха входит в дом, поднимается по лестнице наверх. В комнате Данилы садится на его лежак, напротив цветной литографии с античными героями. Сидит, смотрит, молчит. Потом дотрагивается до плоского отпечатка, обводит пальцем, читает: «Конец Римской империи».

– Вить, не обижайся. Это я так, по привычке ёрничаю. Просто некому мне поныть. Никто меня, бедняжку, не пожалеет, не согреет. К мамке хочу! – жалобно похныкав вначале, рассмеялась Катя.

Пряхин прижал ее к себе, как ребенка, погладил по спине.

– У тебя что-нибудь болит? – спросил Пряхин.

– Да не в том дело. У меня, Вить, точно не все сладко, – сказала Катя, пряча улыбку. – Тут ты угадал. Смотри, что получается: только что сказала, что не надо про свое, и тут же начала сама. Про дочь я тебе ведь уже сказала. Что там будет? Как дальше? Боюсь за нее. Это ведь какая травма, стать безмужней в ее возрасте. Да и этот стал куролесить, чудить. Пока не проявилось на все сто, не поймала я его на чем-то конкретном, но чувствую… Вить, если бы только знал, как я от всего устала. Иногда просыпаться не хочется. Правда-правда.

– Он тебя мучает? Пошли ты его! Чего терпишь?

– Да ну, не в том дело, тут и терпеть нечего! Требовать от человека верности – я для таких вещей, наверное, слишком нормальная стала. Ему пятьдесят девять лет, и если он этих вещей не будет себе обеспечивать, то лет через пять будет писать из трубочки в баночку. Я все понимаю. Но… бля-я-я-я! Да ну, справлюсь я как-нибудь, я вообще баба сильная!

– Не нужно быть бабой сильной, нужно быть бабой нежной.

– Ну ты сказанул! Моня, он нас будет учить, как бабой быть! Больше не нравлюсь? Ах нет? Тогда из снега лепи себе бабу! По своему вкусу. А начинал как – люблю, люблю.

– Нравишься!

– А почему тогда замуж не зовешь? Не пристаешь? Вот она я вся! Смотри!

Катя рывком задрала край футболки вверх, до шеи. Пряхин, полагая, что время тягостных для него разговоров минуло, подскочил к ней, упал на колени, потянулся губами. Катя подняла его голову, сжала щеки так, что губы по-рыбьи открылись. Рассмеялась, оттолкнула от себя.

– И вообще, я сейчас тут и правда в жутких ревностях! Я уже говорила ведь…

– Ты про Бальзама своего опять?

– Нет. Ты его не знаешь. Есть тут один…

– Еще один? А он что? – округлив глаза и вновь обижаясь, спросил Пряхин.

– А он? А-а-а, а он ничто. Хватит, тебе это неинтересно будет.

– Один сверху, два в уме… Понятно, – съязвил Пряхин.

– Что тебе понятно? Я ничего не понимаю, а он все понял! Ну па-а-а-чиму ты ничего не понимаешь? И не два в уме, а дофига у меня сантиментов а-ля муси-пуси, как ты сказал. Просто сантименты другие… они на мой модус операнди как бы перпендикулярно падают, понимаешь? В параллель не ложатся.

По лицу Пряхина стало видно, что не очень он все понял.

– Ты что, на доктора выучилась?

– Да, на патологоанатома, – Катя по-кошачьи поводила руками у его лица. – Я последний врач в твоей жизни! Ты меня так скоро бояться начнешь, поздравляю! Не врач я, успокойся! Сама больная вся. Юрист я. Международное право.

– А что у тебя? Диагноз поставили?

Пряхин опять украдкой посмотрел на часы.

– Есть. Острая эмоциональная недостаточность, слава богу, не хроническая. Прописан безудержный секс и садизм в легкой форме. Выдали мухобойку! Так что несчастная я. И те, кто рядом со мной, тоже. А их много.

– Тебе все равно с кем?

– Тьфу! Не приведи господь. Зря ты из ментов ушел! Ей-богу! Там думать не надо. Как тебя дома терпят? Я тебе говорила, в чем ты не разбираешься – лучше помолчи.

– Ой, господи, – вздохнул Пряхин, – ну что ты?

– А ты докажи, что мой вывод неверный!!! Не сможешь. Это раз. Второе – не надо плоско воспринимать, надо объемно. Просто подругому всё. И вообще, я тебе так скажу: я умная женщина, а это несчастье в семье. Не понял? Не понял, вижу. Не обижайся только…

– Про несчастье понял, а про то, что раньше сказала, не очень. Слушай, я ведь уличный пацан, говори со мной нормально!

– Не важно. Главное, ведь понял? Тебе чего-нибудь жалко?

Пряхин пересел к ней, обнял, прижал голову к себе. Сидел, молчал, просто гладил ее по волосам.

– Ты думаешь, что я жила все эти годы ненавистью? Не, это было бы слишком просто, да и не мое это, не для меня. Я работала и работаю, много. Только одно непонятно, объясни, я тебя прошу, зачем ты это сделал?

– Что именно?

– Объясни…

– Да что еще сделал? Говори яснее.

– Тем хуже, – всхлипнула Катя. – Вить, а может, мы снова начнем? Нам ведь хорошо было вдвоем. Меня тут ничего не держит, я могу и туда переехать, там тоже можно жить. Забери меня назад, Вить… Или ты переедешь.

– Куда?

– Сюда, ко мне. Вместе будем. Я ведь вижу, что ты не забыл меня. Я это еще там поняла, когда с каблуком пришла. Ты скажи, что тогда почувствовал? Не стесняйся, говори. Ну пожалуйста, ну скажи.

– Я честно не знаю, как сказать.

– Не думай как, говори, что на сердце есть. Вить, а Вить!

– Что?

– Любишь меня хоть немного? Знаешь, Вить, а для меня будто не было этого времени без тебя… Вот тут все ожило!

– У меня тоже.

– Знаешь, Вить… Я ни на что не претендую, я не буду просить, чтобы ты оставил семью… просто давай видеться чаще, раз уж нашлись снова. А еще, Вить, я тебе тут наговорила всего про себя, так там фантазий больше, чем правды. Никого у меня нет… ну, кроме мужа, естественно. Да и тот… номинально. И я, Вить, не такая, я прежняя твоя Катька… – заплакала, уткнулась лицом в подушку.

Пряхин подозрительно покосился на нее, улыбнулся довольно, зная, что она не видит, потом погладил ее по спине, поцеловал в плечо.

– Я люблю тебя, – услышал он ее шепот. – Хороший ты мой. Прости ты меня. Я виновата перед тобой. Я это очень хорошо знаю, но… Ведь ты помнишь моего Санечку? Не вернулся ведь мой братик из Чечни. Нам его в гробу привезли. Что тогда с мамой было! А с отцом! Не приведи господь! А тут тебя туда же хотели! Я бы не вынесла, если бы и с тобой там беда случилась. Если бы тебя убили. А ведь могли бы! Ты знаешь, там ведь целый участок рядом с Санечкой. Все наши, поселковые, лежат. Со звездочками. Видел? Роднуля мой глупый… – Катя нашла его руку, положила свою сверху. – Дай-ка мне подняться. Не смотри на меня такую.

Катя убежала в ванную. Там недолго шумела вода, потом все стихло. Пряхин сидел, ждал, затем прислушался и пошел смотреть. Катя сидела на полу, прижимала к лицу полотенце. Услышав Пряхина, жестом отправила его обратно.

– Мне ехать надо, – посмотрев на часы, вздохнул Пряхин.

– Я сейчас.

Вскоре вышла, строгая, с чуть припухшими глазами. Пряхин пошел от окна навстречу. Катя неожиданно подняла руку.

– А ну-ка, ну-ка пройдись еще раз! Туда и обратно. Как это я раньше не обратила внимания?

– Еще на что? – насторожился Пряхин.

– Что у тебя с ногой? С правой?

– Родился с ней, – Пряхин посмотрел на ногу, согнул в колене. – По наследству досталась, от отца. А деда вообще Криволапым звали.

– У тебя какая группа крови?

– Четвертая отрицательная, – после некоторого раздумья ответил Пряхин. – Редкая. А что?

Катя не ответила, села на край кровати, съежилась.

– Ты что? А-а! Понял! – воскликнул Пряхин. – Решила поиграть? Артистка!

Катя подняла голову, пристально всмотрелась в лицо Пряхина.

– Нет, у Натуськи моей такая же походка. Так же правой ногой загребает. Но не может быть такого! – задумчиво сказала она.

– Конечно, не может! – усмехнулся, воспаряя духом, Пряхин.

– И каланча такая же. Я ей по плечо, – продолжила Катя. – И группа. Тоже редкая.

– А твой? – Пряхин кивнул головой на окно, на улицу.

– Он невысокий, среднего роста. Что-то мне холодно стало. Закрой окно, пожалуйста.

Пряхин сделал шаг в сторону окна, остановился.

– Оно закрыто, – сел рядом, обнял за плечи. – Тебе холодно? Сейчас согрею.

– Может, и впрямь она твоя. А почему спросил, сколько ей лет?

– Ты сказала, что скоро бабкой станешь, я и прикинул примерно. Так это правда?

Катя пожала плечами, снизу поглядела ему в глаза.

– Не знаю, Вить. Не знаю, обрадуешься ли ты или разозлишься. Были у меня сомнения, сегодня они прошли.

Пряхин не сдержался, решительно оторвал ее от себя, встал, громко рассмеялся.

– А вот тут прости-извини! Всё, Кать, хватит! Перегибаешь ты! Ну что ты, в самом деле? Я там напутал малость специально, как знал! У меня вторая группа, положительная. Точно знаю, на форме нашивку носил. Так что вот так, как ты говоришь. А почему ты еще не сказала, что матери всегда знают, кто отец их детей? В кино так было. Я всё ждал-ждал... но, ей-богу, терпеть уже сил не было! А твоя дочь тоже знает, кто отец ее ребенка? Или она, как и ты, гадает?

Катя вскочила, ударила его по лицу. Пряхин отвел голову, проверил, нет ли крови. Казалось, что хотел ударить, но удержался и просто схватил Катю за запястье, сжал. Катя вскрикнула от боли, вырвала руку.

– Ты что? Больно! Дурак ты, Пряхин! – Катя нашла полотенце, протянула ему. – Утрись. И не бесись! Я и сама не очень-то хочу, чтобы

у моей Натуськи ты был в отцах. Хотела бы, так через суд давно бы уже установила отцовство. И алименты бы заставила платить. Так что вот так, Витенька. А насчет группы… Так это у меня четвертая отрицательная. Моя в ней кровь течет, а не твоя, дурацкая! Шел бы ты, а! Папа! Я такого отца врагу не пожелаю!

– Фигасе! – ухмыльнулся Пряхин.

Зазвонил ее телефон.

– Заткнись!

Катя отшвырнула трубку в подушки. Пряхин опустился в кресло, громко вздохнул.

– Ладно, – сказала Катя. – Так и быть. Ну раскусил ты меня, ну сдаюсь. Беру свои слова обратно. Не твоя это дочь. Ушлый ты мент оказался. Не проведешь, не купишь... Научили тебя там кое-чему все-таки. Я боялась внутри, что ты поверишь, а мне потом пришлось бы еще что-нибудь придумывать, чтобы правду открыть. Просто хотела больно тебе сделать, но…

– Но?

– Всё. Никаких продолжений, – замахала руками Катя. – Что с тобой, бедненький мой? Уже не веришь мне? – опять оживилась, была весела, игрива, села на край кровати, оказалась совсем близко от сидящего в кресле Пряхина, положила руки ему на колени. – Я рада. Как гора с плеч. Правда-правда! Но скажи, что еще чуть-чуть – и ты купился бы. Нет? Купился бы! Я ведь видела твое лицо. Подожди! Не дергайся! Так больно? – Катя потрогала его скулу под глазом. – Надо было сразу что-нибудь холодное приложить. Уже поздно. А глаз хорошо видит? Сколько пальцев видишь?

Пряхин улыбнулся, поднял вверх два пальца.

– Правильно! А сейчас? – показала кукиш.

– Три, – мгновенно отреагировал Пряхин. – Съела?

– Ах ты зараза! – вскрикнула Катя и шутливо замахала кулаками у его лица.

Пряхин засмеялся, поймал ее руки, потянул на себя.

– Странный вы все-таки народ, мужики. Готовы поверить в то, что втайне сами хотите услышать.

– Как будто у вас странностей нет! – продолжал смеяться Пряхин.

– Есть! Как же! Влюбимся в идиота, потом всю жизнь доказываем, что он не такой! – Катя вдруг повернулась в сторону двери. – Надо девчонку к себе переманить. Поговорю потом с ней, может, уговорю на пару раз в неделю, если что…

– Какую? – не понял Пряхин.

– Ее, – Катя показала на дверь, за которой гудел пылесос. – Не устает ведь. Сколько уже работает!

– Поговори, если надо, – Пряхин пожал плечами. – Дома убираться или на работе? Где гадят больше?

– Скажи, Вить, а если я сейчас скажу, что опять соврала тебе. Поверишь? Я знаю, о чем ты сейчас подумал. Хочешь скажу? Пора

уносить ноги от этой сумасшедшей! Я угадала? Что такое? Почему ты смеешься?

Катя говорила, не снимая рук с колен Пряхина, и в глаза его смотрела с новым для Пряхина выражением. Такую Катю он сегодня еще не видел. Даже голос ее звучал иначе: был робким и тихим.

– Не бойся меня, Вить. На сегодня я себя уже исчерпала. Сил никаких не осталось.

Словно в подтверждение своих слов Катя начала подниматься, вначале опираясь на спинку кровати, потом на руку Пряхина.

– Выжата как лимон. Или что там выжимают? Да и неинтересно уже. Все, что хотела сказать, уже сказала. Всё-всё-всё! – Катя шлепнула себя по щекам, показала пальцем за свою спину: – Тсс!

Из-за стены вновь послышались звуки. Катя и Пряхин посмотрели друг на друга, рассмеялись. Катю шатнуло, Пряхин предупредительно поддержал ее, получилось как обнял.

– Нее, даже не думай! – улыбнулась Катя и погрозила пальчиком.

Пряхин неумело изобразил огорчение. Потом прислушался.

– Стены толстые, а слышимость ноль!

– Может, наоборот? – расхохоталась Катя. – Вить, а знаешь, что я еще часто вспоминаю?

Пряхин настороженно поднял голову, через силу улыбнулся, головой, поднятой, закивал и плечами пожал одновременно.

– Что?

– Помнишь, на выпускной мы к Радику Детлиху все поехали?

– Ой-ё-ёй! Я так далеко не помню, – засмеялся Пряхин.

– Так вот. Я знаешь, что запомнила? Там соседи скандалили у себя, а потом в подъезд вывалились. Там муж такой бугай был, а ты его скрутил. Корнеев сбежал, а ты заступился за тётечку.

– Танька с Мишкой Стригиным стояла, не с Корнеевым.

– Не важно с кем. Главное, что он сбежал, а ты полез заступаться. Я в тебя тогда и влюбилась в первый раз! Ты тогда в моих глазах прям вырос!

– В первый? А во второй раз когда? – снова рассмеялся Пряхин.

– Дурак ты! Не лови на слове. А во второй раз влюбилась тогда, когда это у нас было в первый раз, у тебя дома. Помнишь?

Пряхин миролюбиво улыбнулся ей, потом развернул меню, лежащее на столике, но тут же снова сложил. Опять открыл, начал изучать, перевел взгляд на бутылки и остаток еды на столе, не удержался: «Цены!»

– И не говори, – Катя вырвала меню из его рук. – Надо было там оставаться, где «цезари» предлагались. И чёй-то мы сюда забрели? А, я поняла! Ты захотел поговорить со мной, и чтобы никто не мешал. Я забыла!

Она выглядела почти счастливой.

Пряхин заулыбался довольно и неожиданно выкинул вперед распахнутые руки, пытаясь ухватить ее.

– Вить, я же сказала! Ну сил никаких, ну честно, – мягко сопротивлялась Катя. – Ну пожалуйста!

Пряхин улыбался, подтягивал ее к себе, одновременно ногой пытаясь сделать борцовскую подсечку, лишить равновесия.

– Да Витя! Ну кому говорю! – весело сопротивлялась Катя и вдруг, потеряв опору под ногами, рухнула вниз, головой уткнувшись в нос Пряхина.

Он ослабил объятия, столкнул Катю и помчался в ванную. Катя за ним.

Пряхин стоял с поднятым вверх лицом перед зеркалом у крана с водой, прижимал к носу мокрое полотенце. Красные пятна были и на полотенце, и на дне раковины. Катя оторвала от рулона бумагу, скрутила турунды.

– Вить, но я же не нарочно, – Катя взяла его за руку. – Идем туда, там посидишь или ляжешь. Идем.

Пряхин выдернул руку, глянул на себя в зеркало. Кровь уже не шла, свернулась. Краем мокрого полотенца Катя вытерла его подбородок – там еще оставались едва видимые следы, затем Пряхин разрешил повести себя, усадить в кресло.

– Не опускай пока голову, – Катя села перед ним на корточки, попыталась быть веселой. – Витенька! Нос на месте? На месте. Не сломался? Нет. Мне нравится? Очень!

– Зачем тебе все это? – спросил Пряхин.

– Витя! Ты что, думаешь, я специально? – огорчилась Катя. – Ой, а я видела твою кровь. В самом деле вторая группа. Положительная, алая!

Пряхин не реагировал. Казалось, что он заснул с задранной вверх головой – так спят в самолетах, автобусах, дневных поездах…

Катя удивленно подняла брови, толкнула его в колено, потом провела ногтем по его руке.

– Эй! У меня тоже шишка на лбу! Эй!

Пряхин убрал свою руку.

– Приложи холод.

Катя рассмеялась:

– Еще о странности мужской, слушай. Пока по морде не получите, отказываетесь понимать что-либо. Даже шутки.

Пряхин не двигался. Катя сменила тон.

– Что молчишь? Скажи что-нибудь, – сказала мирно, ласково.

– Что я должен сказать? Все сказано… – так же тихо ответил Пряхин. – Пойду.

– Да ради бога! Катись на все четыре стороны! Оставь ты меня в покое, в конце-то концов! Тьфу! – неожиданно крикнула Катя.

Пряхин поднялся и, вместо того чтобы пойти к двери, быстрыми шагами пересек комнату, встал у окна. Приоткрыл фрамугу, закурил.

Теперь зазвонил обычный телефон. Катя сняла трубку.

– Да. Спасибо. Хорошо. Нет, – положила трубку. – У нас осталось пятнадцать минут. Они предупреждают. Такие правила тут. Или продлить?

Пряхин стоял у окна, наполовину скрытый шторами, курил. Потом достал паспорт, начал перелистывать.

– Что ты? – спросила Катя.

– Стою.

– Перестанешь стоять, скажи, – усмехнулась Катя. – Я спрашиваю, что ты делаешь?

– Права смотрю. Сказал, что с собой, а вдруг… Тебя отвезти хочу.

Пряхин оторвал взгляд от паспорта.

– Остаться не сможешь? – спросила Катя. – Мы бы к моей Любане поехали. Там хорошо у нее, а она бы к маме своей ушла. Оставайся, ну завтра поедешь, что одна ночь изменит?

– А муж?

Катя сморщилась.

– Я решу. К Любе меня отпускают. Останешься? Одна ночь всего, но наша. Отпразднуем встречу. Гос-по-ди! Ну, Витенька, всего одну ночь прошу у тебя! Позвони, предупреди своих. Я не могу сегодня быть одна, понимаешь! Столько всего сразу! А еще и это! Ну сделай же что-нибудь!

Пряхин помолчал, затем пошел в ванную. Катя слышала его голос.

– Это я. Как дела? Нет, я еще в городе. Да перед носом закрылись на учет, прикинь. До утра. Боюсь, что завтра новые цены объявят. А что делать? Работать ведь нечем, – голос стал жестче и немного громче. – Что это значит? Ты думай, что говоришь!

Дверь была закрыта неплотно, в щель была видна часть зеркала, а в нем половина лица говорящего по телефону Пряхина. Катя подошла ближе, прислушалась.

– Мне тоже это надоело! – говорил Пряхин. – Слушай, вы там что, напились все? Ты больная? Нет? А почему тогда меня не понимаешь? Я вообще могу не приезжать! Да? Вот и чудесно! Будьте здоровы! Что еще? Я сказал – утром! Все куплю и приеду. Пока.

Затем спуск воды в туалете. Катя едва успела сесть в кресло, как вошел Пряхин.

– Ну как? – спросила она.

Пряхин неопределенно качнул головой.

– Может, не надо было звонить? – спросила, помолчав, Катя.

– Почему? Всё путем, – ответил он.

– Поговорил? Всё в порядке? Отпустили? У тебя вид такой взъерошенный…

– Буду я спрашивать!

– Иди ко мне…

Улыбка у Кати получилась не сразу, и это на миг остановило Пряхина, но затем он подошел, сел на край кровати, взял сигарету из протянутой Катей пачки.

– Кури тут. Скоро все равно уйдем.

– Не хочу пока, – Пряхин затолкал сигарету обратно в пачку, взял Катину ладонь, приложил к своей пятерне, удивился: – Маленькая какая.

Катя посмотрела на свою ладонь, потом взъерошила ему волосы.

– Тебе денег-то хватит? Больше не надо? Дать?

– Хватит. Спасибо.

– Пряхин, Пряхин. Хороший мой, ну что с тобой делать, а? – снова улыбнулась Катя, теперь широко, не настораживая его.

– Что хочешь! – ответил Пряхин.

– Нет, Вить, так нельзя. Я не хочу, чтобы из-за меня у тебя проблемы были… – Катя потрогала скулу под его глазом, жалостливо поморщилась. – Надень очки, скоро пойдем.

– Не будет, – сказал Пряхин и надел очки.

– Все равно так нельзя. Я теперь все время об этом думать буду. Что из-за меня кто-то страдает. Ведь ты сказал ей, что ушел навсегда?

Катя отвернулась, чтобы не выдать себя.

– Да, – после некоторого замешательства ответил Пряхин. – Так и сказал!

– Зачем? Нехорошо сказал. Так сказал, как будто у тебя нет детей. Только они так могут сказать.

– А как надо было?

– Никак не надо было. Домой тебе надо ехать.

– Не понял! – начал заводиться Пряхин. – Ты ведь сама просила!

– Я? Когда? – удивилась Катя. – Разве я вам что-нибудь обещала?

Она поднялась, прошла мимо него, приоткрыла входную дверь. В коридоре, где-то совсем рядом, хлопнула другая дверь, потом бесшумно прошла парочка. Пряхин бессмысленно озирался, стоял, плохо соображал, потом бросился вон из номера.

У стойки на него никто не обратил внимания – девушка держала трубку в руках, а охранник с озабоченным видом нажимал кнопку домофона. Нажимал, смотрел на девушку-администратора и снова вжимал кнопку до упора.

Пряхин сбежал по лестнице. У выхода на улицу несколько человек пытались открыть дверь. Заклинил магнитный замок, а из-за попыток взять его силой сработала сигнализация. Лестничная площадка заполнилась испуганными людьми и противным воем сирены. Пряхин тоже стукнул пару раз кулаком по двери, потом разбежался и плечом врезался в обшивку. Замок поддался его напору, ослабил свой прихват, и Пряхин вылетел на улицу, где уже был слышен лай приближающегося патрульного автомобиля. Пряхина развернуло, когда с двух сторон, мимо него, бряцая оружием, на приступ подъезда пробежали полицейские. Навстречу им выходили люди, и лицо Кати мелькнуло среди них. Пряхин быстро пошел прочь.

В больницу он опоздал. Кабинет был заперт. Пряхин постоял немного, пошел вниз, в регистратуру.

– А где врачи, которые тут на экзамене на категорию?

– Так это вообще не в нашем корпусе… А вы на время смотрели? Кроме дежурных, вряд ли кто еще тут. Приходите завтра.

В автобусе. Тесно. Вокруг усталые, хмурые лица. Вечер. Мест нет, мальчики стоят. Петя крутит головой, прислушивается к разговорам. Данила рядом, висит на поднятой к поручню руке, прижав туда же и часть лица. Подбитого глаза не видно, вторым глазом он смотрит в окно. Их остановка. Вышли. Перебежали шоссе, но по главной деревенской тропе, мимо магазина, где виден был народ, не пошли, а двинулись в обход, берегом. Данила шел впереди, Петя за ним, тоже вздыхая, поскальзываясь там, где до него скользил Данила…

– Я его сделаю!

– Обязательно. Тур де бра! – сказал Петя, показывая, будто бросает кого-то через бедро.

– Что скалишься?

– Я? Молодой человек, вы что? Не на того сердитесь.

– А эта? Я ей тоже сделаю!

– А вот это не советую. Надо оставаться мужчиной в любой ситуации.

– Думаешь, мне было больно?

Две маленькие фигурки на берегу. Внезапно Данила повернулся и начал что-то говорить, куда-то показывая рукой. Петя послушал немного, развернулся и ушел. Данила пошел по берегу дальше.

Электричка ушла. Пряхин проводил ее взглядом, потом помог спустить по ступеням коляску с младенцем и побрел через парк. Вышел к пивному павильону. Оттуда его окликнули. Оказалось, что не его. Другой Витя поспешил на оклик, но и Пряхин, неловко развернувшись, тоже зашел следом.

Через окно были видны прилавок, небольшая группка покупателей, беззвучно открывающий рот дагестанец и знакомая торговка, держащая на весу кусок мяса…

Пряхин отставил недопитое пиво, потом, дождавшись, когда от торговки пошли покупатели мимо павильона, сам поспешил к выходу и зашагал к выходу из парка.

Поздно вечером и Пряхин добрался до своих. Приехал на автобусе. Пересек шоссе, прошел мимо закрытого магазина. Впереди бугор, за ним их дом. Не доходя до изгороди, у самого дома свернул, пошел к озеру. Извилистая тропа шла сквозь заросли – чем ближе к воде, тем труднее удерживать равновесие. Вышел к сваям, к приваренному к ним поверху рельсу, за который и цеплялись лодки. Несколько «казанок» носами и половинами корпусов были на берегу, лишь кормой связывая себя с озером. Одна, почерневшая от старости, деревянная, лежала перевернутой, и, видно, так давно, что через нее проросла

трава. Еще пара других лодок, больших, качалась на воде. Его лодки не было. Он присел, осмотрел свободную цепь и замок, ни следов взлома, ни следов распила не обнаружил: спустил на воду кто-то из своих. Пряхин всмотрелся вдаль. В сотне метров от берега увидел лодку.

– Эй!

Пряхин поднял руку с горящей зажигалкой.

Огонь погас. Пряхин свистнул, еще раз крикнул и увидел, что кто-то в лодке зашевелился, а сама лодка стала удаляться.

– Эй, кто там? Давай назад! Ты кто? – закричал Пряхин.

– Там Даня, – неожиданно за его спиной появился Петя.

– Почему? – вскрикнул Пряхин. – Какого фига?

– Переживает, – ответил Петя и ушел.

– Чего?! Я ему сейчас устрою переживания! Эй! Давай сюда! Какого фига? Я кому сказал! Ты что?

Лодка уплывала. Пряхин согнулся, пытаясь что-то найти под ногами. Нащупал камень и швырнул его в сторону лодки.

– Давай на берег! Хуже будет! Данила-а! Убью!

Уже залаяли деревенские псы, а Пряхин все бегал по берегу, искал незапертую лодку, швырял в воду все, что попадалось под руку, скользил, не удержавшись на ногах, падал, злой и грязный вскакивал и опять бегал, кричал, кидал доски, камни. Наконец скинул с себя одежду и прыгнул в воду.

В лодке быстрее заработали веслами, уводя суденышко в туман.

Пряхин догнал лодку, вцепился в борт.

– Урод мамин! Дебил… Я тебя…

Рука скользит, и Данила уводит лодку в сторону.

– Ну и пошел к черту! – бормочет Пряхин, потом кричит: – Пошли вы все со своей правдой! – и плывет от лодки в центр озера.

Теперь уже Данила гребет следом, догоняет отца, подставляет борт, протягивает руку. Голова Пряхина исчезает в воде, потом появляется вновь, и он цепляется за борт.

– Что? Что тебе надо? Греби отсюда! – Пряхин видит лицо Данилы, его заплывший глаз. – Кто?! Мамка видела?

Данила отвечает движением головы «нет» и сам всматривается в лицо отца.

– Что скажем? – спрашивает Пряхин.

Данила пожимает плечами.

– Бляха… бля… бля… Ладно, что-нибудь скажем… Давай к берегу.

Пряхин пытается забраться в лодку, но не получается, он остается в воде, подгребает одной рукой, второй зацепившись за корму. Данила на веслах. Берег. А там уже ждут Наталья, баба Сима, дед, Петя.

– Вы что, с ума сошли? – кричит Наталья. – Ночью за рыбой! А-а-а! Кто это вас?

– Головами стукнулись. Не ори! А Никита с кем? – Пряхин, чертыхнувшись, спешит к дому… останавливается, кричит: – Данила-а! За мной!

Пряхины. Отец и сын. Оба в черных очках. Одни очки с вензелем на дужке. Идут по улице. Сворачивают к Дому быта, входят. На площадке их этажа строительные козлы, там перекур у рабочих, «привет-привет», сворачивают в коридор и видят, что дверь мастерской открыта. В темный коридор только оттуда падает свет. Пряхины ускоряют шаг. Успокаиваются, когда у дверей видят ведро, коробку с мусором.

– Вы и сегодня работать будете? – встречает их вопросом уборщица Ольга. – Я выходные ждала, чтобы у вас прибраться не торопясь. И Данила будет работать? Ты, Виктор, пожалел бы ребенка.

– Теть Оль, я сам попросил папу.

– Ну погуляйте пока, сейчас закончу.

Из коридора звук шагов. Пряхин выглядывает.

– О-о? А ты что забыла? Привет.

– Здрасьти. Оля у вас?

– У нас, входи. Оль, к тебе Валентина.

– Я сейчас, – отзывается Ольга.

– Слушай, Валентина, – говорит Пряхин, – ты ведь на Коммунарке живешь?

– Да.

– Теть Риммы соседка?

– Через изгородь. А что?

– Я тут днями, кажется, ее Катьку видел. Такое могло быть? Или обознался?

– Приезжала Катерина, заходила к нам с тетей Риммой. Она часто приезжает. Хорошая дочь. Но безмужняя, бедняжка.

Пряхин задумывается, смотрит на ее выпуклый живот, спрашивает:

– Слышь, Валь, это самое… а правда говорят, что мать всегда знает, от кого ребенка носит?

– Пряхин, ты что? Иди у своей Наташки спрашивай. Оль, ты скоро?

– Ну, кажется, всё. Не надо гадить так. Валя, пошли.

Уходят, о чем-то тихо говоря, по темному коридору. Пряхин смотрит им вслед. Потом входит в мастерскую. Окно яркое, летнее. Он стоит, смотрит вдаль, туда, где эта самая улица по-прежнему исчезает за поворотом, чтобы потом, обойдя овраг, вновь появиться. Сигналы машины. Внизу «буханка», врач Федосов машет призывно рукой. Пряхин мрачнеет, снимает фартук. Уходит…

Данила у окна. Видит, как Пряхин подходит к Федосову, тот что-то ему говорит, тычет в лицо какой-то бумагой, водит по ней пальцем, потом стучит себя по лбу и поднимает вверх большой палец, и Пряхин вдруг обнимает Федосова, а Федосов бьет по плечу Пряхина, и Пряхин поднимает Федосова вверх и кружит его… Оба радостные.

«Буханка» уезжает, Пряхин машет рукой с зажатой в ней бумагой ей вслед, потом читает что-то в этой бумаге, задирает голову вверх, то ли на окно мастерской, то ли просто вверх, на небо, затем идет в мастерскую.

В мастерской, будто что-то не досмотрев, вновь подходит к окну. На подоконнике телефон Данилы. Пряхин берет его в руки, отключает от зарядного устройства, подключает свой, такой же.

Данила отрывается от работы, смотрит на отца. На фоне солнечного окна тот выглядит огромной неподвижной глыбой.

Музыка звучала чуть громче, чем было нужно. Да и понятно – ведь руководила фонограммой все та же Флора Ринатовна, учительница английского языка. На сцене школьники проговаривали текст, им отвечали и партнеры по спектаклю, и крикуны из зала, и Флора Ринатовна все слышала, но не могла видеть, кто именно кричал и вмешивался в ход представления, так как и сама была за кулисами. В конце концов терпение ее лопнуло, она приглушила музыку и спустилась в зал. Стало тише.

На школьной сцене картонный силуэт репки. Репка крашеная, с зеленой ботвой, большая, почти в рост детей-актеров. Выходит из-за кулис Данила – Дед. Валенки, борода до пояса. Очки от солнца. Те самые, с вензелем на дужках. Он проходит мимо репки, не замечая ее, потом оглядывается, удивленно разводит руки.

– Вот те раз!!! Это что за чудо? – трогает бока репки, щелкает пальцем, словно отпуская щелбан, наклоняется, подносит ладонь к уху, прислушивается. – Спелая! – пытается вытащить, кряхтит, падает.

Зрители смеются. Появляется Бабка – Ксюша Макарова. Зрители аплодируют. Макарова улыбается залу, помогает Деду подняться, обходит репку.

– Хиляк! – новый голос из зала.

Флора Ринатовна встает и смотрит строго на зрителей. И Пряхин по затылкам пытается вычислить крикуна. Топает ногой.

– Молчи, старая! Зови внучку!

– Как же «молчи»? Как же «зови»? Так нет ее. Сам же в кино на 3D отпустил. Ой, старый, совсем никудышный стал. И ноги не держат! Хаха! Падаешь!

Учительница садится, с галерки тут же кричат:

– Пердун старый!

Дед то ли в зал, то ли Макаровой отвечает:

– На себя посмотри.

Кроме учеников и учителей в зале есть и родители. Никита сидит на коленях у матери, рядом с ними Петя, другие мамы. Никита вертит головой – смотрит то на мать, то на других зрителей. Мужчины-папы стоят в проходе, у выхода. У них не такие восторженные лица, как у их жен, но общее настроение все-таки хорошее. В зале аплодируют. Кричат «ура!». Кого-то выводят из зала. Учительница быстро идет на

выход. На полпути останавливается, прислушивается, потом возвращается к сцене, с которой уже вытащили и укатили за кулисы репку, потом вернулись назад, и герои продолжили действо.

Итальянец. У меня в Риме тоже есть дедушка. «О соле мио! Аррриивиде-е-е-рчи Рома!»

Француз. А у меня дедушка в Париже. Он не поет, но любит стихи. «Юн ви дамур… кё лон: сэтэ жюрэ… э кё лё тём а дэзартикюле… жур апрэ жур…»

Англичанин. А мой дедушка живет в Лондоне и тоже любит петь. «О май дарлинг Клименталь…»

Входит Бабка с чугунком. Говорит:

– Леди и джентльмены, мадам и месье, синьоры и синьорины, рогацца и рогаццо. Айда кашу кушать!

Из зала новый крик:

– Айда!!!

Данила остается на сцене, разводит сокрушенно руками, говорит:

– Ах, старый пень. И почему я в школе языки не изучал? Один бы с кашей сейчас справился! – чешет голову, уходит, потом возвращается и добавляет: – Гуд бай!

Флора Ринатовна поднимается на сцену, идет к центру, произносит с чувством:

– Без труда не вытащить и рыбку из пруда, но мы тут видим еще и пример общих усилий, скрепленных интернациональной дружбой…

Пряхин на последних словах учительницы выходит из зала. Закуривает, потом переходит на другую сторону улицы. Останавливается напротив выхода. Теперь он видит двери школы, а через миг и всех тех, оживленных и говорливых, кто выходит на улицу после концерта. Видит и свою семью. Данила уже выше матери. Поэтому он может незаметно, поверх ее головы смотреть вслед уходящей Макаровой. Потом прощается с матерью, целует Никитку, толкает в плечо Петю и переходит улицу, идет к отцу.

Все еще лето. Опять выходной день. У площади с павильоном, кинотеатром и торговками малолюдно. Человек десять. Не больше. Торговка мясом видит Пряхина, призывно улыбается. Пряхин проходит мимо. Потом оборачивается. Торговка уже недоуменно смотрит, едва заметно качает головой. Пряхин замедляет шаг, говорит сыну: «Иди, я догоню», а сам издали показывает торговке руку с часами, потом раскрытую пятерню, получает в ответ согласие улыбкой и кивком головы, улыбается в ответ и спешит за сыном. Всё быстро, незаметно. Догнал, опять вместе, рядом. Сворачивают, входят в Дом быта.

Пряхин надевает фартук, садится не глядя, снимает с полки за спиной башмак, внимательно изучает. Привычно вздыхает:

– Пива нет?

– Сбегать? – с готовностью предлагает Данила.

– Сиди, я сам, – смеется Пряхин. – На твою долю брать? – и грозит кулаком.

Выходит из мастерской, проходит коридор – в ту сторону, где идет ремонт и сверлят стены и где начинается крутая лестница между этажами. Пряхин ступает на нее, скользит на чем-то и его вдруг тащит вниз, разбивая голову на каждой ступени.

Кричат работяги на козлах, громче всех визжит непонятно откуда-то взявшаяся Зинка, на крики сбегаются все работники и работницы Дома быта, пришедшие в выходной день на работу. Мелькает лицо Федосова, потом много других лиц.

Кто-то уводит Данилу в глубь коридора.

Данила сидит на низком табурете, на коленях фартук, между ног стальная «лапа» с башмаком. Стучит молотком, вбивает гвозди, приколачивает набойки. Кряхтит, протыкая каблук.

Входит Пряхин. Голова в бинтах. Садится на свой табурет, смотрит на работу сына, потом кладет и себе на фартук башмак. Подвигает к себе «лапу», берет в руки молоток...

Ритмично звучит: «Там… там… та… та… там…»

И на улице, как всегда пустынной в выходные дни, слышатся уже немного приглушенные, но все еще четкие и ритмичные звуки. ◆

2018

Алексей Федорченко

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НИКОЛАЯ КАВАЛЕРОВА

Сценарий

По произведениям Юрия Олеши «Зависть» и «Заговор чувств».

У меня есть три любимые книги, до которых не добрались кинорежиссеры. Почему-то считается, что их экранизация невозможна. Первую я не назову, так как мечтаю ее экранизировать. Вторая — «Перед восходом солнца» Михаила Зощенко. Ее называю, потому что уже заканчиваю фильм по ней. Он будет называться «Последняя “Милая Болгария”». И третья заветная книга — великая «Зависть» прекрасного Юрия Олеши. Как только я начал пробовать писать сценарии (двадцать лет назад) — со смелостью неофита взялся за «Зависть». Это мой первый сценарий, и я о нем постоянно думаю и очень хочу поставить. Актуальности этот роман не потерял, наоборот — его герои перенеслись на сто лет вперед и повторяется конфликт между «людьми прошлого века» и «людьми будущего».

Алексей Федорченко

Музей восковых фигур

Люди стоят вокруг стеклянных зеленоватых кубов, внутри которых фигуры:

Андрей Бабичев (45) – крупный лысый человек в пенсне, одет в военный френч 20-х годов, в руке портфель;

Иван Бабичев (40) – маленький полноватый человечек в котелке с подушкой в руках;

Володя Макаров (18) – молодой атлет в полосатой футболке и длинных спортивных трусах, одна нога на футбольном мяче;

Валя Бабичева (16) – комсомолка, смотрящая в небольшой телескоп на треноге;

Николай Кавалеров (28) – странный человек в пиджаке, сохранившем только одну пуговицу.

Экскурсовод. …А вот Николай Кавалеров. Он жил в знаменитое время, всех ненавидел и всем завидовал, хвастал, заносился, был томим великими планами, хотел многое сделать и ничего не делал – и кончил тем, что совершил отвратительное, гнусное преступление…

Коммуналка. Коридор. Кухня

Кавалеров идет по бесконечному коридору коммунальной квартиры. В руках кастрюлька. Заходит на кухню – огромное помещение, способное вместить несколько десятков хозяек.

Вдова Анечка Прокопович (40) жирна и рыхла. Она кормит кошек, расшвыривает им потроха. В ее руке сверкает нож.

Анечка (*соседке*). …А кровать? Кровать у меня замечательная! Покойник на лотерее выиграл! Стеганое одеяло!

Первый жилец. Ерунда. Форменная ерунда.

Второй жилец. Вам всё ерунда. А вы слушайте. И вы слушайте, Анечка. В Москве происходят удивительные вещи.

Анечка. А вы тише тогда говорите. (*Увидев Кавалерова, кокетливо.*) Ой, проходите, проходите! Я присмотрю за вашим супом, папаша!

Второй жилец. Чего там тише. Это не политика. Была свадьба. Даже адрес знаю: на Якиманке. Инкассатор один женился. Мой сослуживец присутствовал. И вот на свадьбу пришел какой-то неизвестный человек. В котелке. Котелка не снял и в руках держал подушку.

Комсомольская свадьба

Иван Бабичев в котелке с подушкой в руках пробирается между гостей к жениху и невесте.

Коммуналка (продолжение)

Третий жилец. Подушка была желтая, в желтом наперник.

Второй жилец. В котелке и с желтой подушкой. Пришел и сказал: «Дети наши – враги наши».

Комсомольская свадьба (продолжение)

Иван. Зачем вы женитесь? Не надо жениться. Вы произведете на свет своего врага.

Коммуналка (продолжение)

Анечка (*Кавалерову*). Молоко ваше сбежит, папаша.

Второй жилец. Слушайте дальше!

Комсомольская свадьба (продолжение)

Невеста упала в обморок, жених полез в драку. Началась общая драка.

Коммуналка (продолжение)

Первый жилец. Ничего нет удивительного тут. Мало ли что бывает по пьяному делу.

Второй жилец. А вы слушайте. Тогда неизвестный гость ушел. Сели гости к столу пировать, веселиться…

Комсомольская свадьба (продолжение)

Гость наливает в стакан вино. Поднимает стакан.

Гость. А вот попробуем – горько или не горько?

Делает большой глоток. Удивленно смотрит на гостей, не вино – выплевывает.

Коммуналка (продолжение)

Второй жилец. …смотрят – а в бутылках весь портвейн превратился в воду… Портвейн превратился в воду.

Первый жилец. Скучно мы живем. Молоко, уборная, на службу идти. А может, появился чудотворец?

У Кавалерова убегает молоко.

Анечка. Я же говорила вам, папаша!

Кавалеров. Я не папаша, стряпуха! Я не ровня тебе, гадина!

Выбегает из кухни.

Улица

Раннее утро. Кавалеров идет по улице.

Иван Бабичев идет впереди. Он держит за ухо большую подушку в желтом напернике. Она ударяется об его колено.

Окна раскрыты. В одном, на втором этаже, виднеется синяя вазочка с цветком. Человечек сходит с тротуара, выходит на середину мостовой и останавливается под окном, подняв лицо. Котелок его съехал на затылок.

Кавалеров наблюдает из-за выступа дома.

Иван. Валя!

В окне, опрокинув вазочку, появляется девушка в чем-то розовом.

Иван. Валя, я за тобой пришел.

Валя молчит.

Иван. Смотри, я принес… Видишь? (*Он поднимает подушку обеими руками.*) Узнаешь? Ты спала на ней. Вернись, Валя, ко мне. Не хочешь? Я тебе покажу «Офелию». Не хочешь?

Снова тишина. Девушка лежит на подоконнике, свесив растрепанную голову.

Иван. Я прошу тебя, Валя, вернись! Просто сбеги по лестнице.

Остановились зеваки.

Тетка с синей курицей в авоське. Гражданин! Вам не стыдно? Девушка вам в дочери годится!

Иван. Не хочешь? Ну до свидания.

Иван поворачивается, поправляет котелок и идет в сторону Кавалерова.

Валя. Подожди! Подожди!

Тетка с синей курицей в авоське. Отстаньте от нее! Милиция!

Иван ускоряет шаги, бежит мимо Кавалерова. Он задыхается от бега. Подушка прижата к груди.

Кавалеров смотрит на окно – окно опустело.

Из парадной выбегает Валя. Мимо Кавалерова.

Валя. Папа! Папа!

Кавалеров смотрит вслед Вале. Валя возвращается. Кавалеров делает шаг ей навстречу. Валя останавливается.

Кавалеров. Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев.

Валя заходит в дом.

Пивная

Кавалеров стоит посреди зала, держа в каждой руке по кружке, полной пива. Перед ним столик, за столом – несколько человек, среди которых лишь одна женщина.

Кавалеров. Тише! Оркестр, вальс! Мелодический нейтральный вальс! Вы… труппа чудовищ… бродячая труппа уродов, похитившая девушку… Любуйтесь, граждане, труппа уродов проездом… вы, спросите девушку, что думает она о ваших угрях? Девушка! Кричите! Зовите на помощь! Мы спасем вас. Что случилось с миром? Он щупает вас и вы ежитесь? Вам приятно? Я зову вас, сядьте здесь со мной. Почему вы смеетесь надо мной? Я стою перед вами, незнакомая девушка, и прошу: не теряйте меня. Просто встаньте, оттолкните их и шагните сюда. Чего же вы ждете от него, от них всех?.. Чего?.. Нежности? Ума? Ласк? Преданности? Идите ко мне. Мне смешно даже равняться с ними. Вы получите от меня неизмеримо больше…

Один из выпивающих за столиком щелчком с тарелки бросает в Кавалерова горошину.

Мостовая у пивной

Избитый Кавалеров лежит на мостовой, лицом на решетке ливневки.

Кавалеров. Я зову их, и они не идут. Я зову эту сволочь, они не идут. Почему я так несчастен?.. Как трудно мне жить на свете!

Кавалеров теряет сознание.

Фантазии Кавалерова. Мясокомбинат

Промышленный процесс изготовления колбас – стадо коров, идущих на убой, стройные ряды туш, подвешенных на крючья… Сквозь промшумы и мычание коров доносится чье-то жизнерадостное пение без слов (та-ра-ра), которое становится все громче.

Квартира Андрея Бабичева. Кабинет

Кавалеров просыпается.

Он лежит на черном кожаном диване в кабинете. Просторно, воздушно, светло. Очень много книг. В открытую дверь балкона льется прохлада.

На полу циновка, на ней – Андрей Бабичев. Он гол до пояса, в трикотажных кальсонах, застегнутых на одну пуговицу посередине живота. Он делает гимнастику – поочередно поднимает ноги.

Андрей. Р-р-раз… дв-а-а… р-р-раз… дв-а-а… Вчера я спускался где-то по лестнице. Иду и чувствую – черт знает что – груди трясутся. Понимаете? Груди трясутся, как у бабы. Кошмар. Я решил прибавить новую серию упражнений. (*Приседает.*) Р-р-раз… дв-а-а… р-р-раз… дв-а-а… Вам надо гимнастикой заниматься. Р-р-раз… дв-а-а… Разжиреете. Сколько вам лет?

Кавалеров. Двадцать восемь. Мне столько же лет, сколько веку.

Андрей (*выбрасывание рук*). Двадцать-восемь, ать-два, милости просим, ать-два...

Кавалеров нехотя присоединяется к упражнениям Андрея.

Кавалеров. Моя молодость совпала с молодостью века. Но, к сожалению, я родился в России. Я хотел бы родиться в маленьком французском городке, расти в мечтаниях… Поставить себе какую-нибудь высокую цель… И в один прекрасный день уйти из городка и пешком прийти в столицу и там добиться цели… Но я родился не на Западе.

Андрей (*бег на месте*). Во-французском-го-род-ке… Оп-цоп, оп-цоп. Во-французском-го-род-ке… Оп-цоп...

Кавалеров. В Европе одаренному человеку большой простор для достижения славы. Там любят чужую славу. А у нас? У нас не любят чужой славы. Правда ведь?

Андрей (*наклоны*). Вам надо познакомиться с братом моим, Иваном. Мой брат, Иван, опять появился в Москве. Вы найдете общий язык. Он большой чудак, братец мой Иван. В котелке ходит. Обезьяна. У нас неприлично в котелке ходить. У нас в котелке только старьевщики ходят или послы… Трахнуть бы его по котелку.

Смеется.

Кавалеров. Я хочу своей собственной славы! Вот, например, можно прославиться, ставши музыкантом, писателем, полководцем, пройти через Ниагару по канату… Это законные пути для достижения славы. А я нарочно сотворю что-нибудь явно нелепое. Совершу гениальное озорство. Взять, например, и покончить с собой. Без всякой причины. Чтобы доказать, что я имею право распорядиться собой, как мне угодно. Да, повеситься. Вот возьму и повешусь у вас над подъездом.

Андрей. Повесьтесь лучше над подъездом Совнархоза. На Варварской площади. Там громадная арка. Видали? Там получится эффектно.

Фантазии Кавалерова. Фасад Совнархоза

Варварская площадь. На фасаде здания Совнархоза в петле труп Кавалерова.

Квартира Андрея Бабичева (продолжение)

Андрей. Ф-фу… Теперь вода. Пожалуйте, вода. Так… та-ак. Отличный таз. По-моему, вода в тазу выглядит гораздо лучше, чем на свободе. Смотрите, какая красота. Вон там окно, а, пожалуйста, если нагнуться, то видно, как окно пляшет в тазу. Ух ты, здорово! (*Толкает таз.*) Красота.

Кавалеров смотрит на воду в тазу.

Коммуналка. Прошлое

Коридор коммуналки. Таз на табуретке. Анечка Прокопович расчесывает длинные волосы. Она не одета – жирна и рыхла. Маняще улыбается.

В тазу плавают вычесанные волосы.

Квартира Андрея Бабичева (продолжение)

Андрей моется, как мальчик, дудит, приплясывает, фыркает, испускает вопли. Воду он захватывает пригоршнями и, не донося до подмышек, расшлепывает по полу. Иногда мыло ослепляет его – он, чертыхаясь, раздирает большими пальцами веки. Полощет горло он с клекотом. Поет.

Андрей (*повернулся к Кавалерову, вытирается полотенцем*). Кто такая Иокаста?

Кавалеров молчит. Он видит, что грудь Андрея пересекает огромный шрам от удара саблей.

Звонит телефон. Андрей берет трубку.

Андрей (*в трубку, прижав ее к уху плечом, одевается*)**.** Это не жестокость. Можешь быть совершенно спокойна. Ты слышишь? Унижается? Что? Ходит под окнами? Не верь. Это его штучки. Это ему нравится. Я его знаю. Валя, он же мой брат. Сойдет с ума? Отправим на Канатчикову. Как хочешь. Но я говорю: ты поступаешь правильно. Да, да. Словом, брось сомнения. Что? Да-да! Ветвь? Как? Какая ветвь? Полная цветов? Цветов и листьев? Что? Это, наверное, какой-нибудь алкоголик из его компании.

На стене комнаты фотографии в рамках.

Дворянская семья – родители и три сына пяти, восьми и десяти лет.

Андрей и Ленин в Париже.

Комдив Андрей Бабичев на коне с шашкой в руке.

Андрей на съезде работников пищевых трестов.

Андрей в обнимку с молодым человеком в футбольном костюме – Володей Макаровым…

Андрей кладет трубку. Он уже одет в свой деловой костюм. В руке толстый портфель.

Андрей (*Кавалерову*)**.** Мне будут звонить из Хлебопродукта, пусть позвонят два – семьдесят три – ноль пять, добавочный – шестьдесят два, запишите. Записали? Главконцесском. Привет.

Уходит.

Растерянный Кавалеров сидит на диване. Звонок.

Кавалеров (*берет трубку, переспрашивает*). Хлебопродукт? Он уехал в Главконцесском. Да. Два – семьдесят три – ноль пять. Добавочный – шестьдесят два. Да. Привет.

Аккуратно кладет трубку.

Там же. Через месяц

Кавалеров сидит в той же комнате за пишущей машинкой и печатает текст, который диктует Андрей. Кавалеров – секретарь Бабичева.

Андрей. …Так, собираемая при убое кровь может быть перерабатываема или в пищу, для изготовления колбас, или на выработку светлого и черного альбумина, клея, пуговиц, красок, землеудобрительных туков и корма для скота, птицы и рыбы. Сало-сырец всякого рода скота и жиросодержащие органические отбросы – на изготовление съедобных жиров: сала, маргарина, искусственного масла, и технических жиров: стеарина, глицерина и смазочных масел. Головы и бараньи ножки при помощи электрических спиральных сверл, автоматически действующих очистительных машин, газовых опалочных станков, резальных машин и шпарильных чанов перерабатываются на пищевые продукты, технический костяной жир, очищенный волос и кости разнообразных изделий…

Шум пишущей машинки.

В это же время Андрей Петрович Бабичев, директор треста пищевой промышленности, проводит свой обычный рабочий день. Он, как факир, пребывает в десяти местах одновременно.

Трест пищевой промышленности. Кабинет директора

Андрей встречается с уполномоченным из дальневосточного консервного треста. Он хватает жестянку крабов, смеется, поглаживая ее, выбегает из кабинета кому-то показывать.

Пасека

Андрей пробует свежий мед.

Молочная ферма

Андрей спорит с дояркой, садится к корове и уверенно доит ее.

Мастерская художника

Андрей принимает проект рекламного плаката. Он ему не нравится – Андрей перечеркивает плакат, набрасывает свой вариант.

Река. Рыбацкий сейнер

Андрей стоит по пояс в рыбе. В руках осетр.

Молочная фабрика

Андрей около огромных чанов, в которых взбивается масло.

Кухня столовой

Андрей на огромной кухне проверяет качество блюд – дегустирует.

Актовый зал

Андрей с трибуны выступает на съезде домохозяек. Лозунг над трибуной: «Долой кастрюли!»

Стройка

Андрей проносится над гигантской стройкой на платформе, которая подвешена к крану.

Трест пищевой промышленности. Кабинет директора

Андрей разговаривает с немецким инженером. Рассматривают огромный чертеж. На чертеже крупная надпись: «Четвертак». Радостно смеются.

Квартира Андрея Бабичева. Кабинет

Вечер. Андрей сидит за письменным столом. Перед ним листы бумаги, записные книжки, маленькие листочки с колонками цифр. Андрей разворачивает рулон ватмана с чертежом. Кавалеров лежит с книжкой на диване.

Андрей. Четвертак! Четвертак-с! Четвертэк-с! (*Внезапно начинает хохотать.*) Кавалеров, фабрика-кухня называется «Четвертак». По-моему, хорошо. Фабрика-кухня. А почему «Четвертак»? А? А потому, что обед из двух блюд будем продавать по двадцать пять копеек. По четвертаку. Хорошо? Оба мясные. По-моему, хорошо. Смотрите, какой план немец начертил. Красота! Дом-гигант! Универсальная столовая! Завтраки, чаи, обеды, доставка на дом, детское отделение, научное приготовление молочной каши. Вы знаете, Кавалеров, две тысячи обедов будем отпускать. Море щей. Кавалеров, напишите об этом поэму.

Кавалеров. О чем?

Андрей. О щах. Поэма о массовом обеде. Две тысячи людей едят под звуки Вагнера. Поэма о разрушении кастрюль. Здорово. Я трахну по кастрюлям, по бутылочкам, по котелкам, к чертовой матери.

Кавалеров (*показывает на фото, где запечатлены Андрей и молодой человек в футбольном костюме*). А кто это в рамке?

Андрей. Что-с?

Кавалеров. Кто этот молодой человек?

Андрей. А… Это Володя Макаров. Замечательный молодой человек!

Кавалеров. Чем же он замечателен?

Андрей. Да нет. Просто молодой человек. Вы спите на его диване. Дело в том, что это как бы сын мой. Десять лет он живет со мной. Володя Макаров. Сейчас он уехал. На практику. Он студент-механик.

Кавалеров. Ах вот как?

Андрей. Вот-с. Ему восемнадцать лет. Еще он известный футболист.

Кавалеров. Что ж. Это и вправду замечательно! Быть известным футболистом – это и вправду большое качество!

Андрей (*не слышит издевки в голосе Кавалерова*). Это совершенно ни на кого не похожий юноша. Я обязан ему жизнью.

Прошлое. Деревня у леса. Двор кузницы

Белогвардейцы вытаскивают из сарая связанного первого красноармейца. Кладут его затылком на наковальню. Лицом в небо.

Огромный кузнец замахивается и опускает молот на лицо красноармейца.

Сарай

Глаза мальчика лет восьми (Володя Макаров в детстве).

На соломе два связанных человека. Один из них – раненый Андрей. Белогвардейцы забирают второго красноармейца. Солома на полу зашевелилась, и из нее выполз мальчик. В руках у него нож.

Второму красноармейцу разбивают молотом голову.

Приходят за Андреем. Но в сарае никого нет.

Квартира Андрея Бабичева. Кабинет (продолжение)

Андрей. Он спас меня. Но это не важно. Другое важно. Он совершенно новый человек. Он человек индустриальный. Человек-машина. У них с Валей союз. В день открытия «Четвертака» они в первый раз поцелуются. На трибуне. Под музыку. А через четыре года поженятся.

Кавалеров. Зачем вы меня подобрали и привезли к себе? Зачем я, жалкий люмпен-пролетарий, живу под кровом одного из замечательных людей государства? Вам нужен шут?

Андрей. Зачем привез? Жалкий у вас был вид. Вы рыдали. Страшно стало вас жаль. И не прикидывайтесь овечкой. Все вышло отлично. Вы знаете английский язык. Я работаю над книгой, вы мне отлично помогаете. Я вам очень благодарен.

С улицы слышен голос.

Голос Ивана. Брат!

Андрей поворачивает голову.

Под балконом кабинета Андрея

Иван. Брат!

Андрей резко встает, отталкиваясь от стола ладонью.

Иван. Андрюша! Дорогой!

Андрей выходит на балкон. Кавалеров подходит к окну. За окном темнота. Мостовая освещена только окнами. Стоит Иван.

Иван. Добрый вечер, Андрюша! Как поживаешь? Отчего ты молчишь? Я пришел сообщить тебе новость. Я изобрел удивительную машину. Машина называется «Офелия». Она может всё! (*Поет.*) Офелия! Офелия!

Андрей быстро поворачивается, возвращается в комнату, садится за стол. Барабанит пальцами по столешнице.

Иван. Как ты смеешь мне не верить? Ты говоришь, что такой машины нет? Берегись, Андрей! Я тебя ненавижу! Андрей, обещаю тебе – я погублю тебя! Ты погибнешь от моей машины!

Андрей вскакивает и со сжатыми кулаками вылетает на балкон.

Андрей. Убирайся отсюда! Я велю тебя арестовать!

Иван. Я знаю, я знаю твои планы. Ты хочешь мою дочь отдать Володе. Ты хочешь вывести новую породу людей, как выводишь новые породы колбас. Моя дочь – не инкубатор. Ты ее не получишь, колбасник.

Андрей. Иван, знаешь ли что… Меня разозлить трудно. Я добрый! У меня такая профессия. Я имею дело с телятами, барашками, рыбками, пчелками, травками… Мое бытие добродушно, и добродушно поэтому сознание. Но ты разозлил меня…

Иван. Я не отдам Валю твоему приемышу. Собственными руками я ее задушу.

Андрей (*тихо*). Иван, я прошу тебя никогда ко мне не приходить. Ты не сумасшедший. Ты скотина.

Иван (*машет котелком*). Вот увидишь! Колбасник!

Уходит в темноту.

Андрей. Вот, полюбуйтесь. Братец мой Иван. Какая сволочь! Вредный человек. Его надо расстрелять!

Владимир Макаров на фотографии улыбается.

Кавалеров. А диван?

Андрей. Что диван?

Кавалеров. А когда вернется ваш юноша…

Андрей (*возвращаясь к бумагам*). Тогда вам придется диван освободить.

Кавалеров (*тихо*). Андрей Петрович, вы понимаете, что вы сказали? Вы – хам! Хам!

Андрей (*отрывается от бумаг*). Что-с? А?

Звонит телефон.

Андрей (*берет трубку*). Здравствуйте, Соломон! Как моя красавица? Взаперти? Я влюблен в нее. Ничего дороже нет для меня на свете. Кланяйтесь ей от меня. Да. Она мне снилась. Розовая, сияющая, нежная. Семьдесят процентов телятины! Вы думаете, что мы сможем продавать ее по тридцать пять копеек? А как мы назовем нашу колбасу? Может быть, назвать ее «Офелия»? Нет, Офелия не подходит. Офелия – это девушка, сошедшая с ума от любви к юноше. Соломон, вы случайно не знаете в классическом репертуаре девушки, которая любила колбасу?

Кавалеров (*шепотом кричит*). Кто вам дал право давить меня? Чем я хуже вас? Вы умнее? Сильнее? Значительнее? Почему я должен признавать ваше превосходство? Мы повоюем с вами, дорогой Андрей Петрович… Мне двадцать восемь лет, а вам сорок пять!

Андрей (*отрываясь от трубки*). Как вы сказали? Сорок пять? Ха-ха-ха! Сорок пять. Вы слышите, Соломон? Он сказал: «Сорок пять!» Чудак. Вы чудак, Кавалеров. Вы комик. Нет, не сорок пять. Мы будем продавать ее по тридцать пять копеек! Вы понимаете? Кавалеров, мы пошлем эту колбасу на выставку в Милан. В Милан пошлем. Ура! Кричите «ура», Кавалеров! Соломон! Вы тоже кричите! Что? Ну ладно. Покойной ночи. (*Кладет трубку.*) Кричите «ура», Кавалеров!

Кавалеров. Я не хочу кричать «ура».

Андрей. Почему? Вы не верите, что семьдесят процентов телятины можно продавать по тридцать пять копеек? Так посмотрите сюда. Вот полнейший расчет.

Кавалеров. Пускай.

Андрей. Так кричите «ура»! Молчите? Да вы знаете, что все заводы, все фабрики, все детдома будут покупать нашу колбасу: вот здесь расчет питательности… Углеводы, видите…

Кавалеров. Я хотел бы сиять, как сияете вы.

Андрей. Так и сияйте!

Кавалеров. Я просияю! Вот увидите!

Улица

По улице Москвы едет автомобиль. В автомобиле Андрей Бабичев с портфелем на коленях и Кавалеров. Из толпы с тротуара выбегает Иван Бабичев и становится на пути машины, распахнув руки. Шофер резко тормозит, но Иван не освобождает путь. На дороге столпотворение.

Иван. Стой! Стой, комиссар! Стой, похититель чужих детей! Помни, с тобой говорит вождь. Ты вождь, но и я вождь также. Берегись, Андрей. Велико мое воинство. Я вождь тех, кого вы называете пошляками. Со всех сторон сбегутся ко мне люди. Придите ко мне, дети гибнущего века! Убивающий из ревности и тот, кто вяжет петлю для самого себя, услышит мой зов. Пошляки и мечтатели, отцы семейств, лелеющие дочерей своих, честные мещане, люди, верные традициям, подчиненные нормам чести, долга, любви, – вот участники заговора, во главе которого стою я. Это восстание чувств… Заговор! Это новый вид контрреволюции. Андрей, это половая контрреволюция.

Пока Иван говорит, с разных сторон к нему подбегают люди и встают рядом плотной стеной.

Иван. Ко мне! Актерики, мечтающие о славе. Несчастные любовники! Старые девы! Счетоводы! Честолюбцы! Дураки! Рыцари! Трусы! Ко мне! Пришел король ваш, Иван Бабичев! Сползайся, мое воинство!

К машине подбегает милиционер.

Андрей (*милиционеру*). В ГПУ!

Квартира Андрея Бабичева. Балкон

Утро. Около стола стоят Андрей, Соломон Давидович Шапиро и Кавалеров. На столе лежит большой брус колбасы. Шапиро достает

из кармана перочинный ножик и осторожно отрезает маленький ломтик колбасы. В полной тишине он его жует, прижимает к нёбу, посасывает и медленно глотает. Шапиро прислушивается к ощущениям.

Шапиро. Молодец, товарищ Бабичев. Вы сделали колбасу. Вы добились своего. Я хочу поцеловать вас, товарищ Бабичев.

Целует Андрея.

Андрей. Это проба с фабрики. Давайте ее скушаем вечером. После авиационного праздника. Сегодня состоится отлет дирижабля новой конструкции.

Андрей и Шапиро уходят в комнату.

Кавалеров. Она протухнет.

Шапиро (*оглядываясь*). Я поздравлял товарища Бабичева с колбасой, которая не провянивается в один день. Иначе я бы не поздравлял товарища Бабичева. Мы ее скушаем сегодня вечером. Положите ее на солнце, не бойтесь, на жаркое солнце – она будет пахнуть, как роза!

Фантазии Кавалерова. Мост

Кавалеров стоит на мосту через Москву-реку. В руках у него брус колбасы. Под мост заплывает катер. На катере двое едят из котелка. Клубы белого дыма из трубы летят к Кавалерову. Кавалеров бросает колбасу в воду.

ГПУ. Кабинет следователя

Следователь. Вы называли себя королем?

Иван. Да. Королем пошляков.

Следователь. Что это значит?

Иван. Я открываю глаза людям…

Следователь. На что вы открываете им глаза?

Иван. Они должны понять свою обреченность. Целый ряд человеческих чувств кажется мне подлежащим уничтожению…

Следователь. Например?

Иван. Чувства жалости, нежности, гордости, ревности, любви – словом, почти все чувства, из которых состояла душа человека кончающейся эры. Новая эра создаст взамен прежних чувствований новую серию состояний человеческой души.

Следователь. Так-с…

Иван. Я вижу, вы не понимаете меня. Гонениям подвергается коммунист, ужаленный змеей ревности. И жалостливый коммунист тоже подвергается гонениям. Лютик жалости, ящерица тщеславия, змея ревности – эта флора и фауна будет изгнана из жизни нового человека.

Следователь. Воды?

Иван. Нет, я не хочу воды. Могила комсомольца, наложившего на себя руки, украшается вперемежку с венками также и проклятиями соратников. Человек нового мира говорит: самоубийство есть акт упадочнический. А человек старого мира говорил: он должен был покончить с собой, чтобы спасти свою честь. Таким образом, видим мы, что

новый человек приучает себя презирать старинные, прославленные поэтами и самой музой истории чувства. Ну вот-с. Я хочу устроить последний парад этих чувств.

Следователь. Это и есть то, что вы называете заговором чувств?

Иван. Да. Это и есть заговор чувств, во главе которого стою я.

Следователь (*что-то записывает*). Продолжайте.

Иван. Мне выпала честь провести последним парадом старинные человеческие страсти. Вот влюбленный, вот честолюбец, вот предатель, вот безрассудный храбрец, вот верный друг, вот блудный сын – вот они, носители великих чувств, ныне признанных ничтожными и пошлыми. Пусть в последний раз, прежде чем исчезнуть, прежде чем подвергнуться осмеянию, пусть проявятся они в высоком напряжении.

Я слушаю чужие разговоры… О бритве говорят! О безумце, перерезавшем себе горло. Тут же порхает женское имя. Он не умер, горло ему зашили. И снова полоснул он по тому же месту. Кто ж он? Покажите его, он нужен мне, он мой, я ищу его. И ее ищу. Ее, демоническую женщину, и его, трагического любовника. Но где его искаться? В больнице Склифосовского? А ее? Кто она? Конторщица? Нэпманша?

Я заглядываю в чужие окна, поднимаюсь по чужим лестницам. Мне трудно найти героев. Героев нет. Я долго звал, долго искал. Нет героев…

Аэродром

Толпа народу. Бабичев, Шапиро и Кавалеров проходят за барьер на поле, где завис у причальной мачты дирижабль с надписью «СССР». Грянул марш. Приехал наркомвоен. Обнимается с Андреем. Вокруг них тотчас смыкается круг. Наркомвоен говорит о дирижаблях. Все слушают его с почтительным вниманием. Кавалерова оттерла толпа.

Буфет

Кавалеров пьет пиво.

Фантазии Кавалерова. Аэродром

Кавалеров в форме пилота первых лет авиации, шлеме и крагах рапортует наркомвоену.

Наркомвоен обнимает Кавалерова.

Кавалеров лезет по лестнице причальной мачты.

Все смотрят вверх.

Тут оказывается и Валя, она тоже смотрит вверх.

Вдруг дирижабль загорается, горящие обломки его падают на землю.

Все разбегаются.

Валя в ужасе закрывает глаза.

Буфет (продолжение)

Недопитая кружка с пивом.

Аэродром (продолжение)

Кавалеров бежит к калитке, к выходу на поле. Военный перегородил ему дорогу.

Военный. Нельзя.

Военный смотрит на поле, где пилот-конструктор стоит во фронт перед наркомвоеном. Оба держат под козырек. Все замерли. Бабичев стоит по стойке смирно.

Кавалеров (*трогает военного за рукав*). Пропустите меня, товарищ!

Военный. Я вас удалю с аэродрома.

Кавалеров. Но я же там был. Я только на минуту уходил. Я с Бабичевым!

Военный. Ваш пригласительный билет.

Кавалеров. Товарищ, я же не простой гражданин. Что я вам? Обыватель? Будьте добры пропустить. Я оттуда.

Кавалеров махнул на группу людей, окружавших наркомвоена.

Военный (*улыбается*). Вы не оттуда.

Кавалеров. Спросите товарища Бабичева. (*Кричит в рупор из ладоней.*) Андрей Петрович!..

Вдруг оркестр умолкает. Кавалеров кричит в тишине.

Кавалеров. …Это я – Кавалеров!

Бабичев услышал. Наркомвоен повернулся тоже. Пилот смотрит на Кавалерова, защищаясь рукой от солнца.

Кавалеров испугался и растерялся. Он не смог позвать Бабичева еще раз. Секунда – и участники группы приняли прежние позы.

Кавалеров готов заплакать. Он снова поднимается на носки и сквозь рупор рук кричит.

Кавалеров. Колбасник! Колбасник! Колбасник! Колбасник! Колбасник!

Фантазии Кавалерова. Там же

Лицо Бабичева поворачивается к Кавалерову на неподвижном туловище, на собственной оси, как на винте. Глаз нет. Только две бляшки пенсне.

Кусты около аэродрома

В небе движется огромный дирижабль. Он плывет прямо над Кавалеровым, который сидит в кустах, срывает кислые ягоды, обсасывает косточки и выплевывает.

Квартира Андрея Бабичева

Андрей, Шапиро и Валя. Едят. Много и вкусно.

Андрей. Я, Соломон, требую энтузиазма. Вот жестянка с консервами. (*Берет со стола жестянку.*) Это прислано дальневосточным консервным трестом. Что в жестянке? Крабы. Обратите внимание на голубизну. Прекрасная тяжелая жестянка, яркая и благородная, как морской флаг. Ее сделали энтузиасты. А вот сосиски у нас не умеют делать! Разве ж это сосиски? Молчите, Соломон. Вы еврей и ничего не

понимаете в сосисках – вам нравится кошерное худосочное мясо. У нас нет сосисок. Это склеротические пальцы, а не сосиски. Настоящие сосиски должны прыскать. Вот увидите, я сделаю такие сосиски.

Валя берет книгу.

Валя. Драмы Шекспира.

Андрей. Это Кавалерова книга.

Валя. А где ваш Кавалеров?

Андрей. Не знаю. Мне Кавалерова жаль. Он живет тем, что пишет репертуар для эстрадников: монологи и куплеты. О фининспекторе, совбарышнях, нэпманах и алиментах.

Валя (*достает листок из книги, читает*).

«В учрежденье шум и тарарам,
Все давно смешалось там:
Машинистке Лизочке Каплан
Подарили барабан…»

(*Смеется.*) Может, поручить ему стихотворную рекламу? Или пусть напишет оперу о «Четвертаке».

Шапиро. А мне это не нравится. Что это за стиль, когда человек поднимает на улице пьяницу и привозит к себе в дом? Это прямо из Шекспира.

Андрей. Вы знаете, кто был Отелло?

Шапиро. Ну это известно: ревнивый мавр.

Андрей. Да, мавр, но не это важно. Знаете, кто он был? Он был генерал. Генерал-губернатор острова Крит. Он покорил Дездемону рассказами о своих военных подвигах. Она его за муки полюбила!

Валя. Ого! Я вижу, дядя, Кавалеров начинает оказывать на вас влияние…

Андрей. У меня был брат. Роман. Старший брат. Нас, Бабичевых, было три брата. Третий, как в сказке, – Иван. А старший – Роман. Он был герой. Он бросил бомбу в губернатора. В какого-то Отелло.

Прошлое. Раннее утро. Зима

Роман Бабичев выглядывает из-за угла дома.

Едет карета.

Роман бросает сверток.

Карета взрывается.

Квартира Андрея Бабичева (продолжение)

Андрей. Его повесили. Он был герой. Он бросал бомбы. А я колбасник.

Уходит.

Шапиро. Роман-романтика! Колбасу сделать труднее. Бомба может быть какая угодно, а колбаса должна быть питательная и вкусная.

Валя весело ест крабы.

Валя. Что?!

Шапиро. Это прекрасно, когда девушка влюблена.

Валя. Ошибаетесь. Ничего прекрасного, это уродство. Наша любовь должна быть не мелкой – к мужчине или вон… к колбасе! Она должна быть глобальной – к народу, к Родине. Вот тогда да, она прекрасна.

Шапиро. Кто это сказал? Шекспир?

Валя. Это сказал Макаров. Вильям Макаров. А еще он говорит, что химия и техника приведут к тому, что мы получим возможность вызывать любое чувство техническим способом. Будет такой институт: Институт эмоций.

Шапиро. Это очень красиво, мадам, но очень скучно.

Валя. Вы ничего не понимаете. Новый человек будет заниматься созданием нового мира, а не рецептами колбасы. Мы все тут перестроим и переделаем.

Шапиро. Без колбасы не получится. Сил не хватит!

Валя. Кто это сказал?

Шапиро. Шекспир. Соломон Шекспир.

Валя. Дурак ваш Шекспир.

Парк

Утро. Звон колоколов. Кавалеров спит на скамейке.

Просыпается, стонет, садится, не открывая глаз и не разминая рук.

Кавалеров идет по парку.

На скамейках матери кормят грудью своих детей.

Играет духовой оркестр.

Проходит трамвай.

Кавалеров покупает у торговки яйцо и булку.

Подходит к уличному зеркалу. Смотрит на свое отражение – ест.

В зеркальном отражении рядом с Кавалеровым возникает Иван Бабичев. Он на голову ниже Кавалерова.

Кавалеров. Откуда вы взялись?

Иван. Откуда? Я сам себя выдумал.

Иван сосет леденец. Он снимает котелок и шикарно раскланивается.

Кавалеров. Скажите мне, ответьте мне! Что это… «Офелия»?

Иван сосет леденец.

Пивная

Играет оркестр. За столиком Иван и Кавалеров пьют пиво и едят раки.

Иван. Я – пожиратель раков. Смотрите: я их не ем, я разрушаю их, как жрец. Видите? Прекрасные раки. Они опутаны водорослями. Можно сравнить рака с кораблем, поднятым со дна морского. Прекрасные раки!

Иван облизывает кулак и, заглянув в манжет, извлекает оттуда рачий обломок.

Иван. Мне нравится ваша фамилия, Кавалеров: она высокопарна и низкопробна.

Кавалеров. Я и есть высокопарный и низкопробный.

Иван. Прекрасное пиво! Поляки говорят: «у нее глаза пивного цвета». Не правда ли, хорошо? (*Пьет.*) Я отомщу брату моему. Он украл у меня дочь. Ну не буквально украл, конечно. Он оказал на нее моральное воздействие. Она покинула меня. (*Пьет.*) Мы умираем, Кавалеров. Я думал, что Валя просияет над умирающим веком, осветит ему путь на великое кладбище. Но я ошибся. Валя ушла к ним. Стоит ли воевать после этого? Не пора ли успокоиться, Кавалеров?

Кавалеров. Я вырву у них Валю.

Иван. Ах нет, Кавалеров. Вы не вырвете ее. Она не придет к вам. Прошла молодость, Кавалеров.

Фантазии Кавалерова. Крыша дома

Ночь. Кавалеров и Валя смотрят в телескоп на луну.

Кавалеров. В самом центре – Море Паров.

Валя улыбается, смотрит в телескоп.

Валя. Хорошо, что не Море Колбасы…

Кавалеров. Правее – Море Спокойствия.

Валя. Покой нам только снится…

Кавалеров. Вон там с краю – Море Кризисов.

Валя. Море крыс?

Крысы. Много.

Квартира Андрея Бабичева

Ночь. Андрей работает за столом. Володя Макаров сидит на диване. Рядом вещмешок, вещи.

Володя. Я думаю, почему люди злятся. У таких людей нет понятия о времени. Тут незнакомство с техникой. Время – ведь это тоже понятие техническое. Если бы все были техниками, то исчезли бы злоба, самолюбие и все мелкие чувства. Ты улыбаешься? Понимаешь ли: нужно понимать время, чтобы освободиться от мелких чувств. Обида, скажем, продолжается час или год. Они видят только три-четыре деления на циферблате, ползут, тычутся… Всего циферблата не охватят. Куда им! Да вообще: скажи, что есть циферблат, – не поверят!

Андрей. Так почему же только мелкие чувства? Ведь и высокие чувства коротки. Ну… великодушие, например?

Володя. Видишь ли. Вот революция была… ну как? Конечно, очень жестокая. Хо! Но ради чего она злобствовала? Она же была великодушна, добра была – для всего циферблата… Верно? Надо обижаться не в промежутке двух делений, а во всем круге циферблата… Тогда нет разницы между жестокостью и великодушием. Тогда есть одно: время. Железная, как говорится, логика истории. Не смейся, Андрей Петрович. Главным чувством человека должно быть понимание времени. Понимание всего циферблата!

Андрей. Кстати насчет времени. Спи. Завтра футбол.

Володя отворачивается. Андрей за столом смотрит на Володю.

Прошлое. Лес

Ночь. Продираясь сквозь кустарник, бегут двое: огромный раненый Андрей и маленький мальчик Володя.

Стадион

Кавалеров занимает место на трибунах. На высоте, недалеко от него, в деревянной ложе среди полотнищ, громадного шрифта афиш, лесенок и скрещенных досок сидит Валя. Кавалеров смотрит на нее. В ложу поднимаются Андрей, немец Харман, представители Союза пищевиков.

Андрей (*в микрофон*). Сегодняшний футбольный матч устраивается Союзом пищевиков в честь выпуска нового сорта колбасы. Новая колбаса поступит завтра во все киоски и магазины города. Вот господин Харман из Берлина, общественный деятель, изучающий вопросы общественного питания.

Харман встает и кланяется. Ему хлопают.

Андрей (*Харману*). Сейчас придет Соломон Шапиро и принесет образец колбасы.

Харман. О! Вы мне отрежете кусочек.

Андрей. Сегодня, после окончания матча команда-победительница получит по кило новой колбасы. Почему ты улыбаешься, Фесенков? Господин Харман, профработник Фесенков уверен, что только розы можно подносить победителям.

Фесенков делает серьезное лицо, прячет улыбку.

Харман. Это нехорошо, херр Фесенков.

Андрей. А еще херр Фесенков выпустил рябиновую пастилу, и знаете, как он ее назвал? «Роза Люксембург». Как вам это нравится? Если херру Фесенкову придется придумывать название для нового сорта пирожков, он назовет их «Заветы Ильича». Слова, которые однажды были написаны кровью, херр Фесенков напишет сахаром. Эс ист нихт гут, херр Фесенков. Наша колбаса не хуже розы. Херр Харман, мы вам сделаем бутерброд из розы.

Харман. О, вы поэт! Но вот, кажется, идет тот господин, которого вы называете Шапиро.

Андрей. Да, это тот самый господин! Сюда! Соломон, скорей! Мы ждем!

Шапиро. Мне жарко, Андрей Петрович. Я спешил. Я принес ее.

Андрей. Сперва мне показалось, что ты принес розу или раковину… или павлина!

Шапиро. Андрей Петрович, вы похожи на моего маленького сына!

Андрей. Затем я почувствовал запах…

Харман. О, херр Бабичев, я думаю, что запах этот был слышен и в Германии…

Андрей. Вы знаете, господин Харман! Это шекспировская колбаса.

Шапиро. Семьдесят процентов романтики. То есть… телятины.

Харман. Я не знаю – как это?

Андрей. Вы будете говорить своим детям: «Я видел колбасу, сделанную из романтики, и романтику, сделанную из телятины».

Харман. Я ничего не понимаю. Я буду записывать!

Андрей. Правильно! Записывайте: сперва я подумал, что вижу скрипку или дыню…

Шапиро. Или Дездемону!

Андрей. …но это была колбаса сумасшедшего колбасника… Как это будет по-немецки?

Харман. По-немецки это будет «вы молодец, херр Бабичев».

Шапиро. О, я, я!

Порыв ветра подхватывает красную соломенную шляпку Вали и уносит на футбольное поле, на которое выбегают две команды. Володя Макаров бежит среди других.

Кавалеров (*тихо*). Валя! Пожалейте меня. Я ждал вас всю жизнь.

Валя не слышит, смотрит на поле.

Фантазии Кавалерова. Там же

Судья устанавливает мяч в центре поля. Володя Макаров решительно ведет мяч к чужим воротам, умело обводя соперников. Он выходит один на один с вратарем… Но в воротах стоит Кавалеров. В невероятном прыжке он ловит мяч… Трибуны ликуют.

Стадион (продолжение)

Кто-то пинает мяч.

Мяч летит на трибуны и попадает в голову Кавалерова, который в этот момент отвернулся и смотрит на Валю. Кавалеров падает с сиденья.

Трибуны ликуют. Кавалеров поднимается.

Все смеются вокруг.

Смеется Андрей.

Смеется Харман.

Смеется Володя.

Заливается Валя.

Кто-то берет мяч из рук Кавалерова и по рядам передает его Бабичеву. Андрей встает во весь рост и, выпятив живот, закидывает руки с мячом за голову, размахивается и выбрасывает мяч далеко в поле. Игра возобновилась.

Кавалеров встает и начинает протискиваться к выходу.

«Гоооооол! – ревут трибуны. – Макаров! Макаров! Ура!»

Кавалеров оглядывается.

На поле качают Володю Макарова.

Валя сияет.

Пивная

Играют балалаечники.

Иван. Вам тысяча лет, Кавалеров. Всю старость эпохи, весь склероз прошлого века носите вы в себе. Вам все кажется, что молодой вы, что еще не все прошло, еще надежды томят вас, а между тем уже ничего не будет больше, вы уже готовы, закончены. Да я знаю: где-то в Москве есть окно на втором этаже, а в окне девушка – похожая на ветвь, полную цветов и листьев. Но вы бросьте, это не для вас, толстоносый. Прошла молодость. Вы не будете ни красивым, ни знаменитым. Вы не придете из маленького городка с котомкой в столицу, вы не будете ни полководцем, ни ученым, ни бегуном, ни авантюристом. Все прошло. Вы папаша уже. Вам надо рожать сына. Для того, чтоб он ушел от вас.

Кавалеров. Сукин вы сын, Иван Петрович! Не прошла молодость! Нет! (*Хватает Ивана за ворот.*) Слышите ли вы? Неправда! Я докажу вам. Слышите!

Иван. Милый мой, тут надо примириться или… или надо уйти с треском. Хлопните, как говорится, дверью. Вот самое главное: уйдите с треском. Чтоб шрам остался на морде истории – блесните, черт вас подери! Не сдавайтесь без боя…

Кавалеров. Что же мне делать?

Иван. Убейте брата моего, Андрея.

Кавалеров. Это вас, провокатора, надо убить!

Иван. Вы хотели славы. Это будет ваша слава. Почетно оставить о себе память как о наемном убийце века. Благословляю вас! Но как они скверно играют! Боже, как скверно они играют! Дайте нам еще пива…

Лестничная площадка

Кавалеров поднимается по лестнице – репетирует слова, которые он хочет сказать Андрею.

Кавалеров. Не прогоняйте меня! Андрей Петрович, не прогоняйте меня! Я понял все. Верьте мне, как верите Володе! Верьте мне: я тоже буду индустриальным человеком, я тоже буду молиться на вас! Почему я не сделал всего, чтобы вы полюбили меня! Простите меня, пустите…

Кавалеров поворачивает ручку дверного звонка.

Дверь открывает Володя.

Володя. Ты Кавалеров?

Кавалеров. Я забрать свои вещи.

Квартира Андрея Бабичева

Кавалеров сидит на диване. Его нехитрые вещи лежат на газетке на полу.

Кавалеров. Где Андрей Петрович? В правлении?

Володя. Андрей Петрович вернется вечером.

Кавалеров. Возможно, он привезет с собой нового шута. Вы первый, я второй, тот будет третий. Или до вас уже были шуты? А возможно, что он привезет с собой девочку.

Володя (*не понимает*). Кого?

Кавалеров. Какого черта вы вернулись? Мне нечем жить. Все принадлежит вам. А я нищий в этом страшном новом мире. Отдайте мне Валю, Володя Макаров.

В окно влетает шаровая молния. Ее видит только Кавалеров.

Володя смотрит на Кавалерова.

Кавалеров. Отдайте мне Валю. Это мое право требовать ее у вас. Она не нужна вам, вы и так на вершине.

Молния парит по квартире.

Володя встает с дивана, отстраняя Кавалерова, и подходит к телефону.

Володя (*в трубку*). Правление пищевого треста. Товарища Бабичева.

Кавалеров. Или, быть может, мне прийти несколько позже… и вы уступите мне… использованный резервуар?

Володя резко поворачивается к Кавалерову.

Молния взрывается.

Кавалеров падает, теряет сознание.

Кавалеров открывает глаза и видит Андрея. Он стоит посреди комнаты, широко расставив ноги. Руки его засунуты в карманы брюк. Дверь на балкон открыта. Сквозняк.

У Кавалерова на лице отпечаток ладони.

С балкона заходят Володя и Валя.

За ними влетает еще одна молния.

Кавалеров (*вдруг ехидно*). Отчего ж это вы не на службе?

Андрей. Убирайтесь отсюда вон!

Молния описывает замысловатые круги по комнате.

Кавалеров. Бросьтесь на меч, директор инцеста! Заколите себя, как Иокаста! Вы уезжали, Володя, а в это время товарищ Бабичев жил с Валей. Пока вы будете ее ждать четыре года, Андрей Петрович успеет побаловаться Валей в достаточной степени…

Молния взрывается.

Лестничная площадка

Кавалеров лежит за дверью на лестничной площадке. Из носа течет кровь.

Кавалеров. Все кончено. Теперь я убью вас, товарищ Бабичев.

Коммуналка. Кухня

Ночь. Кавалеров пьяный, пытается напиться.

Раскручивает кран до отказа – воды нет. Кран трубит.

Комната Прокопович

Кавалеров входит в комнату Анечки Прокопович, останавливается.

В комнате свет не потушен. Вдова сидит на громадной своей кровати, свесив голые ноги.

Кавалеров шагает к ней.

Прокопович молчит как зачарованная.

Кавалеров идет на нее.

Она не сопротивляется и даже открывает объятия.

Анечка (*шепчет*). Ах ты поползенок. Ишь ты поползенок.

Коммуналка. Кухня

Струя воды бьет в раковину.

Комната Прокопович

Утро. Кавалеров просыпается в Анечкиной кровати. Над ним свисают виноградные гроздья, пляшут купидоны, из рогов изобилия выкатываются яблоки.

В зеркале отражается Кавалеров – подошвами вперед.

Анечка починяет его подтяжки.

Анечка. Ты мне напоминаешь его…

Над кроватью висит портрет торжественно одетого мужчины лет пятидесяти семи.

Анечка. Ты мне очень напомнил мужа.

Анечка обнимает Кавалерова. Он утопает в ее грудях и подмышках.

Анечка. Он тоже взял меня… так… хитростью… тихо, молчаливо, ничего не говорил! Ах ты поползенок мой…

Кавалеров бьет Анечку по лицу. Голая, она бежит к двери, роняя мебель. Кавалеров несколько раз бьет ее по спине, в поясницу, опоясанную жиром.

Анечка (*улыбаясь сквозь слезы*). Он тоже меня бил.

Кавалеров падает в обморок.

Горячечный бред Кавалерова

Храпит Анечка.

Руки отжимают воду из полотенца.

Открытый Анечкин рот.

Клопы, клопы на стене…

Бред Кавалерова. Завод

Механическое производство. Станки, шестеренки, сверла, фрезы, конвейер… Работает Володя Макаров. Человек-машина…

Комната Прокопович

Кавалеров вдруг садится на кровать, широко раскрыв глаза.

Полотенце-компресс падает с его головы.

Над кроватью стоит Иван Бабичев.

Иван. Так вот, значит, место, где живет Кавалеров. Анна Михайловна, вы знаете: ваша комната отныне становится достоянием истории. «Здесь жил Николай Кавалеров». И вы, Анна Михайловна,

становитесь достоянием истории. Ведь вы… так или иначе… ведь вы жена… ну или подруга Кавалерова.

Кавалеров. Зачем вы кривляетесь, Иван Петрович!

Анечка. Коля меня ненавидит.

Иван. Это нехорошо, Кавалеров, ненавидеть такую милую даму. Ведь Анна Михайловна пустила вас на такую замечательную кровать.

Анечка. Эту кровать выиграл в лотерею мой покойный муж.

Иван. Вот видите, семейная реликвия. А вы ненавидите. Вам предложили любовь, семью, реликвию, легенду, а вы отказываетесь. Я удивляюсь вам, Кавалеров. Бездомного подбирают вас люди добрые… Анна Михайловна, братец мой Андрей, и всюду вы хамите. И всех вы ненавидите.

Кавалеров. Что мне делать, Иван Петрович, что мне делать…

Анечка. Кино рядом открылся. Шикарный кино. Называется «Фантомас». Ходили бы в кино.

Кавалеров. Оставьте меня. Оставьте. Уйдите. Оставьте меня одного.

Кавалеров валится на кровать.

Иван. Ну что же, Анна Михайловна. Мы можем пойти в «Фантомас». Пусть спит Кавалеров.

Анечка. Это за углом. Можно я без шляпы? Я возьму шарф.

Иван. О! В этом шарфе вы похожи на Кармен. Я бы вас пронес над головой, как факел, но, увы… вы не факел, а целый прожектор…

Уходят.

Фантазии Кавалерова. Крыша

Телескоп на треноге. Вокруг бегают крысы.

Пригород. Ангар

Зной. Воскресенье. Иван Бабичев ведет Кавалерова по задним дворам. Жизни почти нет…

Иван. …Она может взрывать горы. Она может летать. Она поднимает тяжести. Она дробит руду. Она заменяет кухонную плиту, детскую коляску, дальнобойное орудие… Моей мечтой была машина машин, универсальная машина. Совершенное орудие! Я наделил ее сотней умений. Я изобрел машину, которая умеет делать все. Ее мозг полон снов! Понимаете ли вы? Сейчас вы увидите…

Кавалеров. Я ничего не понимаю в механике, я боюсь машин…

Иван и Кавалеров подходят к ангару. Иван, положив ладонь на плечо Кавалерова, торжественно говорит.

Иван. Я сделал это. И я насмеялся над божеством этих грядущих людей, над машиной. Я дал ей имя девушки, сошедшей с ума от любви и отчаяния, – имя Офелии. Самое человеческое, самое трогательное.

Они входят в ворота и поднимаются по деревянной лестнице в застекленную галерею, запущенную, но веселую от обилия стекол.

Иван. Кавалеров, ущипните-ка себя… так… еще раз… и еще раз… Не сон? Нет? Помните: вы не спали. А то потом – я знаю, что будет потом, – вы скажете, что вам нездоровилось, что слишком было жарко, вам просто почудилось… То, что вы сейчас увидите, может ошеломить вас слишком сильно.

Кавалеров. Я нахожусь в самом нормальном состоянии.

Иван увлекает Кавалерова за собой.

Три двери в галерее. Они медленно идут к последней.

Иван стучит в дверь. Один, два, еще раз…

Иван приникает к замочной скважине, выставив на Кавалерова лоснящийся зад. Тихо говорит с кем-то через щелку.

Иван. Я боюсь тебя. Ты изменила мне. Ты меня убьешь, Офелия.

Раздается резкий и страшный свист. Иван отпрянул. То же сделал и Кавалеров. Взявшись за руки, они бегут вниз по лестнице, сопровождаемые свистом, выбегают во двор. Останавливаются.

Кавалеров (*отдышавшись*). Слушайте, какая чепуха! Просто кто-то свистел в два пальца…

Иван. Я же говорил вам, что вы начнете искать всяких объяснений. Я же просил вас: ущипните себя побольнее.

Кавалеров. Для чего вы мучаете меня? Зачем вы обманываете всех? Ведь нет никакой машины! Не может быть такой машины. Зачем вы врете нам?

Иван хватает Кавалерова за рукав.

Иван. Нет! Вы увидите «Офелию»!

Кавалеров вырывает руку – бежит прочь по узкому коридору, пачкая плечо о камень.

Вдруг он слышит тяжелые шаги и замирает.

По галерее идет кто-то. Окошки расчленяют идущего. Части тела движутся самостоятельно. Происходит оптический обман. Голова опережает туловище. Кавалеров узнает голову. По галерее проплывает голова Андрея Бабичева.

Кавалеров подходит к окошку и видит…

Теннисный корт

«Офелия» стоит на лужайке, широко и твердо расставив ноги.

Нет, это не «Офелия». Это Валя. На ней белая майка, высоко подобранные черные трусы, ноги ее сильно заголены. Она в белых спортивных туфлях, надетых на босую ногу.

Напротив Володя Макаров. Играют в теннис.

Валя и Володя – прекрасные машины, «греческие боги».

Валя машет куда-то вверх.

Валя. Андрей Петрович! Андрей Петрович! Сюда! Сюда!

Иван подходит к Кавалерову неожиданно.

Иван. Вы испачкались, Кавалеров, как мельник.

Кавалеров и Иван завороженно смотрят за игрой.

Комната Елены Павловны

Именины хозяйки. Гости. Стол с яствами. Висячая лампа под широчайшим оранжевым абажуром. Рядом с Михал Михалычем – душой общества – сидят Иван и Кавалеров. Кавалеров весь перепачкан.

Михал Михалыч. Разрешите, господа. Сегодня, в день именин Елены Павловны, я решил… это своего рода подарок. Я пригласил сюда замечательного человека, о котором все мы столько слышали. Я пригласил к нам… вот… Ивана Петровича Бабичева! Пророка двадцатого века!

Старик. Браво!

Пьяный гость. Не суй окурки в консервы.

Хозяйка. Я очень рада! Будьте как дома. Налить вам вина?

Иван. Благодарю вас. Хорошо ли все видят меня? Я хочу, чтобы меня все видели.

Старик. Браво!

Михал Михалыч. Тсс… Начинается.

Иван. Я – ваш король. (*Показывает подушку.*) Это мой герб, это ваш герб, дорогие мои. Старая, заслуженная, выспанная многими головами подушка. Пули застревают в подушке.

Зиночка (*в тишине*). Скажите: это правда, что вы умеете делать чудеса?

Иван. Правда.

Хозяйка. Михал Михалыч, попросите вашего знакомого сделать какое-нибудь чудо.

Михал Михалыч. Товарищ Бабичев – чудотворец двадцатого века!

Сильно пьяный гость. Володя, не унывай.

Пауза.

Иван. Ваши желания исполнить нельзя.

Хозяйка. Значит, вы обманули нас?

Иван. Мертвые не могут желать. Я король мертвецов.

Зиночка. Неправда! Я буду знаменитой певицей.

Иван. Деточка, он вам не позволит быть знаменитой.

Хозяйка. Кто не позволит?

Иван. Брат мой, Андрей Бабичев. (*Молчание.*) Мой брат, Андрей Бабичев, строитель нового мира, уничтожает Тщеславие, Любовь, Семью, Жестокость. Наш век кончился. Старинные человеческие чувства обречены на гибель.

Пьяный гость. Фразер!

Иван. Новый человек приучает себя презирать старинные чувства. Поэты прославляли их, но теперь все кончено.

Зиночка. Все кончено?

Неожиданно лампа под абажуром тухнет. Темнота. Паника.

Витя. Ничего, ничего, она перегорела… Я сейчас…

Витя лезет на стул.

Иван (*в темноте*). Семьи не будет. Не будет ни влюбленных, ни честолюбцев, ни предателей, ни храбрецов, ни верных друзей, ни блудных детей. Великие человеческие чувства признаны ныне ничтожными и пошлыми.

Старик. Что же нам делать?

Хозяйка (*Вите*). Встряхните ее!

Витя трясет абажур.

Лампочка вспыхивает.

Иван. От встряски лампе возвращается жизнь. Короткая, неестественная…

Витя (*очарованный*). Неестественная…

Иван. …нескрываемо обреченная жизнь, слишком яркий накал, блеск. Затем наступит тьма. Жизнь не вернется, и во тьме лишь будут позванивать мертвые, обгоревшие вольфрамовые нити. Вы понимаете меня? Но короткий блеск прекрасен! Вы спрашиваете: что делать? Нужно встряхнуть сердце перегоревшей эпохи!

Витя (*зачарованный*). Вольфрамовые нити!..

Зиночка (*зачарованная*). Прекрасный блеск!..

Иван. Да, мы умираем. Девятнадцатый век умирает. Наша агония будет страшной. Но мы еще живы! Ко мне, чувства умирающего века! Ко мне, Любовь!

Витя. Вот я, вот… Это я!

Иван. Ко мне, Тщеславие!

Зиночка. Мамочка, это я, это он меня зовет!

Иван. Ко мне, Ревность!

Хозяйка. Я уже тут!

Иван. Ко мне, Гордость!

Старик. Браво!

Иван. Жестокость!

Михал Михалыч. Я с вами, Иван Петрович!

Иван. Нежность!

Сильно пьяный гость. Володя, не унывай!

Иван. Зависть!

Смотрит на Кавалерова. Тот угрюмо молчит.

Иван. Скажите брату моему: мы хотим спать каждый на своей подушке. Не трогай подушек наших, не зови нас, не соблазняй! Что можешь ты предложить нам взамен нашего умения любить, ненавидеть, надеяться, плакать, жалеть и прощать?

Сильно пьяный гость. Убить такого брата нужно!

Иван. Он будет убит. (*Молчание.*) От имени века (*целует Кавалерова в лоб*) Николай Кавалеров убьет брата моего, Андрея Бабичева. Завтра. На открытии «Четвертака». Кавалеров, скажите им!

Кавалеров молчит.

Михал Михалыч (*ликует*). Вечер удался! Красота! Конечно, убить!

Иван. Вы слышите, Кавалеров? Дети гибнущего века, возлагают на вас высочайшую миссию. Настал час славы! Идите на подвиг и знайте: великий век, девятнадцатый век благословляет вас…

Кавалеров. Хорошо. Я убью его. Он сам виноват.

Сильно пьяный гость. Володя, не унывай!

Достройка. «Четвертак»

Фабрика-кухня уже построена, но ее еще окружают леса.

Оркестр. Толпа. Трибуна.

В стороне – буфет. Столики. За столиком вчерашние гости-чувства салона Елены Павловны.

Зиночка. Неужели он его убьет?

Михал Михалыч. Убьет. Столько разговоров было. Не убьет, свиньей будет.

Старик. Послушайте… а не опасно ли? Ну как вам сказать? Нас не арестуют как сообщников?

Михал Михалыч. С какой стати? Ведь это не уголовное – это историческое убийство.

Витя. Он что же? Я полагаю, загримируется? Усы, должно быть, приклеит.

Елена Павловна. А вдруг ус отпадет? Как стыдно будет!

На трибуну выходит Андрей.

Андрей. Мы подготовили великое переселение народов в прекрасную страну общественного питания. Эта страна называется «Четвертак». Навстречу переселенцам несутся вестники: папиросы «Четвертак», мыло «Четвертак», леденцы «Четвертак». И нас очень огорчает, что мы не сможем продавать нашу новую колбасу дешевле тридцати пяти копеек за кило. Если бы мы могли снизить цену до двадцати пяти копеек, мы бы получили возможность назвать нашу колбасу «Четвертак» и новая страна получила бы прекрасный герб.

В это время Иван и Кавалеров пробираются к трибуне. Каждый своим путем. У Кавалерова в руках опасная бритва, у Ивана – подушка.

Толпа аплодирует.

Валя и Володя целуются.

Иван. Товарищи! Я прошу слова!

Иван поднимается по лестнице на трибуну.

Иван. Товарищи! От вас хотят отнять главное ваше достояние: ваш домашний очаг. Кони революции, гремя по черным лестницам, давя детей наших и кошек, ломая облюбованные нами плитки и кирпичи, ворвутся в ваши кухни. Женщины, под угрозой гордость ваша и слава – очаг! Слонами революции хотят раздавить кухню вашу, матери и жены! Он плюет в суп ваш…

Андрей (*гнев распирает его*). Против кого ты воюешь, негодяй?

Но Иван не пятится – напротив, вдруг он окреп, выпрямляется, подходит к барьеру, держит ладонь козырьком над глазами и зовет.

Иван. Где ты? Я жду тебя! Офелия!

Налетел ветер. Что-то пролетело над головами.

Разбился фонарь.

Иван. Страшно тебе, брат? Я вот что сделаю. Я прикажу ей разрушить твой «Четвертак»! Развинтятся винты, отпадут гайки, бетон развалится, как прокаженное тело. Все рухнет. Она превратит каждую цифру твою в бесполезный цветок. Вот, брат Андрей, что я сделаю…

Андрей (*вдруг мягко и сердечно*). Иван, ты тяжело болен. Ты бредишь, Иван. О ком ты говоришь? Кто это «она»? Я ничего не вижу! Просто ветром толкнуло фонарь о балку, просто разбился фонарь. Иван, Иван…

Андрей шагает к Ивану, протягивая руки. Но тот отстраняет его.

Иван. Выпей воды, Андрей. Налейте товарищу Бабичеву воды! Видишь ее?!! Боишься?!!

Андрей. Брат, идем отсюда. Я подвезу тебя. Пусть начинается концерт. Актеры томятся. Публика ждет. Едем, Ваня, едем.

Иван. Это машина, над которой ты смеялся, – мозг моего века! (*Поднимает руку и кричит.*) Иди, Офелия! Я приказываю тебе!

Кавалеров с ужасом смотрит туда, куда показал Иван. На «Офелию».

Фантазии Кавалерова. Там же

«Офелия», так похожая на Валю, сидела на балке, повернулась блеснув, застучала топчась, и стала исчезать в темном провале между скрещений лесов.

Начинается паника, давка, люди бегут вопя.

«Офелия» пробирается сквозь доски лесов.

Леса рушатся.

Андрей закрывает голову руками.

«Офелия» засвистела, испустив апельсинового цвета луч, – и невесомой тенью, по-паучьи, сиганула по стене выше, в хаос крошащихся балок, снова присела на каком-то ребре, оглянулась…

Иван. Действуй, Офелия! Действуй! Я приказываю тебе разрушить «Четвертак»…

«Офелия» бросается в стену.

«Четвертак» рушится…

Толпа разбегается.

Иван так и стоит на лестнице, но эта лестница ведет к груде кирпичей и сломанному скелету лесов «Четвертака».

«Офелия» по ступеням волочит вверх раздавленного, умирающего окровавленного Андрея.

Андрей (*шепчет*). Пусти меня на подушку, брат. Я хочу умереть на подушке. Я сдаюсь, Иван…

Иван сидит на ступенях, положив на колени подушку. Андрей приник к ней головой.

Иван. Мы победили, Офелия.

«Офелия» вдруг резко поворачивается и видит Кавалерова.

Ужас охватывает его.

«Офелия» спрыгивает с лестницы на землю, медленно приближается к Кавалерову.

Иван. Офелия, назад!

Кавалеров кричит и бежит прочь от стройки. Но на его дороге стоит «Офелия». Кавалеров бежит обратно.

Иван. Офелия, назад! Она не слушает меня… Офелия, стой!

Кавалеров карабкается вверх по ступеням.

Иван бежит вниз по лестнице, навстречу Кавалерову.

Голоса внизу: «Держите ее! Она убьет его! О! Смотрите! Смотрите! Смотрите!»

Кавалеров с середины лестницы оглядывается.

Иван пытается вскарабкаться на стену, покрытую плющом. Плющ обрывается.

Иван повисает на стене на широко раскинутых руках.

«Офелия» медленно движется по траве по направлению к нему.

Из того, что можно назвать головой «Офелии», тихонько выдвигается сверкающая игла.

Иван воет. Руки не выдерживают. Он срывается, котелок катится среди одуванчиков.

Иван сидит, прижавшись спиной к стене, руками закрыв лицо.

Машина приближается к нему, срывая на ходу одуванчики.

Кавалеров (*кричит*). Спасите его! Неужели вы допустите, чтоб машина убила человека?!

Ничего не меняется.

Кавалеров. Мое место с ним! Учитель! Я умру с вами!

Но уже поздно. Заячий вопль Ивана заставляет Кавалерова упасть.

Падая, видит он Ивана, приколотого к стене огромной иглой.

Иван тихо наклоняется, поворачиваясь вокруг страшной оси.

Кавалеров обхватывает голову руками, чтобы ничего больше не видеть и не слышать. Но все же слышит он позванивание. «Офелия» (или Валя?) поднимается к нему по лестнице.

Лестница дрожит от ее шагов.

Мертвый Андрей лежит на кровавой подушке.

Кавалеров. Валя, выколи мне глаза. Я хочу быть слепым, я ничего не хочу видеть, мне надо ослепнуть, Валя. Я умер. Я восковая кукла. Несите меня в музей.

Коммуналка. Коридор. Кухня

Прихожая. Открывается дверь – входит Кавалеров.

Проходит на кухню.

Анечка Прокопович что-то готовит у плиты. Она смотрит на Кавалерова, самодовольно улыбаясь.

Коммуналка. Комната Прокопович

Кавалеров проходит в комнату.

На спинку кровати надет котелок Ивана.

Иван сидит на кровати. На столе стоит винная бутылка. Иван хлебает из стакана красное вино. Он недавно проснулся – сонно почесывается где-то под одеялом.

Кавалеров. Что это значит?

Иван (*ясно улыбается*). Это значит, мой друг, что нужно нам выпить. Анечка, стакан!

Анечка входит. Лезет в шкаф.

Анечка. А ты не ревнуй, Коля. Он очень одинокий, такой же, как ты. Я вас обоих жалею.

Кавалеров (*тихо*). Что это значит?

Иван. Ну. Чего заладили? Ничего не значит.

Иван наливает Кавалерову вина.

Иван. Выпьем, Кавалеров! За молодость, которая прошла, за заговор чувств, который провалился, за машину, которой нет и не будет, за Валю и Володю, которые сотрут нас, за равнодушие – лучшее из состояний человеческого ума! Взгляните! На этой кровати мы обрели покой! Пусть Анечка родит нам ребенка. Мы положим его на мою подушечку. Если родится сын – мы назовем его Четвертак, если дочь – Офелия! И сегодня, Кавалеров, ваша очередь спать с Анечкой!

Завод-часы

Производство. Шестеренки, пружины, маятники, молоточки, сверла, фрезы. Огромный циферблат. Стрелки. Работают сотни «людей-машин» – володь макаровых и валь бабичевых. ◆

2000

Алексей Мизгирёв

ЛЕНИН

Сценарий

Сценарий первой серии десятисерийного проекта.

Когда мне предложили картину по истории Ленина и Октябрьской революции в России, я подумал, что тема не такая скучная, если увидеть живых людей. У Ленина был катар желудка и нелюбимая жена. Над Джугашвили смеялись, считая, что Сталин — это пошлый псевдоним. Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский, Бухарин, Надя, Инесса, Мария Ульянова, Зиновьев, Каменев, Бонч — в октябре 1917 года они не были памятниками. Они были террористами и уникальными политтехнологами, почти художниками. Дзержинский и выглядел как художник. Ходил с тростью, в твидовых бриджах. Шинель он надел уже в Москве, когда ездил усмирять бунтующих солдат; надел для того, чтобы сойти за своего, окопника. У Ленина и большевиков была единственная, как в хорошей драматургии, цель — поставить во главе страны свое правительство и удержать власть. С любой помощью, и иностранной тоже. Каждый из них, приехавших в Россию со всего мира, весь ближний круг, понимал, что он смертник, поэтому средства в борьбе за власть были любыми. Они победили. Абсолютно всех. 6 июля 1918 года большевики, убив фон Мирбаха, немецкого смотрящего за исполнением условий мирного договора, «позорного мира», избавились от влияния немцев, а заодно от последней партии в стране (расстреляли пушками в центре Москвы) и стали исключительными. Не приходится ничего придумывать. «Крестный отец» и «Карточный домик». Только персонажи реальные. Все документы открыты. История Ленина и большевиков с октября 17-го по лето 18-го года, то, как создавался и использовался миф о Ленине (и самим Лениным тоже), — это великая история, случившаяся в нашей стране, сравнимая с историей, положенной в основу «Войны и мира», где Война — первая мировая, а Мир — Брест-Литовский.

Алексей Мизгирёв

Создание образа революции и ее вождя в советском кино всегда было процессом контролируемым.
Сталин читал и редактировал сценарии, участвовал в выборе актеров, лично беседовал с режиссерами, наконец, смотрел и оценивал окончательный кинопродукт.
Этот многоцелевой проект должен был легитимировать большевистскую власть, производить «правильные» исторические образы, транслировать и закреплять их в массовом сознании.
С одной стороны, то был политический заказ. Вместе с тем, чтобы быть успешным, заказ и его исполнение должны были отвечать ожиданиям снизу, по большей части не вполне осознанным и отрефлексированным. Между политическим «заказчиком» и социальными ожиданиями стоял художник — со своими эстетическими и идеологическими принципами, с готовностью сотрудничать или без них. Если эстетические принципы режиссера брали верх, появлялись такие шедевры, как «Октябрь» Сергея Эйзенштейна. Если режиссер пытался прежде всего угадать волю «главного заказчика», то на выходе получался пропагандистский продукт, как, например, фильм Михаила Чиаурели «Великое зарево».

В 60-х усилиями драматурга Михаила Шатрова начался процесс «оживления» Ленина, чьи противники — меньшевики, кадеты, эсеры — из картонных фигур с эспаньолками и в моноклях начали превращаться в реальных людей, а сам вождь, не теряя скромного величия и всепобеждающей ежесекундной правоты, трансформировался в человека, осознающего неподъемный масштаб задачи по изменению мира и человеческой природы. «Ленинские нормы» стали символом незамутненной чистоты революционных идеалов, подвергшихся эрозии в сталинские времена. Абсолютно шоковым выглядел эпизод в «Шестом июля» Юлия Карасика, в котором Ленин, отправляясь на Съезд Советов, прятал в кармане пистолет. Такого в кино не видел прежде никто...

А как сегодня, в 2020 году, после перестройки, «бурных 90-х», путинской стабильности, после публикации всех возможных воспоминаний и свидетельств, после распада советской империи, в конце концов, рассказать историю революции и Ленина? Да еще сделать это во времена очевидной востребованности официальным мейнстримом авторитарных лидеров, способных оправдать многие сегодняшние политические процессы. Главным шагом для продюсера, определяющим характер будущего произведения, является выбор автора. Мы его сделали.

Алексей Мизгирёв со свойственной ему жесткой решимостью, внутренней определенностью и плохо скрываемой страстью предлагает рассказать для многих еще сакральную историю революции языком гангстерской саги. Как это делает «Подпольная империя» Скорсезе, не говоря уж о классических фильмах.

Мизгирёв не видит в Ленине, Троцком, Бухарине, Сталине, Свердлове и прочих никого, кроме ловких и готовых пойти на все лидеров ОПГ. Автор не обманывается наличием у них идеалов и принципов, он им попросту не верит. Мафиозный клан, повязанный кровавой клятвой, ндрангета, требующая выполнения обрядов и ритуалов, — вот что такое партия большевиков у Мизгирёва. Но никак не романтические наследники «народовольцев», жертвующие собой ради достойной высшей цели. Нет-нет, они, по Мизгирёву, тоже способны на жертвы, но ими обязательно становятся другие люди, включая самых близких, и вся огромная страна. Впрочем, лучше читать сценарий. Надеюсь, нам удастся его осуществить.

Александр Роднянский

Линия Гинденбурга. Позиция «Зигфрид». Командный пункт. Ночь

Длинный бетонный тоннель. Горит электрический свет. Вооруженные немецкие солдаты (сто человек) сидят в коридоре. Трупы лежат вдоль стен. Пол измазан засохшей кровью. Слышны тяжелые взрывы бомб. Фон Кюльман (44 года), граф Мирбах (46 лет) быстро идут вдоль длинного ряда солдат. Помощники идут за графом Мирбахом. Держат в руках чемоданы. Раздается вдруг длинный свисток. Солдаты поднимаются. Второй свисток. Солдаты перезаряжают винтовки. Загоняют патроны в патронники. Держат винтовки перед собой. Граф Мирбах смотрит напряженно. Адъютант генерала Гоффмана (30 лет) появляется в тоннеле. Граф Мирбах останавливается. Сцена на немецком языке.

Граф Мирбах. К начальнику штаба Восточного фронта генерал-майору Гоффману.

Адъютант генерала Гоффмана. Мы не получали распоряжения. Генерал-майор Гоффман никак не сможет принять.

Граф Мирбах. Я – граф Вильгельм фон Мирбах, помощник статс-секретаря Министерства иностранных дел Германской империи Рихарда фон Кюльмана. Вы не имеете права останавливать меня.

Адъютант генерала Гоффмана. Извините, Ваше превосходительство. Начальник штаба примет вас немедленно. (*Поворачивается к помощникам с чемоданами. Говорит вежливо.*) Прикажите открыть чемоданы, господин фон Мирбах.

Граф Мирбах. Это запрещено.

Адъютант генерала Гоффмана. Здесь, в зоне боевых действий, действуют только приказы генерал-майора Гоффмана. Я не смогу допустить вас к начальнику штаба Восточного фронта без необходимого досмотра.

Фон Кюльман шагает вперед. Встает перед адъютантом генерала Гоффмана.

Фон Кюльман. Мне придется просить генерала Гоффмана расстрелять вас и всех здесь присутствующих, если содержимое этих чемоданов станет публичным.

Адъютант генерала Гоффмана. Прошу простить, господин статс-секретарь.

Толкает дверь. Фон Кюльман проходит в кабинет. Граф Мирбах и помощники с чемоданами идут следом.

Линия Гинденбурга. Позиция «Зигфрид».
Кабинет начальника штаба. Ночь

Помещение без окон. Резной стол, стулья, ковер на полу. Через открытую дверь видна коммутаторная комната. Телеграфный аппарат стоит в углу кабинета. Электрический свет. Фон Кюльман, граф Мирбах сидят за столом. Чемоданы стоят вдоль стены. Генерал Гоффман (48 лет) сидит во главе стола. Сцена на немецком языке.

Фон Кюльман. «Известия о России сводятся к тому, что Ленин безусловно жаждет заключения мира с Германией. Такие успехи особенно возможны, если удастся убедить генерала Людендорфа отказаться от аннексий»[1].

Генерал Гоффман (*недовольно*). Позиция командующего Восточным фронтом генерала Людендорфа зависит от того, когда Ленин выполнит свою работу и организует выступление большевиков против Временного правительства.

Фон Кюльман (*убежденно*). 25 октября должен начаться Второй Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, задача которого – узаконить переход власти от Временного правительства к большевикам. 24 октября большевикам выступать рано, а 26-го – поздно. Думаю, что 25 октября – самый верный день для переворота.

Генерал Гоффман (*с недоверием*). Ленин, когда просил разрешения на проезд через Германию, гарантировал, что Россия вступит в мирные переговоры немедленно, как только большевики захватят власть. Господин фон Кюльман, что мы должны сделать, чтобы Ленин, получив власть, не смог отказаться от своих гарантий?

Фон Кюльман (*графу Мирбаху*). Покажите, граф Мирбах, наши гарантии.

Граф Мирбах приближается к стене. Поднимает чемодан. Ставит его на стол. Открывает. Чемодан наполнен немецкими марками.

Граф Мирбах. Средства, запрошенные большевиками.

Генерал Гоффман смотрит с недовольством.

Фон Кюльман. Ленин опирается на пропаганду и наемников. Выделенные правительством Германии средства позволят оплачивать работу типографий в Петербурге и Москве, а также нести необходимые в моменты путча расходы на живую силу.

Граф Мирбах. Номера купюр списаны на тот случай, если деньги станут использоваться для агитации в Германии. Деньги получит агент большевиков в Стокгольме. Правительство Германии поручает вам,

1. Здесь и далее во всем тексте сценария: реплики персонажей, заключенные в кавычки, – это цитаты из выступлений и публикаций их прототипов, известные в открытых источниках. – *Прим. ред.*

господин генерал, организовать охрану средств в течение их транспортировки.

Генерал Гоффман (*разочарованно*). Я никогда не платил врагам за то, чтобы они не воевали против меня.

Фон Кюльман некоторое время молчит. Не отрываясь, смотрит на генерала Гоффмана.

Фон Кюльман. Вы спрашивали, генерал Гоффман, как заставить Ленина выполнить обещания?

Генерал Гоффман. Ленин – азиат. Он обманет и ускользнет.

Фон Кюльман. Ленин берет деньги у врага. Это приговор для политика. Даже если переворот окажется удачным и Ленин получит власть, то он навсегда останется германским шпионом и предателем для своей нации. Ленин будет зависеть от нашего к нему отношения и всегда искать нашей дружбы. (*Смотрит генералу Гоффману в глаза, говорит убежденно*.) Мы не платим врагу, мы даем в долг.

Петроград. Конспиративная квартира. Ночь

Электрический свет. Ленин – 47 лет, бритый, нет бороды и усов, щетина едва проступает на лице – сидит на стуле. Эйно Рахья – 32 года, финн – сидит рядом. Второй охранник (30 лет) в коридоре. Маняша – Мария Ульянова, 39 лет – держит в руках газету «Новая жизнь». Читает тихо.

Маняша. «Не только я и товарищ Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до Съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом. Ни одна партия, и менее всего наша партия, не может не стремиться к власти. Ни одна революционная партия, и менее всего наша партия, партия пролетариата, городской и сельской бедноты, не может, не имеет права отказываться, зарекаться от восстания. Но восстание, по выражению Маркса, есть искусство. И именно потому мы полагаем, что наша обязанность сейчас, в данных обстоятельствах, высказаться против всякой попытки брать на себя инициативу вооруженного восстания, которое было бы обречено на поражение и повлекло бы за собой самые гибельные последствия для партии, для пролетариата, для судеб революции. Ставить все это на карту выступления в ближайшие дни – значило бы совершить шаг отчаяния, а наша партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершить подобные шаги отчаяния». (*Поднимает голову. Смотрит насмешливо*.) Каменев.

Ленин (*убежденно*). Говнюк.

Маняша (*смеется*). Каменев объявляет себя практиком, видимо, в оппозицию тебе, теоретику. Предлагает отложить вооруженное выступление до начала Учредительного собрания.

Ленин. «Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно».

Раздается стук в дверь. Рахья вздрагивает. Вытаскивает из кармана револьвер. Второй охранник шагает за шкаф. Ленин смотрит растерянно. Оглядывается на Маняшу.

Маняша (*весело*). Не стоит играть труса, товарищи террористы. Возможно, что это только мой муж.

Рахья. Вы говорили, Мария Ильинична, что ваш муж не знает, где вы.

Маняша (*качает головой*). Не знает.

Ленин (*говорит быстро*). Как же он может объявиться тут, на конспиративной квартире?

Маняша. Выследил.

Ленин (*резко*). Стукни один раз, если там чужие, и два, если свои.

Маняша выходит из комнаты. Прикрывает дверь. Рахья держит револьвер в руке. Выключает свет. Шагает в темноту. Ленин смотрит напряженно. Быстрым движением открывает ящик стола. Вытаскивает револьвер. Зажимает револьвер в руке. Некоторое время, не отрываясь, смотрит на дверь. Старается оставаться спокойным. Голоса за дверью обрываются. Ленин перестает улыбаться. Дверь вдруг открывается. Рахья взводит курок. Направляет револьвер на дверь. Ленин быстрым движением прижимается к стене. Выглядывает Маняша.

Маняша. Связник из Смольного.

Ленин (*держит револьвер в руке*). Ты не постучала.

Маняша (*улыбается ему*). Ты не стал бы стрелять, ты – теоретик.

Смеется вдруг заливистым смехом. Ленин держит револьвер в руке. Смотрит без иронии. Говорит с неожиданной резкостью.

Ленин. Если ты не понимаешь, что положение наше настолько смертельное, что даже Троцкий и Свердлов отказываются от восстания, что самое простое сейчас – это сообщить в Зимний дворец, где я нахожусь, и – всё, мгновенная гибель. Если ты дура, то револьвер очень даже не дурак выучить тебя.

Маняша перестает смеяться. Ленин смотрит ей в глаза. Говорит зло.

Ленин. В следующий раз, если тебе приказывают «стукни», это означает – стукни!

Маняша (*обиженно*). Следующего раза не стоит ждать. Партия против того, чтобы рисковать. Ближайшие дни тебе настоятельно рекомендуют оставаться здесь, на конспиративной квартире.

Ленин молчит.

Маняша. Что ответить связнику?

Рахья (*уверенно*). Ночью на улицах опасно – кадетские патрули или смерть от грабителей. Матросы все пьяные.

Ленин по-прежнему некоторое время молчит. Потом поворачивается к Маняше.

Ленин. Я подчиняюсь всем решениям партии как несомненному приказу.

Петроград. Казармы Павловского полка. Ночь

Казарма заполнена солдатами. Солдаты (пятьсот человек) слушают выступление Чернова. Чернов (47 лет) показывает солдатам газету Times.

Чернов. Вот номер лондонской газеты Times. Читаю сразу с переводом: «Большевизм надо лечить пулями». (*Поднимает голову. Смотрит на солдат.*) Я уверен, что это также и ваши мысли, товарищи солдаты.

Солдаты одобрительно гудят. Слышны выкрики: «Чернов! Чернов! Давай Учредительное собрание! Учредительное собрание!»

Солдаты аплодируют выкрикам. Полковник Долотов (45 лет) стоит среди солдат. Унтер-офицер Дрогин (25 лет) и несколько офицеров стоят рядом. Смотрят на кричащих солдат. Дрогин поворачивается к Долотову.

Дрогин. Вернется настоящее дело – вернется смысл и порядок, господин полковник. Войну с германцами нужно продолжать.

Долотов (*уверенно*). Агитаторы вкладывают солдатам в головы якобинские мысли. Наговорили, что в России начинается вольница и что скоро станут свободно нарезать землю. Солдаты наши – крестьяне. Они променяют любую войну на землю. Этой войне – конец.

Дрогин. Пока не поздно, нужно ставить под расстрел агитаторов, господин полковник.

Долотов смотрит Дрогину в глаза. Показывает на Чернова.

Долотов. Стреляйте.

Дрогин не двигается. Смотрит растерянно.

Чернов. Да, я знаю, что вы так думаете, но кто из вас сомневается, тот пусть зайдет в Смольный институт, где помещается Военно-революционный комитет. Большевики объяснят сомневающемуся, чего хочет Военно-революционный комитет, каковы его цели и пути. Для того, скажут большевики, народ и скинул царя, чтобы свободно обсуждать свои нужды и брать свои дела в собственные руки. Но большевики лгут. Цель большевиков – вызвать кровопролитие и в братской крови утопить вашу и нашу свободу. Сбросьте вы, солдаты, повязку, которую надевают вам на глаза Троцкие и Ленины. Глядите зорко, как бы под видом борьбы за свободу большевики ни попытались направить вас на таких же крестьян и на солдат.

Петроград. Казармы Павловского полка. Комната дневального. Ночь

Маленькое – стол и два стула – помещение рядом с казармой. В открытую дверь виден зал, где слышно выступление Чернова. Федот Онипко (37 лет) сидит перед Лидером солдат. Лидер солдат (30 лет, прапорщик) чувствует себя уверенно.

Лидер солдат. «Только глупый солдат не умеет заработать нынче. Тридцать рублей возможно получить, если вовсе не выходить из казармы. Если на улицу выходишь, то платят больше».

Онипко. Мы готовы заплатить по пятнадцати рублей каждому солдату, кто останется в казарме.

Лидер солдат. Тридцать.

Онипко (*недовольно*). Договорились по пятнадцати рублей. Что изменилось?

Лидер солдат. Кирдык настал Керенскому – вот что изменилось. Керенский побежал в Гатчину к генералу Краснову, но казаки за Керенским не пойдут. Он, сука, генерала Корнилова арестовал, и казаки ему этого не простят. Полковник Полковников не управляет Петроградским гарнизоном. Солдаты предпарламенту не присягают – вот что изменилось. Большевики до конца недели разорвут Временное правительство, по кускам растащат.

Онипко. Пятнадцать рублей мы готовы платить. Двадцать, наверное, думаю, что мы сможем, но тридцать – никак.

Лидер солдат (*отрицательно качает головой*). Да не.

Онипко. Что же, давайте будем думать.

Лидер солдат пожимает плечами: думайте. Смотрит равнодушно.

Петроград. Казармы Павловского полка. Ночь

Чернов (*солдатам*). Комиссар Центрального исполнительного комитета Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов при Петроградском военном округе также обращается к военному гарнизону Петрограда с призывом сохранять полное спокойствие, помня, что какое бы то ни было выступление вызовет гражданскую войну.

Онипко появляется в казарме. Чернов оглядывается на него. Онипко отрицательно качает головой. Показывает Чернову рукой: нет. Чернов смотрит с недовольством. Видит вдруг Троцкого, который появляется в казарме.

Чернов (*говорит громко*). Братскую руку протягиваем вам, товарищи солдаты. Необходимо сохранять спокойствие и не поддаваться провокациям. Нет гражданской войне!

Солдаты громко и с удовольствием аплодируют. Слышны выкрики: «Учредительное собрание! Давай! Давай! Чернов!»

Троцкий (36 лет), Урицкий (44 года), прапорщик Крыленко (32 года) приближаются к Чернову. Чернов смотрит надменно. Троцкий вдруг протягивает Чернову руку. Чернов отвечает. Троцкий задерживает руку Чернова в своей. Чернов смотрит растерянно. Троцкий говорит, не выпуская руки Чернова.

Троцкий. Вашим поэтическим переводам из Эмиля Верхарна я верю, Виктор Михайлович, а вот сейчас, хотя вы и вождь социалистов-революционеров, и громкий голос у вас, но совсем не верю.

Чернов (*насмешливо*). Вы не читали моих переводов из Верхарна.

Троцкий держит руку Чернова в руке. Говорит уверенно.

Троцкий. «Крысы несытые
Сгрызли имущества, пóтом добытые».

Чернов замолкает.

Троцкий. «Стаями юркими, жутко-веселыми,
Справились с целыми селами».

Кто такие крысы? (*Насмешливо.*) Вы про кого так, Чернов? Про солдат или про народ?

Чернов смотрит растерянно. Троцкий вдруг отпускает его руку. Проходит в комнату дневального. Прапорщик Крыленко насмешливо смотрит на Чернова. Поворачивается к солдатам. Говорит громко.

Прапорщик Крыленко. «Товарищи солдаты! Временное правительство восемь месяцев изменяло революции. Восемь месяцев лило оно кровь крестьян и рабочих во славу отечественного и союзнического капитала. Восемь месяцев оберегало помещичью земельную собственность от голодных крестьян. Восемь месяцев снова и снова оттягивало созыв Учредительного собрания. Товарищи, хотите ли вы, чтобы Учредительное собрание наконец действительно было созвано в означенный срок? В таком случае поддерживайте петербургских товарищей».

Петроград. Казармы Павловского полка. Комната дневального. Ночь

Троцкий сидит перед Лидером солдат. Урицкий рядом. Троцкий смотрит Лидеру солдат в глаза.

Троцкий. Мы имеем возможность платить всем, кто выйдет из казармы.

Лидер солдат (*насмешливо*). Ты кто?

Троцкий (*спокойно*). Ты знаешь меня.

Лидер солдат. Ты – Троцкий-Бронштейн.

Урицкий. Перед вами председатель Петроградского Совета и вождь Военно-революционного комитета.

Лидер солдат. А ты кто?

Урицкий. Урицкий, Моисей.

Лидер солдат (*поворачивается к Троцкому*). Вы, евреи, кормитесь от германских денег, поэтому – семьдесят рублей за вооруженного солдата.

Троцкий. Сколько солдат готовы стрелять?

Лидер солдат. Все готовы.

Троцкий (*Урицкому*). Весь полк может выступить с оружием.

Урицкий (*утвердительно кивает*). Это хорошо.

Лидер солдат. Гонорары вперед.

Троцкий. Свой кусок пирога вы возьмете сами. Какую цену спросите, такую вам буржуй и заплатит.

Лидер солдат. Мы не воры, мы солдаты. Если хочешь грабить – иди к матросам.

Троцкий. Грабить – это не точное слово. Вернуть свое – вот правильное слово. Временное правительство защищает буржуя, потому что они сами буржуи. Но наша власть не такая. Она не берет. Наша власть отдает.

Лидер солдат молчит.

Троцкий. Вопрос стоит не в том, сколько. Столичный, жирный буржуй должен вернуть все, что за долгие годы высосал из народа. Там куда больше, чем по семидесяти рублей на человека выйдет. Вопрос стоит не сколько, а кому?

Лидер солдат. Вы обманете, как обманули в июле.

Троцкий. Товарищ, здесь, в Павловской казарме, две тысячи человек, а в нашей Красной дружине уже сейчас десять тысяч стрелков. Плюс Кексгольмский полк. Плюс тысяча гвардейцев с Петроградской стороны. Плюс кронштадтские матросы. Плюс литовские батальоны. Никто про германские деньги и евреев трёпа не ведет.

Лидер солдат молчит.

Троцкий. Все готовы разбить Временному правительству голову и спросить за выпитую кровь. Вы или получаете свой кусман, или разъезжаетесь по домам без прибытка.

Лидер солдат напряженно молчит. Троцкий неожиданно поднимается. Выходит из дневальной комнаты. Лидер солдат растерян.

Петроград. Казармы Павловского полка. Ночь

Троцкий приближается к прапорщику Крыленко.

Прапорщик Крыленко. «Товарищи солдаты, хотите ли вы, чтобы вся земля немедленно и бесповоротно перешла к народу? Поддержите Петербургский Совет. Но если вы хотите, чтобы помещики опять забрали прежнюю власть и оставили у себя всю землю, если вы хотите, чтобы буржуазия расстрелами и броневиками гнала вас, голодных и раздетых, на войну – тогда вы поддерживайте Временное правительство. Беспросветное рабство или свобода – перед вами нет другого выбора. Да здравствует поднимающаяся российская революция! Да здравствует революционная армия!»

Солдаты напряженно молчат. Прапорщик Крыленко замолкает. Троцкий оглядывается на Чернова, который стоит среди солдат. Ближе к офицерам. Троцкий забирается на стол. Обращается к солдатам. Говорит весело и зло.

Троцкий. Вот вам мысль солдата. Читаем в одном письме в Петроградский Совет. (*Вытаскивает из кармана письмо; не разворачивая его, говорит наизусть.*) «Одну шайку во главе царя прогнали, сейчас другая (во главе Керенского) засела. Скажете, что пишет провокатор. Нет, я ваш друг. Предупреждаю, а там смотрите сами, братки, тогда увидите, все солдатские комитеты теперь бессильны». (*Поворачивается в сторону Чернова, показывая письмом на него.*) «Вы у них отобрали власть за то, что комитеты стояли за солдат. Вы, буржуи, притворились в народников. Хотите страну сделать пустыней. У жен наших забираете хлеб, с плачем его выработанный. Враги вы народа. Вы – предатели России. Предали Россию Англии и Франции».

Поднимает письмо над головой. Солдаты аплодируют. Одобрительно гудят. Слышны выкрики: «Троцкий! Троцкий!»

Троцкий (*говорит убежденно*). «Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы – отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему».

Солдаты радостно аплодируют. Слышны выкрики: «Советская власть! Власть – Советам!»

Чернов смотрит напряженно. Онипко наклоняется к нему.

Онипко (*тихо*). Керенский имел возможность арестовать Троцкого и Ленина и раздавить эту сволоту. Керенский промахнулся. Нам никак нельзя повторить такой глупости.

Троцкий. «За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров».

Солдаты дружно гудят. Выкрики: «Советы! Советы! Давай Петроградский Совет!»

Чернов смотрит на Онипко.

Чернов. Необходим сильный человек. Тот, кто пойдет до конца и не испугается.

Онипко (*убежденно*). Нужен убийца.

Долотов слышит слова Чернова и Онипко. Отворачивается, сделав вид, что не услышал. Троцкий говорит солдатам.

Троцкий. «Будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови? Кто – за?»

Солдаты поднимают руки – все. Троцкий спускается со стола. Солдаты шумно аплодируют. Кричат. Прапорщик Крыленко забирается на стол. Говорит громко.

Прапорщик Крыленко. Кто за революционную армию, братки?

Солдаты одобрительно гудят. Выкрики: «Все – за!»

Чернов приближается к Троцкому.

Чернов (*говорит на ухо*). Передайте Ленину, что назрела необходимость во встрече, пока не совершены все ошибки.

Идет к выходу. Онипко и эсеры идут следом. Троцкий с интересом смотрит им вслед.

Петроград. Казармы Павловского полка. Комната дневального. Ночь

Лидер солдат видит реакцию солдат. Поворачивается к Урицкому.

Лидер солдат. Когда господин Троцкий назначают выступление?

Урицкий, довольный, улыбается.

«По ночам – из экономии, хотя публично объявляют, что из страха перед германскими цеппелинами, – горят редкие и слабые уличные фонари. В частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов. Свечи стоят дорого – по 1,5–2 рубля штука, – а керосина почти нельзя достать. Конец октября – темно с 3 часов дня до 10 утра. Масса разбоев и грабежей. Жертв нападения часто убивают. Женщины даже в светлое время стараются не появляться на улице в одиночку.

В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями. Продовольствия в городе становится все меньше. Дамы, отправляясь друг к другу на чашку чая, привозят с собой сахар или полбулки. Хлебный паек уменьшается. На Плуталовой улице висит вывеска: “Здесь можно купить собачье мясо”» (Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»).

2-й кадетский Императора Петра Великого корпус. Вход. Ночь

Пустой двор перед парадным входом. Света за окнами нет. Горит тусклый фонарь. Ирина Неклюдова (18 лет) стоит перед массивными дверьми. Стучит несколько раз. Сторож кадетского училища (60 лет) открывает не сразу.

Ирина. Я родная сестра юнкера Неклюдова. Ирина Неклюдова. Я ищу брата. Юнкер Андрей Неклюдов из старшей роты.

Сторож кадетского училища. Никого, барышня, из господ кадетов и господ офицеров нет. Все старшие роты по приказу Его Сиятельства генерала Параделова направлены к Зимнему дворцу.

Ирина. Когда же они вернутся в казармы?

Сторож кадетского училища (*резко*). К чему такие вопросы сейчас задавать, барышня?

Закрывает дверь. Ирина остается одна. Смотрит растерянно.

Петроград. Улица. Ночь

Колонна под флагами и с лозунгами идет по мостовой. Двести человек. Мужчины, женщины, солдаты, есть дети. Ирина идет по тротуару. Оказывается вдруг рядом с колонной. Солдаты-агитаторы идут в колонне. Говорят на ходу. Громко.

Солдат-агитатор–1. «Товарищи! Люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам. Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что на фронте я защищаю революцию, то я пойду и буду драться и меня не придется подгонять расстрелами».

Солдат-агитатор–2. «Мы слабы, у нас осталось всего по нескольку человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир или снабжение. Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию».

Мужчины, замотав лица бинтами, появляются вдруг из темноты. Плотной группой врезаются в колонну. Держат в руках металлические палки и обрезки водопроводных труб. Колонна останавливается. Солдаты-агитаторы замолкают. Ирина, зажатая, смотрит растерянно. Мужчины с замотанными лицами бьют металлическими палками людей в колонне. Бросают в толпу петарды. Взрывы. Разлетаются огненные брызги. Митингующие разбегаются. Слышны крики. Начинается давка. Ирина, зажатая людьми, не может пошевелиться.

Солдат-агитатор, придавленный, стоит в середине толпы. Говорит громко, перекрикивая шум.

Солдат-агитатор–3. «Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов. Мы думали, что революция даст нам мир. Правительство отправляет нас на фронт, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться».

Петроград. Улица. Ночь

Автомобиль, опустив тент, выключив свет, стоит неподалеку от побоища, не выключив двигатель.

Громко работает мотор. Водитель держит руки на руле. Камков (33 года) и Прошьян (34 года) смотрят на избиение.

Камков. Бывшие полицейские самоорганизовались и берут деньги за охрану митингов. Избиение, как видите, тоже можно купить, и стоит это дешево, поскольку экс-фараоны мстят толпе за февральские издевательства над ними.

Прошьян. Есть такая большевичка – Коллонтай.

Камков. Дочь генерала Домонтовича, я знаю Коллонтай.

Прошьян. Она рассказывала вчера, что все случится после 24 октября.

Камков с интересом оборачивается на Прошьяна.

Прошьян. «Будет выступление. Будет совершен переворот. Будет свержено Временное правительство. Будет вся власть передана Советам».

Камков (*убежденно*). Большевики победят. Они умнее. Керенский позволил черни издеваться над полицией, а они платят бывшим полицейским и одновременно могут распоряжаться их злостью.

Петроград. Улица. Ночь

Второй автомобиль, закрывшись тентом, стоит в темноте. В салоне вдруг вспыхивает зажигалка. Освещается лицо. Дзержинский (40 лет) некоторое время раскуривает сигару. Не отрываясь, смотрит на побоище.

Петроград. Улица. Ночь

Колонна, зажатая, не двигается. Мужчины с замотанными лицами держат обрезки металлических труб в руках. Бьют быстро и уверенно. Митингующие садятся на мостовую. Мужчины с замотанными лицами не заходят в толпу. Остаются в цепи. Ирина оказывается вдруг перед мужчинами с обрезками труб. Испуганно вздрагивает. Зажимает голову руками. Неожиданно раздается полицейский свисток. Свистит три раза. Мужчины с замотанными лицами останавливаются. Дружно отступают назад. Исчезают в темноте так же неожиданно, как и появились. Солдат-агитатор, прижатый толпой, говорит громко, без паузы, словно никакого нападения не было.

Солдат-агитатор–1. «Товарищи, мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться насмерть за свою революцию. Мы будем держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира. Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию».

Колонна митингующих возвращается на мостовую. Ирина выбирается из толпы.

Петроград. Набережная канала. Ночь

Горят тусклые фонари. Ленин и Рахья быстро идут по пустой мостовой. Ленин без усов и бороды, небритое лицо, широкая повязка закрывает лицо, будто сделана операция на челюсть. Пальто, потертый костюм, длинные не по росту брюки. Ленин быстро идет за спиной Рахьи. Неожиданно грохочет выстрел. Ленин, споткнувшись, падает на мостовую. Лежит не двигаясь. Рахья растерянно оглядывается. Матрос Железняков (22 года) держит винтовку перед собой. Появляется из темноты. Уверенным движением отщелкивает затвор. Толкает патрон в патронник.

Матрос Железняков. Быстро упал беззубый.

Матрос Попов (25 лет) и третий матрос появляются в круге света под фонарем. Попов держит перед собой винтовку. Говорит третьему, заканчивая фразу.

Матрос Попов. …не руби, говорю ему, слышь, дядя, кость не крошти, по суставу иди. На Плуталовой улице торгуют собачьим мясом, а здесь подарок – убоина. Ки́шки, говорю, в мешок собирай. Водой ки́шки потом промоешь – кулеша наваришь.

Матрос Железняков. Ки́шкины ки́шки.

Матрос Попов направляет винтовку на Рахью. Рахья говорит быстро.

Рахья. Не стреляйте – мы заплатим.

Матрос Попов смотрит пустыми глазами. Говорит спокойно.

Матрос Попов. Руками не маши, дядя. Денег если хватит, то заплатишь.

Рахья прижимается к стене. Смотрит испуганно. Матрос Попов оглядывается на матроса Железнякова.

Матрос Попов. Пьяный, раз быстро упал.

Матрос Железняков. Не, я попал.

Наклоняется к Ленину, который, зажав голову руками, не двигаясь лежит на тротуаре. Матрос Железняков шумно принюхивается. Говорит с недовольством.

Матрос Железняков. Трезвый, сука. (*Сплевывает под ноги; говорит разочарованно.*) Я не попал.

Матрос Попов. Говорю, пьяный.

Матрос Железняков. Он татарин. Он не пьет.

Третий матрос держит винтовку перед собой. Приближается к Ленину. Приставляет винтовку к его затылку.

Матрос Попов. Бумажник проверь сначала. Потом все деньги в крови.

Третий матрос наклоняется к Ленину. Тот не двигается. Лежит на мостовой, зажав голову руками. Не отрываясь, смотрит перед собой.

Ленин. Мы заплатим. Мы заплатим.

Грохочет выстрел. Пуля разбивает голову третьего матроса. Он падает. Второй охранник держит револьвер в руке. Матрос Железняков, развернувшись, стреляет во второго охранника. Пуля сбивает второго охранника. Он нажимает на курок. Револьвер стреляет. Пуля попадает в ногу матроса Железнякова. Тот падает. Держит винтовку перед собой. Передергивает затвор. Стреляет во второго охранника. Рахья вынимает из кармана револьвер. Матрос Попов вскидывает винтовку. Нажимает на спусковой крючок. Грохочет выстрел. Пуля разбивает стену рядом с головой Рахьи. Рахья пригибается. Револьвер падает на мостовую. Матрос Попов смотрит спокойно. Приближается к Рахье. Передергивает затвор. Загоняет патрон в патронник. Рахья дрожит мелкой дрожью.

Рахья. Не надо – мы заплатим.

Матрос Попов направляет винтовку на Рахью. Смотрит пустыми глазами. Говорит спокойно.

Матрос Попов. Теперь, дядя, конечно.

Второй охранник, раненый, завалившись на бок, держит револьвер нетвердой рукой. Несколько раз стреляет. Пули ложатся рядом с ногами матроса Попова. Тот разворачивается. Стреляет во второго охранника. Пуля толкает того в плечо. Он, раненый, упрямо нажимает на курок. Револьвер щелкает пустым барабаном. Матрос Попов держит винтовку перед собой. Шагает ко второму охраннику. Матрос Железняков поднимается. Наклонившись, рассматривает ногу. Матрос Попов направляет винтовку на второго охранника. Говорит, не поворачиваясь к матросу Железнякову.

Матрос Попов. Сапог?

Матрос Железняков. Сапог, ага, пробила, сука, но я – железный.

Матрос Попов приближается ко второму охраннику. Тот без движения лежит на мостовой. Тяжело дышит. Матрос Железняков приставляет винтовку к его голове.

Матрос Попов. Поприжми пулю, Железка. Финкой вон зафоршмачь.

Матрос Железняков вынимает финский нож. Наклоняется ко второму охраннику.

Матрос Попов. Палец когда начнешь, то по суставу иди, кость не кроши. Маленький палец когда, то они за женский считают – только половину от цены дают.

Матрос Железняков неожиданно оглядывается.

Матрос Железняков. А где этот татарин в повязке? Я же хотел беззубого рубануть.

Смотрит по сторонам. Пустая набережная. Ленина и Рахьи нет.

Таврический дворец. Зал заседаний. Ночь

Огромное пустое помещение. Трибуна в центре. Ряды кресел расходятся подковами. Большой балкон на пятьсот человек. Электрический свет. Спиридонова (33 года), Штейнберг (30 лет), Карелин (26 лет) сидят в зале. Чернов и Онипко рядом. Несколько гражданских, вооруженных, стоят в проходе. Чернов, не отрываясь, смотрит на Спиридонову.

Чернов. Вы используете название нашей партии – социалисты-революционеры. Приклеили слово «левые», но вы не социалисты-революционеры. Вы не имеете никакого права называться левыми эсерами.

Штейнберг (*весело*). Социалисты-революционеры – это партия крестьян и окопников, а вы, Чернов, и ваш ЦК – жирные коты.

Чернов смотрит на Спиридонову, которая с иронией смотрит на него.

Чернов. Предлагаю вам, левым эсерам, то есть вам, Спиридонова, и вам, Карелин, и Штейнбергу, и другим, забыть вражду и кооптироваться назад.

Спиридонова (*с интересом*). Вы протягиваете нам руку?

Чернов (*твердо*). Предлагаю вернуться.

Спиридонова смотрит не отрываясь.

Спиридонова. Министры Временного правительства если не кадеты, то правые эсеры. Советы наполовину состоят из эсеров. Будущее Учредительное собрание – это сплошь крестьянские делегаты, то есть вновь вы, эсеры. Ищите дружбы с правым эсером Савинковым и эксэсером Керенским, но никак не с нами.

Чернов. Керенский всем надоел.

Спиридонова перестает улыбаться. Карелин смотрит напряженно. Чернов говорит уверенно.

Чернов. Большевики готовят восстание и переворот. Троцкий на моих глазах за десять минут перевел Павловский полк на сторону Военно-революционного комитета, а перед этим – гарнизон Петропавловской крепости. Знаю, что для вас это не тайна, и знаю, что вы отказались от предложения Троцкого поддержать вооруженный мятеж.

Спиридонова находит глазами Карелина. Карелин едва заметно пожимает плечами. Смотрит растерянно. Спиридонова смотрит с недовольством. Поворачивается к Чернову. Неожиданно улыбается.

Спиридонова. Ваши познания впечатляют, Чернов. Возможно, что вы удивите меня снова.

Чернов. Цель наша в том, чтобы эсеры объединили силы и покончили с большевиками. Правые, левые, центристы – все социалисты-революционеры. Большевики избавятся от нерешительного Керенского, а Учредительное собрание избавит нас от большевиков.

Спиридонова. Вы желаете обхитрить большевиков?

Карелин. Как вы предлагаете действовать?

Чернов. Большевики не решатся на вооруженный переворот одни, без политической поддержки. Для формальной, технической легитимности им необходимы дружественные партии, минимум – одна. Я предлагаю вам согласиться на вооруженное выступление, предложенное вам Троцким.

Спиридонова. Вы ошибаетесь, если видите в нас провокаторов. Ни я, ни мои товарищи не станут наушничать вам о поступках Ленина.

Чернов. Оставайтесь соратниками Ленина, если видите в такой дружбе смысл. Так станет даже лучше, но помните, Мария Александровна, о нашем уговоре насчет Троцкого и Ленина. Скоро мы решим все наши вопросы. Потом, если пожелаете, мы снова станем врагами.

Спиридонова. Ленин хитрый. Он раскусит ваш la feinte.

Онипко (*твердо*). Ленин не доживет до открытия Учредительного собрания.

Спиридонова едва заметно улыбается. Некоторое время не двигается. Вдруг протягивает руку Чернову. Чернов и Спиридонова пожимают руки.

«Смольный институт состоит из ста огромных белых комнат. Есть бальный зал и лазарет. На центральном крыльце сняли портрет императрицы Екатерины Второй. Уцелели эмалированные дощечки на дверях: “Классная дама”, “IV класс”, “Учительская”. Над дощечками приклеены бумажные надписи: “Исполнительный комитет Петроградского Совета”, “ЦИК”, “Бюро иностранных дел”, “Союз солдат-социалистов”, “Центральный совет всероссийских профессиональных союзов”, “Фабрично-заводские комитеты”, “Центральный армейский комитет”. Длинные коридоры плохо освещены электрическими лампочками. Мужчины в верхней одежде и грязных сапогах, хлопая дверями, двигаются по коридору. Висят плакаты: “Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту”. На всех площадках и поворотах лестниц стоят длинные столы, загроможденные предназначенной для продажи печатной литературой всевозможных политических партий. Столовая на нижнем этаже. Жирные деревянные ложки горой лежат в корзине. На длинных скамьях теснятся голодные пролетарии. Жадно хлебают из тарелок. Почти нет разговоров. Мощное, кажущееся бесконечным, движение людей в тишине. Когда подают электричество, то работает лифт» (Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»).

Смольный институт. Вход. Ночь

Смольный институт – крепость. Четыре артиллерийских орудия стоят перед входом. Пулеметы в окнах. Кухня и столовая заполнены ящиками с продуктами. Всюду капуста и мешки с картошкой. Ленин сидит на лавке. Рядом с вооруженным солдатом. Рахья стоит у стены.

Ленин снял с лица повязку. Ленина не узнают – нет бороды и усов. Свердлов (31 год), радостный, идет быстро, почти бежит по коридору. Останавливается, увидев жесткий взгляд Ленина.

Ленин (*резко*). Что за свинья держит меня на расстоянии?

Свердлов перестает улыбаться. Смотрит растерянно.

Ленин. Поднимайте всех, Свердлов, собирайте партию.

Смольный институт. Комната перед залом заседаний. Ночь

Небольшое помещение без окон. Горит электрическая лампочка. Нет стола. Только стулья. Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский (39 лет), Каменев (34 года), Зиновьев (34 года), Бонч (44 года), Урицкий, Сталин (38 лет), Антонов-Овсеенко (34 года), Рыков (36 лет), Воровский (47 лет), прапорщик Крыленко, большевики – ближний круг (сорок человек). Ленин сидит в центре. Смотрит недовольно. Троцкий уже некоторое время делает доклад. Говорит уверенно.

Троцкий. «Временное правительство хотело избавиться от Петроградского военного гарнизона. Солдаты не желали идти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель и “легальное” прикрытие. Обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона». «Ночью мы получили сведения, что Временное правительство вызвало из Царского Села батальон ударников, из Ораниенбаума – школу прапорщиков, из Павловска – артиллерию. Рано утром были получены сведения о закрытии двух наших газет – “Солдат” и “Рабочий путь”. Но Военно-революционный комитет не оставался пассивным, и в результате части, вызванные Временным правительством, за исключением небольшой группы юнкеров, отказались выступить против нас, но готовы выступить вместе с нами».

Антонов-Овсеенко (*весело*). Юнкеры не желают, а окопники желают резать буржуев.

Урицкий переглядывается с Дзержинским. Дзержинский улыбается.

Троцкий. «Кроме того, Военно-революционный комитет предложил взять на себя охрану типографий наших газет Литовскому полку, что тот немедленно и выполнил. Не исполнено также требование Временного правительства о снятии с якоря крейсера “Аврора” и уходе его из Петрограда. По предложению Военно-революционного комитета крейсер “Аврора” находится на том же самом месте, на котором он стоял вчера».

Ленин (*резко*). Как Петроградский Совет отвечает на прямой вопрос: когда будет выступление?

Троцкий. «Сегодня к нам в Петроградский Совет явилась делегация от городской управы – шесть человек. Нам задали вопрос: предполагаете ли вы выступление?»

Ленин. Как вы отвечали?

Троцкий. «Я ответил, что Петроградский Совет стоит за переход всей власти в руки Советов, и в данную эпоху, в данный момент, когда не сегодня-завтра откроет свои заседания Всероссийский Съезд

Советов рабочих и солдатских депутатов, этот лозунг будет осуществлен практически, но приведет ли это к выступлению, это зависит не от нас, а от тех, кто будет нам противиться».

Ленин. Это всё? Таков был ваш ответ?

Троцкий. Я добавил: «мы считаем, что та власть, которая у нас сейчас имеется в лице Временного правительства, есть не что иное, как полувласть, жалкая и беспомощная, полувласть, которая ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной народной власти. Это – власть, потерявшая все: поддержку, авторитет, право, мораль. Но вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы – у порога Всероссийского Съезда Советов».

Ленин. То есть на прямой вопрос, когда будет вооруженное выступление, вы отвечали поэтическим образом метлы, я правильно вас понял?

Троцкий. Я сказал, что, «если Временное правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить (24, 48, 72 часа), и пожелает выступить против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо».

Ленин некоторое время молчит. Напряженная пауза. Большевики смотрят растерянно. Ленин неожиданно поднимается. Приближается к Троцкому.

Ленин. А почему вы не сказали, что «для начала большевики хотят взорвать подвалы Государственного банка динамитом», а после вооруженные отряды атакуют Зимний дворец, где разобьют прикладами головы министров?

Троцкий замолкает. Ленин поворачивается к притихшим большевикам.

Ленин. «Получив большинство в обоих столичных Советах, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки». «24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд Советов прибудут. 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Большевики будут действовать 25 октября. В день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: “Вот власть! Что вы с ней сделаете?”»

Каменев (*твердо*). После Июльского восстания три тысячи наших товарищей были арестованы, включая вас, Троцкий. (*Поворачивается к Ленину*.) Вы с Зиновьевым, напоминаю, бежали прежде всех и прятались в соломенном шалаше, точно английские поросята.

Ленин замолкает. Едва скрывает удивление. Каменев поворачивается к большевикам.

Каменев. Второй Съезд Советов не пойдет за нами. Обратитесь к мандатной комиссии. Большинство делегатов до вмешательства Свердлова – это эсеры и меньшевики. Кадетских делегатов от Петрограда и Москвы – почти 30 процентов. Наше вооруженное

выступление оценят как попытку взять власть в одни руки. Большевиков обвинят в узурпации, в шпионаже на Германию и вновь сомнут, как 5 июля. Это третья наша попытка взять власть, и предостерегаю вас, мои товарищи, от возврата к авантюризму. Шаги наши должны быть взвешенными. Мы не имеем права рисковать.

Зиновьев (*тихо, но убежденно*). Большевики все еще остаются партией меньшинства, и потому, даже если нам удастся захватить власть, мы немедленно ее потеряем. Мы не устоим перед натиском соединенных сил Чернова и Керенского.

Ленин (*резко*). «Большевики способны не только захватить власть, но и удержать ее». Мы предложили Советам «немедленный мир с Германией и раздачу земли крестьянам». Также необходимо понимать, что «получить перемирие с Германией теперь – это значит уже победить весь мир». (*Поворачивается к большевикам.*) «Большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет. Необходимо действовать быстро. Временное правительство может сдать Петроград немцам, или закончится война. Поэтому надо на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве, немедленное завоевание власти и свержение правительства». (*Оглядывается на Свердлова.*) Необходимо «обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати».

Каменев. Левые эсеры и Спиридонова заявили нам, что никак не поддержат вооруженный переворот. Большевики окажутся в одиночку уже сейчас, на Съезде Советов.

Ленин растерянно смотрит на Каменева.

Каменев. Петроградский гарнизон – это сто шестьдесят тысяч солдат, а нас поддерживают не более десяти тысяч. Многие полки – за деньги. Ваши призывы к немедленному перемирию с Германией, которые должны склонить армию на нашу сторону, не дают большевикам поддержки Петроградского гарнизона. За нас готовы выйти лишь четыре процента солдат, то есть двадцать пятая часть.

Ленин смотрит на Троцкого. Тот пожимает плечами: увы.

Каменев. Впереди Учредительное собрание. Мы не сможем прийти в Учредительное собрание «с заранее обеспеченным большинством делегатов», как это было сделано Свердловым на Съезде Советов.

Свердлов. Вместо одного делегата на двадцать пять тысяч человек, как у эсеров, нам удалось добиться солдатской квоты из расчета один на пятьсот. Таким ходом мы повысили число мандатов большевикам. Но мы заменили состав мандатной комиссии большевиками, в Учредительном собрании Чернов не позволит такого.

Ленин (*резко*). «Вопрос о Втором Съезде Советов меня совершенно не интересует. Какое это имеет значение? Состоится ли еще самый съезд? Да и что он может сделать, если даже соберется? Нужно вырвать власть. Не надо связываться со Съездом Советов. Открытие съезда 25 октября в лучшем случае может стать маскировкой, но восстание необходимо устроить заранее и независимо от Съезда Советов. Партия

должна захватить власть вооруженной рукой, а затем уже будем разговаривать о Съезде Советов».

Каменев. Выступать сейчас – категорическое нет.

Ленин смотрит ему в глаза. Говорит резко. Почти кричит.

Ленин. «Пропускать такой момент и ждать Съезда Советов, ждать Учредительного собрания, зная, что оно будет не с нами, есть полный идиотизм или полная измена». «Ни одна революция этого не ждет».

Неожиданно поднимается Троцкий.

Троцкий. Ваши предложения, Ленин, я считаю неточными и импульсивными.

Ленин замолкает. С удивлением смотрит на Троцкого. Троцкий смотрит Ленину в глаза.

Троцкий. Невозможно говорить, что «не надо связываться со Съездом Советов». Еще как надо. Вооруженное восстание должно быть закамуфлировано как принятие на себя всей полноты власти Всероссийским Съездом Советов.

Зиновьев (*с неожиданной твердостью*). Нужно решать по мотивам голосования. (*Поднимается, говорит громко*.) Призыв Ленина к немедленному вооруженному восстанию, голосуем – за или против. Сначала – против.

Большевики поднимают руки. Бонч громко считает.

Зиновьев. Не считайте, Бонч-Бруевич, это – единогласно. ЦК партии голосовал единогласно против предложения немедленного вооруженного выступления.

Каменев оборачивается к Ленину. Ленин не двигается.

Каменев. Вы должны проголосовать.

Ленин молчит. Напряженно смотрит перед собой. Бонч не понимает.

Каменев. Ленин, как председатель ЦК партии вы должны голосовать и признать результаты голосования.

Ленин поднимает руку. Говорит громко.

Ленин. Подчиняюсь всем решениям партии как несомненному приказу.

Смольный институт. Лазарет. Ночь

Большое помещение, в котором плотно расставлены кровати. Тусклый свет. Девушки выстроились в ряд в центре лазарета – двадцать человек. Молчат, опустив глаза. Ирина стоит перед фон Штакельберг (40 лет). Фон Штакельберг – надзирательница женских спален – смотрит строго. Ирина, сложив руки и опустив голову, говорит тихо.

Ирина. Я не нашла брата Андрея, мадам. Младшие юнкерские роты распущены по квартирам, а все старшие роты отправлены охранять Зимний дворец. Юнкеры вооружены и ждут нападения.

Неожиданно замолкает.

Фон Штакельберг. Не стоит так чрезвычайно бояться за брата.

Ирина быстрыми движениями вытирает слезы. Фон Штакельберг замечает измазанные грязью пальцы Ирины.

Фон Штакельберг. Хотя вы и близки с братом, барышня Неклюдова, но вы не должны становиться матерью для него. Оставайтесь сестрой, а ему позвольте стать мужчиной.

Ирина. На улицах сейчас слишком жестоко, мадам.

Фон Штакельберг. Жестоко то, что вы вернулись сюда, на курсы, барышня Неклюдова, после того, как ослушались моего запрета и покинули институт. Вы ставите меня перед выбором: сохранить дисциплину в классе или проявить милосердие. Вам никто не вручал такого права – ставить меня перед выбором.

Ирина. Простите меня, мадам.

Фон Штакельберг. Жестоко то, что старшие курсы – половозрелых девиц – переселили в лазарет, уверив, что здесь безопасно, но каждый вечер мы понимаем, что окружены вооруженными солдатами и нетрезвыми матросами, что то, что мы живы, – это удача, а удача, как нас учит история, – неверный спутник. Но нет ничего жестокого в том, что ваш брат, юнкер, и его товарищи, юнкеры Императорского училища, намереваются выполнить свой долг, не позволив революционерам перейти грань. Юнкеры думают о своем долге, а мы должны выполнять свой.

Ирина быстрыми движениями снова вытирает предательские слезы.

Ирина. Каков же теперь наш долг?

Фон Штакельберг. Соблюсти свою честь, а в иных случаях – сохранить достоинство. (*Смотрит Ирине в глаза, говорит твердо*.) Раз вы проситесь обратно, воспользовавшись тем, что революционеры позволили воспитанницам-сиротам оставаться в институте, то умойтесь и очистите свое платье. Соблюдайте себя строго, как положено благородной девице Смольного института.

Ирина старается держаться твердо.

Фон Штакельберг. Начните с рук. Пальцев вам большевики не пачкали.

Смольный институт. Общая умывальная комната. Ночь

Длинный ряд умывальников. Электрические лампы. Кафель блестит золотым светом. Струя холодной воды бьет в металлическую раковину. Ирина умывается. Смывает кровь с платья. Тщательно трет пальцы. Маняша в дальнем конце умывальной комнаты. Надя (48 лет) рядом. Стирает в тазу чулки.

Маняша (*тихо*). Он всю ночь здесь и сейчас тоже здесь. Чего же ты ждешь, Надя? Почему ты не идешь к нему?

Надя. Он не звал меня.

Маняша. И что же с того? У него катар желудка. Ему необходим распорядок во времени питания, необходимо пользоваться хорошим, а лучше домашним столом. Не то он станет ходить с куском во

рту. Здесь ни минеральной воды, ни вегетарианского супа не найти. Пожелтеет он снова – иди же, Надя.

Надя. Не мучай меня, Маняша. Я не пойду, пока он не позовет.

Маняша. Ты не спишь ночами.

Надя. Сплю.

Маняша. Дай руку. (*Проверяет Наде пульс.*) Плохой.

Надя (*улыбается*). Бывало и хуже.

Маняша. Если ты не начнешь принимать лекарства, то приступы обострятся. Начнутся тремор и обморочные головокружения.

Надя. Я все знаю про базедку, Маняша.

Маняша (*резко*). Я сама пойду к нему, если для тебя это невозможно.

Надя. Иди.

Маняша не двигается.

Надя (*с иронией*). То-то.

Смольный институт. Кабинет номер 67. Ночь

Пустое помещение без стола. Два стула. Горит единственная электрическая лампочка. Ленин и Свердлов сидят. Бонч докладывает.

Бонч. Каменев и Зиновьев меньше получаса назад через коммутаторную комнату отослали письмо в комитеты РСДРП. Есть копия письма, которое завтра на заседании ЦК прочтет Каменев.

Ленин (*старается говорить равнодушно*). Раз есть сейчас – читайте.

Бонч разворачивает лист бумаги и читает.

Бонч. «Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание – значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции».

Смольный институт. Зал заседаний (бывший бальный зал). День

Академическое помещение с белыми колоннами и большими окнами. Горят электрические канделябры. Блестит вощеный пол. Собрание большевиков – двенадцать человек. Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов, Каменев и Зиновьев. Каменев читает, держа перед собой исписанный лист. Продолжает за Бончем.

Каменев. «Нет никакого сомнения, бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше идти на поражение, чем сдаться без бою. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? Нет и тысячу раз нет! Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны. При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании. Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

Бонч оглядывается на Ленина. Ленин, отвернувшись, молчит. Бонч смотрит с испугом.

Каменев. «Говорят, за нас уже большинство народа в России, и второе говорят, что за нас большинство международного пролетариата. Увы – ни то, ни другое неверно, и в этом все дело. В России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное – под вопросом. Мы все уверены, например, что, если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира».

Смольный институт. Кабинет номер 67. Ночь

Ленин, Свердлов, Бонч. Бонч держит в руках лист бумаги. Читает громко, как бы продолжает за Каменевым.

Бонч. «Если мы, взявши власть сейчас одни, придем к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет. Но, поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться оборонительной позицией».

Ленин (*старается говорить спокойно*). Дальше – ясно. Дальше – лозунги.

Бонч останавливается.

Свердлов. Письмо отправлено Петроградскому, Московскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам РСДРП, большевистской фракции ВЦИК, Петроградскому исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов.

Ленин некоторое время молчит. Неожиданно улыбается.

Ленин. Я уважаю это. Это дерзко. (*Вдруг поднимается на ноги, кричит.*) Свиньи, бляди, падаль, гниль!

Бонч смотрит испуганно. Ленин неожиданно останавливается. Сильным движением прижимает ладонь к животу. Тяжело дышит. Вжимает пальцы в живот. Смотрит перед собой.

Ленин. «Один швейцарский доктор сказал мне, что это нисколько не желудок. C`est le cerveau. Это – мозг».

Свердлов. Вы спрашивали, кто протестовал против вашего возвращения в Смольный? Это был Каменев.

Бонч (*говорит быстро*). Собирая пока силы для затягивания, стоит начать переговоры с Черновым и эсерами. Троцкий передал мне, что Чернов предлагает вам такую встречу.

Ленин некоторое время не двигается. Прижимает ладонь к животу. Поворачивается к Бончу.

Ленин. Повторите мне дословно Чернова.

Смольный институт. Коридор перед кабинетом номер 67. Ночь

Маняша и Надя идут вдоль длинного ряда одинаковых дверей. Коридор едва освещен. Электрический свет блестит на белых дверях. Маняша держит перед собой тарелку с горячим супом и ложку. Надя идет рядом. Нервничает. Женщины останавливаются перед кабинетом

номер 67. Надя стучит несколько раз. Нет ответа. Надя беспомощно смотрит на Маняшу. Решившись, толкает дверь. Кабинет пуст – Ленина нет. Бонч выглядывает из соседнего кабинета. Маняша ничего не понимает.

Маняша. Где Ленин?

Бонч (*искренно*). Я не знаю.

Надя и Маняша испуганно переглядываются.

Изолированные гостиничные номера. Комнаты. Ночь

Простой номер, состоящий из нескольких комнат. Столы и стулья. Бумаги и газеты на полу. Горит резкий электрический свет. Камков, Прошьян, Штейнберг, Карелин. Ленин сидит перед Спиридоновой – один. Рахья рядом.

Спиридонова (*с раздражением*). Ваше присутствие здесь, Ульянов, ядовито для нашей партии.

Ленин. Такое говно, как ваша шайка, невозможно называть партией.

Камков вынимает вдруг пистолет Browning M1900. Приставляет к лицу Ленина.

Камков (*зло*). Зачем вы здесь, Ульянов?

Рахья выдергивает из кармана револьвер. Приставляет к голове Камкова. Прошьян направляет пистолет на Рахью.

Ленин (*дает знак Рахье*). Держись спокойно.

Рахья опускает револьвер.

Ленин (*Камкову*). Как уголовный адвокат я сообщаю вам, что при ритуальном или заказном убийстве лицо не подвергают порче. Бейте пулей в сердце или затылок, чтобы сохранить возможность узнать жертву.

Камков. Что вам угодно здесь, Ульянов?

Ленин (*поворачивается к Спиридоновой*). Чернов предлагает мне перемирие.

Спиридонова смотрит на него с удивлением.

Ленин. Говорит, что назрела такая необходимость, пока не совершены все ошибки.

Спиридонова (*без иронии*). Большевики обычно врут всем по кругу, но тут похоже на правду.

Камков опускает пистолет.

Ленин. Чернов понимает, что, когда большевики отберут власть, будет создано большевистское правительство, и как буржуазный политик он желает торговаться за портфели. (*Смотрит Спиридоновой в глаза*.) Я предлагаю не Чернову, а вам, левым социалистам-революционерам, места в нашем правительстве потом, в обмен на поддержку сейчас.

Камков. Большевикам нельзя верить. Они, как змея, кусают кормящую руку.

Ленин (*Спиридоновой*). Вы любите убивать и не любите буржуев. Но что с того, чтобы убивать по одному? Царского чиновника Луженовского или Керенского? Настоящая партия уничтожает систему.

Спиридонова молчит. Напряженно смотрит на Ленина, который, не отрываясь, смотрит на Спиридонову.

Ленин. «Не передавать из одних рук в другие буржуазную машину, а сломать ее». (*Неожиданно улыбается Спиридоновой*.) Карл Генрих Маркс.

Смольный институт. Зал заседаний (бывший бальный зал). День

Каменев. «Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее. Ошибкой было бы думать, что теперь подобное выступление в случае неудачи привело бы только к тем последствиям, как 3–5 июля. Теперь дело идет о большем. Дело идет о решительном бое, и поражение в этом бою было бы поражением революции. Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения». (*Опускает лист. Поднимает голову. Говорит смело*.) Зиновьев, Каменев.

Большевики молчат. Тяжелая, мрачная пауза.

Ленин (*не оборачиваясь*). Большевики не останутся одни. Левые эсеры поддержат вооруженное выступление против Временного правительства.

Каменев (*оглядывается на Ленина*). Спиридонова в моем присутствии отказалась выступать.

Бонч появляется в зале заседаний. Спиридонова идет следом за ним. Проходит мимо большевиков. Присаживается. Каменев молчит. Смотрит растерянно. Троцкий – с интересом.

Ленин. Левые эсеры поддержат нас также во время Съезда Советов и в Учредительном собрании тоже.

Троцкий (*неожиданно улыбается*). Коалиция с левыми эсерами – это не так скучно, как с Черновым.

Ленин (*весело*). «Троцкий – вот лучший из большевиков».

Спиридонова (*смотрит с иронией*). Председателем Военно-революционного комитета должен стать левый эсер.

Ленин (*весело пожимая плечами*). Раз мы поджигаем, то нужен и поджигатель.

Каменев молчит. Ленин приближается к Зиновьеву. Смотрит ему в глаза.

Ленин. Голосуем.

Бонч (*громко*). Голосование – за немедленное восстание.

Большевики поднимают руки. Бонч считает. Десять человек – Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов – за. Каменев смотрит упрямо.

Каменев. Мы против выступления.

Каменев и Зиновьев поднимают руки – против.

Бонч. Десять – за, два – против.

Ленин (*Каменеву*). Вооруженное выступление назначается на 25 октября, то есть в первый день Съезда Советов.

Смольный институт. Коридор перед кабинетом номер 67

Надя, растерянная, быстро идет, почти бежит по коридору. Бонч заглядывает в кабинеты.

Бонч (*громко*). Старик зовет. Собирает перед атакой.

Надя неожиданно останавливается. Видит Ленина, сидящего в глубине кабинета. Ленин смеется, окруженный большевиками. Поворачивается. Смотрит на Надю. Она улыбается ему. Ленин приближается к Наде. Закрывает дверь. Надя остается в коридоре. Смотрит растерянно. Вооруженные солдаты смотрят на нее. Пальцы Нади начинают дрожать. Надя сжимает и разжимает кулак. Вторая рука мелко дрожит. Пальцы Нади дрожат мелкой дрожью.

Смольный институт. Кабинет номер 67

Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский, Каменев, Зиновьев, Бонч, Урицкий, Сталин, Антонов-Овсеенко, Рыков, прапорщик Крыленко, большевики – ближний круг (сорок человек). Воровский стоит рядом с Лениным. Большевики смотрят друг на друга – нечего сказать. Ленин смотрит весело и зло. Неожиданно поет.

Ленин. Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов.

Большевики. Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.
Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Смольный институт. Коридор перед кабинетом номер 67

Слышен хор поющих. Надя, стоя под дверью, в коридоре, поет, заливаясь слезами.

Надя. Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Смольный институт. Кабинет номер 67

Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский, Каменев, Зиновьев, Бонч, Урицкий, Сталин, Антонов-Овсеенко, Рыков, прапорщик Кры-

ленко – ближний круг (сорок человек). Воровский стоит рядом с Лениным. Большевики поют:

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!
Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Все смеются от восторга. Обнимаются как братья.

Знакомые нам чемоданы с деньгами, те, что мы видели в руках помощников графа Мирбаха, стоят вдоль стены. ◆

Москва, 2019

ИСКУССТВО КИНО

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1931 ГОДА

2020 9/10

Издатель: Некоммерческое партнерство
«Редакция журнала «Искусство кино»

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии

ФК ФОНД КИНО

Компании «СТС Медиа»

главный редактор Антон Долин
заместитель главного редактора Зара Абдуллаева
исполнительный директор Владимир Кочарян
ответственный секретарь Лариса Калгатина
редакторы Елена Стишова, Нина Цыркун, Евгений Гусятинский, Евгений Майзель
специальный корреспондент Лев Карахан
верстка Галина Зайцева
корректоры Евгений Аввакумов, Татьяна Фирсова
секретарь редакции Галина Юскина

автор макета Сергей Андриевич
шеф-редактор сайта kinoart.ru Зинаида Пронченко
редакторы сайта kinoart.ru Алексей Филиппов, Андрей Карташов
редактор соцсетей Светлана Матюшина

спецпроекты Анна Закревская, Екатерина Титаренко

продюсер Ольга Золикова

научный совет журнала:
Ю.Богомолов, к.иск.
А.Голубовский, к.иск.
И.Гращенкова, д.иск.
Л.Гудков, д.филос.н.
Н.Дымшиц, к.иск.
В.Зверева, к.ист.н.
А.Качкаева, к.филол.н.
С.Медведев, к.ист.н.
А.Плахов, к.иск.
И.Полуэхтова, д.соц.н.
О.Рейзен, д.иск.
И.Рубанова, к.иск.
М.Теракопян, к.иск.
Н.Цыркун, д.иск.
А.Шатских, д.иск.
М.Швыдкой, д.иск.
С.Экштут, д.ист.н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119002, Москва, ул. Арбат, 35, офис 553
Телефон *(499)* 248 28 22
e-mail: filmart@yandex.ru
www.kinoart.ru

Сдано в набор 30.09.2020. Подп. к печати 13.10.2020
Формат бумаги 70X100 1/16. Бумага мелованная 90
Гарнитура Charter. Печать офсетная
360 с.

Тираж 1500 экз.
Заказ
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ № 01632 от 7.10.92

Our address:
Arbat street, 35, 119002, Moscow, Russia
Tel. *(499)* 248 28 22

© Журнал «Искусство кино», 2020

16+

ISSN 0130–6405

БУМАЖНОЕ КИНО

СЦЕНАРИИ

Михаил Сегал
Владимир Сорокин
Александр Зельдович
Любовь Мульменко
Бакур Бакурадзе
Андрей Стадников
Пулат Ахматов
Алексей Федорченко
Алексей Мизгирёв

ТЕКСТЫ

Евгения Некрасова
Анна Шипилова
Илья Мамаев-Найлз
Альбина Заверткина
Мария Толмачёва
Марина Вырская
Диана Янбарисова
Алеся Атрощенко
Александр Мамкин
Инна Краснопер
Яна Юхалова